

МАУРИН

ЦЕПЬ

СУДЬБЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Маурин Ли
Цепи судьбы

Предисловие

Нет силы более могущественной, чем любовь. Этот подарок небес получают далеко не все, но каждый о нем мечтает. Роман Маурин Ли «Цепи судьбы» приглашает вас стать свидетелями романтической и одновременно трагической истории любви Эми Карран.

Все начиналось как в сказке... Семнадцатилетняя «принцесса» встретила своего «принца», Барни Паттерсона, и оба поняли, что жить друг без друга уже не смогут. Это была любовь с первого взгляда. Ни разное социальное положение, ни враждебно настроенная мать Барни, которая сразу же возненавидела католичку Эми, не смогли стать препятствием для двух любящих сердец. Больше всего на свете желая быть вместе, влюбленные дождались совершеннолетия Эми и в тот же день, втайне от родных, стали мужем и женой.

Однако их счастью не суждено было длиться долго. Шел 1939 год. Над Европой уже распростерлись черные крылья Второй мировой войны. Эми каждый день молила небеса, чтобы этот ужас закончился и не затронул Англию, но судьба распорядилась иначе. Барни призвали в армию, где он попал в плен и пять долгих лет провел в лагере для военнопленных в старинной крепости в Баварии. Унижения и испытания, пережитые в заключении, оказали роковое влияние на его психику.

Бесконечно тянулись военные годы, Эми верила и надеялась на возвращение своего любимого. Однако из плена вернулся совсем другой человек: некогда открытый, добрый, заботливый муж превратился в агрессивного и замкнутого чужака. Даже рождение дочери по имени Маргарита не смогло вернуть того Барни, который ушел на войну. Шесть лет скандалов закончились убийством, в котором обвинили Эми, приговорив ее к пожизненному заключению. И только самые близкие понимали, ради чего Эми пошла на такое испытание.

Спустя двадцать пять лет женщину освобождают, но сложатся ли отношения матери и дочери после столь долгой разлуки, сумеют ли понять и принять Эми родственники, не посвященные в тайну убийства Барни? Каждая новая глава романа будет приближать вас к разгадке тайны хрупкой и вместе с тем сильной женщины, пожертвовавшей собой.

Заставляя переживать все испытания, уготованные героям романа, автор переносит читателей попеременно в прошлое и настоящее. Будучи

сама свидетельницей военных действий, Маурин Ли чрезвычайно реалистично отразила атмосферу военного времени в своем произведении. Писательница родилась на окраине Ливерпуля, но во время Второй мировой войны из-за постоянных бомбардировок переехала в Киркби, где окончила колледж и стала стенографисткой. После замужества и рождения трех сыновей Маурин неоднократно меняла место жительства, чего требовала работа ее мужа Ричарда. Литературная деятельность Маурин Ли начиналась скорее как хобби, с коротких рассказов, опубликованных в журналах. В 1982 году в Америке был опубликован ее роман «Лиля». И только в 1990 году писательница начала писать постоянно. Произведения Маурин Ли принесли ей заслуженную популярность и любовь читателей, а роман «Покидая Ливерпуль» попал в десятку лучших бестселлеров *Sunday Times*. Однако писательница не устает радовать поклонников хорошей литературы. Новое произведение автора, роман «Цепи судьбы», пронизан драматизмом и одновременно полон нежности и любви. Это поистине бесценный подарок, который прочно займет свое место не только на книжных полках, но и в сердцах читателей.

ГЛАВА 1

Апрель 1971 года

Маргарита

Хильда Доули вслух зачитывала отрывки из «Дейли миррор».

— Похоже, эту ливерпульскую особу выпускают из тюрьмы, — вдруг заявила она.

— Какую особу? — поинтересовалась Одри Стил, когда стало ясно, что никто не собирается комментировать заявление Хильды. Одри была самой старшей и самой доброй из всех присутствующих учителей, Хильду же недолюбливали.

— Ту самую Эми Паттерсон, которая зарезала своего мужа. Ударила беднягу ножом прямо в сердце. Это случилось в пятидесятом. — Хильда неодобрительно хмыкнула. — До замужества она жила неподалеку от нас, в Бутле.

— Неужели? — на этот раз несколько пар глаз с любопытством уставились на Хильду. — Где именно?

— Агейт-стрит. Это рядом с Марш-лейн. А я жила, да и сейчас живу, на Гарнетт-стрит. — Хильда поджала губы, как будто стыдясь этого факта. — Эми была лет на двенадцать старше меня. Я часто видела ее на службе в церкви. Не помню ее девичьей фамилии, но ее мужа звали Барни Паттерсон. У них была дочь, которой в то время было лет пять. Я не знаю, куда она подевалась.

— Какая она была? Я имею в виду мать.

— Хорошенькая, — с завистью произнесла Хильда. Ей самой, с торчащими, как у кролика, зубами и редкими волосами, нечем было похвастаться. Хильде было далеко за тридцать, она никогда не была замужем, ее отец умер, и они жили вдвоем с матерью. — Ужасно хорошенькая. — Ее голос изменился, стал жестким. — Мое мнение — ее следовало повесить.

— Ты хочешь сказать, государство должно было *убить ее*? — вмешалась Луиза Саттон, участвовавшая в движении за ядерное разоружение и амнистию. Она всегда придерживалась либеральных

взглядов.

Я крепко обхватила обеими руками чашку с кофе и, уставившись в окно, сделала вид, что занята своими мыслями, хотя из-за пронзительного голоса Хильды это было почти невозможно. Барни Паттерсон умер от удара ножом в живот, а не в сердце. Так писали тогда газеты.

Интересно, как бы отреагировала Хильда, если бы узнала, что дочь Эми Паттерсон сидит всего в нескольких футах от нее? Когда мне было пять лет, я почти не обратила внимания на то, что мою фамилию — Паттерсон — заменили девичьей фамилией матери — Карран. А теперь мою мать выпускают из тюрьмы. От этой новости мое сердце бешено колотилось.

— Маргарита, если ты сожмешь эту чашку еще крепче, она треснет, — заметила сидевшая рядом со мной Нэн Винтерс. — Я рада, что ты сжимаешь не мою шею.

Я вымученно улыбнулась, ослабила хватку и попыталась придумать остроумный ответ. Мне это не удалось. Обычно в это время, без двадцати девять, все учителя уже были в классах и в ожидании звонка готовились к урокам, а не сплетничали в учительской. Но сегодня шел сильный дождь и ученики не могли играть во дворе, поэтому воспитатели присматривали за ними в классах.

Дождь лил всю неделю, и все уже порядком от него устали, особенно дети, которым тяжело было проводить столько времени взаперти. Совсем скоро римско-католическая школа Сент-Кентигернз в Сифорте до отказа наполнится более чем двумястами пятьюдесятью юными созданиями, в свою очередь переполненными бьющей через край энергией. Все окна запотеют, а полы станут сырыми и скользкими. Туфли будут чавкать, с юбок будет капать вода, дешевые холщовые ранцы некоторых учеников окажутся насквозь мокрыми, а домашнее задание в них — безнадежно испорченным.

Это все не могло не угнетать. Учителя до последней минуты сидели в уютной учительской и покидали ее с большой неохотой. Но сегодня была пятница, притом особая пятница. В четверть четвертого занятия прекращались на время пасхальных каникул. Я представила себе резкую перемену погоды за одну ночь. Вот бы наутро нас всех обрадовали голубое небо, сияющее солнце и распутившиеся повсюду нарциссы. Эта мысль непременно взбодрила бы меня, если бы не тревожные новости, только что прочитанные Хильдой.

Я смотрела, как дети бегут от ворот к школьному зданию. Только некоторые, в основном девочки, предпринимали попытки обойти многочисленные лужи, неуклонно разраставшиеся на протяжении всей

недели. Пока все не снимут мокрые плащи и резиновые сапоги и не переобуются в сменную обувь, в раздевалках будет царить сущий ад. Мне следовало бы быть там и помогать малышам.

Гари Финнеган зашел на школьный двор, держась за руку матери. Он поступил в нашу школу только в феврале. Сегодня на нем была ярко-красная куртка с капюшоном и красные ботинки. Другие мальчишки поднимали его на смех из-за того, что его мама, в отличие от других матерей, оставлявших детей у ворот, заходила с ним в школу и целовала у двери в класс. Мне никак не удавалось привыкнуть к тому, какими жестокими бывают пятилетки. Я начала собирать книги и тетради. Первым уроком сегодня было чтение.

Тем временем между Хильдой и Луизой развернулось настоящее сражение из-за вопроса о смертной казни. Остальные предпочитали не вмешиваться в этот спор. Всего в учительской было шесть учителей, включая меня. Все женщины. Единственный мужчина, Брайан Бланди, либо еще не явился, либо находился где-то в другом месте.

— Эми Паттерсон вот-вот выпустят на свободу! — неистовствовала Хильда. — И здесь говорится, что ей всего сорок девять. У нее впереди еще много лет жизни. У Эми есть дочь, но бедный муж мертв. Это несправедливо.

— Она провела двадцать лет за решеткой, — спокойно ответила Луиза. Она знала, о чем говорит, в то время как за словами Хильды совершенно ничего не стояло. — Я думаю, Эми поплатилась за свое преступление. Как бы то ни было, смертную казнь у нас упразднили еще в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Правительство, должно быть, осознало, что это варварство.

Хильда насупилась. Ее губы подергивались в поисках ответа. Зазвонил телефон, и она потянулась к трубке. Это позволило прекратить спор, который она проиграла. Положив трубку, Хильда обернулась ко мне.

— Мисс Бернс просит тебя зайти к ней в кабинет, Маргарита.

— Сейчас?

— Сейчас, — подтвердила Хильда. Она подхватила стопку книг и покинула учительскую. Остальные последовали ее примеру.

Я подошла к кабинету директрисы, находившемуся в задней части здания, и постучала.

— Входите! — прокричала мисс Бернс.

Я вздохнула и вошла. Я знала, почему она хочет меня видеть.

— Доброе утро, Маргарита. Присаживайся, дорогая. — Хозяйка кабинета отложила ручку и взяла со стола пачку «Мальборо». Вытряхнула

одну сигарету, сунула ее в рот и прикурила от серебряной зажигалки. Руки Кэтрин Бернс слегка дрожали. На столе была развернута другая газета — «Гардиан».

— Ты, наверное, догадалась, зачем я тебя пригласила?

— Думаю, из-за моей матери. Хильда Доули распространялась на эту тему в учительской — она читала новости в «Дейли миррор». Я не знала, что маму выпускают.

— Я тоже. А Чарли знает?

— Если бы он знал, то сказал бы мне. Хотелось бы знать, где она собирается жить. У меня сложилось впечатление, что они с Марион не ладили.

— Ты не ошиблась. — Мисс Бернс покачала головой. — Чарли не заслуживает того, чтобы его жена и сестра оказались под одной крышей. Но Эми знает, что она всегда может поселиться у меня. Мы с твоей матерью дружили с пяти лет, с того самого момента, как пошли в школу. — Она затушила недокуренную сигарету и прикурила другую. — Я слишком много курю, — извиняющимся тоном произнесла она. — Эта новость меня расстроила, хотя я не понимаю почему. Я очень рада тому, что Эми наконец-то окажется на свободе. Наверное, вспомнился весь этот ужас — убийство, суд, пожизненный приговор.

— Хильда Доули считает, что мою маму следовало повесить. Вы знали, что Хильда живет на Гарнетт-стрит? Оказывается, она видела мою мать до замужества.

— Я этого не знала, — на лице мисс Бернс было написано удивление. — Моя собственная семья жила совсем рядом. — Она хмыкнула. — Будем надеяться, Хильда не сможет меня вычислить. В те времена Бернсов трудно было назвать образцовыми гражданами.

Глядя на простое, приятное, лишенное малейших следов косметики лицо Кэтрин Бернс и ее коротко подстриженные каштановые волосы с сильной проседью, в это сложно было поверить. Она была одета в элегантный темно-синий костюм и скромную блузку и производила впечатление скучной респектабельности, которое нарушало только ее непрерывное курение.

— Что ты думаешь по этому поводу, Маргарита? — поинтересовалась мисс Бернс. — Новость тебя, должно быть, шокировала.

— Понятия не имею, — призналась я. — Возможно, пойму позже, когда немного привыкну к этой мысли. Пока у меня в душе пустота.

Я догадывалась, что рано или поздно это случится. Людей, приговоренных к пожизненному заключению, редко держали в тюрьме до

самой смерти.

— Я тебя понимаю, милая, — кивнула мисс Бернс. Полдьюма пепла упало с сигареты ей на юбку, и она смахнула его рассеянным движением. — Эми идеально вела себя в заключении.

— Вы знаете, никогда ее не навещала, — поделилась я. — До четырнадцати лет я даже не подозревала, что мама в тюрьме. Чарльз и Марион сказали, что после смерти отца она уехала в Австралию. И они же сказали, что он погиб в автокатастрофе.

Когда мне исполнилось двенадцать, я уже знала, что Австралия находится на той же планете, что и Англия (девочка из моего класса уехала туда с родителями), и понимала, что есть что-то ненормальное в том, что мама ни разу не приехала меня навестить. Но я не стала ни о чем спрашивать у Чарли и Марион. Я подозревала, что у них есть основания не говорить мне правду, и предпочитала оставаться в неведении.

— Эми ясно дала понять, что не хочет, чтобы ты видела ее в тюрьме.

Это мне было понятно. Прошло еще два года, прежде чем Чарльз рассказал всю правду. Он показал мне папку, полную газетных вырезок о судебном процессе, положил ее на полку под лестницей и сказал, что я могу просматривать эти материалы, когда пожелаю. За долгие годы я много раз перечитывала содержимое папки. Каждый раз эти статьи приводили меня в ужас. Ведь в них шла речь о моих родителях.

Мисс Бернс прикурила третью сигарету.

— Пора заканчивать, — пробормотала она. — Тебе пора на урок, Маргарита. Если захочется с кем-нибудь поговорить, не стесняйся, приходи ко мне. Заходи домой, если уроки уже закончатся.

— Спасибо, может быть, я так и сделаю.

Но я знала, что никогда не воспользуюсь этим приглашением. Я всегда испытывала неловкость в присутствии лучшей подруги моей матери, возглавлявшей школу, в которой я работала. Когда я была маленькой, Кэти Бернс была практически членом нашей семьи. Она качала меня на колене, читала мне, учила играть в карты. По воскресеньям, пока мама готовила обед, тетя Кэти водила меня в Сефтон-парк посмотреть на долину фей (в те времена мы жили в другой части Ливерпуля). Сейчас в отношениях с ней я старалась придерживаться золотой середины между дружеским и деловым общением.

Позже в тот же день секретарша мисс Бернс вторглась в хаос урока рукоделия, вручив мне запечатанный конверт с запиской, которая гласила: «Звонил Чарли, хотел поговорить с тобой. Я ему сказала, что ты уже знаешь об Эми. Он ответил, что в таком случае пообщается с тобой»

вечером».

Я всегда первой возвращалась домой. Мои дядя и тетя жили в Эйнтри, на окраине Ливерпуля. Чарльз, брат моей матери, работал чертежником в компании «Инглиш электрик» на Ист-Ланкашир-роуд. Его жена Марион работала там же секретаршей. Именно там они и встретились более тридцати лет назад. Им тогда не было еще и двадцати. У них никогда не было собственных детей.

Вернувшись домой, я тут же извлекла папку из-под лестницы, уселась на пол и все перечитала. Там были десятки фотографий моей необыкновенно фотогеничной матери и красавца отца, на которого я, по всеобщему мнению, была похожа. Но, пристально вглядываясь в сделанное в тысяча девятьсот тридцать девятом году свадебное фото своих родителей, я не усматривала никакого сходства между изображенным на нем темноволосым молодым человеком и собой. Мои родители широко улыбались, как будто все происходящее было просто большим розыгрышем. Через три месяца после того, как была сделана эта фотография, Барни Паттерсона призвали в армию и отправили во Францию.

«Тридцатидвухлетний Барни Паттерсон, который провел почти пять лет войны в немецком лагере для военнопленных, был зверски убит своей двадцатидевятилетней женой...» Это цитата из «Дейли скетч».

Остальные газеты писали почти то же самое. В некоторых статьях моего отца называли «героем войны», в других говорилось, что жена его «жестоко прикончила». Бесконечно муссировался тот факт, что ему удалось выжить в боях и в лагере только для того, чтобы погибнуть от руки собственной супруги. Раздавались призывы к смертной казни. В суд поступали петиции как в поддержку моей матери, так и против нее. В рубриках читательских писем бушевали споры между сторонниками и противниками смертной казни.

Обвиняемая отказалась объяснить, почему она вогнала кухонный нож в живот своего мужа. Ее подруга Кэтрин Бернс сообщила, что Барни Паттерсон постоянно обвинял свою жену в связях с другими мужчинами.

«Вы когда-нибудь при этом присутствовали?» — спросил у нее обвинитель. — «Нет, но Эми мне об этом рассказывала, — ответила мисс Бернс. — Однажды я увидела у нее на лбу большую шишку и сразу поняла, что это дело рук Барни». — «Вы видели, как Барни ее ударил?» — спросили у свидетеля. — «Честно говоря, нет».

Затем дело приняло «неожиданный оборот», когда в качестве свидетеля

вызвали мать пострадавшего. Она заявила, что между ее невесткой и мужем существовала длительная связь. Как обвиняемая, так и Лео Паттерсон «возмущенно отвергли» это обвинение, назвав его «голословным». Тем не менее оно прозвучало, и вероятность того, что Эми Паттерсон вступила в связь со свекром, пока ее муж сражался за свободу своей родины, настроила присяжных против нее. У меня сложилось впечатление, что до этого они относились к ней довольно сочувственно.

Суд закончился на Пасху тысяча девятьсот пятьдесят первого года. Двадцать лет спустя, почти день в день, я сидела на полу в доме своего дяди и читала об этом. Эми Паттерсон приговорили к пожизненному заключению. Мать пострадавшего заявила, что ее невестка еще легко отделалась. «Она заслуживает смертной казни», — со слезами на глазах сказала Элизабет Паттерсон корреспонденту «Дейли экспресс».

В тысяча девятьсот шестьдесят первом году «Ивнинг стандарт» поместила фотографию сорокалетней Эми Паттерсон. На снимке была изображена невзрачная, безликая женщина, одетая в серое тюремное платье, напоминающее фартук с бретелями крест-накрест, к которому пришили рукава.

Я сложила все назад в папку и вернула ее на место под лестницей. По какой-то непонятной причине я читала эти вырезки, только когда Чарльза и Марион не было дома.

В кухне я нашла приклеенную к холодильнику записку от Марион. Она просила, чтобы я включила духовку без четверти пять. «В холодильнике баранье рагу». На моих часах было уже четверть шестого. Марион расстроится. Она любит, чтобы все делалось вовремя. Чтобы не огорчать ее, я решила не говорить, что читала о матери, а вместо этого соврать, будто поздно пришла домой. Марион так легко расстроить.

Я накрыла на стол и вскипятила воду для чая. Затем поднялась наверх и сменила бутылочно-зеленый свитер и бежевую юбку, в которых ходила в школу, на новые брюки клеш и кремового цвета блузку.

Брюки непривычно болтались вокруг ног, но когда я изучила свое отражение в зеркале, то убедилась, что смотрятся они хорошо. Мне всегда шли брюки. Я была высокой и очень худощавой. Я унаследовала абсолютно прямые и очень густые волосы отца, а также его карие глаза. Но мое лицо было круглее, а черты совершенно другими, по крайней мере, так мне казалось. Большинство моих знакомых находили мою внешность «интересной». Никто никогда не называл меня «хорошенькой», «прелестной» или «красивой». И я не знала, следует мне огорчаться или радоваться по этому поводу.

Я собиралась пойти в кино со своей подругой Триш. Мы решили посмотреть «Волшебного христианина» с Питером Селлерсом в главной роли. Этот фильм заинтересовал нас только потому, что в нем играл Ринго Старр. Мы по-прежнему были без ума от «Битлз».

Я поставила пластинку Саймона и Гарфункеля (не было никакого желания слушать рок-н-ролл) и легла на кровать. Лежала на спине, закинув руки за голову, и слушала «Мост через бурные воды». Скоро Триш навсегда уедет из Ливерпуля. Иан, ее жених, должен вернуться из Кувейта. Он будет работать в Лондоне. Через месяц они поженятся, и Триш переедет к нему в Лондон. Мне придется искать новую подругу, что не так-то просто в двадцать пять лет. Да и вообще я плохо себе представляла, как «ищут» друзей. Все мои прежние друзья появлялись естественным образом. Например, с Триш мы познакомились, когда нам было по восемнадцать лет и мы вместе сдавали на права. Сдав экзамен, мы отправились в паб, чтобы отпраздновать это событие. Теперь у Триш будет муж, а со временем, как и у других моих подруг, дети. Что касается меня, я не собиралась выходить замуж. Чего стоил хотя бы брак моих родителей! Но в самом ли деле мне хотелось провести всю жизнь в одиночестве и остаться бездетной? В этом я тоже не была уверена.

Комнату внезапно залил солнечный свет, развеяв мрачное настроение, в которое я чуть было не погрузилась. (Мрачные мысли одолевали меня всегда, когда я начинала думать о будущем.) Дождь прекратился. Я встала с кровати и подошла к окну. Мокрые листья и пропитанная влагой трава сверкали на солнце так ярко, что на них больно было смотреть. Я почувствовала, что настроение улучшается. Скоро придет весна, настоящая весна, а не просто дата в календаре, согласно которой она уже наступила, даже если весной еще и не пахнет. Я открыла окно и готова была поклясться, что уловила аромат цветов, которым еще предстояло вырасти, и цветущих деревьев, на которых пока не было даже бутонов.

Входная дверь открылась, и раздался голос Чарльза:

— Ты уже дома, малышка?

— Да.

Я сбегала вниз и поцеловала его. Мой дядя выглядел уставшим, Впрочем, как обычно. Он был довольно привлекательным мужчиной средних лет. Очень скоро его волосы будут совсем седыми, а складки на щеках становятся все глубже и глубже. Я поцеловала его еще раз. Я любила своего дядю так сильно, как если бы он был моим отцом.

После того как моя мать исчезла, наступил очень тяжелый период. Миссис Паттерсон, моя бабушка по отцовской линии, настаивала на том,

что имеет право воспитывать ребенка своего сына. «Я потеряла сына, а теперь теряю и свою единственную внучку!» — кричала она. Я сидела на ступеньках в этом самом доме и слушала, зная, из-за чего ссорятся взрослые. Я очень боялась, что меня отправят жить к этой красивой женщине со злыми глазами и тяжелым характером, которую, по словам Кэти Бернс, моя мать ненавидела. «И у нее были на то основания, Маргарита...» Я полагала, что мисс Бернс подразумевает заявление бабушки Паттерсон на суде.

Чарльз дипломатично сказал, что миссис Паттерсон вольна навещать внучку, когда пожелает, но дело в том, что мать Маргариты поручила воспитание дочери ему и его жене, и у них есть удостоверяющий это юридический документ. Миссис Паттерсон пригрозила ему судом, на что Чарльз заявил, что ее «претензии совершенно беспочвенны». В мои пять лет эта фраза показалась мне абсолютно невразумительной.

Тогда я называла свою мать «мамочкой». «Мамочка, можно мне водички?» «Мамочка, я хочу нарисовать картинку».

Мама расстилала на столе газету, доставала краски и бумагу и ставила банку с водой, в которую я макала кисть.

— Что ты собираешься рисовать, любовь моя? — спрашивала она.

— Тебя, мамочка. Я хочу нарисовать тебя.

Когда я вспоминаю, как сильно я любила свою мать, на глаза наворачиваются слезы.

Как сказала сегодня утром Хильда Доули, моя мама была хорошенькой. Губки бантиком, синие глаза, идеальной формы нос и облако светлых вьющихся волос. Некоторые говорили, что она была «как картинка». Тогда я находила это лестным и лишь позже поняла, что они намекали на то, что внешность моей матери свидетельствует о ее поверхностности, о том, что она пустышка. Как бы то ни было, когда мы с ней выходили в город, на нее все глазели, особенно мужчины, которые оборачивались, чтобы взглянуть на ее ноги. Тогда это было для меня загадкой. Я не понимала, зачем мужчинам смотреть на ноги женщины, когда ее лицо гораздо красивее и интереснее.

Чарльз не сразу выпустил меня из объятий.

— Марион сейчас зайдет, — наконец сказал он. — В обеденный перерыв она забрала кое-какую одежду из химчистки и сейчас выгружает ее из машины. — Он ухмыльнулся. — Мне это важное дело не доверили. По-видимому, такой неуклюжий тип, как я, может только все измять. — Он ласково встряхнул меня за плечи. — Мы позже поговорим о том... ты сама знаешь о чем.

Вошла Марион, неся перед собой два теплых платья. Она была привлекательной женщиной с аристократическими чертами лица и черными, как вороново крыло, волосами, которые подкрашивала с тех самых пор, как в них начала появляться седина. Ей было пятьдесят два, так же, как и Чарльзу. Марион редко улыбалась. Сегодня она выглядела особенно рассерженной, хотя вряд ли ее гнев имел под собой серьезные основания. Ее настроение портилось от любого пустяка.

— Ты вовремя поставила рагу в духовку? — спросила она.

— Прости, я задержалась в школе и поздно пришла домой, — соврала я. — Сегодня последний день четверти. Но рагу было в духовке в четверть шестого.

Марион вздохнула.

— Ну что ж, я не прочь немного отдохнуть перед обедом и выпить чаю. Дорога домой была просто ужасной. Машин становится все больше и больше. Когда-то мы с Чарльзом ездили на работу на велосипедах, и у нас это занимало меньше времени, чем сейчас на машине. Я не знаю, почему в пятницу такие пробки.

— По-видимому, люди на выходные разъезжаются домой, — мягко заметил Чарльз.

Его жена метнула на него гневный взгляд, но Чарльз уже давно привык к гневным взглядам и просто весело улыбнулся. На самом деле Марион на него не сердилась. Несмотря на свой довольно угрюмый внешний вид, она была очень доброй, а временами на нее накатывала безудержная нежность. Хотя я, возможно, и не любила свою тетю так сильно, как Чарльза, за годы, проведенные в их доме в Эйнтри, я никогда не чувствовала себя обделенной любовью.

— Чай готов? — поинтересовалась Марион.

— Чайник закипел. Присядь, сейчас я заварю чай.

Когда я вошла в гостиную с подносом, Чарльз и Марион говорили о моей матери.

Чарльз посмотрел на меня.

— Кто-то на работе упомянул, что Эми выходит на свободу. Они не знают, что я ее брат. Я позвонил Кэтрин Бернс, и она сказала, что тебе уже обо всем известно.

— Одна из моих коллег прочитала об этом в газете, пока мы сидели в учительской.

— Наверное, эта новость тебя ошеломила, — мягко сказала Марион.

— Я все еще не могу прийти в себя. Не могу представить ее здесь, хотя она моя мать.

— Эми не захочет здесь жить. Мы с твоей матерью никогда не ладили, — быстро произнесла Марион.

На лице Чарльза появилось страдальческое выражение.

— Ей больше некуда идти, дорогая.

— Уверена, она что-нибудь придумает, — недовольно отозвалась Марион. — Эми всегда на ходу обрастала друзьями.

— Я думаю, что, пока она не встанет на ноги, Марион, ей следует пожить у нас. — Чарльз скрестил на груди руки и поджал губы. — Кроме меня и Маргариты у нее в этой стране нет кровных родственников. Джеки и Бидди живут в Канаде.

Джеки и Бидди были сестрами моей матери. Все, что я о них помнила, так это то, что у них обеих были густые белокурые волосы и синие глаза, совсем как у мамы, но они не были такими же хорошенькими. Обе вышли замуж и обзавелись детьми. Они часто писали Чарльзу, а на Рождество присылали фотографии моих кузенов и кузин, с которыми мне, скорее всего, никогда не суждено было познакомиться.

— Ты знаешь, когда она выходит? — спросила я. Я так и не заглянула в газету. Наверное, мне следовало это сделать. Возможно, увидев это напечатанным черным по белому, я бы убедилась, что это правда. Сейчас я сомневалась, что верю в это.

— Я сам купил газету. Там было сказано, что Эми скоро освободят. Это может означать несколько дней, несколько недель или даже месяцев, — ответил Чарльз. — Уверен, что она нам напишет, чтобы сообщить точную дату. Если потребуется, я возьму на работе отгул и привезу ее домой.

Чарльз посмотрел на Марион, которая ничего на этот раз не сказала, но ее постоянно насупленные брови сдвинулись еще сильнее.

После обеда я встретила с Триш. Мы посмотрели «Волшебного христианина», в котором я ничего не поняла. Фильм тут был ни при чем. Просто я не могла сосредоточиться. После фильма мы пошли пить кофе, и, если верить Триш, ее я тоже не слушала.

— Ты куда-то улетела, Маргарита. Что-то случилось?

— Нет.

Чарльз давным-давно заставил меня пообещать, что я никогда никому не расскажу о своей матери, даже самой близкой подруге. «Это дело нашей семьи, — сказал он, — и я хотел бы, чтобы оно таким и оставалось. Я не хочу, чтобы все знали, что моя сестра убила своего мужа. Для тебя же будет хуже, Маргарита. Эми твоя мать. Найдутся люди, которые станут тыкать в тебя пальцами».

Поэтому никто не знал моей настоящей фамилии и правды о моей семье. Почти никого не интересовало, почему я живу с тетей и дядей, а не с родителями. Если же кто-нибудь спрашивал, я просто пожимала плечами и говорила, что мои родители умерли.

Когда я вернулась домой, Чарльз и Марион смотрели десятичасовые новости. Чарльз поднял голову и сказал:

— Об этом ничего не говорят.

Я молча кивнула и пошла спать, отказавшись от какао. Внезапно мне захотелось побыть одной. Очень скоро я увижу свою мать, впервые за двадцать лет. Но я этого не хотела. Я этого очень-очень не хотела. Захочет ли она, чтобы я ее поцеловала? Или обняла? Сказала, что я ее люблю и скучала по ней? Я не написала ей ни единого письма, прежде всего потому, что не знала, что мне сообщить.

Ко всем праздникам Чарльз исправно посылал маме открытки, подписанные «С любовью от Чарльза, Марион и Маргариты». Марион сердилась.

— Как ты смеешь посылать этой женщине открытки от моего имени? — как-то раз спросила она.

— Я думал, у тебя найдется немного любви для человека в положении Эми, — ответил Чарльз. — В конце концов, тебе досталась ее дочь.

— Ей все равно не позволили бы взять Маргариту в тюрьму! — взвилась Марион, но не стала возражать, когда Чарльз положил открытку в конверт и наклеил марку.

Они не смогли родить собственных детей. Несчастье моей матери помогло им пережить свое.

Две недели спустя, в день, когда я вернулась в школу после пасхальных каникул, Чарльз получил от моей матери письмо. Она сообщала, что ее выпускают на свободу и что ее встретит подруга, у которой можно пожить некоторое время. «У меня есть кое-какие дела, и мне понадобится несколько недель, чтобы все уладить, — писала она, — но после этого я сразу приеду к вам».

— Чего еще можно было ожидать? — презрительно фыркнула Марион. — Я только надеюсь, что, явившись сюда, она не станет опять называть тебя «Чарли».

ГЛАВА 2

Пасха 1939 года

Эми

— Обожаю Пасху. Рождество я тоже люблю, но на Рождество ты знаешь, что большая часть зимы еще впереди. А после Пасхи впереди целое лето. Несколько месяцев лета, а за ним осень. Мне очень нравится осень, но в каком-то смысле это уже начало зимы, так что, если бы кто-нибудь спросил у меня, какое время года я предпочитаю, мне бы пришлось выбрать весну.

— Что ты несешь? Кому интересно, какое время года ты предпочитаешь? *Мне* уж точно нет. Честно говоря, мне на это абсолютно наплевать. — Кэти закатила глаза и ухмыльнулась.

Эми расплылась в улыбке.

— Я просто подумала, что тебе может быть интересно, вот и все. Это все погода. Она меня околдовала. Сегодня самый прекрасный день, который я помню.

— Солнцу достаточно посветить в течение пяти минут, и это уже самый прекрасный день, который ты помнишь.

— Я обожаю солнце, — дрогнувшим голосом ответила Эми. — Если бы я не была католичкой, то стала бы солнце-поклонницей.

— И куда бы ты ходила на службу? — поинтересовалась Кэти.

— Понятия не имею, — вынуждена была сознаться Эми. — И кому бы я исповедовалась?

Кэти не ответила.

Разговор происходил в поезде. Девушки ехали в Саутпорт. Это была электричка. Эми обожала поезда, испускавшие клубы дыма, ей нравилось, как они выглядят и гудят, зато электрички были в тысячу раз чище. Сегодня она надела свое лучшее летнее платье, желтое, с пуговицами, напоминающими маленькие личики, белый кардиган и белый же, связанный крючком берет. Берет вязала ее мама. На Кэти был точно такой же берет, только красного цвета. Еще на ней был красный пиджак, принадлежавший одной из ее сестер и, как подозревала Эми, свалившийся

из кузова какого-то грузовика. Сестра Кэти, Лили, на целый день отправилась в Блэкпул, и Кэти надеялась вернуться домой раньше нее или наоборот, после того, как Лили ляжет спать.

Сегодня было воскресенье, *пасхальное* воскресенье, и счастье переполняло Эми. Ей казалось, она вот-вот лопнет от радости. Девушки отправились на вокзал сразу после службы, чтобы успеть пройтись взад-вперед по Лорд-стрит, несколько раз прокатиться на карусели, перекусить жареной рыбой с картошкой и посмотреть какой-нибудь фильм. Эми была уверена, что день будет замечательным.

Зима закончилась. За окном мелькали деревья, сады и поля, уже подающие признаки жизни. Набухшие почки (некоторые из них уже успели превратиться в листочки) и по-военному стройные ряды крошечных растений предвещали скорое наступление лета. Люди в садах и полях подстригали траву, копали, пололи. Какой-то мужчина поливал сад из шланга, и это умилило Эми.

— Жаль, что у нас не сад, а всего лишь двор! — с чувством воскликнула она. — Я бы посадила розы. У меня розы росли бы у обеих дверей и вились бы по стенам. И еще я хотела бы кролика и черепаху.

— Скромные у тебя желания, — фыркнула Кэти.

— Розы, кролик и черепаха — *это* не много. Ты на прошлой неделе хотела, ни много ни мало, замуж за Кларка Гейбла. Мои желания гораздо достижимее... Есть такое слово?

— Лучше бы ты не упоминала Кларка Гейбла, — глаза Кэти увлажнились, — теперь мне хочется плакать.

— Не раскисай, — презрительно хмыкнула Эми. — Он для тебя слишком стар. И вообще, я не люблю усатых мужчин.

Эми видела, что в Кэти борются два желания — пошутить и пустить слезу. В конце концов она выбрала шутку.

— А как насчет усатых женщин? — поинтересовалась Кэти.

— Их я тоже не выношу.

Подружки дружно прыснули.

Пожилой мужчина, сидевший через проход от них, слушал их разговор. Его трудно было не слушать — звук юных голосов разносился по всему вагону.

— Должно быть, приятно быть молодыми, — заметил мужчина.

— Очень приятно, — подтвердила Эми. — Но быть пожилым тоже, должно быть, приятно, — добавила она с самоуверенностью семнадцатилетней девушки, которая убеждена, что знает все. — В каждом возрасте есть свои преимущества.

— Я напрягусь и постараюсь их все припомнить, — отозвался мужчина, отчетливо осознавая, как сильно у него болят суставы, как тяжело ему дышать. К тому же он почти ничего не видел левым глазом.

Поезд прибыл на вокзал Саутпорта, и все пассажиры вышли на перрон. Пожилой мужчина шел позади девушек и любовался их яркой одеждой и уверенной походкой. Можно было подумать, что им принадлежит весь мир. Блондинка намного симпатичнее, настоящая красотка. Она довольно высокая, с точеной фигуркой и узкой талией. Но будь он лет на сорок моложе, он бы предпочел темноволосую девушку. С ней ему было бы спокойнее. От блондинки не жди ничего, кроме неприятностей, мужчины никогда не оставят ее в покое, даже после замужества, и он боялся бы выпустить ее из виду даже на минуту. Он и сейчас видел похотливые взгляды встречных мужчин. Они раздевали ее глазами, пытались представить себе, как она выглядит без одежды, да и он сам делал то же самое. Мужчина уже совсем позабыл, когда его в последний раз посещали подобные ощущения, но это было очень, очень давно, и он почувствовал, что задыхается.

Эми и Кэти направились на Лорд-стрит. На этой красивой улице было полно народу, в основном приезжие, как и они. На мужчинах были спортивного покроя пиджаки и рубашки с расстегнутым воротом. Женщины сменили пальто на кардиганы, хотя апрель только начался и воздух был довольно прохладным. Людей соблазнило солнце. Детишки несли ведерки с лопатками. Некоторые семьи уже побывали на берегу, и их волосы и ноги были в песке. Все выглядели необычайно счастливыми, будто им, как и Эми, казалось, что мрачные месяцы остались позади и уже начинается лето. Конечно, над Европой, где старина Гитлер произносил зловещие речи, нависла угроза войны, но это ведь была всего лишь угроза, и она могла так и не осуществиться.

Эми и Кэти громко ахали и охали у витрин дорогих магазинов, вызывая то раздражение, то улыбки у слышавших их возгласы прохожих. Чтобы купить хоть одно из выставленных в этих витринах платьев, им пришлось бы работать несколько месяцев, а может и лет. Эми зарабатывала семь шиллингов шесть пенсов в неделю в столовой на Док-роуд, а Кэти — на шиллинг больше — она была младшим клерком в офисе «Вулворта»^[1] в центре города. Цифры были ее коньком, в школе она была лучшей в классе по арифметике. Эми не была лучшей ни по одному из предметов.

— Только посмотри на это! — Эми затаила дыхание, глядя на платье из белого крепдешина с блестками на горловине и длинными рукавами с

манжетами. Юбка была длинной и узкой и напоминала хвост русалки. — За такое платье я бы отдала правую руку, — вздохнула она.

— Если бы у тебя была только одна рука, оно выглядело бы по-идиотски, — резонно заметила Кэти. — И к тому же это платье стоит пятнадцать фунтов, девять шиллингов и десять пенсов! — взвизгнула она. — Какой нормальный человек заплатит столько за платье?

— *Я бы* заплатила.

— И куда бы ты в нем ходила, моя дорогая? Я в том смысле, что оно с хвостом! Он бы тут же замусолился.

— Это не хвост, а шлейф.

— Не важно, хвост или шлейф, тебе пришлось бы кого-нибудь нанять, чтобы носить его за тобой, Эми! — Кэти покачала головой, как будто подчеркивая отсутствие здравого смысла в голове у подруги. — Это ужасно непрактично.

— Ну хорошо, я не буду его покупать, — засмеялась Эми. — Но мне же надо что-нибудь приобрести. На чем бы остановиться?

— На чае? — предложила Кэти. — Мы с тобой можем позволить себе чайничек чая на двоих.

— Годится. Зайдем в первое же кафе, какое нам попадется по дороге, если только оно не будет слишком шикарным.

— А что мы будем смотреть сегодня? — поинтересовалась Кэти, когда девушки расположились на втором этаже кафе и официант принес им чай в белом фарфоровом чайничке. — «Подпольный король» с Хамфри Богартом или «Алжир» с Чарльзом Бойером?

— Честно говоря, мне все равно. Давай бросим монетку.

Кэти достала из сумочки полпенса.

— Орел — это первый фильм, решка — второй. — Кэти подбросила монету, она упала решкой вверх. — «Алжир», — подвела итог девушка.

Эми скривилась.

— Я бы лучше пошла на Хамфри Богарта.

— Ты постоянно так делаешь, — раздраженно отметила Кэти. — Стоит мне подбросить монетку, чтобы решить, что нам делать, и ты тут же хочешь то, что не выпало. Как бы ни упала монета, ты всегда против. Почему ты вообще предлагаешь бросать эту монету?

— Потому что мне это помогает определиться.

— Нет, не поэтому. Просто ты любишь, чтобы все было по-твоему.

— Отлично, это потому, что я люблю, чтобы все было по-моему. Пойдем на ярмарку, когда допьем чай?

— Пойдем, если только ты не захочешь вначале бросить монету.

У Эми очень красивые волосы — масса крошечных завитков, локонов и выющихся прядей сливочно-желтого цвета. В этот солнечный день в Саутпорте они сияли и сверкали, как будто их сделали из чистого золота. Эми идеально сложена, синие глаза обрамлены темными ресницами, и нос как раз нужной длины. Нижняя губа чуть больше верхней, поэтому, когда Эми не улыбалась, могло показаться, что девушка чем-то недовольна. Но этого почти никто не замечал, потому что обычно лицо Эми украшала совершенно очаровательная улыбка. Но не все бывали ею очарованы. Некоторые утверждали, что такой красивой девушке нельзя доверять и что она наверняка абсолютно безмозглая.

Ее подруга Кэти, напротив, обладала заурядной внешностью. Длинные темные волосы были бы волнистыми, если бы ее сестра Фрэнсис не прогладила их сегодня утром утюгом, и теперь они струились по спине Кэти, словно отрез коричневого атласа. Кроме того, у нее на шее остался небольшой ожог, который причинял жгучую боль. Рискованное это занятие — гладить волосы человека, если они все еще находятся у него на голове, потому что иногда утюг соскальзывает. У Кэти были серые глаза, слишком длинный нос и слишком полные губы. Она была благоразумной и серьезной девушкой и позволяла себе вольности, только когда была с Эми.

Когда подруги пришли на ярмарочную площадь, между лотками невозможно было протолкнуться. Эми и Кэти переглянулись, взяли под руки и нырнули в толчею.

Игнорируя всякие «кольца» и лотереи, которые были пустой тратой денег, потому что девушки все равно никогда не выигрывали и даже не видели, чтобы хоть кто-нибудь выигрывал, они остановились, только добравшись до «поезда привидений». Подруги уселись на переднее сиденье и всласть навизжались при каждом появлении скелета или привидения, не говоря уже об открытом гробе, в котором сидел мертвец, снимавший шляпу в знак приветствия и приглашавший проезжающих присоединиться к нему. На самом деле ни одна из девушек ни капельки не боялась. Затем они направились на любимый аттракцион Кэти — «вальсирующая карусель». Молодой человек, продавший им билеты, вцепился в их кабинку и заставил ее раскачиваться и кружиться гораздо быстрее, чем все остальные. После этого девушки купили мороженое и пошли к «колесу обозрения».

Кэти затошнило. Она предложила тихонечко посидеть на пирсе за еще одной чашкой чая. Был час дня. Потеплело, и дул легкий приятный ветерок. Девушки сняли береты и подставили солнцу лица, наслаждаясь

ласковым ветром, обдувавшим их ноги и перебиравшим волосы.

В будущем Кэти часто задавала себе вопрос, как бы сложилась жизнь Эми, если бы они не пришли на пирс именно в это время. Например, если бы опоздали на поезд (а они на него чуть не опоздали) и приехали в Саутпорт намного позже. Или если бы не заходили в кафе на Лорд-стрит и пришли на пирс раньше. Если бы только они разминулись тогда с братьями Паттерсон, ее подруге не пришлось бы провести лучшие годы своей жизни в тюрьме.

Ни Кэти, ни Эми не заметили двух молодых людей, которые, опершись на перила, смотрели на море. Юноши были необычайно хорошо одеты — на них были фланелевые отутюженные брюки, соломенные шляпы, до блеска начищенные туфли и пиджаки спортивного покроя — на одном темно-зеленый, на втором — темно-синий, буквально усеянные золотыми пуговицами.

Это были симпатичные и здоровые молодые люди, явно братья, с густыми каштановыми волосами и карими глазами. Младший, парень в зеленом пиджаке, был выше и стройнее. Его волосы были длиннее, а взгляд увереннее. Он держался более раскованно, чем брат, и все его движения казались быстрее и резче.

— Мне хочется пить, — произнес он, отворачиваясь от моря. — Интересно, есть ли здесь поблизости какой-нибудь бар? — Его взгляд скользнул по пирсу. Внезапно он подтолкнул брата локтем и шепнул: — Ты только посмотри на *это!*

Его спутник увидел двух молодых женщин, заливающихся смехом на скамейке неподалеку. Он застонал.

— О боже, Барни, давай не будем снимать девчонок. Я бы предпочел провести день вдвоем с тобой. Ты же знаешь, я всегда теряюсь и не могу придумать, что сказать. Я буду чувствовать себя неловко, если мы пойдем с ними обедать, и мне будет не по себе, если мы отправимся в кино. Все это может закончиться тем, что мы повезем их домой. — Они приехали на машине Барни, и старший брат знал, что ему придется сидеть на заднем сиденье с незнакомой девушкой, которая ему почти наверняка не понравится.

— Не будь таким ворчуном, Хэрри. Эти девушки особенные, блондинка уж точно. Твоя темноволосая. Она тоже ничего. Пошли. Будем надеяться, что сегодня нам повезет.

— Тебе повезет, Барни, не мне, — пробормотал Хэрри, плетясь за братом к скамейке. Он надеялся, что девушки их «отошьют». Они

выглядели довольно респектабельно и явно не были девицами легкого поведения.

Барни снял шляпу и вежливо поклонился.

— Добрый день, девушки. Мы с братом хотели бы угостить вас мороженым, — произнес он, глядя на блондинку.

— Нет, спасибо, — темноволосая девушка слегка отодвинулась. Блондинка ничего не сказала, а только смотрела на Барни, и в ее синих глазах читалось изумление.

Хэрри удивленно наблюдал за тем, как его брат плюхнулся на скамейку рядом с ней.

— Привет, — дрогнувшим голосом опять произнес Барни. На его лице застыло выражение, которого Хэрри никогда прежде не видел. Это была какая-то туповатая ухмылка, как будто за несколько последних секунд его брат лишился разума.

— Привет, — почти шепотом ответила девушка. — Меня зовут Эми Карран.

— А меня Барни Паттерсон. Приятно познакомиться, Эми.

Вот, как говорится, и все. Это была любовь с первого взгляда.

Остаток дня Хэрри и вторая девушка, которую звали Кэти, плелись следом за Эми и Барни. В какое-то мгновение эта парочка, не говоря ни слова, просто исчезла в палатке предсказательницы судеб.

— Думаю, они забыли о нашем существовании, — сухо заметила Кэти, пока они с Хэрри ожидали их возвращения.

— Похоже на то, — Хэрри засунул руки в карманы и позвенел мелочью, пытаясь сообразить, что еще можно сказать.

— Я бы уехала домой, если бы не волновалась за Эми. В конце концов, она почти не знакома с вашим братом. — Кэти обеспокоенно нахмурилась. — Не понимаю, что на нее нашло. Это совсем на нее не похоже. Эми еще ни с кем не встречалась, да и я тоже.

— Барни тоже ведет себя очень странно. — «Странно» — это еще слабо сказано. — То есть он встречался раньше с девушками, но никогда так не распускал слюни. — Хэрри немного расслабился. Похоже, они с Кэти друзья по несчастью. — Может, пойдем выпьем чего-нибудь холодного? Вон там есть кафе со столиками на улице, так что, как только наши влюбленные голубки появятся, мы их сразу увидим.

— Я бы лучше выпила чаю. Честно говоря, мне немного не по себе. — Кэти наморщила нос. — Влюбленные голубки! Это звучит просто дико.

Хэрри вошел в кафе и заказал чай. Неожиданно для себя самого он

заказал еще и две лепешки с маслом. Официантка пообещала подать все через пару минут.

Когда Хэрри вышел на веранду, Кэти ему улыбнулась. Хэрри решил, что она ему определенно нравится. Ее нельзя было назвать ни глупой, ни легкомысленной. Единственным недостатком Кэти был ужасающий ливерпульский акцент, но это не так уж и страшно.

— Вы из Саутпорта? — спросила она.

— Нет, из Ливерпуля. А если точнее, из Калдерстоунса.

— Шикарный район. Мы с Эми из Бутла. У вас есть еще братья или сестры?

— Нет, у моих родителей только двое детей — Барни и я. А у вас?

— У меня? — Кэти засмеялась. — У меня пятеро братьев и четыре сестры. Я предпоследняя. Старшему брату, Дугальду, уже тридцать пять лет.

— Дугальд — очень необычное имя.

— Это древнее ирландское имя. Оно означает «темноволосый незнакомец».

Разговор становился все более непринужденным. Хэрри спросил девушку, чем она зарабатывает на жизнь, Кэти ответила, что работает в бухгалтерии «Вулворта». Потом она в свою очередь поинтересовалась, чем занимается Хэрри.

— Работаю на фабрике нашего отца в Скелмерсдейле, — сказал он. — Я помощник менеджера. Мы выпускаем медицинские инструменты и оборудование.

Это произвело на Кэти большое впечатление.

— Барни тоже там работает?

Хэрри объяснил, что Барни в прошлом году окончил университет. Он изучал классические языки и античную литературу.

— Он несколько раз начинал работать на фабрике, — доверительно поведал девушке Хэрри, — но теперь намерен пойти в армию, если... когда начнется война. — Хэрри склонялся к мнению, что войны избежать не удастся.

Официантка принесла их заказ. Когда Кэти увидела лепешки, то от души поблагодарила Хэрри. Оказалось, что она умирает с голоду.

— Сегодня утром мы причастились, а это означает, что мы не завтракали. Так что, кроме одного шоколадного батончика на двоих, я и Эми сегодня еще ничего не ели. Приберегали аппетит для жареной рыбы с картошкой, но сомневаюсь, что Эми теперь захочет есть. Ее мысли заняты совсем другим.

— Вы католички? — по спине Хэрри пополз холодок. Если между Барни и этой девушкой действительно все серьезно, если он захочет познакомить ее с родителями...

— Да, — Кэти удивленно посмотрела на него. — Вы что-то имеете против?

— Нет, — выдавил из себя Хэрри. — Конечно нет. — Но их мать будет против. Элизабет Паттерсон была протестанткой ирландского происхождения и ненавидела католиков каждой клеточкой своего тела.

— Просто некоторым это не нравится.

Он нервно сглотнул.

— Это не обо мне.

— Я так и думала. — Кэти с таким явным удовольствием принялась за лепешку, что Хэрри предложил ей и свою. У него пропал аппетит.

Барни и Эми вышли из палатки гадалки. Они держались за руки. У Хэрри перехватило дыхание. Он и не подозревал, что люди могут сиять от счастья и выглядеть влюбленными так явно и безусловно, как выглядели его брат и Эми. Они буквально излучали какой-то загадочный свет. И это касалось не только их глаз, но также кожи и волос. От этого Хэрри почувствовал себя... он попытался подобрать правильное определение... *неполноценным*, бледной копией своего брата. Хэрри знал, что никогда не будет так сиять. В нем нет этого внутреннего света. Барни был двадцать один год, и Хэрри старше его на два года, но сегодня Хэрри казалось, что он в два раза младше брата.

— Мы с Хэрри пьем чай и едим лепешки, — сообщила и без того очевидный факт Кэти. От этих слов Хэрри почувствовал себя увереннее, как если бы они с Кэти составили своего рода тандем, который тоже что-то значил.

— Я хочу есть, — сказала Эми, и Барни пошел и заказал еще чаю и лепешек. Пока его не было, Эми сидела, обхватив колени руками и мечтательно глядя себе под ноги. Когда Барни вернулся, они больше ничего вокруг себя не видели. Даже в кино (а они пошли на «Подпольного короля» с Хамфри Богартом) влюбленные сидели обнявшись и не глядя на экран.

Когда они вернулись в Бутл, было уже темно. Кэти ничуть не удивило, что у Паттерсонов есть машина. Она и представить себе не могла, чтобы они ездили на поезде или трамвае, как обычные люди. Оказалось, что машина есть у каждого из них, но в Саутпорт они приехали на автомобиле Барни.

— Какая это машина? — спросила Кэти, устроившись на заднем сиденье рядом с Хэрри. — Если я скажу, что каталась на машине, наш Кев тут же спросит, на какой. Кевин просто помешан на автомобилях.

— Это «моррис восемь», турер с опускающимся верхом. У меня «остин семь», а у папы «бентли». Но я думаю, если начнется война, нам, быть может, придется от них избавиться, — обеспокоенно произнес Хэрри. — Говорят, бензин будут выдавать по талонам.

На переднем сиденье Эми и Барни не произнесли ни слова до самого Бутла. Там Эми рассказала Барни, как найти Агейт-стрит.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Кэти, когда они с подружкой вышли из машины у дома Эми и братья уехали. Это был дурацкий вопрос, но Эми весь день вела себя очень странно.

— Спасибо, я в порядке, — ответила Эми. Она прислонилась к подоконнику и повторила: — Я в порядке, а ты?

— Я хорошо провела время с Хэрри. — Кэти вдруг показалось, что это очень важно — подчеркнуть, что она тоже получила удовольствие от прогулки, пусть даже это удовольствие было совсем другого рода. Ей действительно очень понравился Хэрри, хотя в этом чувстве не было ничего романтического. Когда она выходила из машины, он пожал ей руку и сказал: «Я уверен, мы еще когда-нибудь увидимся», и она с ним согласилась.

— Можно мне войти? — спросила Кэти у Эми, которая как будто и не собиралась заходить в дом. Было похоже, что она забыла, где находится входная дверь, или в отсутствие Барни не знает, что ей теперь следует делать. Обычно после проведенного вместе дня Кэти заходила к Карранам выпить чашку какао. У нее самой дома было слишком шумно, в каждой комнате кто-нибудь дрался или ссорился, а мама постоянно чем-то швырялась. Никто не пил перед сном какао, потому что молока к вечеру никогда не оставалось. Когда пабы закрывались, отец возвращался домой пьяный в стельку.

— Я лучше сразу лягу спать, — ответила Эми и потерла глаза, как будто очень устала.

— Ладно, тогда я зайду завтра около полудня.

— Зачем?

— Завтра второй день Пасхи, и мы собирались пойти с твоими Чарли и Марион на спортивный праздник в «Инглиш электрик». — Там будет ярмарка, игры и соревнования. Кэти так ждала этого дня.

— Ой, я не поеду. — Эми затрясла головой, как будто сама идея была несуровой и она и не собиралась туда ехать. — Мы с Барни отправляемся

в Нью-Брайтон. Но ты можешь поехать в «Инглиш электрик» с Чарли и Марион, — быстро добавила она, как будто до нее только сейчас дошло, как сильно она подводит Кэти.

— Да нет, я лучше тоже не поеду. Марион меня не любит.

— Меня она тоже не любит. Мне кажется, она никого не любит, даже мою маму, хотя мама думает, что Марион просто очень застенчивая.

— Без тебя мне будет с ними неловко. — Интересно, что она будет делать, когда они туда приедут? Волочиться хвостом за Чарли и Марион, как это было с Эми и Барни? Только на этот раз с ней не будет Хэрри. — Ничего, — сказала Кэти, — я найду, чем заняться. — Она была уязвлена до глубины души. Они с Эми дружили с пяти лет, и теперь та в один миг ее бросает только потому, что познакомилась с каким-то парнем. Но это была не настоящая Эми. Настоящая Эми ни за что не отнеслась бы к их дружбе так беспечно. С Эми, стоявшей сейчас перед ней, Кэти даже не была знакома. Пока они были в Саутпорте, с подружкой что-то произошло. Ее загипнотизировали, заколдовали. И кто знает, когда теперь вернется настоящая Эми?

Эми вошла в дом и закрыла за собой дверь. Кэти осталась в одиночестве на безлюдной улице, по обеим сторонам которой выстроились длинные безликие дома-близнецы с темными окнами. Перед плотно закрытыми дверями не было ни цветов, ни лужаек, открыв дверь, люди ступали сразу на тротуар.

Кэти вздохнула. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой несчастной.

— Вот это жизнь, — пробормотала Мойра Карран. Она никогда не думала, что настанет день, когда она сможет сидеть в кресле с любовным романом в одной руке и сигареткой в другой, и ей совершенно нечего будет делать, и голова у нее будет приятно кружиться. Она провела вечер за картами со своей лучшей подружкой Нелли Тайлер, и они слегка перебрали портвейна с лимоном.

Прошлым летом начала работать ее младшая дочь Бидди. И теперь, когда сын и три дочери отдавали маме часть своего заработка, Мойра наконец-то могла немного расслабиться. С тех пор как десять лет назад от сердечного приступа умер ее муж Джо, жизнь Мойры, у которой на руках остались четверо маленьких детей, превратилась в непрерывный тяжкий труд. Но дети были смыслом ее жизни, и ради них она готова была вкалывать до упаду.

Часы на серванте, свадебном подарке давно умерших родителей Джо,

показывали десять. В это же время год назад Мойра находилась бы в пабе «Грин мэн», что на Марш-лейн, дело шло бы к закрытию, и она едва держалась бы на ногах от усталости. Работать в пабах было тяжело, но зато в них очень удобный график работы, если у тебя есть дети школьного возраста. К тому времени Чарли стал уже достаточно взрослым, чтобы присмотреть за сестрами, пока мама на работе. Утром Мойра ради нескольких дополнительных шиллингов делала в этом же пабе уборку перед открытием.

Но теперь у нее была относительно легкая работа официантки в кафе «Флауэрс» на Стэнли-роуд, и бывали дни, когда утром она могла позволить себе поспать до восьми часов. Покупки она теперь делала, не проносясь вихрем мимо прилавков, как раньше, а не спеша и с удовольствием. Иногда Мойра ради разнообразия приглашала Нелли на утренний чай в свое кафе, и теперь уже обслуживали ее. Все-таки жизнь — неплохая штука!

Теперь у Мойры была возможность покупать разные мелочи для дома. Вот эту желто-коричневую скатерть с покрытой узелками бахромой она приобрела на новогодней распродаже. Женщина толкнула бахрому пальцем и с наслаждением наблюдала за тем, как она раскачивается. Улыбнувшись, Мойра подумала, что, должно быть, со стороны это выглядит смешно. Просто она очень долго не могла позволить себе такую роскошь, как новая скатерть. Если бы у нее были силы, она бы сейчас пошла взглянуть на атласные, бронзового цвета чехлы для подушек, которые она сшила сама, и на сухую желтую траву в камине. Мойра не была уверена, что трава настоящая, но вместе со скатертью, чехлами для подушек и всякими другими недавно приобретенными мелочами один ее вид доставлял Мойре приятное чувство удовлетворения.

Только она подумала, что старшей дочери пора бы уже вернуться, как входная дверь отворилась и Эми вошла в дом. На ее лице было выражение, которого Мойра прежде никогда не видела и которое трудно описать. Отсутствующее, почти сонное, как если бы Эми спала и видела замечательный сон.

— Что с тобой, милая? — с подозрением поинтересовалась Мойра. — Ты часом не пьяна?

— Нет, мама. Меня ведь еще не пускают в пабы, забыла?

— Но это никому не мешает напиться. — Тем не менее Мойра отвергла эту идею. Эми была хорошей девочкой и никогда еще не заставляла ее волноваться. При этом женщина отлично осознавала, какое впечатление производит ее дочь на представителей противоположного пола. Когда они с Эми выходили в город, мужчины повсюду провожали девушку взглядами

и присвистом. Это началось, когда Эми было всего тринадцать или четырнадцать лет. В молодости Мойра и сама была красоткой, да она и сейчас была совсем ничего, несмотря на годы тяжелой работы, но до Эми ей все равно далеко. И она вполне допускала, что какой-нибудь подонок может попытаться подсунуть ее прелестной дочери стаканчик «Микки Финна»^[2], чтобы добиться своего. Возможно, у нее просто слишком много свободного времени и она прочитала слишком много своих любимых женских романов.

— Чарли дома? — спросила Эми.

— Он в гостиной с Марион, — фыркнула Мойра. Она не могла сказать с уверенностью, что ей нравится невеста сына.

— Когда он выйдет, скажи ему, что я не поеду с ними завтра на праздник в «Инглиш электрик».

— Почему?

— Потому что вместо этого я еду в другое место. — Эми направилась к лестнице. — Я пошла спать, мам.

— Но где находится это другое место, в которое ты едешь? — зашипела снизу Мойра, стараясь не разбудить Джеки и Бидди, которые уже давным-давно поднялись наверх и сейчас, вероятно, спали крепким сном.

— В Нью-Брайтоне. Один человек заедет за мной на машине около десяти часов.

— На машине! И кто же этот... — Но прежде чем Мойра успела закончить свой вопрос, дверь спальни Эми со стуком захлопнулась.

Почему Кэти не зашла на чашку какао? — удивилась Мойра. Может быть, подруги поссорились и именно поэтому ее дочь вела себя так странно? Но Эми не выглядела огорченной. Если бы мать Кэти, Элси Бернс, не наводила на Мойру такой ужас, миссис Карран тут же отправилась бы к ней домой, чтобы немедленно все выяснить. За исключением Кэти, у Бернсов вся семейка была буйной. Двое сыновей уже побывали в тюрьме. Но мамаша, пожалуй, самая чокнутая из всех.

Мойра заглянула в пачку — там еще оставалась одна сигарета. Отлично! Через минуту она сделает себе чашку какао, выкурит сигарету и пойдет спать, хотя, пожалуй, вначале спросит у Чарли и Марион, не хотят ли они чего-нибудь выпить. Их голоса доносились из-за закрытой двери гостиной. Мойра постучала и самую малость приотворила дверь, вдруг они там чем-нибудь занимаются.

— Вы, случаем, не хотите какао? — Женщина понятия не имела, почему произнесла это шепотом.

— Нет, мам, спасибо, — обычным голосом ответил Чарли. — Марион

уже уходит.

— Спокойной ночи, Марион.

— Спокойной ночи, миссис Карран.

Мойра поморщилась. Голос Марион звучал враждебно. Или все дело в том, что она очень застенчивая? Как бы то ни было, она странная девушка. Живет Марион в католическом общежитии в Эвертон Вэлли, и выуживание из нее информации о ее семье скорее напоминает процесс выдиранья зубов. По словам Чарли, его невеста родилась в Дандолке, на восточном побережье Ирландии, откуда переехала в Ливерпуль, когда ей было всего четырнадцать. Сейчас Марион уже двадцать, и за прошедшие годы ей удалось избавиться от ирландского акцента, а также научиться печатать и стенографировать.

— Они умерли, — отрезала девушка, когда Мойра спросила о ее родителях. Мойра не стала спрашивать ее о братьях и сестрах, чтобы снова не нарваться на грубость.

Более того, распаялась Мойра, очень бы хотелось донести до сознания Марион информацию о том, как ей повезло подцепить Чарли Каррана. Во всем Бутле не нашлось бы девушки, которая отказалась бы выйти за него замуж, если бы он только предложил. Чарльз ученик чертежника в «Инглиш электрик», у него своя *чертежная доска*, и он единственный мужчина на всей улице, который ходит на работу в костюме.

Еще более впечатляло то, что Чарли покупает собственный дом! Дом находится в Эйнтри, рядом с ипподромом, и его, как и сотню других зданий, недавно достроили. Чарли и Марион каждое воскресенье ездили смотреть, как продвигается строительство. За всю жизнь Мойра не встретила никого, кто имел бы собственный дом.

Да черт с ней! Мойра сварила какао, плюхнулась в кресло, закурила и снова взялась за книгу. Она подумает об этом завтра или послезавтра. Сейчас ей на все наплевать. Она совсем забыла сказать Чарли, что Эми не поедет завтра на спортивный праздник, но на это ей тоже наплевать.

Кэти вошла в дом и увидела Лили, сидевшую на ступеньках и, по всей видимости, ожидавшую ее возвращения.

— Ах ты, сука! — взвизгнула Лили, бросаясь на сестру. — А я-то думаю, куда исчез мой красный пиджак.

Кэти совсем забыла, что надела пиджак сестры.

— Прости, сестренка... — начала было она, но Лили не склонна была выслушивать какие-либо объяснения, которые могли прийти в этот момент в голову Кэти. Лили вцепилась сестре в волосы и с силой рванула на себя.

Кэти вскрикнула, в прихожую выскочила миссис Бернс и, схватив дочерей, стукнула их лбами друг о друга. Теперь закричали обе.

— Когда вы уже повзрослеете! — заорала миссис Бернс. Она ударила Кэти по лицу. — Это за то, что ты таскаешь шмотки сестры. — Лили усмехнулась, но ее радость оказалась преждевременной. — А это за то, что ты вырываешь волосы своей сестре! — рывкнула мать, отпуская оплеуху второй дочери.

Входная дверь открылась, и вошел мистер Бернс. Он увидел развернувшиеся в прихожей боевые действия и, прежде чем жена успела взяться за него, немедленно ретировался обратно на улицу. Он обошел дом и расположился в туалете во дворе, ожидая, пока в голове у него прояснится, а супруга немного успокоится.

— О господи! — Лили ринулась наверх. — Я ненавижу этот чертов дом!

Кэти медленно последовала за ней. Одной рукой она держалась за лоб, а второй — за левую щеку. Все это потому, что Эми не пригласила ее на чашку какао. Она бы вернулась домой, когда Лили уже спала, и повесила бы пиджак в шкаф. «Насколько мне известно, он там и был», — ответила бы она сестре, если бы та утром спросила.

В течение нескольких последующих недель Кэти почти не виделась с Эми. Без подруги ей было очень непривычно. На протяжении многих лет они все делали вместе. Конечно, Кэти понимала, что когда-нибудь настанет день, и они обе встретят парней, за которых захотят выйти замуж. Но ей казалось, что это произойдет одновременно, и сначала они будут гулять вчетвером, потом поженятся, у них родятся дети, и их дружба будет оставаться нерушимой еще много-много лет.

Она обрадовалась, когда однажды в воскресенье Эми зашла к ней и предложила пойти на службу, а потом провести вместе весь день. Раньше так было каждое воскресенье.

— Мы можем прогуляться в город и выпить чашечку чая в «Лайонсе», — сказала Эми. Был май, погода становилась все теплее, а дни все длиннее.

Должно быть, она начинает охладевать к Барни, подумала Кэти, но оказалось, что это был день рождения отца Барни и к ним приехали гости.

— Почему же тебя не пригласили? — поинтересовалась Кэти.

— Барни пока не хочет знакомить меня со своей матерью. Она закатит истерику, если узнает, что сын собирается жениться на католичке.

— Вы поженитесь? — не поверила своим ушам Кэти. Ровно три недели

назад, день в день, они с Эми ездили в Саутпорт, и ни у одной из них и в мыслях не было завязывать серьезные отношения с мужчиной. И вот теперь Эми ведет себя, как будто едва знакома с ней, и впридачу говорит о замужестве.

— Мы подумываем об этом, только смотри не проболтайся моей маме. — Эми избегала встречаться с Кэти глазами. — Так ты идешь в церковь или нет?

— Одну секунду, я только сбегаю за шляпкой.

Они в молчании дошли до церкви Святого Иакова. Кэти в голову пришла мысль, от которой ей стало не по себе. Она готова была побиться об заклад, что Эми и Барни уже *спали* вместе. Что-то такое было в ее подруге. Эми не то чтобы выглядела старше, но вела себя по-другому. В тот день в Саутпорте она перестала быть девочкой и стала женщиной.

После службы они пошли в город, заказали себе лимонаду в «Лайонсе», затем наскребли достаточно денег на два билета в первый ряд кинотеатра, где посмотрели «Капитана Блада» с Эрролом Флинном и Оливией де Хевиленд. Фильм был старый, и девушки его уже видели, но это было лучше, чем пытаться поддерживать разговор. Большую часть времени Эми была погружена в свои мысли и постоянно чему-то про себя улыбалась. Когда Кэти обращалась к ней, она отвечала, словно каждый раз пробуждаясь от сказочных грез. Кэти показалось, будто она посягает на что-то глубоко личное, и, в конце концов, она сдалась и тоже умолкла.

Кэти обрадовалась, что трамвай, на котором они ехали домой, был переполнен и они не смогли сесть рядом. В этот вечер ей очень хотелось поплакать в подушку, однако, учитывая, что она спала в одной кровати с Лили, которая могла проснуться и отвесить тумака, это было не очень удачной идеей. Но у нее уже никогда не будет такой подруги, как Эми, и, похоже, она потеряла ее навсегда.

Спустя несколько дней Кэти пришла домой после работы и обнаружила на углу Аметист-стрит переминающуюся с ноги на ногу и очень встревоженную миссис Карран. Судя по всему, та ожидала именно ее появления. Кэти очень нравилась мама Эми. Она была стройной, хорошенькой и всегда со вкусом одевалась, хотя вся ее одежда была из сэконд-хэнда. Сегодня на ней было элегантное розовато-лиловое платье с короткими рукавами и плиссированным лифом. Миссис Карран попросила Кэти заглянуть после чая на Агейт-стрит.

— Я хотела бы поговорить с тобой, дорогуша. Это насчет Эми.

— Она будет дома?

— Нет, дорогуша. Она идет на спектакль в Принцесс-театре в Биркенхэде и вернется очень поздно.

Кэти была рада, что ей есть куда пойти. Две ее сестры были замужем, а две другие, Лили и Фрэнсис, встречались с парнями. Они не обращали на нее никакого внимания. С тех пор как Эми встретила Барни Паттерсона, у Кэти возникла проблема, куда и с кем пойти.

Поев, она отправилась к Карранам. Миссис Карран заварила чай и очень красиво все расположила на подносе, включая тарелку с печеньем, среди которого были и кусочки сливочного «бурбона», любимого печенья Кэти.

— Угощайся, дорогуша, — сказала миссис Карран, когда они расположились в гостиной и она закурила.

Ужин Кэти состоял из толстого куска засохшего хлеба, размоченного в водянистом соусе. Она совершенно не наелась и поэтому с благодарностью набросилась на печенье. Ее собственная мама не признавала пудингов и десертов.

— Это насчет дня рождения Эми, — начала миссис Карран. — Как тебе известно, первого июня ей исполняется восемнадцать. И я не знаю, как отмечать день ее рождения.

— А с самой Эми вы об этом говорили?

— Нет, пока нет. Последнее время ее так сложно поймать.

— Может, она вообще не захочет ничего отмечать. — Кэти с трудом представляла себе высокого, красивого, привыкшего к роскоши Барни Паттерсона в доме Карранов.

Миссис Карран со звоном опустила чашку на блюдце.

— Кэти, дорогуша, — воскликнула она, — я хотела поговорить с тобой не только о дне рождения! Меня беспокоит парень, с которым Эми гуляет. Что он из себя представляет? Она отказывается приводить его домой. Раньше он заезжал за ней сюда и на обратном пути подвозил ее к дому, но после того, как я пригрозила выйти и представиться сама, он больше не появляется. Наверное, Эми приказала ждать ее в другом месте. Она даже не говорит мне, как его зовут и чем он занимается. Я хочу знать, он католик? Что у него за семья? Где он живет? — Она заплакала как раз тогда, когда Джеки и Бидди с грохотом слетели вниз и закричали, что идут гулять.

— Гулять куда? — закричала в ответ миссис Карран.

Девушки вошли в комнату. У них были такие же волосы, как у Эми, синие глаза, как у Эми, даже черты лица, как у Эми, и все же им не хватало чего-то совершенно неуловимого, что делало их старшую сестру ослепительной красавицей.

— Привет, Кэти, — жизнерадостно поприветствовали они гостью. — Мы идем в Стэнли-парк с Филлис МакНамара, мам.

— И что вы там собираетесь делать? — поинтересовалась миссис Карран.

Девушки растерянно переглянулись.

— Просто *разговаривать*, мама, — после паузы произнесла Джеки.

— Вот именно, мама, мы собираемся просто *разговаривать*, — подтвердила Бидди.

— Ну хорошо, только возвращайтесь домой не поздно.

— Зачем им идти в Стэнли-парк только для того, чтобы поговорить? — поинтересовалась миссис Карран, когда за дочерьми захлопнулась входная дверь. Кэти ответила, что не знает, но они с Эми тоже всегда так делали; в ответ на это миссис Карран шмыгнула носом и утерла слезу.

— Мы с Эми почти не общаемся, — пожаловалась она. — Она стала такой скрытной. Джеки и Бидди заметили это и тоже очень расстраиваются. Чарли злится, потому что вчера она нагрубила Марион. И все это началось в то воскресенье, когда вы ездили в Саутпорт. Я так понимаю, она познакомилась с этим парнем именно там. Эми так странно себя вела, когда вернулась домой. — Глазами, полными слез, женщина горестно поглядела на Кэти.

— Его зовут Барни Паттерсон, — медленно произнесла Кэти. Она пыталась припомнить все вопросы, которые задала миссис Карран. — Он живет в Калдерстоунсе, и у него есть брат по имени Хэрри. У их отца в Скелмерсдейле фабрика по производству медицинских инструментов. Они не католики, — добавила она. *Его мать закатит истерику, если узнает, что Барни собирается жениться на католичке*, — сказала тогда Эми. И Хэрри выглядел обеспокоенным, когда Кэти обмолвилась, что они с Эми причащались.

— В настоящее время Барни не работает. В прошлом году он окончил университет и теперь собирается идти в армию.

— Университет! — еле слышно повторила миссис Карран. Она сильно побледнела. — Наша Эми встречается с парнем, у которого есть машина и который учился в университете? Где они познакомились?

— На пирсе в Саутпорте. — Кэти хотелось бы рассказать миссис Карран о тех чувствах, которые, совершенно очевидно, питают друг к другу Эми и Барни, но она понимала, что не имеет права вмешиваться. Да и вообще, вряд ли она сумела бы это описать. А если она скажет, что Эми говорила о свадьбе, то вообще будет сплетницей.

— Как ты думаешь, все будет хорошо? В том смысле, что он за

человек?

— Я не знаю, — призналась Кэти. — Мне *показалось*, он ничего. Его брат Хэрри — точно классный парень. С Барни я почти не разговаривала. Он был слишком увлечен Эми.

— Что из этого выйдет, Кэти? — дрожащим голосом продолжала спрашивать миссис Карран. — Давай будем надеяться, что это скоро закончится, а?

Она посмотрела на девушку, но та лишь уклончиво улыбнулась.

— Нам остается только ждать, — сказала Кэти.

Кэти стала частой гостьей в доме Карранов. Она заходила ради миссис Карран. Здравомыслие и гордость не позволяли ей горевать из-за того, что ее бросила подруга. В «Вулворте» работало полным-полно девчонок, с которыми Кэти могла ходить в кино или на танцы в Риальто или Флоралхолл в Саутпорте. Она быстро обзаводилась новыми подругами, но пообещала миссис Карран, что придет на восемнадцатилетие Эми, и даже заранее купила подарок — коробку вышитых носовых платков.

— Эми будет с Барни, наконец-то, — задыхаясь от волнения, сообщила ей миссис Карран, когда Кэти в очередной раз к ней зашла. — Мы не станем никого приглашать. Будут наш Чарли и Марион, Джеки и Бидди, ну и, конечно, ты, дорогуша. Я только приготовлю бутерброды, испеку пирог и открою бутылку хереса.

Кэти пообещала зайти в полседьмого.

Этот день она не забудет никогда.

Погода первого июня была просто жуткой. Небо затянуло плотной пеленой темно-серых туч, и хотя дождя не было, в воздухе было столько влаги, что, казалось, он прилипал к щекам, как мокрая паутина.

Когда время приближалось к половине седьмого и Кэти уже была на пути к Агейт-стрит, наконец-то выглянуло солнце, как будто чтобы поздравить Эми. Ей как всегда везет, подумала Кэти. Даже погода стремится ее порадовать.

Повернув за угол, девушка увидела, что машина Барни уже стоит у дома Карранов. Кэти постучала, и Бидди открыла ей дверь. Она закатила глаза и дрожащим от волнения голосом произнесла:

— Вот ведь отчебучила наша Эми!

— Что случилось? — встревоженно спросила Кэти.

— Она и этот ее ухажер взяли и поженились, прямо сегодня, — ухмыляясь, сообщила Бидди. — Мама чуть не чокнулась, а Чарли сильно

разозлился. А я так просто зеленею от зависти. Вот бы мне сделал предложение кто-нибудь с машиной.

— У тебя еще все впереди, Бидди, — заверила ее Кэти. Девочке было всего четырнадцать.

Кэти вошла в дом и обнаружила всю семью, за исключением Марион, в гостиной. Барни стоял у камина, чувствуя себя весьма непринужденно, а Эми и Чарли пытались утешить миссис Карран, с которой, по-видимому, приключилась легкая истерика.

— Как ты могла так со мной поступить?! — рыдала она. — Как ты могла? Моя собственная дочка вышла замуж и не пригласила меня на свадьбу!

— Это была очень скромная свадьба, — сказала Эми, одновременно обращаясь и к Кэти, и к матери. — Мы вообще никого не приглашали. Попросили двух гостей с другой свадьбы быть нашими свидетелями. А потом пошли в фотоателье и сфотографировались.

— Ты должна была понимать, как сильно это обидит твою маму, — холодно сказала Кэти.

— Ты не все знаешь, Кэти, — так же холодно ответила Эми.

Только сейчас Кэти заметила, что ее подруга одета в очаровательное белое шелковое платье, отдаленно напоминающее то самое, которое вызвало у нее восторг в тот день в Саутпорте. У этого платья не было шлейфа, но выглядело оно таким же дорогим. Из узла на макушке, в который Эми собрала свои волосы, выбивались отдельные пряди, падая на лоб, уши и изящную белую шею. Шляпка представляла собой две белые шелковые розы и клочок белой сетчатой ткани. Кэти никогда еще не видела Эми такой красивой.

Барни тоже не стоял в конце очереди, когда Боженька раздавал красоту. В темном костюме и ослепительно белой рубашке он был похож на кинозвезду. Прядь каштановых волос дразняще упала ему на один глаз, он улыбался невероятно соблазнительной улыбкой и не мог оторвать взгляд от своей молодой жены. У Кэти екнуло сердце. «Будет ли кто-нибудь когда-нибудь смотреть на меня таким взглядом?» — подумалось ей.

Чарли похлопал мать по спине, а Эми ее слегка встряхнула.

— Да не принимай ты это все так близко к сердцу, мам. Нам с Барни и в голову не могло прийти, что ты так распереживаешься.

— Просто я хотела присутствовать на свадьбе моей дочки, — грустно сказала миссис Карран. — Это должно было случиться в католической церкви, чтобы вы поженились в глазах Господа.

— Ой, мам, это все не имеет значения.

— Для меня имеет, — опять заплакала Мойра. — Мама Барни знает, что вы поженились?

— Еще нет, миссис Карран, — ответил Барни.

Кэти не совсем поняла, что произошло вслед за этим. Оглядываясь назад, она смутно припоминала, что Барни, как волшебник, извлек бутылку шампанского, коробку изящных бокалов и золотой медальон с цепочкой для миссис Карран. Затем он принялся целовать всех присутствующих, включая Кэти. Он подарил Джеки и Бидди по одному фунту, став их лучшим другом на всю жизнь, и пожал руку Чарли долгим теплым рукопожатием, которое также включало сжимание плеча другой рукой. Мать Эми все еще плакала, рассматривая медальон, в котором, по словам Эми, скоро должна была появиться ее с Барни фотография, но это были уже скорее слезы радости, чем горя. Барни очаровал всех.

Или почти всех. Кэти совсем забыла о Марион. Когда она вошла в соседнюю комнату, Марион сидела за столом, уставившись в пространство перед собой.

— Хочешь шампанского? — спросила Кэти. — Там еще осталось.

— Спасибо, нет, — ответила Марион. Это была молодая женщина с лицом землистого цвета, черными, как вороново крыло, волосами, неестественно тонким носом и густыми бровями, которые делали ее лицо несколько грубоватым. Ей недавно исполнилось двадцать, но выглядела Марион на все двадцать пять. К тому же она была несколько высокомерна и настаивала на том, чтобы называть Чарли Чарльзом. В сентябре они должны были пожениться, но никто не понимал, что он в ней нашел.

— Ума не приложу, как Эми могла поступить так с собственной матерью, — с ожесточением произнесла Марион. — Чарли рассказывал мне, как тяжело миссис Карран работала все эти годы, чтобы ее дети ни в чем не нуждались, и смотри, что она получила взамен от своей дочери! Я с пяти лет вынуждена была работать в семейном бизнесе. Но бриллиант вырезают бриллиантом, как говаривала моя мама.

Кэти никогда не слышала этого выражения. Оказалось, что оно означает «око за око».

ГЛАВА 3

Апрель 1971 года

Маргарита

Мисс Бернс закурила еще одну сигарету. В кабинете было накурено, как в пабе. Пепельница на столе полна окурков, а ведь был только полдень.

— Бриллиант вырезают бриллиантом. Ты когда-нибудь слышала такую поговорку, Маргарита?

— Марион все время ее повторяет. Она означает расплату. Возмездие. Что-то в этом роде.

— Зуб за зуб. Именно это она сказала в тот день, когда твои мама и папа поженились. Она была единственной, кого не удалось околдовать твоему отцу. Всех остальных он быстренько приручил, даже меня. До этого я думала, что он мне не нравится, что было совершенно несправедливо, потому что я его совсем не знала. Ты его помнишь хоть немного?

— Почти нет, — призналась я. Мы не были близки, и он внушал мне страх, скорее даже ужас. Он пугал меня, когда кричал на мать, оскорблял ее. Иногда отец рассказывал мне какую-нибудь историю, придумывая ее на ходу, так что ни один из нас не знал, чем же она закончится.

С тех пор как неделю назад моя мать вышла из тюрьмы и, как написали в газетах, «легла на дно», мисс Бернс вызывала меня к себе в кабинет каждый день, чтобы обсудить, где она может быть и с кем. Директриса проводила половину обеденного перерыва, глядя в пространство и предаваясь воспоминаниям о своей старинной подруге.

— На днях я позвонила Хэрри, вдруг он знает, где Эми, но он ответил, что понятия не имеет, — говорила она на этот раз. — Удивительно, учитывая все происшедшее, что ни он, ни его отец не затаили на Эми злобу. Миссис Паттерсон, напротив, ненавидела Эми. После суда она подняла ужасный шум, заявляя, что ее следовало повесить. Она даже подала прошение министру внутренних дел. — Мисс Бернс затушила окурочек и закурила еще одну сигарету. Был ли за целый день хоть один момент, когда у нее во рту не было сигареты или она не собиралась прикурить следующую? Она выпустила густой клуб дыма и с отвращением

посмотрела на него. — Ты не поверишь, Маргарита, но в юности я поклялась себе, что никогда не буду курить. Беда в том, что во время войны все в армии курили.

Я пыталась придумать способ перевести разговор с прошлого на настоящее.

— Может быть, человек, захвативший за моей матерью, это кто-то, с кем она познакомилась в тюрьме? — высказала я предположение.

— Это могла быть та манекенщица, с которой подружилась Эми, Нелли-как-там-ее.

Я не ответила. Я никогда не слышала о Нелли-как-там-ее. Возможно, мое молчание подействовало на мисс Бернс и она поняла, как мне надоело все это обсуждать, или же просто подумала, что я хочу есть.

— Я заняла весь твой перерыв, правда, дорогая? Может быть, мы могли бы как-нибудь вместе поужинать? Я угощаю, конечно же. Там бы все и обсудили.

— Было бы неплохо. — По крайней мере, это было лучше, чем ее постоянные звонки в учительскую и вызовы к себе в кабинет. Хильда Доули уже что-то подозревает. Может быть, она боится, что меня, самого молодого учителя в школе, к тому же совсем недавно поступившего на работу, собираются повысить.

Вечером Чарльз вслух поинтересовался, где может находиться моя мать. У Марион это вызвало раздражение.

— Эми из всего способна раздуть драму, — пожаловалась она. — Я могу понять ее желание спрятаться, но не от нас же. В смысле, не от *тебя*, — поправилась она, когда Чарльз на нее покосился.

В тот день, когда Эми Паттерсон выпустили на свободу, журналисты ожидали у ворот Холлоуэя и их по-прежнему интересовало ее исчезновение. В газетах появились фотографии белого «роллс-ройса», на большой скорости уносящего мою мать от тюрьмы. Как потом выяснилось, машина была арендована. Чарльз подпрыгивал каждый раз, когда звонил телефон или раздавался стук в дверь, думая, что это его разыскал кто-то из репортеров. Эйнтри находился очень далеко от Бутла, но от этого не переставал быть одним из районов Ливерпуля.

— Больше всего они хотели бы пообщаться с тобой, Маргарита, — сказал Чарльз. — Дочь Эми стала бы для них настоящей находкой.

Эта неопределенность начинала меня угнетать. В субботу я сделала то, что делала всегда, когда хотела справиться с подавленным настроением. Я поехала в город и купила себе кое-что из одежды. Я убедилась, что

остро нуждаюсь в чем-то летнем и одновременно не очень броском для школы. Блуждая по отделам женской одежды «Льюиса» и «Оуэн-Оуэнса», я жалела, что уже купила костюм на свадьбу Триш, и одновременно пыталась задвинуть все, не имеющее отношения к одежде, в глубины своего сознания.

Спустя некоторое время я обнаружила, что это не так уж и трудно.

Примерив целую гору платьев, блузок и юбок, я наконец остановила свой выбор на тонком полупрозрачном платье серого цвета с белым воротником. Платье принадлежало мне меньше минуты, когда я решила, что оно слишком нарядное для школы. Поэтому я купила еще темно-синюю льняную юбку и белую блузку с вышивкой.

Со всем этим я отправилась в ресторан на верхнем этаже «Оуэн-Оуэнса» и заказала кофе. Вечером мы с Чарльзом и Марион собирались пообедать в городе, и я решила надеть новое платье. Я мысленно перебрала свои туфли. Платье будет идеально смотреться с белыми босоножками на танкетке.

Официантка принесла кофе. Уставившись в его коричневые глубины, я почувствовала, что настроение меняется. Чарльз и Марион пойдут в ресторан только ради меня. Сегодня суббота. Триш уехала в Лондон выбирать дом для себя и Иана, что означало, что мне совершенно нечего делать и некуда податься в субботний вечер. Чарльз и Марион просто ждали надо мной.

Я добавила в кофе сливок и помешивала его ложечкой, когда услышала тоненький голосок, который произнес: «Здравствуйте, мисс». Это был Гари Финнеган, мальчик, которого мама целовала возле двери класса у всех на виду, из-за чего другие дети над ним насмехались. Тихий ребенок с чудесным характером. Предполагается, что у учителей не должно быть любимчиков, но я ничего не могла с собой поделать: Гари нравился мне больше других мальчишек.

— Привет, Гари.

Он смотрел на меня широко открытыми, круглыми, как блюдца, зелеными глазами, как будто не мог поверить, что его учительница действительно существует вне школьных стен.

— Где твои мама и папа? — спросила я.

— Папа вон там, он уже идет сюда.

К нам устало подошел высокий хорошо сложенный мужчина лет тридцати, в легком сером костюме, весь увешанный пакетами с покупками. У него были прямые светлые волосы и неулыбчивое, но приятное лицо со следами загара. Его карие глаза смотрели очень грустно, и мне захотелось

узнать почему.

— Иди сюда, Гари. Не приставай к людям. — Мужчина вымученно улыбнулся. — Простите, иногда он бывает чрезмерно общительным.

— Но папа, — пропищал Гари, — это мисс из школы.

— Мы действительно знакомы, — пояснила я.

— А, ну если так... — Один из пакетов упал на пол, и мужчина за ним наклонился. — Я покупал Гари вещи для школы, шорты и все такое.

— Шорты? — Я сморщила нос.

— А что, шорты не подходят? — встревожился он.

— Подходят, но только для игр. — Я кивнула на свободный стул. — Присядьте на минутку, мистер Финнеган. Кстати, меня зовут Маргарита Карран. Я работаю с первоклассниками, и Гари в моем классе.

— Роб Финнеган. Очень приятно. — Пожимая мне руку, он уронил и остальные пакеты. Я помогла сложить их под столом и, пока он усаживался, пододвинула еще один стул для Гари. Тут же подошла официантка. Она вопросительно посмотрела на меня.

— Вы не возражаете, если я что-нибудь закажу? Или вы кого-нибудь ожидаете?

— Заказывайте все, что хотите. Я никого не ожидаю.

— Кофе с молоком, пожалуйста, и клубничный коктейль. Что ты будешь есть, сын?

— Сосиску с жареной картошкой, пожалуйста, папа.

— Какой вежливый маленький мальчик, — похвалила его официантка. — Сейчас все принесу.

— Так чем же вас не устраивают шорты... как мне к вам обращаться, Маргарита или мисс Карран? — Мужчина провел пальцем под воротником рубашки и ослабил узел галстука. Теперь он выглядел не таким измученным.

— Зовите меня Маргарита. Шорты считаются старомодными, сейчас их надевают только когда идут играть.

— Старомодными? Но я носил шорты до одиннадцати лет, пока не окончил начальную школу.

— То было тогда, а это сейчас. Большинство маленьких мальчиков ходят в длинных брюках, обычно в джинсах. В шортах Гари будет выделяться. — Я не решилась предложить ему попросить жену в будущем прощаться с сыном за воротами школы.

— А как насчет рубашки с короткими рукавами и галстука для лета?

Я покачала головой.

— В нашей школе нет обязательной формы. Директор школы, мисс

Бернс, предпочитает, чтобы дети ходили в удобной неофициальной одежде: мальчики в джинсах, девочки в простых юбках и красных футболках или свитерах. — Мисс Бернс не хотела обременять родителей стоимостью формы, поскольку некоторые из них вынуждены были покупать одежду для детей в сэконд-хэнде. — Вам должны были сообщить все это в письменной форме, прежде чем зачислить Гари в школу.

— Наверное, я потерял это письмо. Февраль у нас был несколько суматошным, правда, Гари?

— Это был настоящий сумасшедший дом, — кивнул мальчик. — Мы тогда только что вернулись из Уганды, правда, папа?

— Из Уганды? — удивилась я.

— Я там работал в полиции, — сообщил мне Роб, — но потом случился переворот, и к власти пришел парень по имени Иди Амин^[3]. Нам посоветовали поскорее уносить ноги. Это опасный тип.

— Где вы живете сейчас?

— В Сифорте, у моей сестры, пока не подыщем себе дом. У нее квартира на Сэнди-роуд. — Он поморщился. — Там тесновато, но за те несколько лет, что нас не было, цены на жилье взлетели, и нелегко будет найти дом, который я смогу купить. К тому же времени на поиски у меня мало, потому что я работаю в ночную смену на почте. Когда мы наконец устроимся, возможно, я вернусь на работу в британскую полицию, хотя, наверное, благоразумнее будет опять уехать за границу, например, в Австралию или Канаду. Там больше перспектив.

— Если мы поедem в Австралию, папа, ты мне купишь медвежонка-коалу?

— Коалы находятся под охраной, Гари, — сообщила я ему. — Их запрещено держать как домашних животных.

Малыш выглядел разочарованным.

— В Уганде у нас был Джимми, но в Англии его бы держали на карантине целых шесть месяцев, поэтому нам пришлось его оставить.

— Джимми — это собака?

— Нет, это кот, — Гари сосредоточенно нахмурился. — Он полосатый, поэтому мы считали его тигром.

— Джимми уже очень старый, — вмешался в разговор Роб. — Он достался нам по наследству примерно за год до отъезда от другой семьи, которая возвращалась в Англию. Я сомневаюсь, что он пережил бы шесть месяцев карантина. Их там держат в клетках.

— Люди, у которых он теперь живет, такие же хорошие, как и вы? — обратилась я к Гари.

Он кивнул с серьезным видом.

— Даже лучше. Он живет у девочки по имени Петрон... как ее зовут, папа?

— Петронелла.

— У нее золотые волосы до самой земли.

— Пожалуй, тут ты немного преувеличиваешь, сынок. У Петронеллы волосы всего лишь до пояса. — Улыбка преобразила лицо Роба. Он начал понемногу отходить.

Где его жена? — подумала я. Обычно отцы не ходят по магазинам, покупая одежду своим детям. Вслух я произнесла:

— Вы можете отнести всю эту одежду назад и поменять на другую.

— А ее примут?

— Примут, если у вас сохранились чеки.

— Они где-то здесь. — Он порылся в карманах и вытащил оттуда ворох мятой бумаги.

Подошла официантка с заказом. Роб поинтересовался, не хочу ли я еще кофе, и я сказала, что хочу. Я оглядела переполненный зал. Если бы кто-нибудь за нами наблюдал, он бы принял нас за самую обычную семью, которая выбралась в город за покупками. Не знаю, почему эта мысль доставила мне определенное удовольствие. Никто и не догадывается, что я не жена этого мужчины и не мать ребенка.

Я заметила под столом плоский пакет с логотипом «ВХ Смит».

— Какие пластинки вы купили?

— Джимми Хендрикс, «Тремелос», «Волынщик у врат зари» «Пинк Флойд». — Роб достал пакет и показал мне свое приобретение.

— Я все это обожаю! — восхитилась я. — У меня есть последняя пластинка Саймона и Гарфункеля, «Мост через бурные воды». Я ее все время кручу.

— В Уганде я немного отстал от жизни. — Роб устроил пакет в безопасном месте. — Но я хочу похвастаться. Однажды вечером в тысяча девятьсот шестьдесят первом году я был в Литерлэнд-Таун-холле, где четверо ужасно неряшливых парней играли музыку, которой я никогда прежде не слышал. Потом оказалось, это были всего-навсего «Битлз».

— Я тоже там была! — воскликнула я. — Мне было всего пятнадцать.

— А мне восемнадцать!

— Где вы сидели?

— В первом ряду. Я дружил с парнем, который знал Ринго Старра.

— Мы с подружкой сидели в последнем ряду, — засмеялась я. У нас не было таких друзей.

— Вот это совпадение так совпадение! — изумился Роб. — Десять лет назад мы были в одном и том же месте. — Он помолодел прямо у меня на глазах. Ему было всего двадцать восемь, а не за тридцать, как мне показалось вначале.

— У папы всегда играет музыка, — торжественно сообщил Гари. — Бесс возмущается, потому что он пользуется ее проигрывателем. Она любит... — он нахмурился, — пап, какую музыку любит тетя Бесс?

— Кантри и вестерн, сынок, — выручил его отец. Он обернулся ко мне и негодуя воскликнул: — Ее любимая певица Конни Фрэнсис!

— О господи! — понимающе вздохнула я. — Неужели кто-то может предпочитать кантри и вестерн рок-н-роллу?

— Я тоже не перестаю удивляться, — кивнул Роб.

— А какую музыку любит твоя мама, Гари? — обернулась я к мальчику.

— Моя мама умерла, мисс, — просто сказал он. — Она утонула в Испании.

Я прижала ладони к пылающим щекам. Мне страшно захотелось, чтобы пол под моими ногами разверзся и поглотил меня.

— Прости. Я понятия не имела... То есть я хочу сказать, я думала, что женщина, которая приводит Гари в школу, это его мама.

— Нет, это Бесс, моя сестра. Ага, а вот и ваш кофе. — Роб взял чашку с подноса официантки и поставил ее передо мной. Я сделала глоток и обожгла язык. — Ничего страшного, — успокоил он меня. — Откуда вы могли знать? Это случилось три года назад. Мы с Гари совершенно свободно говорим об этом.

— У нее были зеленые глаза, — сказал Гари. — Совсем как у меня.

— Правда? — потрясенно выдавила я.

— И каштановые волосы. Они были волнистые, как у меня, только мои волосы не каштановые. У меня волосы такого же цвета, как у папы.

— Судя по твоему рассказу, она была очень хорошенькая.

— Она была страшно красивая. У нас дома есть ее фотографии, правда, папа?

— Да, Гари. — Роб взъерошил белокурые вихры сына. Они обменялись взглядом, который, казалось, говорил: «Это наша общая беда». Между ними существовала связь, которую не часто можно встретить между отцом и сыном.

— Мне пора. — Я допила свой кофе. Он все еще был очень горячим и опять обжег мой язык. До этого сообщения я хотела предложить Робу Финнегану вернуться с ними в магазин и обменять купленную одежду. Он

мне очень понравился. Я *позволила* ему понравиться мне. Мне приятно было обнаружить, что у нас одинаковые музыкальные пристрастия и что мы оба были на самом первом концерте «Битлов». Но все это только потому, что я была уверена, что он женат, а значит, недоступен. Я всегда держалась как можно дальше от одиноких привлекательных мужчин, потому что боялась влюбиться в одного из них, что в свою очередь могло повлечь за собой замужество, а это было очень опасно.

Или нет?

Я уже не знала. Я ничего не знала.

— Звонила Кэти Бернс, — сообщил мне Чарльз, когда я вернулась домой. — Я пригласил ее сегодня с нами в ресторан. Надеюсь, ты не возражаешь. Или тебе будет неловко есть за одним столиком с директором школы, в которой ты работаешь?

— Ничуть, — заверила я его.

— Марион не слишком этому рада. Она думает, что Кэти будет все время говорить о твоей матери и станет называть меня Чарли. — Он улыбнулся. — Сейчас меня уже почти никто не называет Чарли.

Я согласилась, что мисс Бернс почти наверняка захочет поговорить о моей матери.

— Она сгорает от нетерпения узнать, где находится ее подруга.

— А кто не сгорает? — сухо заметил Чарльз. — Но я полагаю, Эми появится, когда сама этого захочет. Пойду приму ванну. Я только что впервые в этом году подстриг лужайку, и у меня нет сил. Марион ушла делать прическу, вернется где-то через полчаса. — Марион ходила делать прическу каждую субботу, без пропусков.

Чарльз поднялся наверх, а я направилась в сад, чтобы взглянуть на лужайку. Она была невероятно зеленой и источала чудесный запах свежескошенной травы. Я с наслаждением сделала глубокий вдох. Мысль о том, что скоро все расцветет и заблагоухает, ободрила меня. Сад был создан в основном усилиями Чарльза. Густая живая изгородь и шарики кустов были выращены из черенков, а цветы — из семян. Сад был гордостью и радостью Чарльза.

Дом дядя приобрел в тысяча девятьсот тридцать девятом году. Тогда это было большой редкостью среди представителей рабочего класса. Здание было сложено из красного кирпича, в нем было три спальни, две гостиные, столовая и гараж, который достроили позднее.

Чарльз говорил, что дом достался ему на удивление дешево, «он обошелся мне меньше, чем в четырехзначную сумму», — любил

хвастаться дядя. Теперь дом стоил пять или шесть тысяч фунтов. Чарльз и Марион часто просматривали объявления о продаже домов в «Ливерпуль эко», чтобы быть в курсе цен, хотя не имели ни малейшего намерения переезжать. Они даже ездили взглянуть на кое-какие дома. Это было для них чем-то вроде хобби. Мебель они сразу купили дорогую, из натурального дерева, на всю жизнь. Как бы ни менялась мода, они больше никогда ничего не купят.

Марион вернулась домой с угольно-черными аккуратно уложенными волосами. Она попросила показать одежду, которую я купила. Марион всегда демонстративно восхищалась покроем, щупала ткань, отмечала, что именно эта вещь (или что-то иное) отличается очень высоким качеством. Я не могла понять, ее это и в самом деле интересует или она просто делает то, что, по ее мнению, должны делать матери. Мою тетю не интересовали ни драгоценности, ни одежда. Ее украшениями были обручальное кольцо и крохотные жемчужные сережки, свадебный подарок Чарльза, которые она никогда не снимала. У Марион было два элегантных костюма и несколько простых платьев, юбок и блузок, все в темных тонах. Она ни разу в жизни не надевала брюки и наотрез отказывалась купить Чарльзу джинсы. «Я ведь не за ковбоя выходила, не правда ли?» — говорила она.

Мы заказали столик в «Одиноком колоколе», пабе в Формби, неподалеку от дюн^[4]. Хотя мы приехали раньше условленного времени, Кэтрин Бернс уже ожидала нас в ресторане на втором этаже. Она была одета в темно-синий, почти черный, бархатный брючный костюм с белой кружевной блузкой. Сегодня она решила немного подкраситься и выглядела очень эффектно, к тому же значительно моложе, чем обычно.

— О боже! — простонала Марион. — Она курит. Ты же знаешь, что я не выношу сигаретного дыма, Чарльз.

— Я не виноват, что она курит, — прошептал мой дядя.

— Тебе не следовало ее приглашать.

— Я совершенно забыл, что она курит.

К счастью, заметив нас, мисс Бернс тут же затушила сигарету. Она поднялась и поцеловала Марион, а затем Чарльза.

— Иди сюда, Маргарита, — она чмокнула меня в щеку. — Ты дочь моей самой лучшей подруги, — взволнованно произнесла мисс Бернс. От нее пахло алкоголем.

— Не много толку от лучшей подруги, которая провела двадцать лет в тюрьме, — усевшись на стул, заметила Марион. Иногда ее прямо ставила

людей в очень неловкое положение. — Но еще хуже, когда подруга из этой тюрьмы освобождается и совершенно исчезает из поля зрения. То есть я хочу сказать, — фыркнула моя тетя, — хорошая у тебя подруга!

— Дружба, как и благородство, может простить очень многое, — ответила мисс Бернс. Резкость Марион ее, похоже, не задела, а лишь позабавила.

Марион открыла рот, чтобы что-то возразить, но передумала и захлопнула его. Видимо, Чарльз пнул ее под столом ногой.

— Когда мы последний раз виделись? — громко поинтересовалась мисс Бернс.

— Когда Эми опять перевели в Холлоуэй, — ответил Чарльз. — Мы с тобой одновременно приехали навестить ее. Мне кажется, это было года три назад.

— Ты прав. А с тобой, Марион, мы последний раз виделись на двадцать первом дне рождения Маргариты. Нам надо встречаться почаще.

— Согласен, — заявил Чарльз и заскрипел зубами. Я была уверена, что на этот раз Марион пнула его. Я надеялась, что мисс Бернс и Марион не будут целый вечер метать друг в друга отравленные стрелы, а Чарльз и Марион тайком не запинают друг друга насмерть. Тут Чарльз заказал бутылку красного вина и бутылку белого и принялся подливать им в бокалы, не спрашивая разрешения. К концу ужина все уже были лучшими друзьями.

ГЛАВА 4

Сентябрь 1939 года

Эми

С тех самых пор, как Эми и Кэти начали работать, они тратили практически все свои карманные деньги на кино. Подруги всегда сидели в первом ряду, потому что билеты на эти места стоили всего один пенс. Они знали, что не все девушки ведут такую жизнь, как они, имеют такую работу, как они, или живут в похожих на Бутл предместьях. К примеру, в американских фильмах Эми и Кэти видели девушек, выступающих в шоу на Бродвее, а если они не играли на сцене, то были кинозвездами, репортерами, манекенщицами или выходили замуж за сказочно богатых мужчин и жили в невероятно шикарных домах.

В глубине души Эми понимала, что ей жизнь таких возможностей не предоставит. Самое большее, на что она могла рассчитывать, так это на любимого мужа и дом чуть получше того, в котором она родилась и выросла. Ну и, конечно же, у нее будут дети. Эми хотелось иметь четверых, а Кэти заявила, что с нее и двоих хватит. Обеих девушек вполне устраивала подобная картина ожидающего их будущего.

Но с того дня, как на пирсе в Саутпорте Эми познакомилась с Барни Паттерсоном, привычная жизнь осталась позади, а расстилавшееся перед ней будущее превосходило самые смелые ее мечты. Девушка и не подозревала, что можно быть так безоговорочно и бесконечно счастливой, как она была счастлива с Барни, проводя с ним почти каждую минуту.

Она оставила свою работу в столовой, а Барни ожидал начала войны, прежде чем поступить в армию. Ему было безразлично, будут это сухопутные войска, флот или авиация. Барни был двадцать один год, и его все равно должны были скоро призвать, возможно, ему не придется даже просить об этом. Эми казалось, что в любую минуту на коврик у двери может приземлиться роковое письмо. Но до этого момента все время принадлежало Барни и Эми, и они вольны были распоряжаться им, как заблагорассудится. Утром, днем и вечером она молилась о том, чтобы случилось чудо и война не началась, но Барни сказал, что на это надеяться

не стоит.

— Все зашло слишком далеко, — убеждал он Эми. Всем раздали противогазы, в прихожей лежал огнетушитель, подвал предстояло использовать как бомбоубежище во время налетов, жителей обязали покупать ткань для затемнения и шить из нее шторы, а на стекла наклеить полоски бумаги, чтобы те не вылетали от взрывной волны упавшей неподалеку бомбы.

Бомбы! Эми была убеждена, что если она допустит подобные жуткие мысли, то тут же сойдет с ума. Так что она полностью игнорировала все происходящее за пределами квартирки, в которой жили она и Барни.

Квартира находилась на верхнем этаже четырехэтажного здания, выходящего на Ньюсхэм-парк. В ней была большая гостиная с двумя окнами, средних размеров спальня и крохотные кухня и ванная. Эми так радовалась, что ей больше не нужно выходить во двор, чтобы воспользоваться туалетом, и что у нее теперь есть плита с четырьмя газовыми горелками и духовкой, а не старомодная черная печь, которую приходилось бесконечно драить и натирать графитом.

По утрам солнце светило прямо в окно спальни, пробуждая молодоженов своим сиянием и теплом. Вечером оно садилось как раз напротив окон гостиной, так что Эми и Барни могли наблюдать за тем, как небо меняет цвет по мере того, как солнце исчезает за расположенными поблизости домами. В некоторых местах потолок снижался так резко, что Барни иногда врзался в него головой. Не успевал сойти один синяк, как он уже набивал новый.

На каминной полке стояла свадебная фотография в серебряной рамке. На ней были только он и она, улыбающиеся друг другу. Это был самый счастливый день в жизни Эми, и ей было очень жаль, что мама тогда так сильно расстроилась. Мама не испортила этот день, его ничто не могло испортить, но Эми думала, что все будут так же счастливы, как они с Барни. Похоже, она совсем утратила способность смотреть на жизнь глазами других людей.

Этажом ниже жили супруги Клайв и Вероника Стаффорд, которым было уже за тридцать, а под ними — мистер и миссис Портер, пожилая пара. На первом этаже жил капитан Кирби-Грин, холостяк, который посвятил большую часть своей жизни королевскому флоту. Они все были «ужасными аристократами». Клайв и Вероника однажды пригласили Барни и Эми к себе на ужин.

— Но нам придется тоже их пригласить, а я абсолютно не умею готовить, — запрчитала Эми. — Все, что я могу приготовить — это

жаркое.

— Это не имеет значения, дорогая, — успокоил ее Барни. — Я уверен, что твое жаркое гораздо вкуснее, чем все, что сможет приготовить Вероника. — Они лежали на кушетке, и он уткнулся носом в ее шею. — Если хочешь, мы скажем, что у нас слишком маленькая кухня, и пригласим их в ресторан.

У Барни не было проблем с деньгами. Когда молодожены въехали в эту квартиру, он решил, что там недостаточно мебели, отправился в «Джордж Генри Ли» и купил коричневый кожаный диван. Его доставили уже на следующее утро вместе с горой постельного белья, кипой скатертей и салфеток, круглым красным ковром и радиолой. Еще через день явился техник и установил в квартире телефон. У Эми теперь было достаточно платьев, чтобы в течение недели ни разу не повторять свой туалет. Дедушка и бабушка Барни по отцовской линии умерли и оставили в наследство ему и Хэрри по кругленькой сумме. Эми любила бы мужа не меньше, даже если бы у него не было ни пенни, но она не могла не признать, что его богатство делало ее существование еще более сказочным. Когда Барни уйдет в армию, банк будет выплачивать ренту за квартиру до самого его возвращения так же, как и денежное содержание его жене. Когда муж заговаривал об этом, Эми отказывалась обсуждать эту тему.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, мне кажется, я этого не вынесу. Наверное, я умру, — дрожащим голосом заявляла она. Она действительно предпочла бы смерть разлуке с Барни.

— Ах, Эми! — Он сгребал ее в объятия, нес в спальню, и они занимались любовью, независимо от того, какое было время дня, даже если они только что встали. Их занятия любовью были просто невероятными. У Эми не хватило бы слов, чтобы описать свои ощущения. Хотя кому бы она могла их описать? Только Барни, а он и так все знал.

Когда все заканчивалось, они продолжали лежать на кровати, так крепко обнявшись, что им трудно было дышать. Барни в тысячный раз повторял, как им повезло, что он на Пасху отправился в Саутпорт.

— Ты только представь себе, — говорил он, — если бы я не поехал туда, мы бы не нашли друг друга.

После этого они подолгу молчали, пытаясь представить себе, какой была бы их жизнь, если бы они так и не встретились, но это было невозможно. В то воскресенье за ними присматривал какой-то ангел, а возможно, и сам Господь Бог. Они оба были убеждены, что их брак заключен на небесах и что другие пары не любят друг друга так сильно, как они.

В то лето погода была великолепной, или это только казалось Эми и Барни, которые жили в своем собственном особенном мире. Когда молодожены не занимались любовью, они на целый день уезжали на машине за город, время от времени останавливаясь у пабов, чтобы подкрепиться. Иногда Барни проезжал через туннель под Мерси, и они отправлялись в Нью-Брайтон, Честер или даже Северный Уэльс. Они ходили в кино и театры и обедали в основном в ресторанах, хотя Эми любила экспериментировать на кухне. Она уже умела готовить довольно приличный омлет, и Барни обожал ее жаркое, особенно когда она заливала его коричневым соусом.

— Папе тоже так нравилось, — комментировала Эми. — Мама на него за это страшно сердилась. Она говорила, что у него в тарелке больше соуса, чем жаркого.

— Чем занимался твой папа? — спросил Барни.

— Он работал в службе доставки универмага «Хендерсон». Развозил на грузовике покупки по домам. Они с товарищем заносили костюм-тройку в чей-то дом, когда у отца случился сердечный приступ. Это было десять лет назад, и я все еще по нему скучаю. Нам всем его не хватает. Его имя было Джозеф, но все называли его Джо. — Эми обронила несколько слезинок. Теперь она часто плакала, и не только когда ей было грустно, потому что это бывало очень редко, но и когда ей казалось, как, например, сейчас, что она самая счастливая женщина на земле.

Иногда они с Барни отправлялись в поход по магазинам. Он объявлял, что должен купить подарок маме Эми, например перчатки или какое-нибудь украшение, или духи, «Шанель № 5» или «Шалимар» от Герлен. Раньше Эми с матерью покупали «Вечер в Париже» или «Джун», страшно дешевые по сравнению с теми, которыми они пользовались сейчас. Барни говорил, что миссис Карран очень милая и отличается от его собственной матери, как мел от сыра.

— Ой, милоч, зачем же это! — восклицала во время их очередного визита мама Эми, открывая коробку и обнаруживая внутри аккуратно сложенный шелковый шарф. Шарф был перламутрово-розовый с большими белыми цветами. Его выбрал Барни. Он купил банки с ароматическими смесями для Джеки и Бидди, которые и так были от него без ума, и шоколадные конфеты для Чарльза и Марион. Было непохоже, чтобы это доставило Марион хоть какое-то удовольствие.

Эми сказала мужу, чтобы он не обращал на Марион внимания.

— Она настоящая злючка. Никто не может понять, что наш Чарли в ней нашел.

Мама обернула шарф вокруг шеи.

— Он страшно красивый, — краснея, заявила она. — Я только пойду переобуюсь и слегка подкрашу губы. — Барни пригласил ее прокатиться с ними на машине.

— Не торопитесь, тещенька, — улыбаясь, ответил Барни. Мама обожала, когда он так ее называл. А сердце Эми всегда замирало, когда муж улыбался, потому что он сразу становился еще красивее, чем обычно. Она до сих пор не встречалась с матерью Барни.

— Когда же ты нас познакомишь? — не выдержав, спросила мужа Эми. — То есть она вообще знает, что мы поженились? — Ее беспокоило то, что он не представил ее своим родителям.

— Она знает, что мы поженились, но я тебя с ней никогда не познакомлю, — отрезал Барни. — Никогда, никогда, никогда. Она тебя ненавидит.

— *Ненавидит* меня? Но почему? — Эми чуть не заплакала.

— Потому что ты католичка, а она презирает католиков. Я тебе уже об этом говорил.

— Но если мы познакомимся, может быть, я ей понравлюсь.

— Я бы предпочел не рисковать, дорогая.

— А твой отец?

— Отец у меня ничего. Мне просто необходимо придумать, как бы вас познакомить. Видишь ли, он не любит делать что-то за маминой спиной.

Однажды утром в конце августа Барни решил, что им с Эми пора отправиться в свадебное путешествие. Ведь у них до сих пор не было настоящего медового месяца.

— Иначе мы так никуда и не поедem, в любую минуту может начаться война, и меня сразу призовут, — пояснил он. — Куда бы нам отправиться? За границу ехать слишком поздно. Как насчет нескольких дней в Лондоне? Мы поедem на машине.

Эми, которая ожидала, что он предложит Блэкпул или Мокем^[5], сочла поездку в Лондон замечательной идеей.

— Но не забудь, что в субботу свадьба нашего Чарли и Марион.

— Мы купим им в Лондоне подарок и вернемся в пятницу после обеда. Сегодня вторник, так что мы сможем провести вместе целых два дня.

Учитывая, что их поездке совершенно ничто не мешало и предупредить о своих планах тоже было некого и незачем, Эми тут же

начала собирать вещи. После долгих размышлений она выбрала изумрудно-зеленое платье с короткими цельнокроеными рукавами и воротничком «Питер Пэн»^[6] и кремового цвета костюм из грубого льна с коричневой блузкой. В дорогу она надела новую черную плиссированную юбку и белую приталенную блузку. Затем Эми помогла Барни собрать его чемодан и они отправились в путь.

Погода для августа была довольно прохладной, и небо было покрыто тучами, но не черными и тяжелыми, предвещающими дождь, а пушистыми, похожими на вату. Казалось, они вот-вот разойдутся и из-за них выглянет солнце.

Проселочная дорога, петляющая между холмами Чешира и огибающая высокие дымящие трубы Стоука-на-Тренте^[7], была довольно приятной. Проехав Бирмингем, молодожены остановились у паба, чтобы перекусить. Эми нравилось, что все вокруг другое, иначе говорят люди, по-другому пахнет. Они были всего в сотне миль от Ливерпуля, но она чувствовала себя так, как будто находится на другой стороне земного шара.

После этого пейзаж опять стал сельским и оставался таким до самых лондонских предместий. Они въехали в Лондон и покатали по красивой тенистой улице, которая, как сообщил ей Барни, называлась Парк-лейн.

— Слева от нас Гайд-парк, — сказал он. — Если здесь повернуть направо, там внизу будет небольшая гостиница, в которой папа всегда останавливается. Мы с Хэрри однажды тоже приезжали с ним. Она очень удобная, не то, что эти монстры. — Они проезжали мимо похожего на дворец отеля под названием «Дорчестер».

Их отель назывался «Пристс». Снаружи он был совсем заурядным и неприметным, но внутри их ожидала спокойная роскошь. Стены были обтянуты кремовым шелком, а ноги утопали в бежевых коврах, толстых и мягких, как лужайка, которую забыли подстричь.

Очувтившись в номере, Эми тут же бросилась на кровать. Она покачалась на пружинящем матрасе.

— Она такая мягкая! — воскликнула Эми.

Барни упал рядом с ней.

— В самом деле, — подтвердил он и привлек жену к себе. — Мы займемся любовью сразу или ты хочешь прежде немного поспать?

— Поспать. — Эми зевнула. — Я страшно устала. — Они сбросили туфли и заснули, обнявшись. Ровно через час они одновременно проснулись, и Барни принялся расстегивать пуговицы на ее белой кружевной блузке, пока Эми делала то же самое с пуговицами на его рубашке.

Занятия любовью всегда доставляли им необыкновенное наслаждение, но в лондонском отеле все чувства как будто обострились. На чужой кровати, в чужом городе им казалось, что они занимаются чем-то волнующе-запретным и оттого еще более притягательным.

Потом Эми подобрала небрежно разбросанную ими по полу одежду, распаковала чемодан и спрятала все вещи в платяной шкаф и пахнущие лавандой ящики комода. Расчески и туалетные принадлежности Барни она положила на комод, после чего направилась в ванную. Тот факт, что им не надо ни с кем делить ванную, с самого начала произвел на нее глубокое впечатление. Она умылась над большой белой раковиной и вытерла лицо пушистым белым полотенцем. Необъяснимым образом эти простые действия наполнили ее душу счастьем.

— Куда мы сегодня пойдём? — спросила Эми у Барни, выходя из ванной.

— В Королевский театр на спектакль «Танцующие годы» с Айвором Новелло, — ответил Барни. — Я попросил парня внизу заказать нам билеты. Он сказал, что билетов полно. Во всех театрах одно и то же. Люди валом валят из Лондона в поисках более безопасного места.

— В Лондоне опасно? — Зачем же они сюда приехали?

— Будет опасно, когда начнется война, — зловеще предрек Барни. — Лондон начнут бомбить одним из первых. Ливерпуль тоже.

— *Перестань!* — Эми топнула ногой и расплакалась. — Может, война еще и не начнется. Почему все так в этом уверены?

Барни подошел к ней и обнял.

— Потому что все, кроме тебя, моя дорогая девочка, знают, что дороги назад нет. Это как поезд с отказавшими тормозами, который летит под гору на полной скорости.

— Может случиться чудо, — рыдала Эми.

— Наверное, может, — согласился Барни, но она знала, что он говорит так только для того, чтобы успокоить ее. — Давай попробуем забыть обо всем на несколько ближайших дней, — мягко предложил он. — В конце концов, это наше свадебное путешествие.

Зрительный зал был заполнен менее чем наполовину. Прежде чем поднялся занавес и погасли огни, Айвор Новелло, невероятно красивый актер, игравший главную роль в спектакле, вышел на сцену и пригласил зрителей из задних рядов и с галерки пересесть вперед. Все захлопали. Эми и Барни передвинулись в середину, чтобы не мешать людям занимать пустые места в их ряду.

— Теперь, наверное, все время будет так, — произнесла женщина средних лет в розовом атласном вечернем платье, усыпанном блестками, когда Эми села рядом с ней. Эми подумала, что, быть может, ей тоже стоит купить вечернее платье.

— Что вы имеете в виду? — спросила она у женщины.

— Все будет не так, как раньше. Прежде нас, зрителей из первых рядов, возмутило бы то, что зрителям с галерки позволили сесть рядом с нами. В конце концов, наши места гораздо дороже, чем у них. Но сейчас, когда война уже почти началась, это наша общая беда и нас это уже не задевает. Вам не кажется, что когда мы все сидим рядом, мы становимся намного ближе друг другу? — Шарканье и движение уже прекратились, и все в молчании ожидали, когда поднимется занавес.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Эми.

В театре царил теплая и дружеская атмосфера, которую, однако, для Эми испортили рассуждения незнакомой женщины.

На следующий день приближение войны стало еще более очевидным. В Гайд-парке, к примеру, развернули зенитную батарею, в крупных магазинах развесили объявления, в которых покупателям разъяснялось, где им следует укрыться в случае воздушной тревоги, возле больших красивых зданий были сложены мешки с песком, и очень многие люди, стеснясь, несли через плечо коробки с противогазами. Одна женщина связала для своего противогаза красивый чехол, и теперь все шесть сторон коробки украшали большие выпуклые цветы.

Эми и Барни медленно гуляли по Оксфорд-стрит, потом зашли выпить кофе в «Сэлфриджес». Когда они вышли на улицу, Барни остановил такси, которое доставило их в «Хэрродс», «самый знаменитый, и, наверное, самый дорогой магазин в Англии», — пояснил он.

Эми чуть не упала в обморок, увидев цены на одежду. Даже Барни, который всегда был необыкновенно щедр, ничего не предложил ей здесь купить. Тем не менее он приобрел изумительный набор столовых ножей в кожаном черном футляре с бархатной обивкой в качестве свадебного подарка для Чарли и Марион.

— Это должно понравиться даже Марион, — одобрила Эми. — Возможно, это вызовет улыбку на ее вечно несчастном лице.

— А что я должен сделать, чтобы вызвать улыбку на твоем лице, Эми? — прошептал ей на ухо Барни. Эми что-то прошептала в ответ, на что он ответил: — Ваше желание для меня закон, миссис Паттерсон.

Он тут же поймал такси. Они вернулись в отель, заперлись в своей

комнате и не показывались оттуда почти до чая.

На следующее утро, в четверг, когда молодожены спустились к завтраку, несколько постояльцев собрались в холле и слушали радио. Барни сказал, что, возможно, им стоит узнать последние новости, но Эми ответила, что пока она в Лондоне, новости ее не интересуют.

— Я закажу завтрак, — произнесла она. — Что ты будешь?

— Все, — ответил Барни. — И скажи им, что я люблю хорошо поджаренные тосты. — У него был волчий аппетит.

Через несколько минут прибыл заказанный ею чайничек чая, но Барни все не появлялся. За соседним столиком сидела пожилая пара, обоим было за шестьдесят.

— Думаю, мы должны сегодня же отправиться домой, чтобы помочь Сэлли отвезти детей к тете Элис. Ей самой будет слишком тяжело управиться со всеми пятерыми, — говорила женщина.

— Ты права, Флора. Когда мы позавтракаем, мы упакуем вещи и отправимся на вокзал Ватерлоо. Завтра тут может развернуться ад.

Барни вернулся и молча сел к столу. Его лицо было мрачным. Эми налила ему чаю.

— Что должно произойти завтра? — спросила она. — Наш сосед сказал, что завтра может развернуться ад, но мне показалось, он говорил о поездах.

— Ты в самом деле хочешь это знать?

Эми вздохнула.

— Да. — Она больше не могла делать вид, что ничего не происходит. Она же не ребенок, чтобы игнорировать угрозу войны.

— Правительство распорядилось утром эвакуировать детей. — Барни развернул льняную салфетку и расстелил ее у себя на коленях. — Возможно, нам тоже лучше выехать утром, не дожидаясь вечера. На дорогах, наверное, будет много машин. Не очень веселое вышло у нас свадебное путешествие, правда, Эми? — грустно спросил он. — Вот что я тебе скажу. — Его карие глаза оживились. — Когда-нибудь мы приедем в Лондон на целую неделю. А может быть, даже отправимся в Париж! У нас еще будет настоящий медовый месяц, вот увидишь!

Они планировали провести целый день, рассматривая достопримечательности Лондона, но у Эми пропал всяческий интерес.

— Займемся этим в другой раз. Я предпочитаю просто походить по магазинам, а не смотреть на Букингемский дворец и здание парламента, —

заявила она, когда они вышли из отеля. — Я хотела бы купить подарки для мамы и для наших Джеки и Бидди, и для твоего Хэрри... и для Кэти, — добавила она, сообразив, что давным-давно не видела подругу, с которой раньше встречалась практически каждый день. — Я куплю ей что-нибудь шикарное.

Барни любил ходить по магазинам почти так же, как его жена, и с готовностью согласился. Он сказал, что ему совершенно необходим новый костюм на свадьбу Чарли.

— Мне очень хочется светло-серый костюм в белую полоску. Чарли ведь будет не во фраке? — поинтересовался он.

— О господи, конечно нет! — рассмеялась Эми. — Но он тоже купил себе новый костюм, простой темно-синий костюм.

— Давай вначале займемся твоими покупками. — Он взял ее руку и продел в свою. — Ах да, нам еще надо купить тебе подарок, какой-нибудь сувенир на память о Лондоне. Как насчет обручального кольца? Я ведь до сих пор его тебе не купил. Мне очень жаль, что наше свадебное путешествие оказалось таким неудачным.

— Ничего подобного. Мне все очень понравилось. Я рада, что мы сюда приехали, и очень хочу обручальное кольцо. — Они остановились посередине Парк-лейн и слились в долгий, нежный поцелуй. Они были удивительно красивой парой: высокий и элегантный Барни в коричневом летнем костюме и хорошенькая, как картинка, Эми в изумрудно-зеленом платье. Прохожие взирали на них нахмурившись или с удивленной улыбкой, в зависимости от настроения. Некоторым даже показалось, что они уже видели эту парочку в каком-то голливудском фильме.

Четыре часа спустя Эми и Барни зашли в ресторан Джона Льюиса и поднялись на верхний этаж. Некоторое время Эми рассматривала свое кольцо с бриллиантом, сверкающее на безымянном пальце левой руки. Она поворачивала руку в разные стороны, восхищаясь игрой света на гранях камня. Удовлетворенно вздохнув, девушка принялась изучать другие покупки: сумочку из змеиной кожи для мамы, две гладкие кожаные сумочки для сестер и необычайно изящную кружевную блузку цвета слоновой кости для Кэти. Блузка была достаточно нарядной, чтобы можно было отправиться в ней на танцы, и достаточно строгой, чтобы можно было ходить в ней на работу.

— Что мы купим для твоего Хэрри? — спросила Эми. Ей очень нравился брат мужа. Каждое воскресенье они встречались и ужинали с ним в городе.

Молодожены долго обсуждали этот вопрос, пока не решили подарить ему механический карандаш в красивом черном футляре. К карандашу прилагался комплект запасных грифелей, а в завинчивающемся колпачке пряталась резинка.

Эми настояла на том, чтобы в гостиницу они поехали на красном автобусе.

— Я никогда не ездила на автобусе. Дома мы всюду ездим на трамвае, — убеждала она мужа.

Барни купил «Ивнинг стандарт», чтобы взглянуть на репертуар кинотеатров и решить, что они будут смотреть в свой последний вечер в Лондоне.

— Флот привели в боевую готовность, дружище, — сообщил ему продавец, веснушчатый парень, в котором, наверное, не было и пяти футов росту. — В газетах этого еще нет, мне об этом рассказали.

От усталости Эми еле держалась на ногах. Вернувшись в гостиницу, она решила принять ванну, пока Барни будет читать газеты. Эми высыпала в горячую воду, от которой поднимались клубы пара, всю бесплатную баночку соли, забралась туда и тут же уснула.

Проснувшись, она выбралась из воды, завернулась в гигантское белое полотенце и обнаружила, что Барни тем временем тоже уснул на кровати. Он сбросил пиджак и жилет, ослабил ворот рубашки и свернулся на боку, как младенец.

Эми легла рядом с ним. Она переплела свои пальцы с пальцами его лежащей на подушке руки, но он не проснулся, а только вздохнул.

— Ах, Барни, — прошептала она. Эми любила его так сильно, что это причиняло ей самую настоящую физическую боль в горле и в сердце. Она поняла, что то, что принято называть сердечными муками, действительно существует.

Барни открыл один глаз (второй скрывала подушка), потянулся к полотенцу и стащил его с жены. Они занялись любовью, и на этот раз между ними не было никакой нежности, а лишь горечь и гнев на то, что должно было случиться завтра или послезавтра, или на следующий день. Жизнь вот-вот должна была перевернуться вверх дном, и не только для них, но и для всей страны, а может быть даже для всего мира.

— У меня нет настроения идти в кино, — заявила Эми позже, когда Барни начал зачитывать ей перечень фильмов. Даже «Мистер Смит едет в Вашингтон» с Джеймсом Стюартом, ее любимым актером в главной роли, не вызвал у нее энтузиазма.

— Я не смогу сосредоточиться, — пожаловалась она. — Давай лучше пойдем куда-нибудь, где мы сможем поговорить.

— Мы можем говорить на ходу, — ухмыльнулся Барни.

Взявшись под руку, они брели вдоль Парк-лейн, пока не дошли до Пиккадилли. На Пиккадилли-серкус они некоторое время наблюдали за яркими переливающимися огнями, а потом присели на ступеньках, ведущих к Эросу, и вместе с другими сидящими там людьми спели «Гори, очаг родного дома» и «Долгую дорогу в Типперэри». Автобусы, машины и кэбы медленно огибали островок, на котором расположился их импровизированный хор, беспрестанно сигналив, как будто это могло хоть как-то ускорить движение.

Вокруг было много людей в форме, большинство из них молодые. Очень скоро, может быть даже на следующей неделе, Барни тоже наденет форму. Он сказал, что если к тому времени, как они вернутся домой, его не будет ожидать повестка, он сам отправится на призывной пункт. Эми сидела, прижавшись к его плечу. Она не могла изображать смелость. Все, чего ей сейчас хотелось, это плакать.

На следующее утро они встали рано, позавтракали и, забрав из номера чемоданы, вышли на улицу, ожидая, пока им подадут машину.

— Когда-нибудь мы обязательно вернемся сюда, — пообещал Барни, целуя жену в нос, когда она устроилась рядом с ним на сиденье «морриса».

Едва они тронулись в путь, стало ясно, что надо было уезжать раньше. Дороги превратились в одну сплошную пробку. Они еле ползли, продвигаясь на несколько дюймов за рывок, и спустя полчаса добрались только до начала Парк-лейн. Казалось, все стремятся покинуть Лондон, не дожидаясь официального объявления войны. На машинах громоздились горы багажа. Дети, стоящие на коленях на заднем сиденье ползущего перед ними автомобиля, корчили невообразимые рожи. В другое время Эми с удовольствием скорчила бы им рожу в ответ, но сейчас у нее просто не было настроения.

Они почти три часа добирались до окраины города, где стало немного свободнее. Однако здесь к частным автомобилям добавились автобусы с детьми, которых эвакуировали из Лондона в сельскую местность.

— Надо было уезжать вчера, — в пятый или шестой раз повторил Барни.

— Где мы? — приблизительно через час поинтересовалась Эми.

— Понятия не имею, — растерянно ответил Барни. — Похоже, они убрали некоторые дорожные знаки.

Вскоре их автомобиль поравнялся с какой-то железнодорожной станцией, и Эми попросила остановиться. Утром она выпила слишком много чая, и теперь ей очень хотелось в туалет. Должно быть, Барни выпил не меньше: они вышли из станционного здания одновременно.

— На железной дороге дела обстоят еще хуже, чем на автомобильной, — сообщил он, когда они снова тронулись в путь. — Я только что разговаривал с одним парнем. Вагоны набиты, как консервные банки. Нам, по крайней мере, есть где сидеть.

Час спустя они обнаружили, что приближаются к Оксфорду, и Барни предложил сделать остановку, чтобы выпить чая и перекусить.

— Скоро будет паб, он должен сейчас работать.

Эми просто необходим был отдых, и она с облегчением вздохнула, когда они свернули с запруженной автомобилями дороги и остановились у совсем недавно открывшейся «Хрустящей буханки». Они взяли чай и тарелку с сэндвичами и прошли в залитый солнцем сад. Там они расположились на скамье у нетесаного деревянного стола, как можно дальше от шума идущих по дороге машин. Они были единственными посетителями. Где-то рядом громко жужжала пчела, а сквозь живую изгородь из кустов боярышника был виден мужчина, косивший траву на своей лужайке. Эта сцена была такой мирной, что трудно было поверить в то, что вся страна погрузилась в состояние паники.

В сад вошла еще одна пара. Мужчина помахал им рукой.

— Вы уже слышали? — закричал он. — Гитлер вторгся в Польшу. Варшаву бомбили. Фактически мы уже находимся в состоянии войны с Германией.

В колонны машин влились защитного цвета грузовики, внося свою лепту во всеобщий хаос. Некоторые из них были набиты солдатами. Время от времени где-то впереди выходил из строя какой-нибудь автомобиль, что приводило к резкой остановке всего движения, которое возобновлялось спустя вечность. Полицейские на велосипедах метались между легковыми автомобилями, грузовиками и автобусами, пытаясь хоть как-то упорядочить это столпотворение. Часть машин они направляли на второстепенные дороги, окаймленные рядами деревьев и настолько узкие, что два автомобиля могли разминуться на них с большим трудом. В одном месте Эми и Барни увидели толпу детей, расположившихся с бутербродами на обочине, поросшей травой. Из-под капота их автобуса валил пар. Время чая давно миновало, и некоторые семьи загнали свои автомобили в поле и разбили возле них палатки, судя по всему, намереваясь там заночевать.

— Вот что бы нам не помешало, — пробормотал Барни. — Палатка. Я не знаю, сможем ли мы сегодня попасть в Ливерпуль. Мы где-то на полпути туда. Когда мы доберемся до Ковентри, наверное, нам стоит найти отель и переночевать там.

— А как же свадьба нашего Чарли?! — воскликнула Эми.

— Я о ней забыл. — Барни вытер рукавом бледное измученное лицо и устало вздохнул.

Плечи Эми отчаянно болели. Ей очень хотелось заночевать в отеле, но она не могла пропустить свадьбу своего единственного брата. Мама страшно расстроится, а Марион вообще никогда ее не простит. Эми предложила сделать в Ковентри остановку на несколько часов.

— Давай как следует поедим, — заявила она жизнерадостно, хотя чувствовала себя не очень хорошо. — А после этого немного отдохнем. Не может быть, чтобы, когда стемнеет, на дорогах было столько же машин. Через несколько часов мы будем на месте. — Ей не терпелось поскорее оказаться дома.

Ресторан на окраине Ковентри, в котором они заказали жареную рыбу с картошкой, с виду не внушал доверия, но еда оказалась на удивление вкусной. Картошка была хрустящей снаружи и мягкой внутри, рыба белой и слоистой, а кляр, в котором ее обжарили, легким, воздушным. Они обильно запили все это чаем с молоком.

К концу обеда Барни немного пришел в себя. Выйдя на улицу, они некоторое время прогуливались взад-вперед возле своего автомобиля, чтобы размяться. Эми казалось, что у нее вот-вот подкосятся ноги. Пока они ели, поток машин несколько поредел и сгустились сумерки. Вскоре вокруг воцарился непроглядный, неестественный мрак, в котором было что-то потустороннее. Эми заметила, что в окнах нет света и на улице не горит ни один фонарь. Машины медленно ползли по дороге, так как их фары были закрыты черной бумагой, сквозь прорези в которой пробивались слабые полоски света. Она указала на это Барни. Он закрыл лицо руками и простонал:

— Черт!

— Барни! — Эми еще ни разу не слышала, чтобы он ругался.

— Прости, дорогая, но вступил в силу закон о затемнении. Я забыл, что он действует с сегодняшнего дня. Я должен был сделать шторки для фар.

— Ты хочешь сказать, мы не сможем ехать с нормальным светом? — Как же они увидят дорогу? Даже здесь, на улице, где полно магазинов и жилых домов, ночь становилась все чернее и чернее и контуры зданий были уже почти неразличимы на фоне темного неба. За городом и вовсе

будет крошечная тьма.

— Мы найдем отель и там переночуем, — решительно заявила Эми. — Если мы выедем очень рано, то можем еще успеть на свадьбу. Ну а если не успеем, значит, так тому и быть.

Странные семьи у избранников моих детей, размышляла Мойра, сидя в такси и ощущая себя королевой Англии. Она впервые в жизни ехала в такси.

Эми уже три месяца была замужем, а со стороны Барни до сих пор не было ни малейшего намека на то, что он хочет познакомить тещу со своими родителями. Мойра не любила ни на кого давить, но ей казалось, что было бы замечательно, если бы они все подружились. Они могли бы приглашать друг друга в гости на Рождество, хотя бы на бокал вина, и вместе отмечать дни рождения своих детей. Она надеялась, что Эми не будет стесняться своей мамы.

Сегодня женился Чарли, и какой же замечательный выдался денек: ослепительно солнечный и теплый. Мойра отправилась в церковь Святого Креста на Скотланд-роуд вместе с Джеки и Бидди, рассчитывая встретить там хотя бы кого-нибудь из семьи Марион. Ее родители умерли, но наверняка у нее есть сестра или еще какие-нибудь родственники. Однако среди приглашенных были лишь родные Чарли и горстка людей, с которыми Марион работала в «Инглиш электрик».

Мойра хотела бы пригласить на свадьбу обеих своих сестер, живущих в Ирландии, и нескольких родственников Джо, с которыми она продолжала поддерживать отношения. Ее подруга Нелли Тайлер тоже с удовольствием пришла бы на свадьбу, и было бы неплохо пригласить Кэти Бернс. Она милая девушка, а Эми так некрасиво с ней обошлась. Мойра даже представляла себе Джеки и Бидди в качестве подружек невесты. Расходы она могла бы взять на себя. Но об этом никто даже не заикнулся, как и о том, чтобы пригласить кого-то еще, кроме близких Чарли.

В церкви Мойра постоянно переживала, что все заметят, что синий костюм из Пэдди-маркета приобретен в сэконд-хэнде и что ей не удалось скрыть возраст синей шляпки даже с помощью ярда кремовой сеточки. Когда же до нее дошло, что Эми и Барни не придут, она принялась волноваться еще и о них, не говоря уже о войне, переживания из-за которой не давали ей покоя вот уже несколько месяцев. Ее дочь и замечательный зять не появлялись вот уже несколько дней, но в этом как раз не было ничего необычного. Но не могли же они забыть, что сегодня свадьба Чарли! Свадьба превращалась в кошмар.

По окончании церемонии венчания кто-то из друзей сделал с полдюжины снимков, и все направились в ресторан на Скотти-роуд, где в зале на втором этаже их ожидали холодные закуски. Мойра съела несколько ломтиков консервированной ветчины, сделала глоток вина и сообщила невесте и жениху, что уезжает.

— Я не нахожу себе места из-за Эми, — уже на бегу поделилась она. — Они с Барни могли попасть в аварию. Я заскочу к ним, чтобы убедиться, что все в порядке.

«Заскочу» было явным преувеличением, так как их квартира находилась на другом конце Ливерпуля.

Чарли сжал ее руку.

— Честно говоря, мам, я и сам немного обеспокоен. Я знаю, что Эми с нетерпением ожидала сегодняшнего дня. Но на улице есть телефонная будка. Почему бы тебе не позвонить? Если хочешь, я сделаю это вместо тебя.

— Я не знаю номера, милый. — Мойра готова была расплакаться. — Наша Эми записала его на клочке бумаги и засунула этот листок за часы на камине. Мне и в голову не пришло положить его в сумочку.

— Дай маме полкроны, Чарли, чтобы она могла взять такси, — сочувственно сказала Марион. Это прозвучало так ласково, и Мойра усомнилась в том, что мнение, составленное ею о женщине, ставшей сегодня ее невесткой, было правильным.

И вот миссис Карран выбралась из черного такси у шикарного дома Эми неподалеку от Ньюсхэм-парка. Она бывала здесь уже много раз, но никогда не приезжала без приглашения.

Мойра позвонила четыре раза, обозначив тем самым, что пришла к жильцам с верхнего этажа. Почти сразу дверь открыл капитан Кирби-Грин, живущий на первом этаже. Он галантно поклонился.

— Добрый день, миссис Карран. Я увидел вас в окне. И подумал, что, пожалуй, впущу вас, чтобы избавить вашу дочь от необходимости спускаться вниз.

— Спасибо, мистер... капитан, — выдавила Мойра, заикаясь от изумления. Он узнал ее, несмотря на то, что они виделись всего один раз, и то несколько минут, которые потребовались Эми, чтобы представить их друг другу. Мойра уже начала подниматься по лестнице, когда услышала за спиной хриплое «Кгммм» и обернулась.

— Надеюсь, вы не обидитесь, миссис Карран, если я скажу, — робко произнес капитан, — что сегодня вы особенно очаровательны.

— Конечно, не обижусь, капитан. — Она вспыхнула от удовольствия.

Для мужчины своего возраста, а ему наверняка уже исполнилось шестьдесят, он был очень недурен собой. Его волосы были прекрасного серебристого цвета, и их было много, хотя искусственные зубы казались слишком большими для его рта.

— Это ты, мам? — Эми появилась на площадке двумя этажами выше.

— Да, милая, я уже поднимаюсь. — Мойра жестом поблагодарила капитана и пошла дальше, чувствуя, что он провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

— Ах, мама, я знаю, что мы пропустили свадьбу Чарли! — воскликнула Эми, когда Мойра наконец взобралась наверх. — Мне ужасно жаль, я так ждала этого дня. — У нее на голове творилось нечто невообразимое, и она все еще была в халате. Ее маленькие белые ножки были босыми. — Ты и представить себе не можешь, что нам пришлось вчера пережить, пока мы добирались домой из Лондона. В конце концов, когда мы поняли, что в силу вступило распоряжение о затемнении, нам пришлось сдаться. Так что мы остановились в каком-то отеле, честно говоря, это и отелем трудно назвать, и хозяйка отказалась сделать нам чего-нибудь горячего перед сном. Мы предложили деньги, но она сказала, что это будет нарушением правил. Мы всю ночь глаз не сомкнули. — Начав говорить, Эми уже не могла остановиться. Слова спотыкались друг о друга, как будто она спешила поскорее от них избавиться. — Мы отправились в путь, как только рассвело, а потом бедняжке Барни стало по-настоящему плохо, и мы вынуждены были все время останавливаться, чтобы он мог вырвать. Наверное, он что-то не то съел.

— Где он, милая? — Мойра обняла дочь за плечи, и они вместе вошли в квартиру.

— В постели, спит. Я хотела вызвать врача, но Барни мне не разрешил. — Эми замолчала, судорожно вдохнула и продолжила: — И еще, мам, ты даже не догадываешься. Пока нас не было, ему принесли повестку. Его призывают в армию. Сегодня он должен был куда-то явиться. Барни сказал, что, когда ему станет лучше, он позвонит.

— Можно мне взглянуть на него одним глазком?

Эми кивнула, и Мойра приотворила дверь спальни. Она смогла увидеть лишь макушку Барни. Все остальное скрывалось под беспорядочной кучей постельного белья. Его дыхание было ровным и спокойным. Она осторожно закрыла дверь.

— Скорее всего, он просто очень сильно устал, Эми. Когда проснется, хорошенько напои его водой или некрепким чаем. Если будет голоден, можешь сделать ему миску молока с хлебом. А сейчас, если не

возражаешь, милая, я умираю от желания выпить чашечку чая. Ты присядь, я сама все приготовлю.

Должно быть, присутствие матери успокоило Эми. Она села на кожаный диванчик и уставилась в окно.

— Сегодня чудесная погода, — произнесла она, как будто только что заметила, как солнце сверкает на крытых шифером крышах домов за парком, из-за чего они блестели, как стеклянные. — Как прошла свадьба? — спросила Эми, когда Мойра вошла с двумя чашками чая.

— Нормально, — пожала плечами Мойра. — Там почти никого не было, человек двенадцать, не больше. Чарли и твои сестры были очень встревожены, когда вы оба не появились. Марион не пригласила никого из родственников, только друзей с работы. Платье у нее было не очень, — задним числом заметила она. — Честно говоря, похоже, оно стоило девятнадцать шиллингов одиннадцать пенсов в магазинчике распродаж Блэклера. И у нее не было цветов, только молитвенник. Что касается стола, это вообще было жалкое зрелище. Консервированная ветчина на свадьбе! И они не едут в свадебное путешествие, а просто отправляются жить в новый дом. — Было несколько поздно возмущаться, но было совершенно очевидно, что на свадьбе решили сэкономить. Мойра шмыгнула носом, чувствуя себя обманутой. — Меня не познакомили ни с кем из родственников Марион, да и с родственниками Барни тоже, если уж на то пошло. Мне начинает казаться, что вы с Чарли стесняетесь своей мамы.

Эми совершенно неженственно фыркнула.

— Не мели ерунды, мам. Скорее всего, наоборот, это Марион стыдится *своей* родни. В этом костюме ты такая элегантная. Что касается матери Барни, я с ней тоже не знакома. Она ирландская протестантка и терпеть не может католиков.

— Святой Боже, Эми! — пробормотала Мойра, осеняя себя крестом. — Что же это за семья такая?

— Я вышла замуж за Барни, мама, а не за его семью.

— Пожалуй, что так, — согласилась Мойра. Она почувствовала себя несколько увереннее. И благодаря не только словам Эми, но также и тому, какими глазами смотрел на нее капитан Кирби-Грин. И хотя Чарли и Марион поскупились на свадьбу, именно благодаря Марион она приехала в такую даль на такси.

Мойра почувствовала себя еще лучше, когда Эми извлекла купленные в Лондоне подарки и вручила ей сумку из змеиной кожи.

— Из настоящей змеи? — Мойра гладила неровную серо-черную поверхность, надеясь, что змея умерла легкой смертью.

— Мам, ну кто бы стал называть эту кожу змеиной, если бы она не была с настоящей змеи? — Эми вымученно улыбнулась. — Еще мы купили сумки для Джеки и Бидди и чудесный набор столовых ножей для Чарли и Марион. Жаль, что я не смогла подарить все это до свадьбы.

— Не страшно. Лучше поздно, чем никогда. Я заберу все это на такси. — Путешествие стоило всего девять пенсов, и Мойра дала водителю один пенс чаевых, так что от полкроны Чарли оставалось еще вполне достаточно, чтобы вернуться на такси домой в Бутл.

— В таком случае, может быть, ты заберешь и эту блузку, которую я купила для Кэти? — Эми помахала прелестной кружевной блузкой кремового цвета.

— Лучше не надо. Было бы здорово, если бы ты сама подарила ее Кэти. — С тех пор как ее дочь вышла замуж за Барни Паттерсона, ее мозги как будто растаяли, — она напрочь забыла о существовании Кэти. И Барни не лучше. Как можно было додуматься до того, чтобы отправиться в Лондон, зная, что вот-вот начнется война?

В пять часов Барни поднялся, утверждая, что ему немного легче. Он принял ванну, но отказался от предложенных хлеба и молока. Он сделал вид, что его вот-вот стошнит, и заявил, что от этой еды ему опять станет плохо.

— Как бы то ни было, первым делом мне необходимо решить вопрос с моим призывом, — добавил Барни.

— Там никого не будет, — возразила Эми. — Сегодня суббота, и уже поздно.

— Моя любимая девочка, мы находимся на пороге войны. Я тебя уверяю, на том конце провода мне ответят.

Он оказался прав. Когда Барни набрал нужный номер, трубку немедленно сняли. Эми ушла на крохотную кухню и пыталась не слушать, как он договаривается о явке куда-то в район Честера во вторник в девять утра.

— Это означает, что мне придется уехать в понедельник, — сказал он ей, окончив разговор по телефону.

— Ты поедешь на машине? — спросила она, удивляясь тому, что ей удалось задать осмысленный вопрос.

— Нет, будет лучше, если я поеду на поезде. Я оставлю машину там, где она сейчас стоит, возле дома. Хэрри позаботится о ней, если возникнет необходимость поставить ее в гараж, моя хорошая. Все зависит от того, сколько продлится эта чертова война. — Он обнял ее, его лицо

погрустнело. — Как же я буду жить без тебя, а?

— Хотелось бы мне знать, — всхлипнула Эми, — потому что тогда я могла бы понять, как я буду жить без *тебя!*

Они решили в этот вечер не ходить в ресторан и вместо этого рано легли спать.

В воскресенье Эми отправилась в церковь, впервые с тех пор, как вышла замуж за Барни. Если бы мама узнала, что она уже несколько месяцев пропускает мессу, с ней бы случился удар. Барни отправился к родителям, чтобы сообщить им и Хэрри, что на следующий день уезжает.

— Может быть, меня отошлют назад, — сказал он перед тем, как отправиться в Калдерстоунс. — Может быть, я им не понадобится или не пройду медкомиссию.

Но они оба знали, что он понадобится и немедленно, и что нет ни малейшей надежды на то, что такой крепкий и здоровый молодой человек, как он, не пройдет медкомиссию.

В церкви Эми молилась о том, чтобы случилось чудо и война не началась, ведь такая возможность все еще сохранялась. Но когда она вернулась домой, капитан Кирби-Грин вышел из своей квартиры и сообщил ей, что премьер-министр Невилл Чемберлен только что выступил по радио с заявлением о том, что Германии объявлена война.

— Давно пора! — возмущенно добавил капитан. — Этим типом, Гитлером, надо было заняться намного раньше. Следовало бы как следует надрать ему задницу. Хорошая порка могла бы привести этого мерзавца в чувство. — Он с царственным видом поклонился. — Надеюсь, мой французский не оскорбил ваш слух, миссис Паттерсон.

— Конечно нет, капитан, — тихо ответила Эми.

Она побежала наверх, влетела в квартиру и разрыдалась.

Когда Барни вернулся домой, его лицо было мрачным. Мать перенесла его сообщение очень тяжело.

— Последнее время она плохо себя чувствует.

— Бедняжка! — сочувственно произнесла Эми. — Может быть, ей станет лучше, если я ее навещу?

— Нет, от этого ей станет только хуже.

По пути Барни купил пачку «Синиор сервис», хотя курил очень редко. Эми тоже пробовала, но ей ужасно не понравилось. Сейчас же он курил все время, пока они собирали его чемодан. Они пытались предусмотреть все мелочи, которые ему могут понадобиться, как будто едва Барни закрывает за

собой дверь квартиры, у него уже никогда не будет возможности купить бритву, носовые платки или расческу.

В эту ночь они не занимались любовью, а просто свернулись клубочком в постели. Барни лежал на боку, обняв за талию Эми, прижавшуюся к нему спиной. В какой-то момент ночью он убрал руку, поцеловал жену и выбрался из постели. Эми на мгновение проснулась, всхлипнула и тут же опять уснула.

На следующее утро, когда она открыла глаза, чемодан уже исчез, как и сам Барни. Он оставил записку, в которой объяснял, что не вынес бы прощания. «Я тебя слишком сильно люблю, моя хорошая. Именно поэтому я поступаю, как трус. Я уверен, ты скоро поймешь, что нам обоим так будет легче».

Он был прав. Самое трудное, момент расставания, был позади. Теперь у Эми осталось лишь полжизни, и она могла только смириться с этим, как и все женщины, чьих мужчин призвали на фронт.

ГЛАВА 5

Апрель-май 1971 года

Маргарита

— После чая мне хотелось бы обсудить с вами ремонт прихожей и лестницы, — объявила в понедельник Марион. — Так что я попрошу вас обоих не выходить из-за стола.

— Что вы, миссис, — Чарльз подмигнул мне. — Давайте я буду вести протокол, — с напускной серьезностью предложил он. — И если мне позволено высказать свое мнение, мне кажется, мы можем выбрать Маргариту председателем нашего собрания.

— Это не шутки, Чарльз, — упрекнула его Марион. — Мы втроем живем в этом доме, поэтому будет правильно, если мы совместно придем к решению, которое устроит нас всех. Это называется демократией, — строго добавила она.

Чарльз с трудом скрывал веселье. По меньшей мере раз в год Марион устраивала то, что он называл «собранием членов правления», чтобы обсудить задуманный ею ремонт какой-нибудь части дома. Она для себя уже все решила, но мне и Чарльзу позволено было выдвигать идеи, которые Марион отвергала так вежливо и тактично, что мы этого не осознавали и могли даже подумать, что все будет сделано именно так, как мы хотели. По крайней мере, так бывало в прошлом. Теперь же мы видели Марион насквозь и относились к подобным мероприятиям как к развлечению.

Во время обсуждения мы всегда сидели за столом, а не в креслах. Возможно, Марион казалось, что это делает нашу встречу более значительной. Сегодня, как только с едой было покончено, она извлекла блокнот для стенографирования и карандаш и заявила, что слушает наши предложения.

— Коричневый и кремовый, — тут же произнес Чарльз. — Коричневый снизу, а кремовый сверху, и между ними узкая каемка.

— И какого же цвета будет каемка? — поинтересовалась Марион.

— Ну как же, сочетание коричневого и кремового, дорогая.

Марион метнула на него подозрительный взгляд, но его лицо оставалось совершенно невозмутимым.

— А ты что думаешь, Маргарита?

— Мне бы тоже хотелось коричневый и кремовый.

— Так... — Марион сделала какую-то пометку в блокноте. — Мне очень нравится это сочетание цветов. Никто не будет против, если мы остановимся на розовато-кремовом и красновато-коричневом?

— Нет, — хором сказали мы с Чарльзом. Похоже, сегодня это займет меньше времени, чем обычно.

— А что вы скажете, — задумчиво начала Марион, — насчет двух каемок? Широкой посередине и узкой вдоль потолка? Мы могли бы сделать их в коричнево-кремовой гамме, как предлагает Чарльз.

— Или розовато-кремовой и красновато-коричневой. Это будет смотреться еще лучше, дорогая.

Марион нахмурилась.

— Ты смеешься надо мной, Чарльз Карран?

— Разве я бы посмел, дорогая?

Зазвонил телефон, и Марион вышла, чтобы снять трубку.

— Она знает, что я смеюсь, и знает, что я знаю, что она знает, что я смеюсь. И нас обоих это вполне устраивает, — пояснил Чарльз.

— Я вам не мешаю? — спросила я и сама удивилась своему вопросу. Но мне вдруг пришло в голову, что мои дядя и тетя могли бы веселиться еще больше, если бы им не надо было постоянно учитывать мое присутствие.

Чарльз от удивления открыл рот.

— Какой глупый вопрос, Маргарита! Конечно, ты нам не мешаешь. Ты украсила нашу жизнь. Я не знаю, что бы мы с Марион делали без тебя.

— А вы хотели иметь своих детей?

— Конечно, хотели, но этому не суждено было свершиться. — Чарльз пожал плечами. — Но даже если бы у нас были свои дети, мы все равно хотели бы, чтобы ты была с нами. — Он нежно мне улыбнулся. — Ты была настоящей маленькой феей, и все еще ею остаешься, хотя уже и не такой маленькой. Мы любили тебя и до несчастного случая. — Чарльз всегда называл смерть моего отца «несчастливым случаем». Он взял меня за руку. — С чего это ты вдруг, а?

— Я просто подумала, что, быть может, загостилась, — тихо сказала я. — Мне двадцать пять лет. В этом возрасте большинство женщин уже замужем. Вам с Марион, быть может, было бы лучше без меня.

— Это смешно, — с нежностью в голосе ответил Чарльз. —

Большинство людей вообще не хотят, чтобы их дети уходили из дому, а именно так мы к тебе и относимся — как к своему ребенку. Чего бы нам хотелось больше всего на свете, так это чтобы ты осталась жить с нами, а когда мы с Марион состаримся, ухаживала бы за нами, давала нам лекарства и вытирала подбородки.

— Если так пойдет и дальше, так и будет, — с облегчением рассмеялась я.

— Но если дойдет до того, что мы не сможем вытирать себе попы, тогда ты должна будешь отдать нас в приют.

Марион вернулась в комнату.

— Это звонил Хэрри Паттерсон. Он приглашает нас в среду в ресторан. Он спрашивал, любим ли мы китайскую кухню, и я сказала, что да. Похоже, на Болд-стрит открылся новый ресторан. Это всех устраивает? Я могу перезвонить ему, если у вас другие планы.

— Меня все устраивает, — отозвался Чарльз.

— Меня тоже. — На следующей неделе Триш выходит замуж. Вряд ли, когда она уедет, у меня будут «другие планы» помимо родительских собраний и различных школьных мероприятий. Пожалуй, пора задуматься о том, чего же я хочу от жизни, иначе меня действительно *ожидает перспектива* ухаживать за Чарльзом и Марион, когда они состарятся, хотя я вряд ли соглашусь вытирать их попы.

Хэрри Паттерсон так и не женился. Я фантазировала о том, как он встретил на войне девушку, которая потом погибла или вышла замуж за другого. Хэрри, как и его брата Барни, призвали в армию и отправили во Францию. Они служили в разных полках, и Хэрри так и не стал офицером, но они все же встретились на дороге в Дюнкерк. Хэрри направлялся к кораблям, которые перевозили отступающие войска в Англию, а мой отец возвращался в расположение своей части, чтобы удерживать врага, пока его товарищи, включая родного брата, будут загружаться на один из кораблей, пришедших им на выручку.

— Тогда я подумал, что уже никогда не увижу твоего папу, — рассказывал Хэрри, когда мне было лет четырнадцать и я внезапно столкнулась с множеством вопросов, на которые не было ответов.

— Но ты ведь увидел его, правда? — встревоженно спросила я, как будто Хэрри мог изменить историю, просто отрицая ее. Я пыталась представить себе, как мой молодой отец отважно проталкивается вперед, сквозь колонны отступающих солдат. Было ли ему одиноко? Лишь много лет спустя я осознала, что он там был не один, что там было много людей.

— Конечно. Твой папа вернулся домой целым и невредимым, но гораздо позже меня, только когда окончилась война.

— И вы были вместе, когда он познакомился с моей мамой?

— Да, Маргарита, мы познакомились с твоей мамой на пирсе в Саутпорте. С ней и тетей Кэти. Ты ведь называешь ее тетей Кэти?

— Тетушкой Кэти. — Кэти, мисс Бернс... Сейчас я даже не знаю, как мне ее называть. Она всегда приходила на мои дни рождения вместе с бабушкой Карран, мамой моей мамы. Бабушка была очень доброй, и она одна из немногих, кто нравился Марион. Моя вторая бабушка ограничивалась открыткой и почтовым переводом. Марион говорила, что она была злобной старой каргой. Кажется, это было единственным вопросом, по которому мнения Марион и моей матери совпадали.

Обе бабушки умерли в тысяча девятьсот шестидесятом году, их смерти разделяло лишь несколько месяцев. У меня остался дедушка, которого я видела несколько раз в году, двое дядей и тетя. Тети Джеки и Бидди, которых я почти не помнила, поскольку сразу после суда над матерью они переехали в Канаду, в счет не шли, как и пять моих канадских двоюродных братьев и сестер, которых я никогда не видела. Мне бы очень хотелось иметь родственников моего возраста, но пришлось смириться с той родней, какую даровал мне Господь.

Когда мы пришли, дядя Хэрри был уже в ресторане. Ему было пятьдесят четыре года, и он был очень представительным мужчиной — кареглазый, с темными, посеребренными седой волосами. Он работал в компании, производящей медицинские инструменты, которая принадлежала его отцу Лео Паттерсону.

— Привет! — Дядя Хэрри расцеловал меня и Марион и пожал руку Чарльзу. Похоже было, что он счастлив нас видеть. На нем был темно-серый костюм, очень светлая голубая рубашка и темно-синий галстук с золотым гербом. Марион говорила, что его галстуки из чистого шелка, а костюмы сшиты на заказ, хотя я в этом не разбиралась. — Вы все выглядите очень хорошо, — добавил он.

— Я мог бы сказать то же самое о тебе, Хэрри, — живо откликнулся Чарльз. Мои дяди очень хорошо ладили друг с другом. — Ты был в отпуске?

— Провел пару недель в Марокко. — Лицо Хэрри было коричневым от загара. — Папа собирается съездить в Париж, говорит, ему нужен отдых. Он отказывается оставлять компанию на кого-нибудь, кроме меня. — Это было произнесено с детской гордостью.

— Это не похоже на Лео — брать отпуск. Сколько ему лет?

— Семьдесят пять, и он здоров как бык. Им с матерью едва исполнилось по двадцать, когда они поженились. Мне очень любопытно, что он собирается делать в Париже, — в глазах Хэрри промелькнул озорной огонек. — Кстати, от Эми что-нибудь слышно?

— Ни слова, — ответил Чарльз. — Мы понятия не имеем, где она.

Последовало обсуждение того, где может находиться моя мать и кто мог забрать ее из тюрьмы, в котором не участвовали ни я, ни Марион.

— Мне на днях позвонил репортер, — важно заявил Хэрри. Я подозревала, что у него огромный комплекс неполноценности, вызванный необыкновенно успешным отцом и братом, также превосходившим его во всех отношениях (во всяком случае, так я поняла). — Я сказал, что не имею ни малейшего представления о возможном местонахождении Эми, и это правда, а также сообщил, что, насколько мне известно, все ее родственники живут за границей, где именно, я не знаю.

Подошел официант с меню, и на несколько минут, пока все выбирали блюда, воцарилось молчание. В еде я консерватор и попросила креветок с соусом карри и рис, в то время как остальные заказали целую гору экзотических блюд на всех.

Через пятнадцать минут стол ломился от еды. Помимо моего основного заказа меня заставили попробовать кусочек того и ломтик этого, пока меня не начало тошнить. Они, наверное, и сами не осознавали, что нянчатся со мной, как с маленьким ребенком, уделяя моей персоне слишком много внимания. Мне не терпелось поскорее вернуться домой и снова почувствовать себя взрослой. А может быть, мне суждено до конца жизни посещать рестораны со старыми людьми? — подумалось вдруг...

В четверг мы с Триш ходили на фильм с участием Роберта Митчума «Дочери Райана». Фильм оказался слишком длинным и не понравился ни мне, ни Триш. На следующий день Триш отправлялась в Лондон, вторые выходные подряд. Высокая стоимость аренды жилья в столице ее испугала.

— Даже однокомнатная квартира с общей кухней и ванной стоит целых пятнадцать фунтов в неделю, — сообщила она мне. — В этот раз я расширю круг поисков.

Мы сидели в пабе в Уайтчепеле и пили шанди^[8]. Триш была маленькой, пухленькой и хорошенькой, с пушистыми белокурыми волосами и вздернутым носиком. Она с нежностью посмотрела на меня.

— Боже мой, Маргарита, как же я буду по тебе скучать.

— А я буду скучать *по тебе*, — заверила я. Что, к примеру, я буду

делать по субботам? Мне надо что-нибудь срочно придумать, пока Чарльз и Марион опять не пригласили меня в ресторан.

— Есть одно место, куда мне очень хотелось бы сходить прежде, чем я навсегда уеду из Ливерпуля. Это клуб «Каверн». Раньше мы в нем чуть ли не жили, но последний раз были там так давно. А теперь перед свадьбой у меня нет времени, — грустно произнесла Триш.

— Ты не уезжаешь из Ливерпуля навсегда, — успокоила я ее. — И в любом случае, сейчас в «Каверне» играют совсем другую музыку. Теперь это в основном хэви-метал, а не рок-н-ролл.

Триш скривилась.

— Мне страшно так много оставлять здесь. Лондон такой большой и равнодушный по сравнению с Ливерпулем.

— Ты быстро привыкнешь.

Вот куда я могла бы пойти в субботу. В «Каверн». Это такое место, где никому нет дела до того, что ты пришла одна.

В субботу вечером, в половине девятого, я стояла у клуба «Каверн» на Мэтью-стрит в черных брюках клеш и белом свитере с воротником «поло». Я никогда не слышала о группах, которые должны были играть там в тот вечер: «Машрум» и «Конфуциус». Теперь я уже не была уверена, что могу заставить себя переступить порог. Несколько мужчин вошли в клуб поодиночке, но я не увидела ни одной одинокой женщины. Все выглядели намного моложе меня, большинству посетителей не было и двадцати. Я не очень умела общаться с незнакомыми людьми. Если кто-нибудь со мной заговорит, я не буду знать, что ответить. А если со мной никто не заговорит, то я просижу там целый вечер, не раскрывая рта, что тоже не радует.

Впервые я пришла в «Каверн» с толпой девчонок из школы. Нам было по четырнадцать лет, это было за четыре года до знакомства с Триш.

Нет, я не буду заходить. Лучше пойду домой. Но этого я тоже не могу сделать, я ушла совсем недавно. Чарльз и Марион будут смотреть телевизор, а я сказала им, что иду гулять с коллегой из школы — с Хильдой Доули. Я солгала, когда Марион спросила, как зовут коллегу.

Кино. Я пойду в кино. Не имеет значения, на какой фильм. И пусть даже я пропущу начало. Зато у меня будет где посидеть, пока не настанет время вернуться домой и сказать, что я была в «Каверне». Если понадобится, я скажу, что буду ходить в «Каверн» каждую субботу, до конца моей жизни, лишь бы мои тетя и дядя перестали организовывать обеды в ресторане с целью вывести свою двадцатипятилетнюю

племянницу в люди.

Я резко повернулась и столкнулась с мужчиной в замшевом пиджаке, клетчатой рубашке и джинсах.

— Вот не ожидал вас здесь встретить! — воскликнул он.

— Привет, — пробормотала я. Это был Роб Финнеган, отец Гари. — А вы что здесь делаете? — это был идиотский вопрос. Зачем еще приходите сюда, как не затем, чтобы послушать «Машрум» и «Конфуциус»?

— Моя сестра, Бесс, и ее парень остались сегодня дома. Они присматривают за Гари, и я решил для разнообразия прогуляться. Суббота — мой единственный выходной. — Он с нежностью посмотрел на обшарпанное, почерневшее от сырости и выхлопных газов здание. — Я не был здесь много лет.

— Я тоже.

— Вы собираетесь зайти?

— Нет. — Я затрясла головой, как будто у меня и в мыслях такого не было. — Я только что была с подругой в кино и решила вернуться на парковку по Мэтью-стрит, чтобы взглянуть, как сейчас выглядит это здание. — Я надеялась, он не станет спрашивать, какой фильм я посмотрела.

— Мне кажется, оно совсем не изменилось.

— Мне тоже.

Толпа мальчишек прошла по улице, пиная по очереди жестяную банку, и вошла в клуб.

— Они совсем дети, — сказал Роб. — Я вдруг почувствовал себя невероятно старым.

Мы оба умолкли. Я раздумывала, не пора ли мне объявить, что я еду домой, но почему-то медлила с этим. Роб засунул руки в карманы и раскачивался на каблуках.

— Всего лишь полдевятого. Хотите кофе?

Я уже собиралась отказаться, но подумала, что это будет еще одна ложь, так как я очень хотела выпить чашечку кофе в его компании, но не потому, что это был *он*, Роб Финнеган, а потому что он был человеком, а я не хотела оставаться в одиночестве.

— Спасибо, — сказала я. — Я с удовольствием выпью кофе.

— Я так и не смог привыкнуть к жаре в Уганде, — рассказывал Роб. — Я бы вернулся домой раньше, но Гари там очень нравилось. Мы жили в отдельном одноэтажном доме. Всего там было двадцать таких домов, во всех жили англичане. У нас был общий бассейн и ясли для детей, и мой

сын находился под присмотром, пока я был на работе.

— Что вас вообще заставило туда отправиться? — поинтересовалась я.

— После смерти Дженни я почувствовал необходимость сменить обстановку. Кроме того, я надеялся, что это поможет Гари прийти в себя. Ему было всего два года, но он очень скучал по маме. Дело в том, — пожал плечами, продолжал Роб, — что у нас довольно мало родственников. Родители Дженни умерли, мой отец тоже. Моя мать вышла замуж во второй раз, но я никогда не ладил с отчимом.

— И Уганда помогла Гари прийти в себя?

— Помогла. И мне тоже, несмотря на жару.

Я отклонилась назад, чтобы официантка могла забрать мою пустую кружку, которая была достаточно велика, чтобы вместить, по меньшей мере, полпинты кофе. Роб заказал еще две. Кафе размещалось в подвале и находилось всего в нескольких сотнях ярдов от «Каверна». В нем были такие же неровные кирпичные стены и немного затхлый запах, и оно называлось «Л-Биты» — анаграмма от слова «Битлы». Мы просидели там почти два часа. С Робом легко было разговаривать. Мы обсуждали музыку и фильмы и обменивались воспоминаниями о «Каверне», после чего он рассказал мне о своей жизни в Уганде.

— Гари привыкает к школе? — наконец поинтересовался он.

— Он немного стеснителен, — вынуждена была признать я. — К тому же пришел уже после начала второго семестра, когда все дети перезнакомились и завели себе друзей.

— Когда я спрашиваю, нравится ли ему в школе, Гари сразу замолкает, — в глазах Роба засветилась тревога. — Его обижают?

— На уроках — нет. Боюсь, мне неизвестно, что происходит на игровой площадке. — Я узнаю в понедельник. — Надеюсь, вы поймете правильно то, что я вам сейчас скажу, — нерешительно начала я. — Быть может, вы могли бы попросить сестру оставлять Гари за школьными воротами? Она доводит его до самого класса, и из-за этого остальные мальчишки считают его маменькиным сынком.

— Я поговорю об этом с Бесс, — пообещал Роб.

— Кто забирает его после школы? — поинтересовалась я.

— Обычно я, за исключением тех случаев, когда я прохожу где-нибудь собеседование. Тогда меня подменяет соседка.

— Должно быть, тяжело все успевать.

— Невероятно тяжело. — Он закатил глаза. — Наверное, Гари не очень хорошо играет в разные игры?

— Не очень.

— Даже когда он был совсем маленьким, Дженни говорила, что у него две левые ноги. Он постоянно сам о себя спотыкался. — Роб криво усмехнулся. — Не люблю хвастаться, но в играх я всегда был лучшим в школе. В Уганде я был капитаном полицейской футбольной команды. У англичан там была целая лига, и наша команда всегда побеждала. Спасибо, — кивнул он, когда официантка принесла наш кофе.

— Я сегодня не засну, — пробормотала я. — Столько кофе!

Роб положил в свою чашку сахар и размешал.

— Вы любите свою работу? — спросил он.

— Я ее обожаю! — с жаром воскликнула я. — Я люблю детей, но... — я замолчала.

— Но что?

— Честно говоря, даже не знаю. Мне кажется, я должна делать больше, например, учить детей в странах третьего мира. — Я пыталась облечь в слова недавно посетившие меня смутные мысли. В некоторых местах образование было мало кому доступной роскошью. Стала бы я счастливее, обучая обделенных судьбой детей в наспех приспособленных под классы помещениях или вообще на улице?

— Кстати, один парень, с которым я работал в Уганде, пытается найти мне работу в Канаде. Но я был бы не против вернуться в Африку, несмотря на жару, — сообщил Роб. — Зарплата намного больше, и не надо беспокоиться о жилье. Возможно, я слишком прагматично смотрю на жизнь, но для меня главное, чтобы Гари было хорошо.

— Я об этом подумаю, — ответила я.

Этой ночью мне снился отец. Это бывало часто, но, проснувшись, я никогда не могла вспомнить, как он выглядел. Мне удавалось восстановить некоторые эпизоды сна, но не его лицо. Казалось, он всегда или отворачивался от меня, или стоял у меня за спиной, или находился в другой комнате. Его голос был приглушенным, а речь медленной.

Местом действия был одноэтажный дом у Сефтон-парка, где мы жили, когда с отцом произошел «несчастный случай». Уже вечерело, и, скорее всего, была зима, потому что за окнами стемнело, но ложиться спать было еще рано.

Я лежала на животе на полу в гостиной, перед топившимся углем камином, и черным карандашом рисовала в большом альбоме какое-то лицо. На кухне ссорились мои родители. Они кричали друг на друга, но все, что они говорили, было бессмыслицей. Речь шла о крыше. Кто-то воровал черепицу. Мама хотела, чтобы папа привязал все плитки.

— Черепицу не привязывают, Эми.

— Завтра я куплю ленту. Взять синюю или розовую?

Я несколько секунд прислушивалась, затем опять сосредоточилась на своем рисунке. К моему удивлению, на альбомной странице была капля крови. Она упала на рот. Я подняла голову, чтобы посмотреть, откуда она взялась. Как будто ниоткуда, но когда я опустила голову, на листе была еще одна капля, больше первой, залившая нарисованные глаза.

— Или ты предпочитаешь желтую ленту? — спрашивала мать.

— Я тебе уже сказал: черепицу не привязывают. Ее необходимо прибавить.

На моем альбоме становилось все больше крови. Я села на пятки и наблюдала за тем, как весь лист покрывается красными каплями, пока полностью не пропитался кровью. Я заорала.

— Это ты, Маргарита? — крикнул отец.

— Папа, мне страшно! — вопила я.

— Иду, Лоскуток.

Но он не пришел. Я слышала, как он бежит по дому, открывает двери, зовет меня, но он так и не зашел в *мою* комнату. Мне становилось все страшнее и страшнее. Я поняла, что отец не может меня найти, потому что мы находимся в разных домах, но это привело меня в еще больший ужас, потому что мне казалось, что он совсем близко. В воздухе раздавалось едва различимое потрескивание, от которого волосы на моей шее встали дыбом. Меня пробрала дрожь.

Я дрожала, когда проснулась, и почувствовала, что страшно замерзла, хотя в комнате было тепло. Сон сохранился в памяти совершенно отчетливо. Я совсем забыла, что отец называл меня Лоскутком. Интересно почему.

Снизу доносился звук льющейся в раковину воды. Кто-то ставил чайник, чтобы заварить первую утреннюю чашку чая. Я выбралась из постели, отдернула шторы и с облегчением вздохнула. Утро. Робкие солнечные лучи освещали крыши домов, а небо было водянисто-серым. Кое-кто уже встал. Старик, живущий в доме по соседству, возился в своей теплице. Марион была знакома с его женой, и та говорила, что у него бессонница.

Я набросила халат и спустилась вниз.

ГЛАВА 6

Октябрь 1939 года

Эми

Барни провел в Суррее месяц, когда его на пять дней отпустили домой. Большую часть этого времени они с Эми не выходили из квартиры. Они просто сидели и разговаривали о том, что будут делать, когда война закончится. Барни хотел бы заняться чем-то более увлекательным, чем работа у отца. Он выглядел подавленным и признался, что сожалеет о том, что поспешил записаться в армию добровольцем.

— Мне так тебя не хватает, Эми, — с удрученным видом говорил он. Даже тот факт, что его послали на офицерские курсы, не утешал Барни. — Форма удобнее, чем для нижних чинов, но и только, — вздохнул он.

Барни спросил, нельзя ли им сходить в гости к ее матери. Однажды вечером молодая чета приехала к Мойре и обнаружила ее на седьмом небе от счастья от известия о том, что она может получить работу на фабрике за умопомрачительную, неправдоподобную сумму в четыре фунта десять шиллингов в неделю.

— Нужно работать на большой штуковине, которая называется «токарный станок», — несколько туманно пояснила Мойра. — На следующей неделе у меня собеседование. Это где-то недалеко от филармонии.

Джеки и Бидди ненадолго перестали с восхищением таращиться на зятя, чтобы объявить о своих планах вступить в Женские Королевские военно-воздушные силы, но Эми велела им обоим не дурить, так как они еще слишком молоды.

Эми уже побывала в гостях у Чарли и Марион в их новом доме в Эйнтри. Ее поразили прелестные просторные комнаты и современная кухня. Эми подробно все описала Барни, и они принялись за проект собственного дома, того, в котором они поселятся, когда жизнь вернется в нормальное русло. Они нарисовали этот дом на бумаге и подобрали обои для каждой комнаты. Барни и Эми обсуждали, какую мебель необходимо

будет купить и какие цветы посадить в саду. Вскоре они уже вносили в дизайн дома завершающие элементы: выбирали украшения и посуду, ложки и вилки, входную дверь.

— Мне бы хотелось входную дверь с витражным стеклом, — вслух размышляла Эми.

— Будет тебе дверь с витражным стеклом, — расщедрился Барни. — Если хочешь, даже две.

— Одной вполне достаточно. И я хочу, чтобы все было покрыто лаком, а не покрашено. Я имею в виду дверь, а не стекло.

— Ваше желание для меня закон, мадам. И где же будет находиться этот наш домик? — поинтересовался он.

— Мне все равно, — просто ответила Эми. — В любой точке мира. Лишь бы со мной был ты, остальное не имеет значения.

Как и в первый раз, Барни ушел среди ночи, не попрощавшись. На этот раз Эми только делала вид, что спит. Когда за ним закрылась дверь, она подошла к окну гостиной, из которого они наблюдали за заходом солнца, встала возле него на колени и оперлась локтями на подоконник. Барни почти неслышно спустился по лестнице. Затем она увидела, как его высокая одинокая фигура появилась на залитой лунным светом дороге и, как привидение, зашагала по ней, пока ее не поглотила черная тень соседнего дома.

Спустя некоторое время Эми услышала звук отъезжающей машины. Он заказал такси? Или договорился с Хэрри, чтобы тот его подбросил?

Какое это имеет значение? С его отъездом все потеряло смысл.

Эми уже несколько недель покупала «Ливерпуль эко», пытаясь подыскать себе работу, когда поняла, что, возможно, беременна. Она пропустила одну менструацию, но такое с ней уже бывало. Теперь задерживалась вторая. Эми расположилась с календарем на колени и произвела несложные подсчеты. Выходило, что со времени ее последней менструации прошло девять недель и один день.

Как она относилась к перспективе родить ребенка? С радостью. С *огромной* радостью. Эми осмотрела свой живот в высоком зеркале на дверце шкафа. Плоский, как доска, но прошло ведь всего два месяца. Вряд ли что-нибудь может быть видно.

— Я напишу Барни и сообщу ему об этом, — вслух произнесла она. Эми достала блокнот, но передумала, еще не начав писать. Она ничего ему не скажет, пока факт беременности не подтвердит врач.

Ее бывшие соседки по поводу своих «личных» проблем консультировались с миссис О'Дойер с Корал-стрит, но Эми подумала, что Барни предпочел бы, чтобы она посетила настоящего врача. Он даже как-то раз упомянул врача, являющегося также другом семьи, но она забыла, как его зовут.

Эми отложила блокнот в сторону, подошла к окну и встала возле него на колени. Она часто так делала с тех пор, как Барни уехал во второй раз. Она не хотела пропустить его, если он еще раз неожиданно нагрянет домой.

Достаточно ли у нее смелости, чтобы пойти и спросить у миссис Паттерсон имя их семейного врача? В конце концов, эта женщина — ее свекровь. Ее сын — отец ребенка, которого почти наверняка носит Эми. Это будет ее первый внук или внучка. Мать Барни не может от нее отвернуться. Вполне возможно, Барни преувеличивал, говоря о своей матери. Эми с пониманием относилась к тому, что ее свекровь не любит католиков. Многие знакомые Эми терпеть не могли протестантов. Но не может быть, чтобы подобные предрассудки могли повлиять на отношение к своей собственной плоти и крови, к своим *внукам!*

— Сегодня я никуда не пойду, — вслух произнесла Эми. — Я подожду еще шесть дней и пойду, когда задержка будет уже десять недель. — Она также не скажет о беременности своей маме, пока не убедится в этом. Мама будет страшно взволнована, и Эми не хотела, чтобы она разочаровалась, если окажется, что произошла ошибка.

Шесть дней спустя Эми лежала в ванной и пальцем рисовала на животе круги. Сегодня живот казался ей не таким уж плоским. Теперь он был несколько округлым, и она представила себе крошечного ребенка, свернувшегося внутри. Может быть, у него уже даже есть ручки и он сжал их вместе и подложил под щеку, как подушку, или сосет большой палец.

— Привет, малыш, — прошептала Эми и представила себе, как ее ребенок улыбается в ответ и шепчет: «Привет, мамочка».

Как только она примет ванну, она отправится к миссис Паттерсон.

Эми вылезла из ванны, вытерлась и начала изучать содержимое платяного шкафа в поисках подходящей одежды. Она выбрала синее платье, которое больше всего нравилось Барни, и короткий пиджак кремового цвета.

Когда-то Барни возил ее в Калдерстоунс и показывал ужас какую шикарную улицу и такой же шикарный дом, в котором живет его семья, но Эми понятия не имела, как добраться туда самостоятельно. Насколько ей

было известно, в такие районы трамваи не ходят. Девушке ничего не оставалось, как вызвать такси, что, наряду с шелковыми чулками, ей раньше представлялось невообразимой роскошью. Она позвонила и попросила подать ей такси через десять минут. В ожидании машины она сделала себе чашку крепкого чая, чтобы успокоить нервы.

Менее чем через полчаса Эми выбралась из машины у дома Паттерсонов. Здание выглядело так, как будто ему была уже не одна сотня лет, но Барни рассказывал ей, что его построили непосредственно перед Великой войной^[9] из кирпича и балок настоящего тюдоровского дома из Честера. Паттерсоны купили его у промышленника, которого посвятили в рыцари, после чего тот переехал в Лондон.

Эми приблизилась к двойной, похожей на арку, входной двери и дернула за шнурок болтавшегося сбоку колокольчика. Машина отъехала, и девушка спросила себя, не следовало ли ей попросить водителя подождать, пока она убедится, что дома кто-то есть.

Какая-то женщина в темно-зеленом рабочем халате открыла одну створку двери. Она была пухленькой и жизнерадостной.

— Миссис Паттерсон? — с надеждой в голосе поинтересовалась Эми.

— Нет, дорогуша, она наверху. Сейчас я ей покричу. А что ей сказать?

— Скажите, что это Эми. Эми Паттерсон. Я ее невестка.

Улыбка сползла с лица женщины. После минутного колебания, как будто она не могла решить, что делать, женщина пригласила Эми войти и попросила подождать в холле. Затем поднялась наверх, решив по какой-то причине не кричать своей хозяйке снизу.

Она почти сразу вернулась.

— Миссис Паттерсон выйдет к вам через минуту, — сообщила женщина Эми. Прежде чем исчезнуть во внутренних комнатах, она окинула гостью взглядом, значение которого трудно было определить. Эми показалось, в ее глазах промелькнула жалость, но, возможно, она ошиблась. Где-то хлопнула дверь. Затем воцарилась неестественная тишина, нарушаемая лишь громким тиканьем высоких напольных часов у стены холла.

Совершенно неожиданно Эми почувствовала резкую тянущую боль в животе, как будто у нее начиналась очень болезненная менструация. Она неуверенно переступила с ноги на ногу. Помимо тикающих часов в холле стоял столик с телефоном и полный всяких безделушек шкафчик со стеклянными дверцами. Присесть было негде, хотя именно этого Эми сейчас хотелось больше всего на свете.

Раздался еще один звук, как будто кто-то наступил на скрипящую половицу. Подняв голову, Эми увидела на верхней площадке лестницы женщину, внимательно ее разглядывающую. Сколько времени она там стояла?

Женщина, поняв, что ее заметили, начала медленно спускаться по лестнице. Она так крепко сжимала рукой перила, что суставы пальцев побелели. У Эми создалось впечатление, что женщина не нуждалась в опоре. Перила поглощали из тела свекрови с трудом сдерживаемые гнев и напряжение. Теперь Эми поняла, что ей не следовало приезжать. Она совершила серьезную ошибку.

Эми никогда не пыталась представить себе мать Барни, но никак не ожидала увидеть перед собой такую молодую и такую красивую женщину. Она была одета в застегивающийся спереди черный бархатный халат и черные бархатные туфли без задника, на высоком каблуке, украшенные сверкающими пряжками. Ее великолепные рыжие волосы были очень длинными и падали на узкие плечи естественными волнами. С такими идеально правильными чертами лица и безупречной кожей миссис Паттерсон могла бы стать кинозвездой, если бы не выражение ее темно-зеленых глаз. Когда она приблизилась, Эми поняла, что свекровь немного не в себе.

— Слушаю? — протянула мать Барни, достигнув нижней ступеньки. Ей удалось вложить столько чувства в это единственное слово, что у Эми не осталось никаких сомнений насчет того, что в доме ее свекрови ей не рады.

Но она твердо решила не позволить себя запугать.

— Я жена Барни, — ответила Эми, вскинув голову. — Я пришла сказать вам, что ожидаю ребенка, но я здесь не задержусь. Я прекрасно поняла, что вы не хотите меня видеть. Всего хорошего.

Она открыла дверь и уже хотела выйти, когда безупречно ухоженная рука легла на ее рукав.

— Ты права, я не хочу тебя видеть. Я больше никогда не желаю видеть тебя в этом доме. Это было безумием со стороны моего сына жениться на тебе. И как Барни может быть уверен, что это его ребенок? Он может быть чей угодно. — Резкий голос с сильным ирландским акцентом звучал прямо в ухе Эми. — Католическая шлюха, — прошипела миссис Паттерсон.

Эми выбежала из дома. Эта женщина была помешанной. Эми, спотыкаясь, бежала по дорожке и проклинала себя за то, что отпустила такси. До конца улицы было очень далеко. Эми молилась, чтобы там ходил автобус или трамвай, на котором она сможет добраться домой. Тянущее чувство в животе стало сильнее и болезненнее. Если бы она только была в

Бутле, районе, который она знает как свои пять пальцев, а не в южной части Ливерпуля, с которой едва знакома...

Эми дошла до Менлав-авеню. Посредине проходила трамвайная линия. Эми спросила у какой-то женщины, как добраться до Ньюсхэм-парка.

— Вот как раз подходит трамвай, дорогуша. Сойдешь на Лодж-лейн и попросишь кого-нибудь показать тебе трамвай, идущий на Шейл-роуд. Я не помню номера, — ответила женщина и встревоженно добавила: — Ты хорошо себя чувствуешь, девочка? Ты выглядишь очень скверно.

— Мне просто нужно присесть. — Ко всему прочему Эми страшно замерзла, потому что на улице резко похолодало. Как только она попадет домой, она сделает себе горячий чай и ляжет в постель. Трамвай остановился, и Эми забралась в него.

Ей очень хотелось к маме, но на этой неделе мать работала в вечернюю смену и возвращалась домой лишь к одиннадцати часам. Но больше всего Эми хотелось увидеться с Кэти. Она рассказывала Кэти все, что не могла рассказать маме. Мама ни за что не должна узнать о миссис Паттерсон, но Кэти запросто могла бы обратить все в шутку, и они бы вместе посмеялись над ситуацией. Эми вдруг поняла, что в последний раз видела подругу еще до начала войны. Где-то до сих пор лежит кремовая кружевная блузка, купленная в Лондоне. Она так и не нашла времени, чтобы подарить ее Кэти.

— Лодж-лейн, — закричал кондуктор.

Эми сошла с трамвая и пересела на другой, идущий на Шейл-роуд через Ньюсхэм-парк. Добравшись домой, выпив чая и оказавшись в постели, она хорошенько поплачет, накрывшись с головой одеялом. Эми надеялась, что Барни никогда не узнает о визите к его матери и о том, как ужасно себя повела свекровь. Он, конечно, не скажет «так тебе и надо, милая» или что-нибудь в этом роде, но наверняка так подумает.

И вот наконец она отпирает дверь дома и молится, чтобы капитану Кирби-Грину не вздумалось в этот момент возникнуть из своей квартиры и начать с ней светскую беседу. К счастью, его, видимо, не было дома, и Эми удалось беспрепятственно добраться до своей квартиры, хотя ее шаги становились все медленнее, а когда она достигла последнего лестничного пролета, она уже с трудом переставляла ноги. Ей в голову закралось ужасное подозрение относительно того, что с ней происходит, но она старалась об этом не думать.

Эми заставила свои подкашивающиеся ноги переступить через порог квартиры и рухнула на кожаный диванчик. Положив голову на подлокотник, она мгновенно уснула. Эми снилось, что ее царапает рыжая

кошка с зелеными глазами. Сначала кошка ходила вокруг нее, громко шипела и злобно подергивала хвостом. Молниеносным движением пушистой лапы она разорвала чулок, на коже выступила кровь. Затем она запрыгнула Эми на колени и начала раздирать ей руки. Длинные царапины горели огнем и покрывались капельками крови. Кошка попыталась добраться до лица и глаз, но Эми проснулась и обнаружила, что ее разбудила не кошка, а боль в животе, чудовищная, невыносимая боль, выкручивающая все внутренности. Эми вскрикнула и попыталась встать, но вместо этого соскользнула с диванчика на пол и, к счастью для себя, потеряла сознание.

— Эми, Эми!

Эми покачала головой. Кто-то шлепал ее по щекам. Шлепки были легкими, и ей было ничуть не больно, но очень неприятно.

— Эми, открой глаза, будь хорошей девочкой. — Опять шлепки, уже сильнее.

Она открыла глаза и увидела незнакомого мужчину, который склонился над ней и приготовился опять шлепать ее по щекам. Она лежала в своей постели, а он сидел на краю кровати.

— А вот и ты! — жизнерадостно воскликнул он. — С возвращением в ряды живущих.

— Кто вы? — прохрипела она. Это был мужчина плотного телосложения с очень красным лицом, добрыми глазами и шапкой седых волос. Его присутствие скорее удивило, чем испугало ее.

— Я доктор Шиард. Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Кажется, хорошо. — Боль исчезла, оставив вместо себя пустоту. Эми казалось, что ее тело выстирали и пропустили через вальцы.

— Боюсь, ты потеряла ребенка, милая, — мягко сказал доктор Шиард. — У тебя случился выкидыш.

Слезы заструились по ее щекам. Это произошло так быстро, будто они ждали где-то в глазах, готовясь пролиться.

— Это был мальчик или девочка? — В глубине души Эми подозревала, что ее беременность под угрозой.

— Срок был слишком маленький, чтобы определить пол, — доктор ласково сжал ее плечо.

Она попыталась сесть, но оказалось, что у нее нет на это сил.

— Как вы сюда попали? Я хочу сказать, как вы узнали, что мне нужен врач? — Эми вспомнила свой крик. Может быть, кто-нибудь в доме услышал и позвал врача. Где ее ребенок? Она решила, что не хочет этого

знать.

— Тебя обнаружил Лео, — пояснил доктор Шиард. — Он позвонил мне, и я сразу же приехал.

— Лео? — среди ее знакомых не было человека с таким именем.

— Лео Паттерсон, отец Барни.

Неужели он явился, чтобы повторить требование своей жены никогда более не осквернять порог их дома своим появлением?

— Где он?

— В другой комнате, делает чай. — Доктор поднял голову и завопил: — Эй, старина, чай уже готов?

— Будет готов через минуту. — По крайней мере, у мистера Паттерсона, в отличие от его жены, был приятный голос и ирландский акцент был не таким сильным.

— Я не останусь к чаю, — сказал врач. — Мне пора. Я выпью чай дома и буду готовиться к вечерней операции. Но прежде чем я тебя покину, я хотел бы, чтобы ты выпила вот это. — Он помог Эми сесть и взял с тумбочки две таблетки. — Открывай рот. — Эми послушно открыла рот, он положил в него таблетки и подал ей стакан воды. — Как твой живот?

— Я его не чувствую.

— Вполне возможно, позже он начнет болеть. Я оставил еще две таблетки. Примешь их перед сном.

— Спасибо.

Доктор Шиард поднялся на ноги, взял потертый черный кожаный чемоданчик и направился к выходу. У двери он остановился.

— Скорее всего, завтра ты будешь свежа, как огурчик, но если тебя что-то станет беспокоить, позвони мне. Вот мой телефон. — Он вернулся и положил на тумбочку рядом с таблетками белую карточку. — Мне очень жаль твоего ребенка, но ты здоровая молодая женщина, и, когда Барни вернется домой, у вас будет достаточно времени, чтобы родить еще много детей. До свидания.

— Спасибо, доктор, — пробормотала Эми.

— Ты уже уходишь, Боб? — поинтересовался приятный голос. Совсем как у Барни, подумала она.

— Именно так. Пациентка хорошенько выспится ночью и будет в полном порядке. Если сможешь, постарайся не давать ей вставать с постели. Пока, старина. До скорого.

Входная дверь захлопнулась. Одновременно открылась дверь спальни, и вошел Лео Паттерсон. Точно так же, как Эми не ожидала, что мать Барни будет выглядеть так молодо, она не ожидала, что отец Барни будет так

похож на ее мужа. Лео казался постаревшей версией своего младшего сына: тот же рост, те же темно-каштановые волосы, разве что короче подстриженные, те же красивые карие глаза. Его лицо было жестче, и вокруг глаз залегли крошечные морщинки, но это вызвало у Эми странное ощущение, как будто прошла четверть века и она видит своего мужа таким, каким он станет в будущем.

— Привет, — сказал мистер Паттерсон, ласково улыбаясь. — Мне очень жаль, что все так получилось. Как ты думаешь, что послужило причиной?

При виде его улыбки Эми с облегчением вздохнула. По крайней мере, он не будет с ней груб.

— Первый раз я почувствовала боль в вашем доме, — ответила она.

Он гневно нахмурил лоб.

— Это все из-за Элизабет? Она тебя расстроила?

Так значит, мать Барни зовут Элизабет. Это было одно из любимых имен Эми.

— Она действительно меня расстроила. То, что она сказала, расстроило бы кого угодно, но я почувствовала боль еще до встречи с ней.

Тем не менее если бы ей предложили присесть, все, быть может, обошлось бы. И если бы сразу вызвали врача, ребенка, возможно, удалось бы спасти.

— Хорошо. Нет, ничего хорошего в этом, конечно, нет. — Мистер Паттерсон слегка покраснел от собственной бестактности. — Но ты понимаешь, что я хотел сказать. Элизабет ни за что не простила бы себе, если бы стала причиной того, что ты потеряла своего ребенка, нашего первого внука.

Эми была уверена, что Элизабет не было до ее ребенка никакого дела.

— Ты хорошо питаешься? Ты ужасно худая.

Она питалась плохо. Эми делала то же самое, что и после первого отъезда Барни — не ела ничего, кроме бутербродов с джемом, запивая их галлонами чая, при этом лежа в постели и слушая музыку.

— Я хорошо питаюсь, — солгала она. Девушка сомневалась, что избыток бутербродов с джемом мог спровоцировать выкидыш. При воспоминании о чудовищном событии, происшедшем сегодня днем, ее глаза опять наполнились слезами. Эми потеряла человеческое существо, мирно спавшее у нее в животе.

— Не говорите Барни о ребенке, — шмыгнула она носом. — Я собиралась сказать ему после того, как врач это подтвердит. — Она сглотнула комочек. Отец Барни не должен видеть, как она плачет.

— Конечно, не скажу, Эми. Послушай, я заварил чай. Тебе с сахаром?

— Две ложечки, пожалуйста. — Она готова была побиться об заклад, что он крайне редко подает чай. Отец Барни выглядел слишком важной персоной.

— На твоём месте я бы попробовал привыкнуть к чаю без сахара. Говорят, скоро введут пайки.

Отец Барни исчез. Только теперь Эми сообразила, что на ней ночная рубашка. Кто снял с нее одежду? Она молилась, чтобы это был доктор Шиард, а не Лео. И кто-то перенес ее в спальню. Им пришлось убирать в гостиной, где у нее произошел выкидыш? Лучше об этом не думать. От стыда она готова была провалиться сквозь землю.

— Как вы вошли? — спросила Эми, когда причина ее смущения вернулась, неся на подносе две чашки чая. Как ей его называть? Лео или мистер Паттерсон?

— Ты неплотно закрыла дверь.

Он поставил поднос на пол, подал ей одну из чашек, а сам расположился на низком расшитом табурете у туалетного столика, где так любил сидеть Барни, наблюдая за тем, как она одевается.

— Миссис Аспелл, наша домработница, позвонила мне и сообщила о том, что ты приходила, и о том, что сказала Элизабет. Она посчитала, что я должен об этом знать. Я сразу же приехал сюда. Я не хотел, чтобы ты подумала, будто я настроен так же, как Элизабет. — Лео пожал плечами и пристально посмотрел ей в глаза. — Ты, наверное, считаешь ее сумасшедшей, но у нее есть причины, чтобы ненавидеть католиков. Ей было пятнадцать лет, когда в машину, за рулем которой была ее мать, фении^[10] бросили бомбу. Ее младший брат, Пирс, сидел на заднем сиденье. Оба погибли на месте. Это была ошибка. Мишенью был отец Элизабет. Он служил в Королевской Ирландской полиции.

— Это ужасно грустно, но при чем тут я? — резко ответила Эми. — Это не я взорвала их машину. Очень глупо ненавидеть из-за этого всех католиков.

Мистер Паттерсон моргнул, удивленный ее прямоотой.

— Ты не можешь знать, что бы ты чувствовала, если бы подобным образом потеряла мать и брата.

Но Эми и не думала подбирать выражения. Она считала свою свекровь конченной сукой.

— Я знаю, что никогда и ни с кем не стала бы разговаривать так, как ваша жена разговаривала со мной, — отрезала Эми и добавила, меняя тему: — Спасибо, что помогли мне.

— Нам давно пора было познакомиться, не так ли? Жаль, что это произошло при таких обстоятельствах. Я все собирался приехать к тебе в гости, но ты сама понимаешь, это было трудно. Я все время откладывал эту поездку.

Эми поняла его слова так: его жена не одобрила бы этого.

— Вы скажете миссис Паттерсон, что заезжали ко мне? — поинтересовалась она.

— Нет, — резко ответил отец Барни.

Она собиралась посоветовать ему поспешить домой, а не то жена спустит с него шкуру, но передумала, решив, что это будет чересчур грубо. Да и вообще он не походил на мужчину, который позволит женщине помыкать им, даже если эта женщина его жена. Наверное, ему было нелегко, потому что он не хотел огорчать Элизабет или просто избегал скандала.

Мистер Паттерсон поднялся.

— Я скоро заеду снова, — произнес он. — Мне не нравится, что ты живешь здесь совсем одна. К примеру, если бы я сегодня не приехал? Что могло бы случиться?

— Полагаю, я пришла бы в себя и вызвала «скорую». — Эми возмутило то, что он решил, будто она нуждается в опеке.

— Ради Барни я хотел бы присматривать за тобой. Ты моя невестка. Жаль, что ты не можешь переехать к нам.

Эми содрогнулась, представив себе жизнь под одной крышей с Элизабет Паттерсон.

— Это было бы здорово, — вслух произнесла она.

Лео улыбнулся и в этот момент так напомнил ей Барни, что у нее на мгновение замерло сердце.

— Это сарказм или вежливость? — поинтересовался мистер Паттерсон.

— Вежливость.

Эми осталась одна. Она никак не могла понять, как ребенок, который еще утром был жив, теперь был мертв. Она даже не успела выбрать имя или подумать, где она будет жить после родов. Вряд ли ее устроил бы последний этаж четырехэтажного дома.

Эми сползла под одеяло. Внезапно на нее навалилась невероятная усталость. Она уснула практически мгновенно, а когда проснулась, было утро, светило солнце и на деревьях в Ньюсхэм-парке щебетали птицы. Ей негодились таблетки, оставленные доктором Шиардом.

Эми вспомнила, как холодно было накануне днем, и поняла, что у нее

нет осеннего пальто. Она вышла замуж за Барни в июне, и до сих пор теплая одежда была ей не нужна. Чуть позже она поедет в город и купит все необходимое, но сейчас Эми чувствовала непреодолимую потребность отправиться в Бутл и повидать маму. Девушка решила не говорить ей о ребенке, потому что ее это очень сильно расстроит. Ах да, нужно будет взять кремовую блузку, приготовленную для Кэти, и занести ее миссис Бернс, а заодно попросить передать Кэти, чтобы она зашла в гости, когда будет время. Правительство разрешило опять открыть кинотеатры, и, может быть, они, как раньше, сходят вместе в кино.

К изумлению Эми, когда она постучала в дверь дома Бернсов на Аметист-стрит, ей открыла сама Кэти.

— Привет, Эми, — весело сказала она. — Заходи. Я только что закончила собирать вещи.

— Собирать вещи! — еще больше изумилась Эми.

Кэти провела ее в гостиную, где в камине потрескивал огонь, а каминная решетка была увешана сохнувшими носками, чулками и трусами. В комнате стоял тяжелый запах. Девушки сели на стулья по обеим сторонам камина.

Кэти была чрезвычайно довольна собой.

— Я поступила во Вспомогательную территориальную службу — В.Т.С. ^[11] Разве твоя мама тебе не рассказывала? Я была уверена, что ты придешь со мной попрощаться и пожелать счастливого пути. Рано утром я уезжаю в Йоркшир, в городишко под названием Китли.

— Ты подстриглась! — Когда-то длинные волосы Кэти теперь заканчивались чуть ниже ушей. — Тебе идет челка, — похвалила Эми. — Она делает глаза больше.

— Спасибо. — Кэти тряхнула головой. — Мне не очень хотелось наворачивать у себя на голове колбасу, чтобы она все время торчала из-под пилотки. Хотя все просто помешались на этих валиках. Чай будешь?

— С удовольствием. Что ты будешь делать в В.Т.С.? — крикнула Эми, когда Кэти ушла на кухню.

— Я всего лишь клерк, но все равно это будет гораздо интереснее, чем «Вулворт». Может быть, меня даже пошлют за границу. Не терпится поскорее приступить к работе.

— Еще бы, — с завистью в голосе согласилась Эми.

— А что ты делаешь для военной экономики? — Ожидая, пока закипит чайник, Кэти показалась в дверном проеме. — Ты сойдешь с ума от скуки, сидя дома в полном одиночестве, хотя твоя мама говорит, что у тебя там

очень хорошо.

— Я подыскиваю себе какое-нибудь занятие, — неопределенно ответила Эми. — Я бы, как и ты, пошла служить в армию, но тогда мы с Барни вообще не будем видеться.

— Ты запросто могла бы, как твоя мама, найти себе работу на фабрике, — предложила Кэти. — Я слышала, незамужних женщин и замужних женщин без детей будут заставлять работать, независимо от их желаний. На твоём месте, Эми, я бы нашла себе работу, пока есть из чего выбирать, иначе тебе может потом достаться что-нибудь совершенно жуткое.

Наверное, именно эти слова, «незамужние женщины без детей», заставили Эми разрыдаться.

— Что стряслось, моя хорошая? — ахнула Кэти, упав на колени возле Эми, отчего та расплакалась еще сильнее.

— Я вчера потеряла ребенка, — всхлипывала она. — Я была беременна, уже десять недель. И я пошла познакомиться с мамой Барни, а она оказалась такой ужасной, что у меня до сих пор мороз по коже. Она назвала меня «католической шлюхой».

— *Что?* — снова ахнула Кэти. — Иисус, Мария и Иосиф, Эми, что же это за семья такая? Мне кажется, твоя свекровь просто чокнутая.

— Конечно, чокнутая, но отец Барни очень приятный человек, несмотря на такую жуткую жену. К тому же он еще и ужас как хорош собой. Хэрри тоже ничего... впрочем, это тебе и так известно.

— Если у тебя только вчера сорвалась беременность, сегодня тебе следовало бы лежать в постели, а не бегать по всему городу, — строго сказала Кэти. — Когда я открыла дверь, я обратила внимание, что ты какая-то бледная. И у тебя что, нет ничего теплее, чем это? — На Эми был все тот же светлый пиджак поверх чуть более плотного платья.

— У меня нет зимнего пальто. Я как раз собиралась сегодня себе что-нибудь купить. И я чувствую себя хорошо, Кэти, честное слово. — На самом деле это было не так. Эми по-прежнему ощущала слабость, и ее тошнило.

— А где твое красивое темно-зеленое пальто? — поинтересовалась Кэти. — Ты купила его в Пэдди-маркете тогда же, когда я купила свою темно-синюю юбку. Когда ты его в последний раз надевала, оно выглядело отлично.

— Оно дома. То есть у мамы. — Эми на мгновение забыла, что больше не живет на Агейт-стрит. — Когда я переехала, то оставила там большую часть своих старых вещей, — пояснила она. — Наверное, я смогу носить

его, пока не куплю новое. — Поразмыслив, она решила, что, пожалуй, сегодня не поедет в город. Будет лучше провести остаток дня в постели. — Я заберу пальто позже, когда мама вернется домой. На этой неделе она на вечерней смене. Наверное, она ушла за покупками, ее не было дома, когда я заходила.

— Так ты только поэтому ко мне и заглянула? Потому что мамы не было дома? — сухо улыbnулась Кэти. — Тебе просто нужно было где-то согреться, пока она не вернется домой.

— Мама никогда не запирает заднюю дверь, и тебе это известно. — Эми не знала, возмущаться ей или опять разреваться. — Если бы я хотела, то запросто могла бы подождать ее дома. И откуда мне было знать, что ты уже вернулась? Я думала, ты на работе, и хотела попросить твою маму передать тебе вот это.

— Что ты хотела передать?

Эми извлекла пакет с надписью «Сэлфриджес» с блузкой внутри.

— Я купила это в Лондоне, но все время забывала тебе занести. В армии тебе она, наверное, не пригодится.

— Ой, Эми, какая хорошенькая! — Кэти подняла блузку за плечики. — Я возьму ее с собой. Я же не все время буду в форме. — Ее лицо покраснелось, казалось, она вот-вот тоже расплачется. — Прости меня за то, что я сказала, будто ты зашла ко мне только потому, что мамы не было дома.

— Это я должна попросить у тебя прощения, — тихо ответила Эми. — Я поступила гораздо хуже, когда просто бросила тебя, познакомившись с Барни. Понимаешь, я больше ни о чем тогда не могла думать. Все мои мысли были только о нем.

— А сейчас?

— Сейчас тоже, но ведь он уехал, — жалобно ответила Эми. — Я думаю о нем, но я не могу *быть* с ним. Мне нужно найти, чем занять себя, но я только все время лежу в постели и ем бутерброды с вареньем.

Кэти обняла ее, и Эми поняла, что они опять друзья.

— Уверена, что чайник уже весь выкипел, — засмеялась Кэти. — Я совсем забыла, что хотела заварить чай. Слушай, сегодня вечером мы все собираемся в «Грин мэн» на Марш-лейн, где раньше работала твоя мама. Это моя прощальная вечеринка. Почему бы тебе тоже не прийти, если ты будешь хорошо себя чувствовать? Смена обстановки может, как говорится, пойти тебе на пользу.

— Я приду, — пообещала Эми.

Через некоторое время она опять отправилась на Агейт-стрит. Мама

уже вернулась из похода по магазинам и была ужасно рада ее видеть, хотя и отметила, что выглядит дочь неважно. В камин подбросили угля, чтобы Эми могла посидеть перед ним с большой чашкой какао. Ей было так приятно снова чувствовать мамину заботу. Она ни словом не обмолвилась о выкидыше. Кэти тоже пообещала свято хранить тайну.

В час дня мама ушла на работу, а Эми поднялась наверх поискать свое зеленое пальто. Она обнаружила его в бывшей комнате Чарли, вынула из шкафа и повесила на вешалку за дверь. Пальто выглядело вполне пристойно, его можно было носить, пока она найдет в себе силы для покупки нового.

Постель Чарли была застелена, и Эми не смогла устоять перед соблазном прилечь, укутавшись в пуховое стеганое одеяло. Между сном и бодрствованием она провела несколько часов и насмерть перепугала сестер, когда они вместе вернулись с работы и услышали, как она спускается по лестнице. Эми была так же счастлива увидеть их, как и они ее.

Сестры вместе пообедали, разделив приготовленное мамой жаркое, которое оставалось только разогреть, после чего Эми хорошенько умылась, надела зеленое пальто и опять отправилась к Кэти.

Пол в пабе был посыпан опилками, а в углу стояла плевательница. Человек с сигаретой, прилипшей к нижней губе, играл на расстроенном рояле. На голове у него была кепка, надетая задом наперед. Все громко пели, стараясь перекричать друг друга.

Эми поняла, что оторвалась от своих корней. Она родилась и выросла в Бутле, и ее место было здесь, а не в большом доме рядом с Ньюсхэм-парком, где на первом этаже живет отставной капитан Королевского военного флота. Но она не уедет из большого дома, потому что там они с Барни провели вместе самые счастливые дни своей жизни, дни, которые она никогда не забудет, даже если доживет до ста лет. И именно там она будет встречать Барни, когда он вернется домой.

ГЛАВА 7

Май 1971 года

Маргарита

— Классный фильм, — сказала Хильда Доули, выходя из кинотеатра. — Я бы не отказалась при случае посмотреть его еще разок.

— Я тоже, — согласилась я.

— Вообще-то я не люблю гонки, но эти мне страшно понравились.

— Это точно. Ты хочешь кофе? — Лично я предпочла бы поехать домой. Хильда действовала мне на нервы, но я знала, что так будет. Она мне никогда не нравилась, но я не могла просто бросить ее и убежать домой сразу после фильма. Мы ходили на «Французского связного» с Джин Хэкман в главной роли.

— Я очень хочу кофе, — с энтузиазмом откликнулась Хильда. — Куда мы зайдем?

— Я знаю одно местечко.

Я повела ее в «Л-Биты», кофейню возле клуба «Каверн», в которую Роб Финнеган водил меня в прошлую субботу. Сегодня опять была суббота. Накануне Хильда в учительской сказала, что ей очень хочется посмотреть «Французского связного». В ее голосе было столько тоски, что я сжалась над ней.

— Я бы тоже не прочь его посмотреть, — сказала я.

— Давай завтра сходим, — тут же предложила она.

— Давай. — Я заранее знала, что еще пожалею о своем поспешном решении, и все же была рада, что у меня на субботу назначена встреча, пусть даже и с женщиной. Мне было жаль и себя, а не только Хильду. В субботнем вечере было что-то такое, от чего я чувствовала, что *обязана* куда-нибудь пойти. В противном случае я буду считать себя никому не нужной неудачницей. Конечно, я в любом случае была неудачницей, но стремилась скрыть этот факт, договорившись о совместном походе в кино с женщиной, которую я терпеть не могла.

— Здесь хорошо, — заметила Хильда, когда мы оказались в «Л-Битах» с их неровными кирпичными стенами и таким же затхлым воздухом, как в

«Каверне». — Можно представить, что мы где-то за границей, например, в Париже. Ты когда-нибудь была за границей, Маргарита?

— Нет. А ты?

— Мы с мамой ездили в Испанию. Там было страшно жарко, и мама вдобавок чем-то отравилась. Почти весь отпуск она провела на унитазе. Это был какой-то кошмар. — К моему удивлению, Хильда хихикнула, обнажив огромные влажные зубы. — Лучше над всем смеяться, верно? Иначе ты только и будешь делать, что плакать. — Хильда промокнула глаза платочком, как будто собиралась заплакать прямо сейчас. — Сколько тебе было лет, когда умерла твоя мама, Маргарита?

— Пять. Я ее почти не помню, — поспешно добавила я, надеясь, что это предотвратит дальнейшие расспросы.

Очень скоро, подумала я, начну говорить людям правду. Я не стыдилась своей матери. Я не собиралась трубить на весь свет о том, что она убийца, но лгать тоже не хотела. Я вспомнила, как Хильда говорила, что мою мать следовало повесить.

Вне школьных стен Хильда Доули была совсем не такой громогласной и назойливой.

— Может быть, когда-нибудь мы съездим вместе за границу, — застенчиво предложила она.

— Возможно, — неопределенно улыбнулась я. Эта мысль привела меня в ужас. Но чего я испугалась? Того, что если меня увидят с такой жалкой личностью, как Хильда, все сразу поймут, что я неудачница, что я не в состоянии найти друзей среди сверстников, не говоря уже о мужчине? Но мне совсем не нужен мужчина, напомнила я себе. По крайней мере, я так думала.

— Ты по-прежнему живешь с тетей и дядей?

Я кивнула, и Хильда продолжила:

— Ты никогда не думала о том, чтобы поселиться отдельно?

— Меня все устраивает там, где я живу сейчас. — Неужели она предлагает мне поселиться вместе с ней?

— А я очень хочу уйти из дому, — жалобно произнесла Хильда. — Мне так хотелось бы жить отдельно, гулять, когда захочется, самой готовить себе еду и все такое. У меня довольно требовательная мама. — Она шмыгнула носом. — Честно говоря, очень требовательная. Она считает меня своей лучшей подругой. Мама устроила мне сегодня настоящий скандал из-за того, что я оставила ее одну. Хотя она все равно не захотела бы идти на «Французского связного», она любит только комедии.

— Я тебе сочувствую. — Мне действительно было искренне жаль

Хильду. — Твоя мама очень старая?

— Ей всего шестьдесят лет, и она здоровая как лошадь. — Хильда опять шмыгнула.

— Учитывая то, что твоя мама может сама о себе позаботиться, я считаю, что ты вполне могла бы поселиться отдельно, — ободряюще произнесла я. Внезапно счастье Хильды стало значить для меня очень много. — Если хочешь, я помогу тебе подыскать квартиру.

— *Правда?* — пришла в восторг Хильда.

— Я могу посмотреть с тобой квартиры. Я так понимаю, тебе нужна квартира, а не дом? Думаю, можно посмотреть рекламу в «Эко».

— Ну да. Я иногда просматриваю объявления. Я вполне могу позволить себе снять квартиру или даже купить. В понедельник я посмотрю рекламу в газете. Маме это, конечно, не понравится. В прошлый раз, когда я сказала, что хочу жить отдельно, она просто взорвалась.

— Привет, — произнес чей-то голос. — Я предчувствовал, что найду вас здесь.

Я подняла голову. На меня сверху вниз смотрел Роб Финнеган. Я была так рада его видеть, что покраснела и принялась молиться, чтобы он этого не заметил. Неужели он и в самом деле меня искал? *Я предчувствовал, что найду вас здесь.*

— Присаживайтесь, — пригласила я. — Если ты не возражаешь, — добавила я, обращаясь к Хильде.

— Не возражаю, — сухо ответила Хильда. Совершенно очевидно, она была недовольна. Может быть, подумала, что я с самого начала рассчитывала встретить Роба, а ее каким-то образом использовала?

Я поспешно представила их друг другу.

— Хильда, это Роб Финнеган. Его сын, Гари, учится в моем классе. Мы познакомились несколько недель назад в «Оуэн-Оуэнсе». Роб покупал Гари форму. А потом мы встретились еще раз, у «Каверна». — Роб протянул Хильде руку. — Хильда тоже работает в нашей школе. У нее третий класс.

Они пожали друг другу руки. Похоже, Хильда успокоилась.

— Приятно познакомиться, — с улыбкой сообщила она Робу.

— Мне тоже. — Ответная улыбка была теплой и искренней.

А ведь действительно очень приятно, подумала я. Сегодня Роб был одет в джинсы и толстый серый свитер поверх темно-синей рубашки.

— Я только что был в «Каверне», — сообщил он.

— Кто там играл?

— «Канзас хук» и «Парфюм гарден». Это, конечно, не «Битлы», но играют неплохо. Хотите еще кофе? — обратился он к нам обеим.

— Хочу, — быстро отреагировала я.

Хильда покачала головой.

— Спасибо, с меня довольно кофе. Я посижу еще минутку, и мне пора.

— Вы уверены? — Роб посмотрел на часы. — Еще нет и десяти. Посидите еще немного, — опять тепло улыбнулся он. — Выпейте кофе.

— Ну хорошо, — теперь настала очередь Хильды покраснеть. Наверное, она не хотела быть третьей лишней.

Роб отправился за кофе. Как только он отошел от столика и уже не мог нас слышать, она зашептала:

— Он симпатичный. У него есть жена?

— Нет. Он вдовец.

— Ты ему нравишься, это очевидно. Не упусти его.

Я засмеялась.

— Послушать тебя, так он просто какой-то дикий зверь, которого мне удалось поймать. Я с ним почти не знакома. — Я не знала, интересует меня Роб Финнеган или нет. Я рада была его видеть, но не хотела попадать от него в зависимость.

Роб вернулся и сказал, что официантка принесет наш кофе через минуту.

— Где вы сегодня были? — поинтересовался он.

Я предоставила Хильде возможность рассказать о «Французском связном» как об одном из лучших фильмов, которые она когда-либо видела. Роб сказал, что тоже должен его посмотреть. Я спросила его, где Гари.

— Моя сестра Бесс сегодня осталась дома. Она простудилась, — пояснил он. — Вот я и подумал, что могу воспользоваться случаем и развеяться в городе. Вторую субботу подряд.

Мы побеседовали еще с полчаса, а потом Хильда сказала, что ей действительно пора.

— Я и так задержалась дольше, чем обещала. Мама меня убьет.

Роб проводил нас к машинам. Моя машина оказалась первой, что вызвало у меня раздражение. Я припарковалась у Сент-Джонс-маркета, а Хильда гораздо дальше, на Маунт-плезант. Это означало, что я уезжаю, а Роб с Хильдой идут дальше вдвоем.

Когда дети во время ланча выходили гулять, я присматривала за Гари Финнеганом. Насколько я могла судить, его никто не обижал. Но с ним также никто и не разговаривал. Он просто бродил в одиночестве, и остальные дети не обращали на него внимания. Он выглядел печальным и с

тоской смотрел на других мальчишек, которые играли в футбол или просто собирались в небольшие группы, разговаривали и толкались.

То же самое, как я полагала, происходило и на переменах. Я не могла знать точно, поскольку готовилась к следующему уроку. Но в понедельник, когда Гари вошел в класс после перерыва на ланч, я была шокирована. У него была разбита губа, и было видно, что он плакал.

Я ничего не сказала, пока не прозвенел звонок с последнего урока.

— Гари Финнеган, задержись, пожалуйста, — окликнула я его.

Как только остальные дети вышли из класса, я под села к нему.

— Что у тебя с губой, Гари? — спросила я.

Он отвел глаза.

— Ничего, мисс. — Мальчик шмыгнул носом. Казалось, он вот-вот опять заплачет.

— Тогда почему из нее идет кровь? — ласково произнесла я. Я осторожно промокнула кровь бумажным платочком.

— Я не знаю. — Он поднял глаза. — Ах, мисс, как бы я хотел, чтобы моя мама была жива, а не утонула в Испании. — Он уронил голову на руки и расплакался.

Я погладила его по голове.

— Я тоже, малыш. — Мое сердце разрывалось от жалости к этому тихому мальчику, оставшемуся без матери. Надо попросить Джоан Флинн, которая встречает детей утром, обратить на него особое внимание. Мне так хотелось обнять Гари, усадить к себе на колени, поцеловать. Но такое сближение с учеником не только является нарушением правил, но еще и будет выглядеть очень нелепо. Если остальные ученики заметят, что Гари стал учительским любимчиком, его жизнь превратится в ад.

— Кто тебя забирает сегодня из школы? — спросила я.

— Тетя с верхнего этажа, — прошептал он. — Папа поехал в Манчестер покупать дом.

— Правда? — Когда мы встретились в субботу, Роб ничего не сказал о том, что ищет дом. — Ты передашь ему, что я прошу его завтра ко мне зайти?

— Да, мисс, — вздохнув, ответил Гари. Он встал и пошел к двери. Его плечи были опущены, как если бы на них лежали все беды мира. Когда мне было столько лет, сколько ему сейчас, мою мать судили за убийство моего отца. С некоторыми людьми жизнь обходится очень жестоко, даже когда им всего пять лет.

Освобождение и последующее исчезновение моей матери сблизило

людей, знавших ее до тюрьмы. Обычно Чарльз и Марион видели Кэтрин Бернс раз в несколько лет. То же самое можно было сказать и о Хэрри Паттерсоне. Теперь же все четверо опять договорились встретиться в ресторане в субботу вечером.

Я мыла посуду после чая и слышала, как Марион говорит Чарльзу, что он не должен оплачивать счет за всех четверых.

— Я не собираюсь от этого уклоняться, — раздраженно ответил Чарльз. — В прошлый раз заплатил Хэрри, ты забыла?

— Да, но это он нас пригласил, верно? — возразила Марион. — Так что он и должен был платить. Почему мы должны платить за Кэтрин Бернс?

— Она хотела заплатить, когда мы ездили в Формби.

— Да, но в конце концов позволила заплатить тебе.

— Только потому, что я настоял, — резко ответил Чарльз. Я чувствовала, что он вот-вот окончательно потеряет терпение, а это случалось очень редко. — Честное слово, Марион, мы не слишком часто ходим в ресторан, и я не собираюсь весь вечер мучиться мыслями о том, кто будет оплачивать счет. Можно подумать, мы нуждаемся.

— Мы не купаемся в деньгах.

— Но и не бедствуем.

— Да, но... — Дверь закрылась. Один из них, видимо, понял, что мне все слышно.

Я преодолела соблазн пробраться в прихожую и подслушать их разговор. Я не услышу ничего нового. Марион всегда была прижимистее Чарльза. Иногда она становилась откровенно жадной, в то время как Чарльз легко расставался с деньгами. Это было не единственным различием между ними. Иногда я вообще не могла понять, почему они поженились.

Меня тоже пригласили на этот субботний обед, но у меня были дела поважнее. В субботу Триш выходила замуж, и я собиралась на ее свадьбу.

Я сидела в заднем ряду переполненной церкви. На венчание были приглашены пятьдесят восемь взрослых и около тридцати детей. Органист начал играть «Вот идет невеста»^[12], мы все встали, и появилась Триш, держа под руку отца. Я улыбнулась ей, но она меня не увидела, а просто проплыла мимо, очень красивая и взволнованная. В конце прохода ее жених Иан, с которым я встречалась всего два раза, почесывал затылок, как будто пытался сообразить, куда подевал кольца. Хотя я видела только спины приглашенных, до меня постепенно дошло, что кроме жениха и невесты я знакома только с родителями Триш и с ее младшей сестрой

Джейн, которая уже успела выйти замуж и родить двух детей. Более того, я, похоже, была единственной молодой женщиной без спутника. Мое настроение изменилось. Я заподозрила, что на этой свадьбе буду чувствовать себя не в своей тарелке.

Для свадьбы Триш я специально купила новый костюм, кремовый, с приталенным пиджаком и расклешенной юбкой ниже колен. Моя шляпка-таблетка сочеталась с костюмом, а сумка, туфли и перчатки были рыжевато-коричневого цвета. Выходя из дому, я была весьма довольна собой, но теперь в своей элегантной новой одежде казалась себе просто расфуфыренной.

Все присутствующие на ужине хотели знать, кто я такая и кто из гостей мой муж.

— Ну, тогда молодой человек, — сделала уступку одна из вдовых тетюшек Триш, услышав, что я не замужем. Ей казалось непостижимым то, что я пришла одна.

— Не может быть, чтобы ты была не замужем, ты такая хорошенькая! — с деланным изумлением воскликнул один из дядюшек, заставив меня почувствовать себя ошибкой природы, умудрившейся достичь почтенного двадцатипятилетнего возраста и так и не вступить в брак.

Этот день стал для меня сущей пыткой. Меня приглашали танцевать. Мои партнеры глуповато улыбались своим женам, когда мы проносились мимо них, видимо, считая, что совершают нечто невероятно дерзкое и безрассудное.

В пять часов Триш с Ианом отправились в свадебное путешествие в Джерси.

— Стань позади меня, Маргарита. Когда я брошу букет, постарайся его поймать. Это будет означать, что в следующий раз ты будешь присутствовать на собственной свадьбе, — прошептала Триш.

Я стала позади нее, но намеренно позволила букету пролететь мимо. Я сама не знала, чего хочу. Я была уверена, что не хочу оставаться на свадьбе, но возвращаться домой было слишком рано. Чарльз и Марион уйдут не раньше половины восьмого, а идти в ресторан я тоже не хотела.

Через несколько дней, во вторник, я после уроков отправилась с Хильдой в Норрис Грин смотреть выставленную на продажу квартиру. Квартира находилась в многоэтажном доме со своей собственной автостоянкой, на которой мы и договорились встретиться. Я приехала первой и сидела в машине, ожидая Хильду. Мне дом не понравился с

первого взгляда. В нем было десять этажей, и он стоял на пересечении двух очень оживленных улиц. В этом было что-то бездушное.

Появилась Хильда на своем сером «мини» и припарковала машину рядом с моим «жуком». Она помахала мне рукой и одновременно скорчила гримасу. Я заподозрила, что гримаса относится к сидящей рядом с ней женщине, которая могла быть только ее матерью.

— Мама настояла на том, чтобы приехать со мной, — сквозь зубы процедила Хильда, когда я подошла к ним. Ее мать выбиралась из машины с противоположной стороны. — Мама, это Маргарита Карран, мы работаем в одной школе.

Миссис Доули была гораздо привлекательнее дочери. Копна красивых каштановых локонов без единого седого волоска украшала ее голову, благодаря чему женщина выглядела гораздо моложе своих шестидесяти лет. Но выражение ее лица, когда она пожимала мне руку, было кислым.

— Я не знаю, что это вдруг нашло на нашу Хильду, — угрюмо произнесла миссис Доули. — Нет никакой необходимости выбрасывать деньги на покупку квартиры, ведь у нее есть отличный дом. Она не ценит того, что имеет. — Тут она метнула на дочь злобный взгляд. — Вы скоро примчитесь обратно, юная леди. Теперь тебе придется самой застилать себе постель, стирать и убирать. И горячий обед тебя тоже не будет больше ждать, когда ты будешь возвращаться домой из школы.

Хильда только закатила глаза, но ничего не ответила.

— Квартира на пятом этаже, — сообщила она, — но хозяина, мистера Хэнли, сейчас нет дома. Нам все покажет жилец с третьего этажа.

Мы молча зашагали к двери. Я поняла, что на голове пожилой женщины шиньон. Хильда позвонила в звонок с табличкой «3 Б».

— Это мисс Доули? — раздался бестелесный голос из овальной решетки динамика.

— Да, — подтвердила Хильда.

— Сейчас я спущусь и открою вам.

— Совсем как в этом идиотском «Звездном пути», — презрительно фыркнула миссис Доули.

— Ты могла не ехать сюда, мама, — ответила Хильда. — Тебе лучше было бы остаться дома и посмотреть «Улицу Коронации». Теперь ты весь вечер будешь жаловаться, что из-за меня пропустила очередную серию.

— Я приехала, чтобы оказать тебе моральную поддержку, — засопела ее мать. — Я ведь тебя знаю. Если тебя предоставить самой себе, ты вполне можешь сглупить и позволить убедить себя купить жилье, которое тебе не нравится.

— Именно поэтому со мной приехала Маргарита, — в голосе Хильды явно звучала гордость.

На этот раз злобный взгляд полетел в мою сторону.

Дверь открыл мужчина лет сорока пяти в деловом костюме. У него были аккуратно причесанные каштановые волосы и веселые глаза.

— Меня зовут Клиффорд Томпсон, — сообщил он.

Обменявшись с ним рукопожатиями, мы проследовали впереди него к лифту. Дурное настроение миссис Доули улетучилось. Теперь она принялась совершенно тошнотворно кокетничать с нашим провожатым.

— Когда наша Хильда сообщает кому-нибудь, что я ее мать, я чувствую себя ужасно старой, — жеманно протянула она.

— Должен признать, что я тоже удивлен, — галантно откликнулся мужчина. — Я бы скорее предположил, что вы сестры.

— Все так думают. — Миссис Доули самодовольно поправила прическу и выпятила губы, как будто собралась поцеловать его прямо в лифте или вообразила, что он сам хочет ее поцеловать. При виде всего этого я прониклась к Хильде еще большим сочувствием.

Лифт остановился, и мы вышли. Клиффорд Томпсон отпер дверь, которая, как и все другие двери на этаже, была выкрашена в темно-коричневый цвет, и жестом пригласил нас войти.

Первым, что я заметила, был вид из окна. Он был на редкость неприятным, просто множество зданий и машин. Прямо под окнами находился перекресток, и звуки ревущих двигателей и клаксонов беспрепятственно проникали сквозь закрытые окна.

Несмотря на современную кухню и ванную комнату, сама квартира своими простыми квадратными комнатами напомнила мне тюрьму. В ней не было ничего оригинального или приятного. Она скорее подошла бы мужчине, который не обращает внимания на декоративные плинтуса, лепку на потолке и прочие украшения и изыски.

Судя по всему, Хильда считала так же.

— Пожалуй, это не для меня, — сказала она, едва заглянув в спальню. — Очень жаль, но меня это не интересует. Вы не могли бы передать это мистеру Хэнли?

— Конечно. Архитектор не стал напрягать свое воображение, создавая этот проект, — с сожалением откликнулся Клиффорд Томпсон. — Я тоже предпочел бы что-нибудь менее безликое.

— Вот-вот, — с воодушевлением закивала Хильда. — Эта квартира слишком безлика.

— В Ватерлоо продается небольшая квартира. Она находится на

верхнем этаже и выходит окнами на реку, — сообщил ей мужчина. — Я не знаю адреса, но могу выяснить для вас, если хотите.

— Правда? — некрасивое лицо Хильды озарила радость. — Я дам вам свой номер телефона, и вы сможете мне позвонить.

— Это была уловка, — сказала миссис Доули, когда мы вышли на улицу.

— Что было уловкой, мама?

— Эти его рассказы о квартире в Ватерлоо. Готова поспорить, что такой квартиры не существует. Он это выдумал, чтобы заполучить наш номер. Я сразу поняла, что очень ему понравилась. — Она причмокнула губами. — Еще до конца недели он позвонит и пригласит меня на свидание.

Я сжалась от отвращения. Ведь ей уже *шестьдесят*.

Оказалось, что квартира в Ватерлоо действительно существует. Через несколько дней Клиффорд Томпсон позвонил Хильде и предложил отвезти ее туда. Хильда с первого взгляда влюбилась в эту квартиру. На следующее утро она захлеб рассказывала мне о прелестных потолках, о старомодной ванной и об изумительном викторианском камине в гостиной.

— Спальня небольшая, но в гостиной есть место для кушетки, так что при желании я смогу оставить кого-нибудь на ночь, — ее лицо светилось.

Поведав о квартире, Хильда принялась рассказывать мне о том, что Клиффорд пригласил ее в кафе, где они обсудили, следует ли ей покупать эту квартиру. А потом он предложил ей пойти с ним в субботу в кино.

— Ты согласилась? — спросила я.

— Ну да, — несколько удивленно ответила Хильда, как будто сама не могла до конца поверить в то, что произошло. — У него двое детей-подростков, он разведен, — добавила она. — У его жены был роман на стороне. Она уже вышла замуж за своего любовника.

— Удачи тебе, Хильда, — искренне пожелала я. Я совсем недавно узнала ее поближе, но уже поняла, что несмотря ни на что она мне нравится, особенно после встречи с ее кошмарной мамашей. Но теперь мне опять не с кем проводить субботние вечера.

ГЛАВА 8

Ноябрь-декабрь 1939 года

Эми

После выкидыша Эми провела в родительском доме на Агейт-стрит еще два дня. Ей очень хотелось побыть там подольше. Она даже не догадывалась, как соскучилась по маме и по непринужденной болтовне сестер. Не то чтобы она скучала по ним, когда Барни был дома. Она и теперь больше всех на свете скучала именно по нему.

Но Эми было совершенно необходимо вернуться в квартиру у Ньюсхэм-парка. Капитан Кирби-Грин наверняка уже обратил внимание на то, что молоко Паттерсонов никто не забирает. Он вполне может сообщить об ее исчезновении в полицию. Еще более важным было то, что от Барни могло прийти письмо.

Перед тем как Эми ушла (в своем старом зеленом пальто, которое было таким замечательно теплым и чудесно согревало ее в этот холодный и сырой ноябрьский день), мама внушила ей, что она может располагать спальней Чарли в любое удобное для нее время.

— На день, на неделю или навсегда, для тебя в этом доме обязательно найдется место, — услышала Эми.

— Спасибо, мам, — она нежно обняла мать. Неудивительно, что Барни так к ней привязался. Между Мойрой Карран и его матерью не было ничего общего.

Когда Эми вошла в свою квартиру, уже вечерело. Комнаты показались ей холодными и нежилыми, как будто она отсутствовала много месяцев, а не несколько дней. Эми пробрал озноб. Квартира выглядела голой без икон и статуэток, а также всевозможных безделушек и украшений, заполнявших все полочки и подоконники в доме ее матери.

Спустя некоторое время Эми поняла, что одной из причин того, что квартира показалась ей голой, было исчезновение красного ковра, купленного Барни. Она довольно долго ломала себе голову над тем, куда же он мог подеваться, прежде чем вспомнила, что в последний раз видела

его, вернувшись домой после рокового визита к Паттерсонам. Кажется, она упала на этот чертов ковер. Должно быть, именно на нем у нее случился выкидыш и ее свекор отдал ковер в чистку или попросту выбросил.

Эми также уловила тошнотворный запах, который привел ее в кухню, где она обнаружила кувшин створожившегося молока и покрытую зелеными пятнами буханку хлеба. Эми вылила в раковину содержимое кувшина, а хлеб завернула в газету и положила за дверь, чтобы позднее отнести вниз и выбросить в мусорный бак.

Одна из оставленных за дверью бутылок молока также прокисла. Она разберется с этим позже, решила Эми, ставя чайник на плиту. Ей необходимо сходить в магазин за продуктами. Отныне она будет питаться как положено и найдет себе работу, желательно что-нибудь связанное с войной. Эми ничего не имела против праздности, когда Барни был дома, но когда он уехал, безделье стало ее тяготить.

Чайник закипел. Одновременно с этим дверной звонок резко прозвонил четыре раза. Эми заварила чай и направилась вниз, чтобы открыть дверь. Снизу до нее донеслись голоса. Капитан Кирби-Грин, по своему обыкновению, оказался у двери раньше нее. Она узнала его голос, а также голос Лео Паттерсона, ее свекра.

— Я сам только что вернулся, — говорил капитан, — но заметил, что молоко забрали. Так что, полагаю, миссис Паттерсон наконец-то вернулась.

— Отлично, — решительно заявил Лео. — Спасибо, что впустили меня. Но от капитана не так легко было улизнуть.

— Я только что был на призывном пункте Королевского военного флота, — гордо заявил он. — Решил, что пора предложить свои услуги, чтобы помочь избавиться от этого негодяя Гитлера. Мне сказали, что если им понадобится человек с моим гигантским опытом, со мной непременно свяжутся.

— Надеюсь, так и будет, — в голосе свекра Эми слышались нотки нетерпения. И что имел в виду капитан, сообщив, что миссис Паттерсон, должно быть, *наконец-то* вернулась? Это звучало так, как будто ее спрашивают уже не в первый раз.

— Это вы, мистер Паттерсон? — окликнула Эми. — Поднимайтесь.

Он взбежал по ступенькам с таким же проворством, как и его сын. Мистер Паттерсон был одет в деловой костюм, длинное темно-синее пальто, которое, судя по всему, стоило целую кучу денег, а в руке держал серую фетровую шляпу с темно-синей лентой на тулье.

— Я думал, мы договорились, что ты будешь называть меня Лео, —

сказал он, преодолевая последние несколько ступенек. Эми не припоминала ничего подобного. — Капитан всегда такой зануда? — не успев переступить порог, поинтересовался он.

— Я не считаю его занудой, и Барни тоже. — Капитан очень нравился им обоим. — Он просто одинокий старый человек, и ему не с кем поговорить. Это совсем не трудно — остановиться и поболтать с ним несколько минут.

— Вы с Барни просто не знали, куда девать время, — раздраженно ответил Лео. — А у меня есть дела поважнее болтовни с капитаном.

— В таком случае, почему вы здесь? Разве вы не должны быть сейчас на работе и заниматься этими важными делами?

Лео изумленно посмотрел на нее. Эми сама изумилась не меньше, чем он. Встреться она с кем-нибудь вроде Лео Паттерсона еще год назад, она была бы в полной растерянности и не знала бы, что сказать. Эми изо всех сил постаралась бы ничем этого не выдать, но не смогла бы общаться с ним на равных. Благодаря любви Барни ее уверенность в себе взлетела до небес.

— А ты за словом в карман не лезешь, — рассмеялся Лео.

— А вы?

— Я не собираюсь беседовать с тобой в таком тоне. — Тут он окинул ее испепеляющим взглядом. — Я приехал потому, что волновался за тебя. Несколько дней назад у тебя случился выкидыш, и я оставил тебя в постели, потому что ты была слишком слаба и не могла ходить. На следующий день я позвонил, чтобы справиться о твоём самочувствии, но мне никто не ответил. Я звонил снова и снова, но все безрезультатно. — Лео начал мерить комнату шагами, как будто пытался сдержать гнев. — Я приехал сюда, и капитан впустил меня в дом. Но в квартиру он впустить меня, разумеется, не смог. Я уже спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем мне придется взломать дверь. Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Я почувствовала себя лучше уже на следующий день. — Ей и в голову не пришло, что он будет из-за нее волноваться. Возможно, стоило приколоть к двери записку или сказать капитану Кирби-Грину, куда она направляется. Но Эми не собиралась оставаться у мамы надолго.

Она прошла в кухню и приготовила две чашки чая.

— Вы пьете чай с сахаром? — крикнула она.

— Нет, спасибо, — сухо ответил он.

Эми вышла из кухни и поставила чай на низкий круглый столик, возле которого сидел мистер Паттерсон. В ее отсутствие он снял пальто и

повесил его за дверь.

— Мы с вашим сыном женаты уже полгода, — медленно и отчетливо произнесла Эми. — За все это время вы не предприняли ни единой попытки со мной познакомиться. Я могла умереть во сне, меня могли убить, а вы бы так и не узнали об этом. А теперь вдруг я не могу провести несколько дней у мамы без того, чтобы вы по этому поводу не устроили переполох. — Она совершенно не рассердилась. Честно говоря, она с большим удовольствием устроила ему этот нагоняй. — Это не ваше дело, куда я хожу и чем занимаюсь, — закончила Эми свою речь.

Мистер Паттерсон нахмурился.

— Так ты на самом деле была у мамы? — поинтересовался он, как будто подозревал ее в каких-то неблагоприятных поступках.

— Да.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что я не знаю, где живет твоя мама?

— Вы вообще обо мне очень мало знаете.

— Ты можешь дать мне ее адрес?

— Могу.

Они начали пить чай. Совершенно неожиданно его манера держаться коренным образом изменилась.

— Мне очень жаль, что я так долго тебя игнорировал, — смиренно произнес Лео. — Мы с Элизабет думали, что это было безумием со стороны Барни — жениться на девушке, которую он едва знал. Когда он сообщил, что его избранница родом из Бутла, мы опасались, что она окажется невероятной... — он запнулся, подыскивая нужное слово.

— Простушкой? — с готовностью принялась подсказывать Эми. — Распутной девкой? Вульгарной особой?

Его губы дрогнули в улыбке.

— Возможно, простушкой.

— Может быть, я и простушка, мистер Паттерсон... Лео, — холодно произнесла Эми, — но я ни разу в жизни никого не назвала шлюхой. И я не очень хорошо представляю, кем в таком случае является ваша жена.

— Я сказал, что мы опасались, что ты окажешься простушкой, Эми. Теперь, когда я с тобой познакомился, вижу, что ошибался. — Он наградил ее ослепительной улыбкой. Эми осознала, что если она слегка расфокусирует взгляд, ей очень легко будет убедить себя, что рядом с ней за столом сидит Барни.

— Более того, — продолжал Лео, — ты оказалась настоящей маленькой леди, и я очень рад, что мой сын женился на тебе. Что касается моей жены, боюсь, что она больна. Быть может, когда-нибудь ей станет лучше. Все,

что мне остается, это надеяться. Я прошу прощения за те оскорбления, которыми она тебя осыпала. — Он протянул Эми руку. — Мы можем забыть обо всем, что произошло, и стать друзьями?

— Мне бы очень этого хотелось, — Эми пожала предложенную ей руку. Несмотря на неудачное начало, девушка была уверена, что они поняли друг друга и она может считать мистера Паттерсона своим другом.

Он провел у нее гораздо больше времени, чем она ожидала, — пока на улице не стемнело и в небе не появилась мутная луна. Эми рассказала ему о маме, о странной молодой жене своего брата Чарли, о том, как сильно Джеки и Бидди хотят работать на оборону страны.

— Они обсуждали, не добавить ли им себе лет, чтобы вступить в армию, как моя лучшая подружка Кэти. Бидди всего пятнадцать.

— Это заслуживает восхищения, — сказал Лео.

Эми с трудом удерживалась от вопроса, как он мог оставить все свои важные дела, но напоминала себе, что они теперь друзья и будет лучше, если она воздержится от подобных колкостей.

На следующий день пришло письмо от Барни. Он писал, что в офицерской школе ему, может быть, даже понравилось бы, если бы он так не скучал по ней. После этого Барни перешел к детальному описанию того, по чему именно он соскучился, заставив Эми покраснеть до корней волос.

Через несколько дней к ней заехал Хэрри Паттерсон, чтобы сообщить, что он получил повестку и скоро присоединится к брату в армии.

— Было бы здорово, если бы тебя отправили туда же, куда и Барни. Тогда бы ты тоже стал офицером. — Ей действительно очень этого хотелось, потому что Хэрри ей нравился.

Он скривился.

— Сомневаюсь, что меня сочтут подходящей кандидатурой для офицерской школы. В отличие от Барни, я не учился в университете и у меня нет ученой степени. Я буду просто рядовым, как большинство призывников. Как бы то ни было, я бы хотел быть именно рядовым. Даже если бы мне предложили офицерское звание, я бы от него отказался.

Хэрри выглядел довольно грустным. Эми вдруг пришло в голову, что во время обеих встреч с Лео ее свекор ни словом не обмолвился о старшем сыне, хотя много говорил о Барни. Было совершенно очевидно, что он им очень гордится.

— Кэти в армии, — сообщила Эми Хэрри. — Ее послали куда-то в Йоркшир.

Его взгляд прояснился.

— Я был бы рад еще раз увидеть Кэти, — ответил он.

Эми и Барни постоянно собирались свести Кэти и Хэрри вместе. Было ясно, что они прониклись взаимной симпатией друг к другу в тот день, когда все четверо познакомились на пирсе в Саутпорте. Ни один из них так ничего и не предпринял в этом направлении, но, может быть, их следовало всего лишь слегка подтолкнуть.

— Пригласим с собой Кэти и Хэрри? — часто спрашивала Эми, когда они с Барни в очередной раз собирались в воскресенье в ресторан или на автомобильную прогулку за город.

— Почему бы и нет? — уклончиво отвечал Барни. Тем не менее до приглашения дело так и не дошло. Оба предпочитали проводить время наедине друг с другом. Даже лучшая подруга Эми и брат Барни были нежеланными гостями в их сказке.

Теперь Эми поцеловала Хэрри и от всего сердца пожелала ему удачи. Возможно, он будет гораздо счастливее в армии, чем его брат, подумала она. Ему некого любить, а значит, он не будет так тосковать.

Когда Эми приехала к матери в следующий раз, она потеряла дар речи от изумления, узнав, что Лео Паттерсон заезжал к ним и предложил ее сестрам работу на его фабрике в Скелмерсдейле.

— Я не думала, что он знает наш адрес. — Ее мать все еще была взволнована, хотя после визита Лео прошло уже два дня. Он очаровал ее точно так же, как это сделал его сын.

— На прошлой неделе он попросил у меня ваш адрес. И я сказала ему, что Джеки и Бидди жаждут перейти на какую-нибудь работу, связанную с оборонной промышленностью. — Эми нахмурилась. — Работа на фабрике медицинских инструментов не имеет никакого отношения к оборонной промышленности.

— Я тоже так думала, — кивнула ее мать, — но ему удалось убедить девочнок, что это не так. Судя по всему, мистер Паттерсон только что получил какой-то заказ от правительства. Часть его рабочих призвали в армию, и теперь он отчаянно нуждается в людях. Мне кажется, что в каком-то смысле это действительно работа на оборонную промышленность. Похоже, он ничего не имеет против их возраста, а сами девочки в полном восторге. Джеки работает на упаковке, а Бидди — в отделе рассылки. А ты, дорогуша, уже искала себе работу?

— Еще нет. — Эми все не могла решить, что же ей хочется делать. — Я никак не могу выбрать, стать почтальоном или кондуктором трамвая, — доверительно сообщила она.

— Хмм, — задумчиво протянула мама. — В одном случае тебе придется вставать ни свет ни заря, а в другом ты будешь падать с ног от усталости, миллион раз в день взбегая и сбегая по ступенькам, а в придачу тебе, быть может, придется вставать ни свет ни заря. На твоём месте я бы стала почтальоном.

— Я подумаю.

Уже наступил декабрь. Возможно, лучше подождать до Рождества и начать новый год с новой работой. Вдруг Барни дадут на праздник несколько дней отпуска, и они не смогут провести их вместе! Да, решила Эми, она отложит поиски работы до Нового года.

Быть может, она так бы и сделала, если бы они с Чарли не договорились в следующую субботу увидеться в городе, чтобы выбрать рождественские подарки для мамы и сестер.

Они встретились в «Лайонсе», чтобы вначале выпить по чашке чая. Это был один из самых холодных дней на её памяти, и Эми надела свое новое темно-коричневое бархатное пальто и меховые сапоги.

— У меня предчувствие, что это последнее Рождество на несколько ближайших лет, к которому в магазинах можно будет хоть что-нибудь купить, — угрюмо произнес Чарли. — Чем дольше будет продолжаться эта чертова война, тем хуже будут обстоять дела.

— Я думала, Марион не любит, когда ты ругаешься.

— Если я не ошибаюсь, Марион здесь нет. Я буду ругаться столько, сколько я, черт возьми, захочу.

— Ты не ошибаешься, её здесь действительно нет. — Эми чуть было не добавила «к счастью», но вовремя прикусила язык. Чарли сам выбрал Марион. Его никто не заставлял на ней жениться. — Что ты имел в виду, когда говорил «чем дольше будет продолжаться эта война, тем хуже будут обстоять дела»? — вместо этого спросила она.

— Это ведь ясно как божий день. — Он посмотрел на сестру, как на полоумную. — Уже чувствуется нехватка чая и сахара. Нельзя рассчитывать на то, что моряки станут ежедневно рисковать жизнью только ради того, чтобы население могло наслаждаться бесконечными чаепитиями. Очень скоро дефицитом будет все, что приходится импортировать. — Чарли сложил на груди руки и помрачнел еще больше. — Более того, фабрики будут производить только то, что идет на нужды обороны. Марион попросила подарить ей на Рождество зонтик, пока их еще производят. Как ты думаешь, может, маме тоже нужен зонтик? — с надеждой в голосе поинтересовался он.

— У нее есть зонтик. — Барни купил его перед самым отъездом.

— А как насчет хорошей сумки?

— Я привезла ей шикарную сумку из Лондона. Джеки и Бидди, кстати, тоже.

Чарли разочарованно вздохнул.

— А ты не знаешь, может, маме еще что-нибудь нужно?

— Знаю! Тапочки! — воскликнула Эми. — Ты купишь ей тапочки, а я халат. Мы приобретем их в одном магазине, чтобы подобрать похожие цвета. Что касается Джеки и Бидди, они будут рады косметике. Любой. Ты можешь купить им хорошенькие косметички, а я подарю содержимое. — Эми заметила, что ее обычно добродушный брат сегодня не в себе. Честно говоря, она никогда не видела его таким удрученным. — Что стряслось, Чарли? — Она сжала его пальцы.

— Марион просто ничего не понимает, — угрюмо пробормотал он.

— Чего не понимает? — спросила Эми, не дождавшись продолжения.

— Что я не хочу прятаться за чужими спинами. Я хочу пойти в армию, *сделать* хоть что-то полезное, а не отсиживаться за этой идиотской чертежной доской всю войну, которая еще неизвестно сколько продлится. Люди подумают, что я трус или инвалид, и я не знаю, что хуже. — Чарли работал в отделе плавильного оборудования «Инглиш электрик». Его работа была важна для оборонной промышленности, и его не могли призвать в армию. — Когда я сказал маме, что сыт по горло гражданской жизнью, она восприняла это как личное оскорбление. Она считает, что я должен быть благодарен судьбе за то, что могу остаться дома. А что скажешь ты, сестренка? Ты тоже предпочла бы, чтобы Барни никуда не уезжал?

— Конечно. — Но ее ничуть не оскорбило желание мужа пойти в армию, и даже в голову не пришло попробовать его отговорить. Эми считала, что Марион ведет себя глупо и эгоистично, но слишком сильно любила брата, чтобы сказать ему об этом.

Они купили маме чудесный голубой стеганый халат и тапочки под цвет. Косметику для сестер они выбрали в «Оуэн-Оуэнсе». Там же Эми показала Чарли хорошенькую эмалированную брошь, и он купил ее ей в подарок. В свою очередь он выбрал рубашку, которую сестра подарила ему.

Эми была довольна покупками, но Чарли все еще был не в духе. Эми пригласила его в «Откормленного теленка» на Титбарнстрит и угостила пивом и бутербродами с говядиной. Она и сама съела бутерброд, запив его стаканом белого вина. Эми выслушала прогноз брата относительно того,

что скоро пивоварням придется производить амуницию и к следующему Рождеству пиво останется лишь приятным воспоминанием. Двое мужчин за соседним столиком с ужасом смотрели на него.

— Не болтай ерунды, Чарли, — Эми ткнула брата локтем в бок.

Выпив пиво и вино и покончив с бутербродами, они вместе направились к вокзалу Эксчендж, где легко было поймать такси. В воздухе кружились снежинки, и похолодало еще сильнее. Чарли считал такси чудовищным расточительством и не преминул сообщить об этом Эми.

— Ты уже не можешь ездить на автобусе или на поезде, как все нормальные люди?

В ответ Эми пожала плечами и улыбнулась.

У двери в здание вокзала ее внимание привлекло большое объявление, озаглавленное «Лондонская, Центральная и Шотландская железные дороги». Из объявления следовало, что на железной дороге отчаянно не хватает рабочих рук. «Имеются вакансии машинистов, кочегаров, носильщиков, кондукторов, клерков, сторожей, проводников вагонов-ресторанов и уборщиц. Заинтересованным лицам обращаться в кабинет начальника вокзала слева от багажного отделения». Внизу очень маленькими буквами было приписаны исполненные недовольства слова: «Некоторые из этих вакансий открыты для женщин».

— Я бы с радостью каждый день ездила в Лондон в вагоне-ресторане, — загорелась Эми.

— Это наверняка невероятно скучно. Кроме того, учитывая, что ты женщина, ты, скорее всего, можешь рассчитывать только на работу уборщицы.

— Ох, Чарли, не будь таким занудой. На месте Марион я бы предпочла избавиться от тебя, чем день за днем терпеть твое дурное расположение духа.

Похоже, в этот день его ничто не могло развеселить.

— Пока, — проворчал Чарли, позволил сестре поцеловать себя и направился к поезду, бормоча под нос что-то насчет того, что Марион, наверное, уже решила, что он сбежал из дому.

Эми перечитала объявление. Все другие варианты работы подразумевали необходимость разыскивать кучу адресов, заказывать бланки, а для того, чтобы получить работу на железной дороге, от нее требовалось всего лишь пройти через здание вокзала и постучать в дверь.

Если бы Эми не пила вина, быть может, она не стала бы поступать так импульсивно. Если бы Чарли не уехал, быть может, он сумел бы ее разубедить. Но Чарли уехал, вино было выпито, и в данный момент

перспектива работы на железной дороге казалась Эми чрезвычайно заманчивой.

Снег шел непрерывно с того самого дня, как она встретила с Чарли, чтобы купить рождественские подарки. Прошло уже больше недели, и снегопад все усиливался. Эми сообщила представителю железной дороги, что хотела бы приступить к работе не раньше Рождества, но он усомнился в ее патриотизме, заставив ее почувствовать себя так ужасно, что она согласилась приступить к работе немедленно.

— Нас устроит, если вы приступите со следующей недели, — отрывисто сообщил ей не начальник вокзала, который был слишком занят, чтобы беседовать с таким ничтожеством, как она, а неприветливый тип с бородой и дурными манерами по имени Осберт Эдвардс.

Сейчас было утро понедельника, половина двенадцатого, и Эми ехала на поезде с мистером Эдвардсом, сама не зная куда, потому что он отказывался ей об этом говорить.

— Вы увидите сами, когда мы прибудем на место, — загадочно произнес он в густую черную бороду. Волосы у него тоже были густыми и черными, и одет он был не в форму, а в обычный костюм.

Названия станций, на которых останавливался поезд, были знакомы Эми, пока они не подъехали к Фазакерли, о которой она никогда не слыхала, так же, как и о следующей станции, Киркби. Почти никто не заходил и не выходил. Должно быть, поезд практически пуст, думала девушка. За окном расстилалась унылая пустынная равнина, укрытая толстым слоем снега, на которой лишь кое-где виднелись одинокие дома. Чем дальше от цивилизации они уезжали, тем несчастнее чувствовала себя Эми.

— Следующая станция наша, — сообщил мистер Эдвардс. Он надел шляпу-котелок и натянул штопаные перчатки. Из него получился бы идеальный гробовщик. Эми легко представляла его идущим впереди катафалка со скорбным выражением на длинном худом лице.

Поезд начал замедлять ход и через несколько минут остановился у платформы Понд-Вуд, еще одной станции, о существовании которой Эми и не догадывалась. Мистер Эдвардс открыл дверь и вышел первым, но не предпринял ни малейшей попытки подать Эми руку.

— Спасибо, — саркастически произнесла она, но он либо не услышал, либо не обратил внимания.

Машинист с почерневшим от сажи лицом помахал рукой и прокричал:

— Пока, Осси.

— Подобрать тебя на обратном пути? — добавил проводник.

— Зависит от того, сколько это займет, Сирил.

Пыхтя трубой, поезд отправился дальше. Дым смешивался с падающим снегом, и было трудно понять, где дым, а где снег. Эми гадала, что означали слова «зависит от того, сколько это займет».

На узкой платформе, на которой они стояли, высились два странных бугра. Эми долго ломала голову над их происхождением, прежде чем наконец догадалась, что они представляют собой скамьи, скрытые под горой снега. Снег на платформе был утоптан, что означало, что сегодня утром какие-то люди пользовались услугами железной дороги. Одна тропинка вела на изогнутый дугой коричневый каменный мост, а другая сбегала по склону вниз, к платформе на другой стороне.

Эми ожидала, что мистер Эдвардс направится к одной из тропинок. Вместо этого он зашагал в конец платформы. Эми последовала за ним и увидела ведущую через рельсы расчищенную от снега узкую пешеходную дорожку. На противоположной платформе была билетная касса, еще один зал ожидания, чуть больше первого, женский и мужской туалеты и такие же засыпанные снегом скамейки.

Они вошли в кассу, тускло освещенную слабой электрической лампочкой. В камине горел огонь. В потертом кресле сидел пожилой джентльмен в фуражке. Он встал, снял фуражку, продемонстрировав розовую и гладкую, как попка младенца, лысину, и почтительно произнес:

— Доброе утро, мистер Эдвардс. Это и есть та самая молодая леди, сэр?

— Да, Максвелл, это мисс Паттерсон. Она начинает сегодня.

Эми была настолько изумлена, что забыла напомнить ему, что она замужем.

Что она начинает сегодня? Что она вообще здесь делает?

— Я введу ее в курс дела, и было бы здорово, если бы ты тем временем сделал нам по чашке чая, если у тебя есть чай, конечно.

— Чая нет, сэр, зато много молока, которое я мог бы подогреть на своей походной плитке. Если хотите, можно добавить в него какао, хотя его осталось мало.

— Я не откажусь от какао, Максвелл. А вы, мисс Паттерсон?

— *Миссис* Паттерсон. Да, мистер Максвелл, я тоже с удовольствием выпью какао, если на меня хватит.

Пока готовили какао, ситуация наконец прояснилась и до Эми дошло, что теперь она будет отвечать за станцию Понд-Вуд. Двадцать лет назад это было работой мистера Максвелла, но, достигнув почтенного шестидесятипятилетнего возраста, он вышел на пенсию. Он вернулся на

работу, когда последнее ответственное за станцию лицо покинуло пост ради работы на военном производстве, где зарплата в три раза превышала предыдущую. Но Максвеллу было уже восемьдесят пять, и ему было слишком тяжело. К тому же он совсем забросил свой любимый сад.

— Хотя какой может быть сад в такую погоду? — грустно добавил он. — Я не припоминаю такого снегопада, это уж точно.

Эми показали, как выписывать билеты, как разобраться с расписанием, как работает плитка, как пользоваться телефоном (как будто она этого не знала), когда дуть в свисток, чтобы подать сигнал к отправлению поезда — только после того, как будут закрыты все до единой двери (как будто она могла дунуть в него до того, как они закроются). Ей объяснили, где лежат бланки для заказа всего необходимого (от книг, в которые заносятся сведения о возвращении денег, до билетов, ручек, карандашей и чернил), где хранится метла для подметания платформы, чистящее средство для туалетов, уголь для камина, ключ для завода станционных часов и лестница, чтобы до них добраться, а также где стоит сейф, в котором ночью хранятся деньги, и тому подобное, пока у девушки голова не пошла кругом от обилия информации, которую она должна была запомнить.

— В любое другое время тебе бы предстояло пройти обучение как минимум в течение месяца, но с началом войны на это пришлось махнуть рукой, — объяснили ей.

Поезд, на котором приехала Эми, доехал до Вигана и вернулся. Мистер Эдвардс отбыл на нем, пожав ей руку и пожелав удачи на «новом месте работы». Это место работы было последним из всех, о которых мечтала Эми. Она представляла себе, как будет кондуктором трамвая или почтальоном, как ее начнут узнавать люди, как она заведет кучу новых друзей. Вряд ли она хоть с кем-нибудь здесь познакомится. В Понд-Вуд, как она уже успела узнать, даже не все поезда останавливались. Некоторые следовали без остановки, и в ее обязанности входило осмотреть станцию перед прибытием каждого из них и убедиться, что в окрестностях нет детей, твердо решивших играть на путях, и что на мосту не притаились мальчишки, намеревающиеся бросать в машиниста камни.

— Вы должны все время быть начеку, леди, — поучал ее Уильям, серьезно нахмурив брови на морщинистом лице. (Он сказал, что предпочитает, чтобы его называли Уильям, а не мистер Максвелл.) — Книжки тут читать нельзя, можно легко потерять контроль над тем, что происходит снаружи. Раз или два меня подменяла жена (когда мне случалось прихворнуть)... так вот, она приносила с собой вязанье.

— А *вы* что делаете, когда находитесь здесь? — еле слышно

пролепетала Эми.

— Я? Просто сижу и думаю о своем саде. Когда я вышел на пенсию, мне вместо часов подарили маленькую теплицу. О ней я тоже думаю, ну, например, как там мои помидоры или мои кабачки, или победят ли мои розы на ярмарке будущим летом.

— Понятно, — еще тише прошептала Эми.

Как она ни старалась, ей не удавалось представить себе, что когда-нибудь снова наступит лето. В двадцать минут седьмого она закроет кассу и в шесть двадцать семь сядет на поезд до Ливерпуля. Скорее бы. Следующим поездом, который остановится на Понд-Вуд, будет состав, на котором она завтра в семь пятнадцать утра прибудет из Ливерпуля. Тогда же откроется и касса.

Уильям ушел вскоре после часу.

— Минни уже приготовила обед, но я еще загляну к тебе попозже, — сказал он, надевая теплое поношенное пальто и шерстяную шапку с растрепанным бубоном. — Советую тебе просмотреть расписание и отметить поезда, идущие с вокзала на Лайм-стрит до лондонского вокзала Юстон. Мистер Куксон из Красного Дома звонит как минимум раз в день, чтобы справиться о них. В былые времена он каждый понедельник ходил пешком от вокзала Эксчендж до вокзала на Лайм-стрит и возвращался назад в пятницу. Все пять дней он проводил в Лондоне, где работал в каком-то восточном банке. Бедняга этого давно уже не делает. Он выжил из ума.

Эми заверила Уильяма, что немедленно выпишет все поезда.

— Еще одно, — продолжал старик. — Мисс Куксон, сестра мистера Куксона, сегодня отправилась в Виган, чтобы проведать свою подругу, мисс Эверетт, которая последнее время прихварывает. Они познакомились во время круиза в тысяча восемьсот девяносто восьмом году, когда обе были совсем юными. Мисс Куксон, наверное, вернется в два двадцать семь, она любит возвращаться домой до темноты. Мисс Куксон — очень хорошая женщина, но если ты ей позволишь, она заговорит тебя насмерть, поэтому постарайся отделаться от нее побыстрее, только смотри, сделай это как можно вежливее.

— Я всегда сама вежливость, — заверила его Эми.

Он вышел из кассы и закрыл за собой дверь. Несколько секунд спустя его лицо появилось у маленького окошка, через которое продавались билеты.

— Ах да. Сюзан Конвэй с малышами отправилась в Ливерпуль в гости

к своей маме. Она вернется в три сорок пять, так что будь готова помочь ей с коляской. Младенец сегодня утром покашливал, поэтому чем меньше времени он проведет на холоде, тем лучше. На этом же поезде приедут школьники, Ронни и Майра МакКарти. Их рано отпускают из школы. Майра — хорошая девочка, но Ронни — настоящий сорванец. Не забывай, теперь ты начальник станции, поэтому не позволяй ему никаких шалостей. И еще не забудь, что через сорок пять минут прибывает поезд. Если будешь держать ушки на макушке, услышишь его заранее. Чтобы встретить его, нужно перейти на другую платформу. Можно перейти через пути или обойти по мосту. Я бы сказал, что в такую погоду безопаснее идти по мосту. Если ты поскользнешься на рельсах, то можешь подвернуть ногу или еще что-нибудь, и поезд ни за что не успеет вовремя остановиться. Он может задавить тебя. Если какие-нибудь пассажиры захотят ходить по путям, сообщи им, что это нарушение, и пригрози, что они моргнуть не успеют, как окажутся в суде.

Когда Уильям ушел, Эми решила, что, вернувшись домой, свалится с лестницы, постаравшись произвести как можно больше шума. Капитан Кирби-Грин вызовет «скорую», ее отвезут в больницу, а завтра она попросит одну из медсестер позвонить мистеру Эдвардсу и сказать ему, что с ней произошел несчастный случай и поэтому она вынуждена оставить работу на железной дороге.

Это, наверное, была самая нудная работа в мире. Перед Эми простирался целый день. Ей было очень скучно и хотелось есть. Она не догадалась прихватить с собой какой-нибудь еды, предположив, что ее либо покормят, либо она сможет что-нибудь купить. Беда была в том, что Эми думала, что ее пошлют в какое-нибудь цивилизованное место, а не в такое, о котором она никогда не слыхала, к тому же расположенное у черта на куличках. Она вылила в кастрюльку остатки молока и подогрела его на плитке. Какао не осталось, но это было лучше, чем ничего.

Поезд, прибывающий на станцию в час сорок пять, громко загудел. Онемевшими руками Эми потянулась к фуражке и пиджаку, висящим за дверь. Она должна была надевать их, встречая составы. И то, и другое было на нее слишком велико.

Эми прошла по мосту и едва успела ступить на платформу, как поезд остановился. Из него вышла женщина в красивой меховой шубе и такой же шапке и в мягких коричневых кожаных сапожках. Она вручила Эми билет, с безразличным видом кивнула и направилась по тропинке. Машинист и кочегар окинули Эми одобрительными взглядами и поинтересовались, как

ее зовут. Проводник помахал ей и поставил на платформу деревянный ящик. Эми убедилась, что все двери закрыты, дунула в свисток, подняла руку, и поезд попыхтел дальше.

Она подняла деревянный ящик. Крышка была из сетки, и девушка увидела, что в ящике около двух десятков пушистых новорожденных цыплят. Они пищали и лезли друг на друга, потому что коробка была слишком маленькая, чтобы они все удобно в ней расположились. Бумажка, прикрепленная к крышке, гласила, что цыплята предназначаются для некоего мистера П. Альтона. Эми обхватила коробку руками, как будто это могло согреть цыплят, спотыкаясь, перебралась через рельсы и ввалилась в здание вокзала. Женщина, сошедшая с поезда, была уже там. Должно быть, она ожидала кого-то, кто должен был ее встретить. Эми упала на колени, не выпуская коробку из рук.

— А-а! — завопила она, увидев, что цыплята припорошены снегом.

— Что случилось? — поинтересовалась женщина, подходя к ней. Ее макияж был безупречен, хотя ничто не могло скрыть морщин вокруг ее рта и под глазами.

— Цыплята! — со слезами на глазах ответила Эми. — Они такие крохотные и беспомощные.

От женщины пахло «Шанель № 5», любимыми духами Эми. Незнакомка посмотрела на ящик.

— В самом деле, — безжизненным голосом согласилась она. — В каком-то смысле они совсем как люди. Мы ведь такие же беспомощные. Иногда мне кажется, что меня тоже таскают туда-сюда, посадив в коробку, что я не могу управлять собственной судьбой. — Ее карие глаза выражали отчаяние. — Разве ты никогда не испытывала чего-либо подобного? — прошептала женщина, устремив на Эми трагический взгляд.

— Честно говоря, нет, — прошептала в ответ Эми.

К станции подъехал автомобиль, и женщина, не произнеся больше ни слова, вышла в метель.

— Здравствуй, дорогой, — донесся до Эми ее голос. Хлопнула дверца, и машина уехала.

Эми занесла ящик с цыплятами в помещение кассы и поставила возле камина. Она испытывала соблазн вытащить их по очереди из ящика и погладить, но не успела ничего сделать. Дверь открылась, и вошла женщина в том же пальто и шерстяной шапке, в которых ушел домой Уильям. Она держала глиняный горшок, накрытый посудным полотенцем. У нее было красное, как свекла, лицо и ярко-голубые глаза, а торчащие из-под шапки сливочного цвета волосы походили на солому. От горшка

струился дразнящий аромат, от которого у Эми потекли слюнки. Она подумала, что этот запах в десять раз приятнее запаха «Шанель № 5».

— Принесла тебе немного рагу, малышка, — радостно сообщила женщина. — Вилли сказал, что ты не прихватила с собой ничего перекусить. Оно с клецками. Как ты относишься к ячменю?

— Я обожаю ячмень, — выдохнула Эми, хотя до сегодняшнего дня даже не подозревала о его существовании.

— Тогда садись, малышка. Вот тебе ложка. Ешь быстро, пока не остыло. Как ты уже догадалась, я Элспет, жена Вилли. Как ты тут управляешься? — Она не замолкала не только для того, чтобы дождаться ответа, а даже для нового вдоха. — Я видела поезд, который приходит в час сорок пять, так что, судя по всему, ты его благополучно отправила. Не забудь, что скоро, в два двадцать семь, прибудет еще один состав и тебе надо будет присмотреть за мисс Куксон. Смотри, не позволяй ей завладеть своим вниманием надолго. Вилли, наверное, сказал тебе, что Сюзан Конвэй будет попозже. Она поехала в Ливерпуль проведать маму. Бедняжка, она живет в Понд-Вуд уже пять лет, но все еще скучает по дому. По понедельникам и пятницам всегда ездит на Скотланд-роуд к маме. Это миссис Шоукросс только что уехала на машине? Я была слишком далеко и не разглядела.

— Я не знаю, кто это был. На ней была изумительная шуба.

— Значит, миссис Шоукросс. У нее норковая шуба. Трое ее детей умерли в младенчестве. Четвертый выжил, но погиб на Великой войне. Столько денег, а счастья ни на пенни. Бедняжка.

Из вестибюля донесся какой-то шум, а затем кто-то постучал в окошко.

— Я так понимаю, что из Вигана мне прислали цыплят, но их нигде нет, — произнес голос с ланкаширским акцентом.

— Они здесь, в тепле, — отозвалась Эми.

Элспет открыла дверь и впустила молодого человека приятной наружности, около шести футов ростом. Он был одет в зеленый макинтош, массивные ботинки и твидовую шляпу с узкими полями. Увидев Эми, он покраснел и нервно зашаркал ногами.

— Привет, Питер, — сказала Элспет.

Питер лишь сглотнул и продолжил шаркать ногами. Он сдернул шляпу и, вцепившись в поля, принялся вращать ее в руках.

— Я поставила цыплят у камина, чтобы они не замерзли, — сообщила ему Эми. — Вы забираете их на машине?

— Я приехал на грузовике, — заикаясь, ответил он.

— В таком случае вам следует взять их в кабину, а не то они

замерзнут, — назидательно произнесла она. — У вас есть одеяло, чтобы накрыть их?

— Нет, но я могу накрыть их мешками. — Было похоже, что он стремится заслужить одобрение Эми.

— Думаю, мешки подойдут.

— Этому молодому человеку страшно нужна жена, — сообщила Элспет, когда Питер с цыплятами уехал. — Но не похоже, чтобы он тебя заинтересовал. Ах да, я припоминаю, Уильям сказал, что ты уже замужем.

— Моего мужа призвали в армию, — ответила Эми.

День прошел быстрее, чем она ожидала. Вскоре после ухода Элспет прибыл поезд из Вигана. Как и предупреждал Уильям, мисс Куксон оказалась невероятно говорливой. В другое время это не понравилось бы Эми, но сегодня благодаря этой даме она скоротала несколько минут.

Эми помогла Сюзан Конвэй дотолкать коляску с тремя детьми, один из которых был совсем крошечным, до моста. Дорожка становилась угрожающе скользкой.

— Можно мне как-нибудь прийти и поговорить с вами о Ливерпуле, когда у меня выдастся минутка? — спросила Сюзан. — С тех пор как я вышла замуж за Джона, мне страшно не хватает кино и танцев.

— Приходите в любое время, — ответила Эми.

Майра МакКарти и ее брат-сорванец Ронни, должно быть, опоздали на поезд и приехали только в пять сорок пять. Наверное, к этому времени Ронни слишком замерз и проголодался, чтобы шалить. Дети бегом умчались вверх по дорожке, а Эми вернулась в кассу. На сегодня ее работа была закончена, если не считать телефонного звонка от какого-то мужчины, поинтересовавшегося расписанием поездов от Лайм-стрит до Юстона (она не сомневалась, что это был мистер Куксон), и женщины, купившей билет до Ливерпуля и обратно.

— Мы с подругой идем в театр, и я остаюсь у нее ночевать, — сообщила она Эми.

Эми положила деньги в сейф, разгребла угли в камине, заперла дверь и отправилась на платформу ожидать поезда до Ливерпуля, прибывающего в Понд-Вуд в шесть двадцать семь.

Капитан Кирби-Грин возник из своей квартиры, как только Эми открыла входную дверь.

— Ну как? — поинтересовался он.

Ужасно, хотела ответить Эми, скучно, просто невыносимо. Вместо этого, к своему собственному удивлению, она произнесла:

— Все в порядке. Я начальник станции.

Именно это, осознала она, помогло ей продержаться целый день, не позволило сесть на первый же поезд до Ливерпуля и вернуться домой. Она была начальником станции. «Начальница станции» звучало совершенно не внушительно. Начальник станции — совсем другое дело. Сейчас она быстро поест, а потом сядет и обо всем напишет Барни.

ГЛАВА 9

Май 1971 года

Маргарита

— Кем? — ахнула я.

— Начальником станции, — засмеялся Чарльз. — Разве ты не знала? Я думал, тебе уже об этом рассказывали.

— Нет. — Я понятия не имела, что моя мать во время войны была начальником станции. Я представляла себе начальников станции вечно насупившимися мужчинами средних лет, возможно с усами и в очках без оправы, а не хорошенькими молоденькими женщинами с копной белокурых волос. — Сколько ей тогда было лет? — спросила я.

Уже вечерело, и мы с Чарльзом боролись с сорняками в саду. Сорняки были проклятием его жизни, и он ненавидел их больше всего на свете. Я стояла на коленях в траве, беспощадно дергая эти чертовы штуковины за ботву и помогая себе ложкой, когда дерганье оказывалось недостаточно сильным и сорняки, торжествуя, оставались на месте. Поскольку сегодня была среда, Марион задержалась на работе, чтобы поиграть в бадминтон. Она играла в бадминтон уже много лет, но по-прежнему безнадежно плохо.

— Эми была невероятно юной, — ответил Чарльз. — Ей было всего восемнадцать.

— Разве не правильнее было бы называть ее «начальницей»?

— Она предпочитала быть начальником. Дело в том, — продолжал он, — что, как мы со временем узнали, незадолго до этого у нее случился выкидыш, и Эми с головой окунулась в работу. Она приступила к работе в декабре, и это была самая суровая зима из всех, которые кто-либо помнит. Снег шел не переставая, до самого марта. Каждый день Эми растапливала камин в билетной кассе, расчищала платформы от снега, заводила часы... — Он ласково улыбнулся. — Она писала твоему папе длинные-предлинные письма...

— Они сохранились? — удалось вставить мне. Они могли попасть к дяде Хэрри или дедушке Паттерсону. — Я бы очень хотела их почитать.

— Насколько мне известно, нет, моя хорошая.

— Мама была начальником станции всю войну?

— Нет, около девяти месяцев. Она со всеми там подружилась. Понд-Вуд не был деревней в полном смысле этого слова. Там было всего несколько десятков домов, несколько ферм. В то лето, когда Эми работала в Понд-Вуд, станция была как картинка, вся в цветах. Мы часто ее там навещали. Мы ездили на поезде: я, мама, Джеки и Бидди, какой-то капитан, который жил в одном с Эми доме. Марион была там всего один раз. — Чарльз поджал губы и презрительным тоном продолжил: — Как ты знаешь, они с твоей матерью никогда не ладили. — Я удивилась, он очень редко критиковал Марион. — Именно там, на станции Понд-Вуд, Джеки познакомилась со своим мужем, Питером. Мне кажется, он положил глаз на твою маму, но она уже была замужем за твоим отцом.

— О выкидыше я знала. — Это было в газетных вырезках о судебном процессе.

— Тогда Эми никому об этом не сказала. Черт! — выругался Чарльз. — Я проколол себе руку. — Он пососал палец.

— Ты должен последовать моему примеру и надеть перчатки.

— Только слюнтяи и женщины надевают перчатки для работы в саду. А ты знаешь, — продолжал он, — что, отправляясь на работу, твоя мать каждый день брала такси до вокзала Эксчендж и так же возвращалась обратно? Она, должно быть, тратила на такси больше, чем зарабатывала. — Внезапно ему на глаза навернулись слезы. — Если бы ты знала свою мать такой, какой она была тогда, Маргарита! В ней было столько жизни.

Прошло больше трех недель с того времени, как моя мать написала Чарльзу, пообещав, что скоро приедет к нам. Кэти Бернс считала, что Эми легла в больницу, чтобы сделать операцию, от которой отказалась в тюрьме.

— Какую? — поинтересовалась я. Меня опять вызвали в кабинет директора, когда в четверг днем в моем расписании появилось окно. У моего класса был урок пения, и мое присутствие не требовалось.

Последовала длинная пауза, и Кэти признала, что ей не приходит в голову ничего, кроме гистерэктомии, и было бы глупо ждать для этого освобождения.

— А что бы ты сделала, Маргарита, если бы только что вышла на свободу, проведя в тюрьме двадцать лет?

— Думаю, мне бы хотелось избавиться от тюремного запаха. *Отвыкнуть* от тюрьмы. Я бы накупила кучу одежды и косметики, сделала прическу. Что-нибудь в этом роде, — неуверенно закончила я. Это

прозвучало очень банально.

— Для всего этого не потребовалось бы столько времени. Это не заняло бы три с половиной недели.

— Возможно, она поехала куда-то отдохнуть, — предположила я.

Кэти Бернс больше всех остальных была озабочена исчезновением моей матери. Чарльз сохранял невозмутимое спокойствие. «Зная Эми, я уверен, что она появится, когда ей этого захочется», — заявлял он.

Хэрри ее отсутствие тоже не заботило. «Лишь бы у нее было все в порядке. Я уверен, что мы бы узнали, если бы с ней что-нибудь случилось».

— А что, если Эми отправилась в гости к Джеки и Бидди? — размышляла моя директриса. — Возможно, она сейчас в Канаде.

— Она бы предупредила нас, что собирается в Канаду. Ей незачем хранить это в тайне.

— Пожалуй, ты права.

Я заметила, что в пепельнице было всего три окурка. По крайней мере, Кэти Бернс стала меньше курить, невзирая на то, что ее подруга до сих пор не вернулась домой. Наверное, она постепенно привыкает к этой мысли.

На следующее утро Гари Финнеган вошел в класс, хромая. На его правом носке я заметила кровь. Я подозвала мальчика к себе.

— Как это произошло, Гари?

— Я споткнулся, мисс.

Как и в тот раз, когда я расспрашивала его о разбитой губе, он отвел глаза. Мальчик выглядел таким несчастным, что я решила, что пора что-то предпринять. Я не сомневалась, что он не падал. Я уже давно попросила Джоан Флинн присматривать за Гари, и она говорила, что его оставили в покое.

— Пожалуй, даже *чересчур*, — добавила она. — Но детей нельзя заставлять играть друг с другом. От этого будет только хуже. Когда-нибудь Гари станет среди них своим. Будем надеяться, что это случится до конца семестра. К тому времени дети к нему привыкнут.

Я опустила серый носок. Лодыжка напухла и сильно кровоточила. Наверняка кто-то ударил его ногой.

Я вышла в коридор и поймала одну из девочек постарше, бежавшую в свой класс.

— Отведи, пожалуйста, этого малыша в кабинет миссис Миллер, и попроси обработать лодыжку и заклеить ссадину пластырем.

— Хорошо, мисс, — пропела девочка. Сэйра Миллер была школьной

секретаршей. В ее кабинете хранилась аптечка первой помощи.

Я велела Гари поскорее возвращаться и начала урок. Первым уроком было изобразительное искусство. В классе уже не было парт, как тогда, когда я только пришла в школу. Вместо них стояло четыре стола, окрашенных в разные цвета — красный, синий, желтый и зеленый, — за каждым из которых сидели семь или восемь детей. Каждому из них я вручила по большому листу бумаги для рисования, клей, мелки, маленькие квадратики цветного картона, пластмассовые ножницы и другие мелочи и сказала приклеить квадратики к бумаге так, чтобы получился домик, а фон нарисовать мелками.

— Вчера вечером я сделала вот это, — я показала им свой домик, изготовленный накануне. Я всегда старалась, чтобы мои поделки не были безупречными, поскольку это могло отпугнуть детей. — Я сделала крышу красной, но вы можете выбрать для нее любой цвет. Вы можете нарисовать деревья или играющих детей, а также облака и солнце в небе.

— Можно нарисовать возле домика машину, как у моего папы?

— Да, Барри.

— А можно нарисовать качели в саду? В *нашем* саду есть качели.

— Конечно, Эстер. — Маленькая хвостунишка, подумала я.

Я начала ходить по классу. Я удивлялась и огорчалась одновременно, наблюдая за тем, как быстро и ловко принимаются за работу одни дети, используя квадратики как кирпичики и приклеивая их к бумаге, в то время как другие сидят в полной растерянности. Я старалась ничего не подсказывать напрямик, чтобы они были уверены, что все идеи принадлежат им лично.

Мои часы показывали половину десятого. Гари уже должен был вернуться. Возможно, Сэйра Миллер была занята и ему пришлось подождать. Я не могла удержаться от того, чтобы постоянно не поглядывать на часы. Через несколько минут я оставила дверь класса открытой и помчалась в кабинет секретарши, который находился рядом с кабинетом мисс Бернс.

Когда я открыла дверь, Гари нигде не было.

— Вы не видели Гари Финнегана? — спросила я. Сэйра была прелестной женщиной с серебряными волосами. Она была сама доброта, и ее все любили.

— Видела. Я отвела его к твоему классу, показала на дверь и велела заходить. Понимаешь, зазвонил телефон, и мне пришлось бежать назад. Неужели он не появился? — простонала она. Это, видимо, было написано у меня на лице.

— Нет. Послушайте, вы не могли бы проверить туалеты мальчиков и другие места, которые придут вам в голову? Я должна вернуться в класс, пока там не начался мятеж.

— Бегу. — Сэйра Миллер вылетела из кабинета, а я поспешила к детям, которые склонились над своей работой и сидели тихо, как мышки. Скорее всего, никто даже не заметил, что я выходила.

Вскоре мы пришли к заключению, что Гари Финнегана в стенах школы нет. Были обысканы все шкафы, учительская, кладовка для хранения реквизита под сценой в школьном зале, туалеты как для мальчиков, так и для девочек, бойлерная комната и чулан, в котором прежде хранили уголь, а теперь были метлы, швабры и другой хозяйственный инвентарь.

Когда Сэйра Миллер мне об этом доложила, я попросила ее сообщить также и директору. Чуть ли не сразу после этого в мой класс вбежала Кэти Бернс. В школе воцарилась атмосфера едва сдерживаемой паники.

— Как ты думаешь, где он может быть? — спросила миссис Бернс. В ее карих глазах застыл испуг. Я молилась о том, чтобы с Гари ничего не случилось.

— Скорее всего, он дома, — ответила я. — Если он убежал, то уже должен быть там.

— Сэйра позвонила ему домой, но телефон занят.

Я чуть не плакала, представляя себе, как маленький мальчик, у которого болит нога, в полном одиночестве бредет домой. Он, должно быть, чувствовал себя очень несчастным, раз убежал. Вне всякого сомнения, Гари просто хотел к папе и не думал о последствиях.

— Ему было плохо в школе, — сказала я. — Мне кажется, его обижали. — Я чувствовала себя во всем виноватой. — Я должна была разобраться до конца, когда это случилось в первый раз.

— Когда это произошло?

— На прошлой неделе. Я попросила Джоан Флинн присматривать за ним. Я также сказала Гари, что хотела бы поговорить с его папой, но, должно быть, он не передал мою просьбу.

— Не вини себя, Маргарита, — ласково сказала Кэти, — у тебя в классе тридцать детей, и о каждом нужно позаботиться. Ты не можешь уделять особое внимание каждому.

— Да, но... — я не стала продолжать. Сейчас не время было объяснять особые обстоятельства. Возможно, Роб Финнеган не хочет, чтобы в школе знали о том, что у его сына нет матери.

Сэйра Миллер вошла в класс с адресом Гари, и Кэти сказала, что

немедленно пойдет к нему.

— Можно я пойду? — Я положила руку на ее рукав.

— Мисс?

— Да, Эстер? — Я совсем забыла о своих учениках. Мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы мой голос не звучал раздраженно.

— Обязательно рисовать дым из трубы? Из *нашей* трубы дым не идет. В *нашем* доме центральное отопление.

— Ты можешь рисовать только то, что захочешь, Эстер. — Я повернулась к Кэти. — Можно, я пойду домой к Гари? — повторила я. — Я несколько раз общалась с его отцом. Мы вроде как знакомы.

— Если хочешь, дорогая. Я присмотрю за твоим классом. Ага, так вы, я вижу, делаете домики. — Она приветливо улыбнулась детям и начала ходить от стола к столу, вслух восхищаясь их работой. Кэти была замечательным учителем, творчески подходила к своей работе. — Скорее, Маргарита, — поторопила она меня. — Если дома его нет, сразу позвони мне. Я сообщу в полицию.

Если бы кто-нибудь обратил внимание на мою езду, он бы точно сообщил об этом в полицию. Я, как ненормальная, неслась к дому Гари на Сэнди-роуд.

Это оказалось старое здание на два входа, с двумя звонками на панели возле двери. Под нижним звонком было написано «Мисс Э. Финнеган». Я два раза нажала на кнопку. Почти сразу дверь открыл Роб Финнеган. На руках он держал Гари. Глаза малыша были красными и распухли от слез. Увидев меня, он спрятал лицо на плече отца.

— Слушаю? — отрывисто произнес Роб. Выражение его лица было жестким, недружелюбным.

— Вы знаете, почему я здесь. — Никогда не думала, что от облегчения можно потерять сознание. Мне пришлось ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть. — Можно, я воспользуюсь вашим телефоном, чтобы сказать мисс Бернс, что с Гари все в порядке? В школе из-за него переполох.

— Раньше надо было беспокоиться. — Роб отступил в сторону. — Вы можете воспользоваться телефоном. Он в гостиной.

Комната, в которую я вошла, совершенно очевидно была гостиной. Я увидела комод, на котором стоял телевизор, книжный шкаф и столик с тремя стульями вокруг, а также диван. Диван все еще был разложен, а посередине холмом возвышалось скомканное пуховое одеяло. Я вспомнила, что Роб работает по ночам. Видимо, он спал, когда его

сынишка пришел домой. На каминной доске стоял ярко-красный телефон, перевернутая трубка лежала рядом. Вот почему телефон не отвечал. Я набрала номер школы, и Сэйра Миллер сняла трубку. Я сказала ей, что с Гари все в порядке.

— Жив-здоров, — заверила я ее.

— Слава Богу! — выдохнула она. Я пообещала, что вернусь в школу, как только все улажу, на что она ответила: — Я уверена, что мисс Бернс сказала бы вам, чтобы вы провели там столько времени, сколько сочтете нужным.

Я попрощалась и, обернувшись к Робу, увидела, что он укладывает Гари в постель. Глаза малыша слипались от усталости. События сегодняшнего утра истощили его силы.

Роб подоткнул одеяло, приложил палец к губам и кивнул на дверь. Я вышла за ним обратно в прихожую, откуда он провел меня в неубранную кухню с грязной посудой в сушилке. Я остановилась в дверях.

— Простите за беспорядок, — кратко извинился Роб. — Я не ожидал гостей. — Он взял в руки чайник. — Хотите чаю? Пожалуйста, не подумайте, что я жажду общения. Просто мне самому отчаянно хочется чаю, и было бы грубо не предложить вам присоединиться ко мне. Я бы попросил вас уйти, если бы не надеялся узнать, что случилось. Почему за моим сыном никто не присматривал? Он был просто в кошмарном состоянии, когда пришел домой. Ему удалось убежать и проделать весь путь домой, а никто этого даже не заметил. Разумеется, не может быть и речи о его возвращении в вашу школу.

Это было похоже на то, как если бы между нами с грохотом опустилась завеса. Мы так хорошо ладили, уже почти подружились, но теперь я стала его врагом.

Я объяснила, что произошло.

— Мисс Миллер нельзя упрекнуть в беспечности. Она довела Гари до класса, только не открыла дверь. Едва мы поняли, что он исчез, как обыскали все здание. Не найдя его, мы позвонили вам, но линия была занята.

— Я снимаю трубку, когда я пытаюсь заснуть, чтобы меня не беспокоили люди, набравшие неправильный номер или пытающиеся мне что-нибудь продать.

Я кивнула. Мне не хотелось, чтобы Роб подумал, будто я обвиняю его в том, что он не отвечает на телефонные звонки.

— Что случилось с лодыжкой Гари? — спросил он.

— Наверное, кто-то ударил его ногой. На прошлой неделе у него из

губы шла кровь. Когда я спросила Гари, что случилось, он ответил, что упал.

— Он сказал мне то же самое. В смысле, о губе. Лодыжку мы еще не обсуждали. На прошлой неделе у него на плече был большой синяк. Гари сказал, что ударился о дверь. Он отказывается ябедничать на других мальчишек и навлекать на них неприятности. Бог ты мой! — Глаза Роба светились гневом. — На него свалилось столько бед. Сперва умерла его мама, потом нам пришлось уехать из Уганды, которую он обожал. Мы вынуждены тесниться в этом несчастном домишке, превратив жизнь моей сестры в ад. Я не хочу выбрасывать деньги на аренду квартиры, поскольку вскоре они могут понадобиться для покупки дома, а теперь ко всему прочему Гари травят в школе. Ребенку всего пять лет. Сколько еще он сможет все это выдерживать?

И тут меня посетило видение. Я увидела маленькую девочку, стоящую в дверном проеме, совсем как я сейчас. Ее руки были опущены, а рот открыт. Девочка горько плакала. Ей тоже было пять лет, и она плакала, потому что ничего не могла понять и ей было страшно. Она не могла понять, почему жизнь такая жестокая. Ей рассказывали о Боге, но она не думала о Нем, а все плакала и плакала, и плакала, пока ее не начало тошнить, пока у нее от плача не заболело горло. Ее никто не мог утешить. Ее пытались взять на руки, но она всех отталкивала. Во всем мире ей были нужны только два человека: мама и папа. Но, судя по всему, папа умер, а мама куда-то уехала.

— Что с вами?

Я забыла, где нахожусь. Я моргнула и обнаружила, что стою в незнакомом доме рядом с незнакомым мужчиной, который удивленно на меня смотрит.

— Ничего, — пролепетала я. Мужчина, сообразила я, был Робом Финнеганом, а та часть дома, в которой находилась я, принадлежала его сестре, Бесс. Почему-то я заметила, что он стоит босиком, его светлые волосы всклокочены, а джинсы и белая футболка помяты. Было похоже, что он уже не сердится.

— Вы плачете, — сказал Роб.

— Плачу? — Я потеряла щеки тыльной стороной руки. — Я кое-что вспомнила.

— Должно быть, что-то чертовски нехорошее. Я никогда не видел такого горя на лице у человека.

Голос Роба звучал устало. У него и без того хватало неприятностей, а тут ему на голову свалилась еще и неврастеничка — учительница его сына.

— Я, пожалуй, пойду, — пробормотала я. — Мне очень жаль, что так произошло с Гари. Если вы завтра все же приведете его в школу, обещаю, что мы не будем спускать с него глаз. И я позабочусь о том, чтобы его больше не обижали.

— Не уходите. — Я была уже на полпути к двери, когда Роб поймал меня за руку. — Вам нельзя садиться за руль в таком состоянии. Вы выглядите просто ужасно. Оставайтесь и выпейте чаю. Смотрите, чайник уже закипел. Мы можем расположиться в саду, потому что больше нигде, разве что в спальне Бесс. Пойдемте. — Он потянул меня за руку, потому что я продолжала в нерешительности стоять на месте.

Роб провел меня в запущенный сад. Там росли старые деревья и кусты. Трава походила на жесткую щетку, потому что ее недавно подстригли. Живая изгородь была густо усыпана белыми, как снег, цветами. Сразу возле задней двери стоял почерневший от времени деревянный стол и такие же скамейки. Когда сегодня утром я выходила из дому, начинался чудесный майский день. Он и сейчас был таким. Я просто не заметила прошедших часов. Деревья отбрасывали на траву дрожащие кружевные тени. Мне здесь нравилось намного больше, чем в ухоженном саду Чарльза с аккуратными лужайками и фигурными, как будто вырезанными ножом бордюрами. Мой дядя все регулярно обрезал, пропалывал и подстригал. Сад был его творением. Этот сад выглядел совершенно естественно, как будто был сотворен непосредственно Господом Богом.

— Если мы присядем здесь, я сразу услышу, когда Гари проснется, — сказал Роб. — Сейчас принесу чай, подождите минутку. — Прежде чем вернуться в дом, он убедился, что я села на скамью. Его недавняя враждебность полностью исчезла, и теперь он был очень добрым, очень терпеливым.

Меньше чем через минуту на столе уже стоял чай в ярко-оранжевых кружках.

— Насколько я понимаю, вы пьете чай без сахара, поскольку не кладете его в кофе?

— Верно. Чай выглядит таким крепким и аппетитным. — Я сделала глоток. — Спасибо.

— Что с вами стряслось? — спросил Роб. — Надеюсь, это не из-за того, что я позволил себе выпустить пар. Мне не следовало так на вас набрасываться из-за Гари. В том, что он пришел домой, не было вашей вины. Мне вообще кажется, в этом никто не виноват. Ему просто представилась возможность, и он ею воспользовался. Но ясно одно — в школе ему плохо. Обычно он очень послушный мальчик.

— Очень послушный, — подтвердила я.

— Вы никогда не рассказываете о себе, — резко поменял Роб тему разговора. — Но нельзя сказать, что у вас было много возможностей это сделать. В первый раз, когда мы встретились, мы не говорили ни о чем, кроме школьной формы. Во второй раз это были «Каверн» и рок-н-ролл. А в третий раз вы были с подружкой, только что побывали в кино, и мы обсуждали фильмы. Вы упомянули какого-то Чарльза и какую-то женщину, забыл, как ее зовут, с которыми вы живете. Я предположил, что это ваши родители и вы называете их по имени. Некоторые так делают.

— Чарльз и Марион — мои дядя и тетя. Но послушайте, только потому... — я не знала, как бы мне это сформулировать, — потому что я не справилась с эмоциями... не означает, что вы имеете к этому какое-либо отношение. Мне очень жаль. У вас и без меня проблем хватает. — Мне было не по себе, как будто я случайно предстала перед ним обнаженной.

— Мы с Гари через многое прошли вместе, пройдем и через это, — убежденно произнес Роб. — Беда в том, что если кто-то причиняет ему боль, он недостаточно агрессивен, чтобы ответить тем же.

Из дома донесся крик.

— Папа! Затем громче:

— *Папа!*

— Иду, сынок! — Роб поспешно поднялся.

Я тоже встала и прошлась по саду. Он был невелик, но деревья придавали ему сходство с маленьким парком. Я остановилась в тени и посмотрела на солнце. Его лучи струились сквозь листья, теряя по пути большую часть своей яркости. Я расправила плечи, чтобы стряхнуть с них тяжесть, которую ощущала с того момента, как вспомнила пятилетнюю девочку — себя, плачущую навзрыд. В конце концов Чарльз все же взял меня на руки, и я прильнула к нему. Я должна была прильнуть хоть к кому-нибудь.

На траве лежал черно-белый футбольный мяч. Я ударила по нему ногой. Он отскочил от ствола дерева, и я ударила по нему еще раз. Я продолжала пинать его, когда в саду опять появился Роб. Он был обут в белые кроссовки.

— Я усадил Гари в ванну, — сообщил он. — Ему было жарко, и он весь вспотел. Теперь он играет своей пластмассовой уткой. — Роб ухмыльнулся. — Вообще-то утка моя, но я ему ее одолжил. Мне надо к нему вернуться. Подайте-ка мне вот это.

Я ударила по мячу. Роб принялся, как будто пританцовывая, по очереди подбивать его коленями, затем головой, потом опять коленями.

Именно тогда меня и посетила эта замечательная идея...

ГЛАВА 10

1939–1940

Эми

Каждый день из Понд-Вуд в Ливерпуль или до одной из промежуточных станций отправлялось всего несколько десятков человек. Еще меньше народу путешествовало в противоположном направлении — до Вигана. Специальный автобус отвозил детей в школу в Апхолланд, а для всех остальных обитателей крохотной деревни, не располагающих машиной, единственным способом добраться куда-либо был поезд. Но теперь владельцы машин обнаружили, что скудного количества выдаваемого по норме бензина им явно не хватает, поэтому количество пассажиров быстро возросло.

По утрам поездом, отправлявшимся в семь пятнадцать с вокзала Эксчендж, Эми ехала на работу. Когда полчаса спустя она выходила в Понд-Вуд, на второй платформе уже стояло несколько человек, которых этот же поезд должен был доставить в Виган. И всегда снег либо уже шел, либо начинал идти, либо только что перестал идти. Поскольку в столь ранний час билетная касса еще не работала, билеты покупали накануне или на станции прибытия. Некоторые заключали с железной дорогой договор.

К восьми двадцати семи кучка пассажиров укрывалась в заде ожидания на первой платформе, дожидаясь следующего поезда до Ливерпуля. Среди них были мистер Клегг, брокер в шляпе-котелке и со сложенным зонтиком в руке, и мисс Фезерс, секретарша из Ливерпуля. Остальными пассажирами были в основном девушки и несколько юношей, работавшие в крупных ливерпульских магазинах и конторах. Здесь также были Ронни и Майра МакКарти, которым в Сэндхиллс предстояла пересадка на другой поезд до Ватерлоо, где находилась их средняя школа. Закадычные друзья Бенни Картер и Эндрю Вудс ехали только до следующей станции, Киркби, где оба работали на военном заводе.

Позже появлялись другие пассажиры, в основном женщины, некоторые из них с маленькими детьми, направлявшиеся в городские магазины, на рынок в Виган или в гости к родственникам. Эми угощала детей конфетами

и помогала поднимать коляски в вагон для багажа.

По субботам поезда заполняли мужчины, едущие на футбол или регби, и молодые люди, собравшиеся на танцы либо в кино. Последний поезд из Ливерпуля, останавливающийся в Понд-Вуд, отправлялся с вокзала Эксчендж в четверть шестого. Можно было сесть на значительно более поздний поезд до Киркби и пройти пешком оставшиеся три мили, но даже тех, кто ничего не имел против подобных ночных походов, пугала мысль о неизбежной метели и необходимости преодолевать огромные снежные заносы.

В окрестностях станции не было ни единого паба, и к тому времени, как Эми уезжала в Ливерпуль, большинство жителей прятались по домам и нигде не было видно ни огонька. Понд-Вуд превращался в город-призрак в миниатюре, зловещий и прекрасный в заливающем равнину лунном свете. За все проведенное там время Эми никогда не отходила далеко от станции, опасаясь пропустить какой-нибудь срочный телефонный звонок. Поэтому она только понаслышке знала о том, что здания в деревне варьируются от крошечных крытых соломой домишек, почти не претерпевших изменений со времени их постройки в прошлом веке, до просторных двухэтажных строений с окружающими их обширными земельными участками. Помимо этого в округе было несколько ферм.

Когда Эми уезжала домой, она всегда оставляла зал ожидания незапертым, так как Уильям Максвелл рассказал ей, что там иногда сидят влюбленные парочки. До сих пор она не заметила никаких признаков того, что там кто-то бывает, но это, с учетом погоды, было совсем неудивительно.

Станция была закрыта по воскресеньям — это был единственный выходной Эми. Она лежала в постели, пока не проходило время утренней службы, потом ехала обедать на Агейт-стрит. Она не засиживалась там допоздна, а возвращалась домой рано, убирала квартиру и кое-что стирала. Единственное разнообразие в эту монотонную жизнь вносил ее свекор, который иногда в субботу вечером встречал Эми на вокзале и вез обедать в ресторан. Девушка полагала, что и Барни влачит такое же однообразное существование.

Прошло три недели. Эми выучила имена всех пассажиров, и они теперь знали, как зовут ее. По мере того как погода становилась все холоднее, а снегопады все обильнее, она приглашала всех в билетную кассу, чтобы они могли ожидать поезд у камина, который Эми растапливала, едва придя на работу. Уильям рассказывал, что до войны каминны горели и в обоих залах

ожидания, но теперь для этого не хватало топлива. Эми это не огорчало. Она никогда прежде не растапливала каминов, и у нее и с одним хватало проблем, не говоря уже о трех.

Сюзан Конвэй с мужем, работавшим на одной из ферм, жила в предоставленном ему одноэтажном домике. Как минимум раз в день она вместе с младшим ребенком заглядывала к Эми, чтобы поболтать. Сюзан отчаянно скучала по Ливерпулю и больше всего на свете любила говорить о нем. Обнаружив, что они с Эми побывали в одном и том же кинотеатре или прошли по одной и той же улице, она восклицала: «Какое совпадение!», как будто Ливерпуль был сотню миль в ширину и длину и вероятность того, что они попадут в одно и то же место, составляла несколько сотен к одному.

Барни сообщил, что не приедет домой на Рождество. Ему позволено было отлучиться на сорок восемь часов, но о том, чтобы в такую погоду за два дня успеть добраться из Алдершота, где он теперь находился, до Ливерпуля и вернуться обратно, нечего было и думать. Эми лучше кого бы то ни было знала о проблемах на железной дороге: о занесенных путях, о заблокированных тоннелях, об облепленных снегом семафорах и о замерзших и отказывающихся переводиться стрелках.

По некоторым дорогам невозможно было проехать. В Ливерпуле сугробы за одну ночь вырастали выше окон первого этажа. Когда люди утром отдергивали шторы, им казалось, что они живут в иглу.

Поезда Эми часто опаздывали. Она склонна была думать о поездах, проходящих через ее станцию, как о «своих».

«В любом случае, — писала она Барни, — похоже на то, что на Рождество станция должна работать, хотя я не могу себе представить, что кто-нибудь соберется куда-то ехать. Можно будет уехать немного раньше, в четыре двадцать семь вместо шести двадцати семи, но и только. Элспет, жена Уильяма, принесет мне индейку. Я никогда еще не ела индейку, так что мне не терпится ее попробовать».

Эми не могла отделаться от мысли, что если бы она не была начальником станции, то могла бы поехать в Суррей повидаться с Барни, а потом добираться в Ливерпуль хоть целую неделю.

Он прислал ей подарок — крохотные золотые часы на гибком браслете. Они выглядели безумно дорогими. «Это коктейльные часы», — писал Барни. Эми носила их, не снимая, хотя иногда и задавала себе вопрос, не следует ли ей поберечь их для вечеринок с коктейлями. Она купила мужу кожаные перчатки на меху и положила в каждый палец по крохотной

записке. В каждой записке говорилось, как сильно она его любит. Эми начала вязать ему шарф — мама показала ей, как это делается. Барни пообещал позвонить на Рождество, но понятия не имел, в котором часу ему это удастся.

Кэти написала из Китли, Йоркшир, что она замечательно проводит время. Она служила в финансовом отделе и училась печатать на машинке.

«...девчонки, с которыми я живу, просто прелесть. Почти каждый вечер, кроме субботы, мы ходим в паб. По субботам на военной базе танцы. Со всей округи свозят на автобусах солдат, и на одну девушку обычно приходится до десяти парней. Но что мне нравится больше всего, так это то, что у меня теперь своя кровать. Честное слово, Эми, спать одной — это так здорово...»

Хэрри прошел курс основной подготовки и теперь находился в лагере под Лидсом. Ходили слухи, что после Рождества его роту должны отправить во Францию.

Эми изучила выцветшую карту, приколотую к стене билетной кассы, и обнаружила, что Китли и Лидс находятся совсем недалеко друг от друга. У нее сложилось впечатление, что Хэрри плохо в армии, поэтому она написала ему и сообщила, где находится Кэти. Если она его интересуется, ему будет нетрудно ее разыскать.

На Рождество опять мела метель. Эми приехала в Понд-Вуд и обнаружила у двери билетной кассы гору свертков. Мисс Фезерс связала для нее чудесный чехольчик на чайник, Эндрю Вудс и Бенни Картер купили коробку шоколадных конфет «Кэдбери», а Элси Пэддик, которая каждую неделю ездила на танцы, принесла флакон духов «Вечер в Париже». Эми больше не пользовалась такими дешевыми духами и решила подарить их одной из сестер, но почти сразу передумала. Подарок был сделан от всего сердца, как же она могла его отдать? Она обильно надушилась, прежде чем растопить камин и завести часы.

Чуть позже выглянуло солнце, и на короткий промежуток времени Понд-Вуд предстал в сверкающей, ослепительной красоте. Подарки продолжали прибывать. Мистер Клегг, которого очень непривычно было видеть в вязаном шлеме вместо котелка, явился с бутылкой портвейна, Майра Мак-Карти принесла кусок рождественского пирога, а какая-то незнакомая женщина подарила Эми апельсин.

— Вы всегда угощаете мою внучку конфетой, когда мама везет ее в больницу, — сказала она. — Я вам очень благодарна.

Сюзан Конвэй с мужем и детьми пришли как раз вовремя, чтобы успеть на поезд в двенадцать двадцать семь.

— Мы обедаем у мамы, — прошептала Сюзан, покупая билеты. — Мне удалось убедить Джона переночевать в Ливерпуле. Я так счастлива!

Джону было около тридцати лет, у него было обветренное лицо, и он, похоже, потерял дар речи при виде женщины — начальника станции.

Эми продала больше билетов, чем ожидала, людям, желавшим навестить родственников. В час Элспет принесла обед — жареная индейка, жареная картошка и всевозможные овощи.

— Брюссельскую капусту я сорвала только сегодня утром, — сообщила Элспет. Она уселась в кресло, и пока Эми ела, познакомила ее с местными сплетнями. Глэдис Плантер беременна, а Дорис Спэрроу нет. Все думали, что она беременна, но она просто толстеет. Если так будет продолжаться и дальше, она скоро не пролезет в двери. Ах да, у Питера Альтона сперли курицу. Он уверен, что кто-то из Киркби приготовил из нее свой рождественский обед.

Когда Эми закончила есть, Элспет сказала, что, пожалуй, она вернется к Вилли. Она забрала тарелку и удалилась, весело напевая под нос.

Чем они там занимаются? — спрашивала себя Эми. — У них нет детей, нет радио, в их домишке отсутствует газ и электричество, и она не припоминала, чтобы они куда-нибудь ездили. Элспет много готовила, а Уильям ухаживал за их большим садом, но о других занятиях Эми ничего не было известно. Может быть, они читают, играют в карты или поют псалмы? Общаются ли они хоть с кем-нибудь? От одних этих мыслей на душе у Эми становилось тоскливо.

В три сорок пять прибыл поезд из Ливерпуля, и Эми готова была поклясться, что она услышала веселую болтовню еще до остановки поезда. Поэтому когда она увидела, что из поезда выходят ее сестры, ее это ничуть не удивило, хотя и тронуло до глубины души. Подумать только, они проделали весь этот путь, чтобы на Рождество увидеться с ней! На них были почти одинаковые шапочки, перчатки и шарфы, связанные красивым замысловатым узором «фэр-айл»^[13].

— Барни прислал нам их на Рождество, — пояснила Бидди. — И подарил маме хорошенькую эмалированную пудреницу и такую же помаду. Теперь, когда на нее ни посмотришь, она или пудрит нос, или подкрашивает губы.

— Она пригласила к обеду какого-то ужасного типа с работы! — воскликнула Джеки. — Его зовут Билли Мартин. Нам просто необходимо

было куда-нибудь обратиться.

— Он не замолкает ни на минуту, — сообщила Бидди. Классический случай, когда вор кричит «держите вора».

— Он предложил нам *закурить*, — хихикнула Джеки.

— Он остается к чаю и все такое, — заявила Бидди. — Думаю, он положил на маму глаз.

— Что положил? — переспросила Эми. Кроме Барни и мамы, больше всего на свете она рада была видеть сестер.

— Глаз. Это означает, что он влюбился в нее по уши, — объяснила Бидди. — Господи, Эми, как же здесь *тоскливо*! Это похоже на край земли.

— Пойдемте в билетную кассу. Это на другой платформе. Там очень тепло. — Через сорок пять минут, в четыре двадцать семь, они все сядут в поезд до Ливерпуля, а пока у них есть время, чтобы устроить небольшую вечеринку.

Эми открыла портвейн и конфеты и разрежала на три части кусок пирога. Сама она почти не пила. С ее стороны было бы безответственно руководить станцией, будучи под хмельком.

Они распевали «Джингл беллс», когда раздался стук в дверь. Открыв ее, Эми обнаружила Питера Альтона. На нем была черная шляпа с широкими полями, длинное твидовое пальто и резиновые сапоги.

— Я принес вам яиц, — он протянул ей картонную коробку и нервно сглотнул. — С Рождеством, Эми, — выпалил он.

— Яйца! — прошептала Эми. Яйца выдавались из расчета одно в неделю, а, судя по весу коробки, в ней было не меньше дюжины. — Спасибо! Большое вам спасибо! Это мои сестры, Джеки и Бидди, — добавила она, махнув рукой в сторону девушек. Они сидели в одном кресле и замерли с открытыми ртами, так и не допев песенку. — Это Питер Альтон. Он фермер. Входите, Питер. Выпьете портвейна?

— С удовольствием. — Похоже, он обрадовался приглашению. — Дома скучновато. Моя сестра с мужем привезли слайды, сделанные в Греции (они там отдыхали), и хотят, чтобы мы их посмотрели.

— Это, должно быть, невыносимо скучно, — сочувственно произнесла Джеки. Она смотрела на Питера так, как будто собиралась проглотить его. — Присаживайтесь, — добавила она, похлопывая по подлокотнику кресла.

Зазвонил телефон, издав такой громкий и пронзительный звук, что все подскочили. Эми испугалась, что это звонят сообщить, что поезд в четыре двадцать семь опаздывает, но это оказался ее свекор. Он объявил о своем намерении встретить ее на вокзале и повести в ресторан ужинать.

— Что ты думаешь об «Аделфи»? Не возражаешь?

— Я бы не возражала, но Барни обещал сегодня позвонить, и я боюсь пропустить его звонок. — По этой же причине она не поедет к маме. Интересно, чем сегодня занимается Элизабет Паттерсон, если ее муж целый вечер свободен и может позволить себе приглашать в ресторан других женщин?

— В таком случае я с ужином приеду к тебе, — заявил Лео тоном, не допускающим возражений.

Эми положила трубку. Джеки и Питер тем временем, похоже, успели подружиться. Кажется, это не вызвало энтузиазма со стороны Бидди. Издалека донесся сигнал, предвещающий приближение поезда.

— Почему бы вам не поехать к нам в гости? — говорила Джеки Питеру. — Вы могли бы лечь спать на кровати нашего Чарли. В сентябре он женился и с тех пор не живет с нами, — поспешно объяснила она.

Эми начала наводить порядок. Она велела сестрам одеваться. Питер спросил, можно ли ему воспользоваться телефоном. Он сообщил человеку, ответившему на другом конце провода, что вернется только завтра, и прежде, чем ему успели задать вопрос относительно его местонахождения, быстро положил трубку.

— Пойдемте. — Эми вытолкала всех из кассы и заперла дверь.

Через несколько минут на станции, пыхтя, появился поезд. Когда он остановился, Эми услышала доносящийся из билетной кассы звонок телефона, но времени ответить уже не было. Это мог быть кто-то из родственников Питера, желающих узнать, куда он так неожиданно собрался. Это мог быть мистер Куксон с вопросом о времени отправления следующего поезда до Лондона. Это мог быть Барни.

Если это был Барни, он позвонит сегодня вечером домой. До всех остальных ей в этот момент не было никакого дела.

Хэрри Паттерсон был не склонен к общению с другими солдатами своей роты. И он вовсе не был снобом. Просто у него не было с ними ничего общего и он не имел ни малейшего представления, о чем с ними говорить, если не считать отдельных замечаний относительно ужасной погоды. Они перестали приглашать его в паб, потому что он всегда отказывался. Хэрри был убежден, что его организму подобного не вынести. Его сослуживцы, казалось, способны напиться до бесчувствия, но наутро просыпались свежими, как огурчики.

Все же у него появился друг, к тому же очень хороший. Джеку Уилкинсону было двадцать пять лет, он был на два года старше Хэрри. Их

тоже мало что объединяло. Честно говоря, Джек заставил Хэрри почувствовать себя невежественным мужланом. Он бросил школу в четырнадцать лет, но продолжал учиться самостоятельно. Джек сражался на стороне республиканцев в испанской гражданской войне, прочитал «Происхождение видов» Дарвина, «Капитал» Маркса, «Майн Кампф» Гитлера и много других умных книжек.

Хэрри утверждал, что начинал читать некоторые из этих книг, но так и не смог их закончить. Вообще-то его любимыми авторами были Рэймонд Чендлер и Дэшиел Хэммет — оба писали триллеры.

Джек напоминал мешок с костями. Его узкое лицо было изможденным и морщинистым, в результате чего он выглядел вдвое старше своего возраста. С трудом верилось в то, что Джек хотя бы раз за всю свою жизнь пристойно пообедал. Он уже начал лысеть. И все же женщины находили его невероятно привлекательным, в то время как Хэрри с его завидной каштановой шевелюрой и приятной внешностью не вызывал у них ни малейшего интереса.

На Рождество друзья вместе обедали в столовой и обсуждали положение дел на фронте. Хэрри считал, что стоит Гитлеру узнать, что ему уготовила Британия, как он немедленно прекратит войну. Джек только улыбнулся в ответ и сказал, что находит такой вариант развития событий маловероятным.

— Мы еще не испытали на себе всю мощь гитлеровской военной машины. Чтобы заставить такого парня, как Гитлер, отказаться от своих планов, потребуется гораздо больше того, что в настоящее время может предложить Британия, — мрачно заявил он. — Давай сегодня вечером сходим в паб и выпьем, дружище.

— Честно говоря, Джек, — несколько смущенно ответил Хэрри, — я еду на танцы в Китли. Там служит подруга моей невестки. Она во Вспомогательной территориальной службе. Я подумал, что было бы неплохо ее разыскать.

— Прекрасная идея! — с энтузиазмом откликнулся Джек. — В танго я профи. Ты не будешь возражать, если я составлю тебе компанию?

— Конечно нет. — Хэрри всегда казалось, что его друга интересуют только интеллектуальные занятия. Представить Джека танцующим танго было выше его сил.

Танцы проходили в столовой. Это был не очень большой зал, и когда солдаты из Лидса в него вошли, он был уже полон под завязку. По стенам висели красные и зеленые бумажные гирлянды, в углу стояла

рождественская елка. Поездка стоя в ледяном кузове грузовика, который на ухабах швыряло из стороны в сторону, показалась Хэрри бесконечной, и теперь он был совсем измучен. Джек немедленно пригласил на танец женщину в гражданской одежде и драматическим пируэтом вывел ее на танцпол. Оркестр играл «Ты, ночь и музыка»...

Хэрри дважды обошел зал в поисках Кэти, но ее нигде не было. Он вышел из столовой и остановился в нерешительности, не зная, в какую сторону двинуться. Он никогда не привыкнет к затемнению. Было что-то по-настоящему зловещее в толпах проходящих мимо невидимых людей. До него лишь доносились голоса и обрывки разговоров.

Может быть, Кэти все еще на работе. Маловероятно, но попробовать стоит. Хэрри поинтересовался у человека без лица, проходившего мимо, где это могло быть.

— Второй поворот направо, первый налево, — услышал он в ответ.

Это звучало так просто, «второй поворот направо, первый налево», но хотя его поискам способствовало то, что дорожки были расчищены и снег теперь громоздился кучами на обочинах, когда-то, вероятно, поросших травой, прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Хэрри удалось найти деревянное строение, служившее бухгалтерией. Как и все остальные здания в лагере, оно было погружено в полную темноту, но изнутри доносились голоса, смех и музыка. После непродолжительных поисков Хэрри обнаружил дверь и громко постучал.

Дверь приоткрылась на один дюйм, и мужской голос произнес:

— Прости, приятель, но эта вечеринка только для своих.

Дверь закрылась, и Хэрри принялся колотить в нее с еще большим усердием.

— Я ищу Кэти Бернс! — кричал он.

Изнутри послышались шаркающие звуки, и дверь вновь приотворилась.

— Хэрри! — прошептал другой голос, на этот раз женский. — Хэрри Паттерсон!

Женская рука вцепилась в его руку и втащила Хэрри в тускло освещенную комнату. Три пары танцевали под «Шепот травы», который раздавался из радиолы, установленной на одном из сдвинутых к стенам столов. Вокруг его шеи обвились руки, а его щека была удостоена поцелуя.

— Как я рада тебя видеть, Хэрри! — воскликнула Кэти Бернс.

Она выглядела совсем иначе, чем та девушка, с которой он познакомился на пирсе в Саутпорте. Неужели это было всего восемь месяцев назад? Теперь Кэти казалась старше. *Гораздо* старше! И даже выше ростом! Она ему тогда понравилась, но рядом со своей красивой и

полностью затмившей ее подругой Кэти походила на серую мышку. Хэрри тоже всю жизнь провел в тени своего обаятельного младшего брата. Но теперь они оба служат рядовыми в армии и поблизости нет ни Эми, ни Барни.

— Закуски в соседней комнате, хотя уже почти ничего не осталось, — сообщила Кэти. Она была одета в красивую кремовую блузку и твидовую юбку. Хэрри пожалел, что он в форме. — Но чтобы заморить червячка, кое-что найдется. — Она взяла его за руку, завела в другую комнату и вручила бумажную тарелку. Хэрри набросился на сосисочный рулет, бутерброд с сардинами и пирожок с вареньем. — Хочешь вина? — спросила Кэти. — Нам удалось достать только красное.

— Очень, — пробормотал Хэрри. Его рот был набит хлебом и сардинами. Здесь все было очень культурно и совсем непохоже на то, к чему он привык с тех пор, как его призвали в армию. У него появилось предчувствие, что вечеринка ему понравится.

Кэти представила его остальным — всего было около двадцати человек.

— Это Хэрри! — прокричала она. — Мы познакомились в Ливерпуле. Я не буду говорить ему, как зовут вас, он все равно не запомнит.

Женщины вели себя очень независимо. Они приглашали мужчин танцевать и разговаривали с ними без тени кокетства. Они беседовали о войне, работе, политике. Никто даже не упоминал об ужасной погоде.

Где-то через час радиолу выключили и молодой человек с голосом, очень похожим на голос Бинга Кросби, спел «Двое сонных людей», «Мы встретимся снова» и «Юноша едет домой на побывку».

Хэрри навсегда запомнил этого молодого человека. На вид ему было лет шестнадцать, но в его юном лице и чудесном голосе было нечто, передающее ужас и другие эмоции войны: чувство утраты и беспомощности, когда рушится окружающий мир, радость обретения утраченного.

К половине двенадцатого, когда Хэрри пора было уходить, он уже чувствовал безмерную любовь ко всем присутствующим, а особенно к Кэти. Они несколько раз танцевали вместе. Она обнимала его за шею и клала голову ему на плечо, а его ладони как будто защищали от бед ее хрупкую спину.

— Мне не хочется уходить, — прошептал он.

— Жаль, что ты не можешь остаться, — прошептала в ответ Кэти. — Может быть, тебе удастся еще к нам приехать.

— Если смогу, приеду. — Хэрри не имел ни малейшего представления, имеется ли регулярное транспортное сообщение с его частью. Если нет,

быть может, ему удастся упробить кого-нибудь, чтобы его подвезли. — Нас в любой момент могут отправить во Францию.

— Я буду по тебе скучать. — Кэти хрипловато рассмеялась. — Это забавно. Мы видимся всего во второй раз.

— Мне давным-давно следовало разыскать тебя.

— Я надеялась, что когда-нибудь ты это сделаешь.

Хэрри потянулся за шинелью.

— Мне пора.

Кэти проводила его до столовой, возле которой был припаркован грузовик.

— С Рождеством! — сказала она, целуя Хэрри.

— И с Новым годом! — он вернул поцелуй.

Их чуть не затоптала толпа изрядно подвыпивших солдат, направляющихся к грузовику.

— Пока, Хэрри. — Кэти на несколько секунд задержала его руку в своей, прежде чем выпустить.

— Пока, Кэти. — Если бы сейчас был день и он мог бы рассмотреть ее получше... если бы его часть была расположена поближе... если бы не было войны...

«Если бы да кабы», — грустно подумал Хэрри.

Он выяснил, что в следующий раз грузовик повезет солдат на танцы в Китли в канун Нового года. Он записался и сообщил Кэти о том, что придет. Джеку так понравилась предыдущая поездка, что он тоже записался. Но за четыре дня до Нового года, в среду, им всем приказали собрать вещи и приготовиться к отправке во Францию, куда их и перебросили уже на следующее утро.

В канун Нового года Хэрри и Джек сидели за кувшином вина в кафе, расположенном где-то во французской глубинке. Кафе было битком набито английскими солдатами, и нигде не было видно ни одной женщины. Либо французы держали своих дам на безопасном расстоянии от армии, либо им запрещено было заходить в бары.

Как бы то ни было, это к лучшему, целомудренно подумал Хэрри. Он бы тоже не хотел, чтобы кто-либо из женщин его семьи оказался среди этой разнузданной толпы. Эти люди, до бровей накачанные дешевым вином, больше походили на животных. Он поделился своими мыслями с Джеком.

— Да нормальные парни, — отмахнулся Джек. — Стоит только кому-нибудь крикнуть «Выпьем за короля и отечество!», как они в мгновение

ока окажутся на ногах, трезвые как стеклышко. А в данный момент ребята всего лишь выпускают пар. — Он, прищурившись, покосился на Джека. — Тебе бы тоже не помешало выпустить немного пара, приятель. Ты напряжен, как крайняя плоть гуркха^[14].

— Во всем виновато мое воспитание, — рассмеялся Хэрри, обратив все в шутку, хотя и понимал, что Джек, скорее всего, прав. Солдаты запели «Марсельезу». Официанты за барной стойкой вытянулись в струнку, несомненно, внутренне возмущаясь подобной вульгарной интерпретацией своего национального гимна.

Хэрри впал в глубокую депрессию. Он никогда не сможет расслабляться так, как это делают его сослуживцы. «Я вообще ни на что не гожусь», — уныло думал он. То, что он испытывал к Кэти, и близко не напоминало чувств, которые его брат испытывал к Эми. Из него получится весьма посредственный любовник. Ради самой Кэти он не станет продолжать переписку, начатую еще в Англии. Он послал ей нечто, похожее на любовное письмо, но только одно. Оно было очень сдержанным и довольно вымученным. Хэрри переписывал его четыре раза, прежде чем ему удалось подобрать правильные слова. Или почти правильные.

Позже, лежа на полу церкви, которую армия реквизировала в качестве казармы для нижних чинов, он слушал храп и стоны, а также другие звуки, издаваемые беспокойно спящими солдатами. Там его посетило ужасное чувство, что несколько часов, проведенных им в Китли, вполне могут оказаться лучшими в его жизни, что уже никогда ему не будет так хорошо.

Снег растаял, как все того и ожидали. Обнажившаяся трава оказалась необычайно яркого зеленого оттенка, а почва — насыщенного шоколадно-коричневого цвета. Улицы выглядели так, как будто их хорошенько вымыли с мылом.

В окрестностях станции Понд-Вуд появились подснежники, а позже и колокольчики. Уильям Максвелл принес луковицы нарциссов и тюльпанов и высадил их в деревянные ящики, которые, как Эми с удивлением обнаружила, были прикреплены к окнам зала ожидания, но всю зиму скрывались под снегом. Как будто волшебник взмахнул своей палочкой, и жизнь на станции, да и во всей округе, пробудилась и забила ключом. Если бы не война, лучше места трудно было бы желать.

Вид оживающей природы напомнил Эми о ребенке, которого она потеряла. Если бы не выкидыш, этот ребенок уже вскоре родился бы. К этому времени она уже купила бы колыбель и остальные вещицы,

необходимые новорожденному, а мама связала бы гору одежек. Вполне возможно, Эми выехала бы из квартиры и жила бы в каком-нибудь более подходящем для нее и ребенка месте. И она никогда и ничего не узнала бы о деревне Понд-Вуд и ее станции.

Эми выскоблила залы ожидания, украсила каминные полки вазами с цветами и ни одному человеку не проговорила о том, что творилось у нее в душе. Девушка почувствовала себя в десять раз хуже после того, как однажды поздно вечером, когда она уже легла спать, позвонил Барни и сообщил, что его отправляют во Францию.

— Кто знает, может быть, я встречу Хэрри, — вздохнул он.

— Но мы не виделись целую вечность, — запротестовала Эми. Она в одной ночной рубашке сидела на стульчике у телефона и изо всех сил старалась не расплакаться. В последний раз она видела мужа из окна. Темная фигура прошла по залитой лунным светом дороге и исчезла во мраке. Вдруг она больше никогда его не увидит? Что, если в тот вечер она поцеловала его в последний раз в жизни?

— Я знаю, дорогая, — угрюмо ответил Барни.

— Береги себя, Барни. — Эми почти пожалела о существовании такого чуда техники как телефон. Было что-то ужасное в звуке голоса ее мужа, в то время как она знала, что он находится очень далеко и она не может ни видеть, ни касаться его. Все, что ей оставалось, это вспоминать, как его карие глаза смотрели на нее, а его губы ее целовали.

Они даже не успели попрощаться, потому что связь внезапно оборвалась. Барни предупреждал ее, что у него мало мелочи, но все равно это стало для нее шоком. Эми несколько раз крикнула «Барни! Барни!», но это не помогло.

В апреле Гитлер вторгся в Норвегию и Данию. Спустя месяц его армия промаршировала через Голландию и Бельгию, двигаясь по направлению к Франции. В это же время премьер-министр Невилл Чемберлен утратил доверие своего правительства, и его сменил Уинстон Черчилль.

До отъезда Барни Эми никогда не интересовалась газетами, но теперь она каждый день покупала на вокзале газету и читала ее по дороге в Понд-Вуд. Вечером, готовясь ко сну, девушка включала радиоприемник и слушала девятичасовые новости. Прежде она не слушала ничего, кроме музыки.

Она с ужасом внимала отчетам о триумфальном шествии гитлеровских войск по Франции. Она слышала первое обращение Черчилля к населению. В нем говорилось о том, что британский и французский народ выступил не

только в защиту Европы, но и в защиту всего человечества от самой жестокой тирании, которая когда-либо омрачала страницы истории.

Эми показалось, что скоро наступит конец света. Что, если Германия победит в этой войне? Прежде Эми не допускала такой возможности.

К концу мая германский блицкриг вынудил тысячи английских солдат бросить технику и оружие и отступить в Дюнкерк, город на французском побережье, где собрались сотни судов, больших и малых, готовых перевезти их назад, в Англию.

Спасательная операция продолжалась много дней. Эми радостно подпрыгивала каждый раз, когда дома или в билетной кассе звонил телефон, убежденная, что это Барни хочет сообщить, что он вернулся, целый и невредимый, что скоро он будет дома, чтобы поздравить ее с днем рождения, ведь через несколько дней ей должно было исполниться девятнадцать лет.

Однажды утром, когда Эми проводила поезд на Виган и вернулась в кассу, телефон зазвонил снова. Это был Лео Паттерсон. На какую-то долю секунды ей показалось, что это Барни, так похожи были их голоса. Но у Барни не было такого сильного ирландского акцента, как у его отца.

— Хэрри вернулся, — сказал Лео. — Он только что звонил из Дувра, целый и невредимый.

Эми сказала, что она очень рада, и это было правдой, но в глубине души она не могла не сожалеть, что домой вернулся не ее муж, а его брат.

— Вряд ли он видел Барни, — с надеждой в голосе добавила она.

Наступило молчание.

— Вообще-то видел, — после паузы ответил ее свекор. По этой паузе и по тому, как были произнесены эти слова, Эми сделала вывод, что новости неутешительные. — Они встретились на дороге в Дюнкерк. Хэрри направлялся к спасательным судам, а Барни возвращался в свою часть. Его подразделение осталось, чтобы попытаться помешать немцам достичь побережья... Ты в порядке, Эми? *Эми!* — закричал мистер Паттерсон, когда она не ответила.

Она обрела дар речи.

— Спасибо, что позвонили, Лео, — вежливо ответила Эми. — Мне нужно идти. Кто-то хочет купить билет.

Позже она была рада тому, что получила это известие, находясь на работе. Было очень важно продолжать двигаться и что-то делать, вместо того, чтобы лечь на кровать и уставиться в потолок, как она поступила бы дома, в своей квартире. Ей предстояло встречать и отправлять поезда,

продавать билеты и отвечать на другие, гораздо менее важные телефонные звонки.

Когда Хэрри вернулся домой, он рассказал Эми, что именно произошло на дороге в Дюнкерк. Он выглядел безгранично усталым и сильно хромал, но не потому что был ранен — его ноги были растерты до крови и покрыты водянками от того, что ему пришлось долго брести в ботинках не по размеру и дырявых носках.

— Мы с моим хорошим другом Джеком Уилкинсоном еле волочили ноги, — устало рассказывал Хэрри. — Джек подвернул ногу, и ему трудно было идти. Внезапно раздался звук клаксона, который все гудел и гудел. Мне и в голову не могло прийти, что это кто-то пытается привлечь мое внимание, пока я не услышал голос, который завопил: «Хэрри! Хэрри Паттерсон! Посмотри сюда, кретин!» Я понял, что это Барни.

Эми ахнула. Простое упоминание его имени приблизило ее к мужу.

— Он был за рулем грузовика, — продолжал Хэрри. — Конечно же, мы остановились и долго болтали. Барни только что отвез в Дюнкерк раненых, которых необходимо было отправить домой, а сам возвращался в расположение части. Нам с Джеком еще было идти и идти, и Барни сказал, что отвез бы нас, но уже и так отсутствовал гораздо дольше, чем ожидал. Дороги были забиты беженцами, — пояснил Хэрри. — Бедняги, почти все они потеряли свое имущество. Они хотели лишь убраться с пути немецкой армии. Как бы то ни было, мы с Барни пожали друг другу руки и разошлись, он на север, а я на юг. Но вот что я тебе скажу, Эми, — мертвым голосом продолжал он, — никогда в жизни мне не было так плохо, как тогда, когда я провожал его взглядом. Мой брат отправился навстречу врагу, а я — домой.

Неужели Барни действительно *может умереть*? Эми столько раз молилась за него, что убедила себя в том, что его ни за что не убьют. Мысль об уязвимости Барни, находящегося в чужой стране и окруженного вражескими войсками, ужаснула ее.

— Я сказал себе, — продолжал Хэрри, — что если бы Джек не нуждался так сильно в моей помощи, я бы прыгнул в кузов грузовика и уехал с Барни, но, наверное, это неправда. А правда заключается в том, Эми, что я трус. Если бы этим грузовиком управлял я, то, скорее всего, бросил бы его и вернулся домой. Я уверен, что смог бы придумать правдоподобное объяснение своему поступку. Там царил такой хаос!

— Если бы ты уехал с Барни, — ответила Эми, — если бы вы оба не вернулись, твои мама и папа были бы опечалены вдвойне.

— Я так не думаю, — с горечью произнес Хэрри. — Они оба дали мне понять, что предпочли бы, чтобы домой вернулся Барни, а не я. Мама и папа никогда не делали секрета из того, что любят его больше, чем меня. Я знаю, что и ты предпочла бы, чтобы здесь сидел Барни, а не я, и это само собой разумеется. Но когда собственные родители дают тебе понять это так отчетливо, это не очень укрепляет чувство собственного достоинства.

— Я уверена, что это не так, Хэрри, — ответила Эми, хотя не сомневалась, что это именно так.

Хэрри провел дома пять дней. Был июнь, стояла теплая и солнечная погода, и Эми как-то пригласила его с собой в Понд-Вуд, чтобы он посмотрел на жизнь начальника станции. В воскресенье она повезла его обедать на Агейт-стрит, так как Хэрри до сих пор не был знаком с ее семьей. В тот же вечер они отправились в кино на «Приключение в Манхэттене» с Джоэлом МакКри, а в понедельник вечером Хэрри пригласил ее поужинать с ним в Саутпорте. Ради Хэрри Эми старалась улыбаться и вести себя радостно и непринужденно, но все ее мысли были о Барни.

Когда Хэрри рассказал ей о встрече с Кэти на Рождество, Эми ответила, что Кэти уже писала ей об этом.

— Мой друг, Джек, возвращается в Лидс лечить ногу. Он пообещал разыскать Кэти, — сказал Хэрри.

На следующий день ему предстояло поездом отправиться на базу в Колчестере. Он полагал, что оттуда его пошлют в Северную Африку.

— Не сегодня-завтра Франция капитулирует, — пояснил Хэрри. — Следующее сражение состоится в пустыне.

Эми не стала спрашивать, что будет с Барни, если Франция капитулирует. Хэрри знал об этом не больше, чем она.

Через несколько дней после отъезда Хэрри Эми услышала, что восемь тысяч британских солдат и еще больше их французских союзников были взяты в плен у местечка Сен-Валери. Немцы захватили даже генерала.

Прошел целый месяц. От Барни по-прежнему не было никаких вестей. Эми была убеждена, что он все еще жив, иначе она уже получила бы одну из наводящих ужас оранжевых телеграмм с сообщением, что ее муж пал в бою. Эми наотрез отказывалась допускать, что он мог погибнуть.

Август успел прийти на смену июлю, когда она наконец получила из военного министерства письмо, в котором говорилось, что ее муж попал в плен. Оно заканчивалось следующими словами: «Вам сообщат о его

местонахождении, когда Красный Крест получит эту информацию от германских властей».

Поначалу кое-кто считал, что война продлится всего шесть месяцев, но с ее начала минул уже год, а конца ей не было видно. Сколько пройдет времени, прежде чем она снова увидит мужа, спрашивала себя Эми. Не может быть, чтобы война затянулась еще на год. Это казалось невозможным. Эми была счастлива, что Барни уже не участвует в боях, но ей отчаянно его не хватало.

В конце августа в Понд-Вуд состоялась ежегодная летняя ярмарка. Эми была тронута до слез, когда узнала, что исключительно ради нее ярмарку решено было провести на поле, примыкающем к станции, а не на обычном месте, почти в миле от железной дороги. Ей об этом сообщил сам мистер Клегг, председатель организационного комитета ярмарки.

— Ты теперь одна из нас, Эми, — сказал он ей. — Как же мы можем развлекаться, зная, что ты одна сидишь здесь, вдали от веселья?

— Надо было и раньше проводить ярмарку возле станции, — сказала Сюзан Конвэй, когда узнала об этом. — Моя мама давно уже хотела приехать, но ей тяжело было так далеко идти.

Мама Эми испекла два бисквитных торта с джемом для соответствующего лотка. Яйца для бисквитов предоставил Питер Альтон, который к большому неудовольствию Бидди теперь являлся официальным бойфрендом Джеки. Капитан Кирби-Грин навел порядок в своем гардеробе и предоставил для лотка подержанной одежды красивый бархатный халат. Он, как и все, с нетерпением ожидал ярмарки, назначенной на одну из суббот.

В тот день с утра было пасмурно. Столы для лотков доставили на повозке, запряженной лошадью с розовым бантом по случаю праздника. Вскоре после того, как были установлены лотки и натянуты два навеса (для буфета и для выставки цветов и овощей), постепенно начали прибывать люди, большинство из которых Эми видела впервые. Некоторые старушки выглядели так, как будто явились непосредственно из прошлого века. На их головах красовались белые хлопчатобумажные чепцы, на плечи были наброшены кружевные шали, а юбки доставали до щиколоток. Наконец, к всеобщей радости, выглянуло солнце, согрел землю и растопив желе на буфетной стойке.

Довольно много людей приехало в двенадцать двадцать семь из Вигана, и еще больше народа сошло с ливерпульского поезда, остановившегося у станции в час сорок пять. На этом поезде прибыли мама Эми, обе ее сестры

и, к ее немалому изумлению, Чарли и Марион. Капитан Кирби-Грин был просто великолепен в своем темно-синем пиджаке со сверкающими медными пуговицами, белой рубашке и ярком галстуке. Он приосанился и напыщенным жестом предложил матери Эми взять его под руку. Та смутилась, но позволила довести себя до поля. Позже они вместе приняли участие в трехногой гонке и пришли к финишу третьими.

Местность вокруг станции, обычно такая тихая в промежутках между поездами, сегодня звенела голосами. На ярмарке были не только лотки. Организаторы провели шоу младенцев, состязание узловатых коленей, конкурс на лучший маскарадный костюм. Был разыгран приз за самую большую курицу и самую воспитанную собаку. Этот конкурс сопровождался громким лаем. Как розы, так и морковь Уильяма Максвелла заняли первые места. Он же вырастил и самый большой кабачок.

Между поездами у Эми было достаточно времени, чтобы побросать мячи по кокосовым орехам (роль которых на этот раз исполняли пустые консервные банки), принять участие в набрасывании обручей и других состязаниях. Она метала дротики, каким-то чудом набрала наибольшее количество очков и, возможно, заслуживала приза. После этого Эми бросила три однопенсовые монетки в бочонок с водой, в надежде, что одна из них опустится на монету в полкроны, уже лежащую на дне, но тут ей не повезло, монетки легли далеко от цели.

В два двадцать семь из Вигана прибыл духовой оркестр. Оркестранты были одеты в ярко-синюю униформу, украшенную золотыми галунами. Они сыграли «Рэгтайм Александр-бэнда», «Ты — мое солнце» и другие энергичные мелодии, завершив выступление композицией «Мы видели море» из фильма с участием Фреда Астера. Этот фильм был одним из первых, которые Эми посмотрела в своей жизни. Она ходила на него с Кэти, и при воспоминании о тех беззаботных днях, когда они понятия не имели о том, что существует такой кошмар, как война, ей стало грустно и она почувствовала себя очень старой.

Даже сегодня, среди этих мирных полей, невозможно было забыть о войне. Напоминания о ней стояли на лотках в виде объявлений, гласивших, что собранные на ярмарке деньги поступят в Фонд огнестрельного оружия Понд-Вуд.

День близился к концу, похолодало. Люди стали расходиться по домам. Некоторые брели пешком по пыльным, благоухающим травами проселочным дорогам, другие садились в поезда, отправлявшиеся в обоих направлениях. Выпив несколько галлонов чая, уехал и духовой оркестр.

Когда Эми вернулась в билетную кассу, она увидела пожилого джентльмена, изучающего расписание на стене.

— Вам помочь? — поинтересовалась она.

— Я просто смотрю, когда отправляется следующий поезд до Лондона, — объяснил он.

— Он уходит в двадцать семь минут седьмого. В Ливерпуле вам надо будет пересесть на поезд, отправляющийся в семь тридцать с Лайм-стрит до Юстона, — мягко сказала Эми. Ей всегда хотелось узнать, как выглядит мистер Куксон.

— Спасибо, мисс. — Он галантно приподнял панаму и ласково улыбнулся девушке.

Столбы разбирали и складывали на повозку. Лошадь издавала тихие фыркающие звуки, как будто понимала, что скоро вернется домой.

Эми отправилась на поиски мистера Клегга, чтобы поблагодарить его за чудесный день, который очень понравился всем Карранам. Почти все выиграли по призу, и даже Марион, которой обычно очень трудно было угодить, была вне себя от восторга. Она купила халат капитана и намеревалась сшить из него пальто.

Мистер КлеGG с чувством пожал Эми руку и сказал, что она была украшением ярмарки.

— Так же как и ваши красавицы сестры и еще более красивая мама, — добавил он. — Увидимся в понедельник утром, милая Эми. Будем надеяться, что эта чудесная погода продержится еще немного.

Чудесная погода продержалась, но Эми не увидела мистера Клегга в понедельник утром, потому что к этому времени станции Понд-Вуд уже не существовало. Кроме Сюзан Конвэй, которая успела стать ее близкой подругой, Эми больше никогда не видела никого из этой деревни.

Бомбы начали падать еще в июне, взрываясь в полях на окраинах города. В июле налеты участились. В августе появились первые жертвы, и начались налеты на главную цель противника — ливерпульские доки.

Эми всегда вставала с постели, когда раздавался сигнал воздушной тревоги, ужасающий, леденящий кровь звук. Она заваривала чай и, сидя в темноте, наблюдала за странным зеленым свечением в тех местах, где падали зажигательные бомбы. В это время Эми обычно ощущала безмерное одиночество, как если бы она была последним человеком на земле. Ей ужасно не доставало Барни, но у нее даже не было адреса, по которому она могла бы отправить письмо. Облегчение приносил только сигнал отбоя воздушной тревоги, который означал, что можно вернуться в

постель.

В понедельник после ярмарки в Понд-Вуд Эми пришла на вокзал на Лайм-стрит и с удивлением прочитала наспех написанное объявление о том, что поезд на Виган идет только до Киркби.

— Что это все значит? — спросила она у ревизора Пэдди Фахи. Пэдди был еще одним ветераном железной дороги, вернувшимся на работу, потому что его страна в нем нуждалась. Сегодня утром он был необычайно мрачен, а его старое худое лицо было лишено обычной приветливой улыбки.

— Ах, Эми, дорогуша, — вздохнул он. — Тебя хочет видеть Осси Эдвардс.

— Зачем? — удивилась Эми.

— Ты все узнаешь, дорогуша, как только дашь мне сказать хоть слово. В субботу вечером на станцию Понд-Вуд сбросили бомбу. Пути встали торчком, мост поврежден, оба зала ожидания превратились в кучу развалин, а в воронку можно спрятать двухэтажный автобус. Иди-ка лучше побеседуй с Осси, дорогуша. Он уже, наверное, приготовил для тебя что-то еще.

ГЛАВА 11

Май 1971 года

Маргарита

Гари Финнеган наблюдал за тем, как искусно его отец обращается с мячом, как легко и непринужденно перебрасывает его с колена на голову и обратно, с головы на колени. Роб был одет в черно-белую футбольную форму, и его движения были такими грациозными, что походили на движения танцора. На лице его сына застыло выражение благоговейного ужаса, как будто он был потрясен не меньше других детей из первого и второго классов, причем не только мальчиков, но и девочек.

Дети сидели на траве у северных ворот, а я стояла на коленях в нескольких футах позади них.

— Это действительно твой папа, Гари? — донесся до меня вопрос Мэттью Уотса. Мэттью был дюжим мальчуганом из второго класса. Он часто задибался к другим детям, из-за чего за ним приходилось постоянно наблюдать.

— Да. — Меня тронула гордость, которую Гари вложил в этот односложный ответ. — В Уганде он был капитаном футбольной команды.

— А где это, Уганда? — захотела знать одна из девочек.

— В Африке, — ответил Гари.

— Ты раньше жил в Африке? — потрясенно спросил Мэттью. — Но это же на краю света!

— Почти, — кивнул Гари.

— Твой папа просто класс! — восхищенно произнес другой мальчик.

К нам подошла Кэти Бернс. Она была одета в темно-синий костюм, который я видела бесчисленное количество раз, но сегодня он почему-то выглядел по-другому. Мне потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, что в волосах Кэти больше не было седины, вероятно, она ее закрасила. Благодаря этому мисс Бернс выглядела моложе.

— Он настоящий профессионал, — сказала она. — Это была чудесная идея, Маргарита. Ты молодец, что пригласила мистера Финнегана. Как ты думаешь, он согласится прийти еще раз, чтобы выступить перед детьми

постарше?

— Я уверена, что он придет с удовольствием. — Я была убеждена, что Роб сделает все, чтобы помочь Гари освоиться в школе. Сейчас он собрал детей вокруг себя и осторожно подавал мяч каждому из них по очереди. Они были настолько поглощены этим занятием, что не замечали ничего вокруг.

— Мистер Финнеган необычайно приятный молодой человек, — сказала Кэти. — Мне очень жаль, что его жена утонула. Где, ты говоришь, его встретила?

— В «Оуэн-Оуэнсе». Он покупал для Гари одежду, только все не то, что нужно. Я посоветовала ему все это вернуть и купить то, что необходимо. — Оглядываясь назад, я подумала, как это трогательно — то, что он принял на себя обязанности своей покойной жены. Интересно, быть может, вид вдовы, покупающей запчасти для автомобиля, так же трогателен?

— Когда мистер Финнеган закончит, быть может, он согласится выпить чашку чая в моем кабинете? Ты тоже приходи, Маргарита. Сэйра может присмотреть за твоим классом.

— Я приду.

— Хорошо. — Кэти многозначительно улыбнулась. — Это у вас серьезно?

— Между нами *ничего* нет, — ахнула я. — Нас даже друзьями назвать нельзя. — Это было не совсем правдой.

— Как жаль! — Она подмигнула, и на ее лице появилось выражение, которое можно было определить только как похотливое. — Если бы я была лет на двадцать моложе или он был на двадцать лет старше, я была бы на седьмом небе от счастья, если бы между нами что-нибудь было.

Я вспомнила, как кто-то однажды сказал (это мог быть только Чарльз или Марион, или же дядя Хэрри), что во время войны у Кэти Бернс была репутация настоящей кокетки. «Она была настоящей кокеткой», — так и сказал этот человек. Теперь я вспомнила, что это слова бабушки Карран. Это сказала она, но сказала по-доброму, в шутку. Она очень любила Кэти.

Если задуматься, размышляла я, очень жаль, что веселая и кокетливая Кэти Бернс превратилась в здравомыслящую и респектабельную мисс Бернс, директрису школы Сент-Кентигернз. Была ли первая Кэти счастливее, чем вторая? Или все как раз наоборот?

Роб сказал, что с удовольствием придет еще раз. Мы сидели в кабинете Кэти Бернс, и он уже успел переодеться в джинсы и белую футболку. Более

того, он придет еще дважды, чтобы выступить перед старшеклассниками.

— Я работаю по ночам, поэтому мне удобнее всего приходиться рано утром, и у меня еще останется несколько часов, чтобы поспать.

Мы договорились, что Роб придет в школу два понедельника подряд, в половине десятого. Он сказал, что если пойдет дождь, это не страшно, потому что ему все равно, где выступать — на стадионе или в спортзале.

— Это было бы просто чудесно, — сказала Кэти, наливая чай. — У нас нет преподавателя физкультуры, и каждый просто делает, что может. У нас один-единственный учитель-мужчина, но спорт его интересует еще меньше, чем женщин. Так приятно хоть иногда иметь дело с профессионалом.

— Я рад, что мне удалось вам помочь, — вежливо ответил Роб, одновременно подчеркнув, что он себя специалистом не считает.

Я взяла свою чашку и стала изучать его сквозь опущенные ресницы, пытаюсь понять, что я к нему чувствую. Это была наша пятая встреча. Пора составить о нем какое-то мнение. Мне казалось, что я знаю Роба уже очень давно и очень хорошо, что это человек, на которого я могу положиться. Он мне нравился. Я ему доверяла. С ним было легко и просто. Даже во время нашей прошлой встречи, когда Роб очень разозлился, потому что кто-то обидел Гари в школе, каким-то образом я знала, что мы не поссоримся, и мы не поссорились. Было похоже на то, что мы медленно сближаемся и однажды обнаружим, что очень хорошо знаем друг друга. И я понятия не имела, что произойдет после того, как мы это обнаружим.

Роб беседовал с Кэти о футболе.

— Мой папа, — говорила она, — болел за «Эвертон» и боготворил землю под ногами Дикси Дина. Он крестился каждый раз, когда кто-нибудь произносил это имя. Я не преувеличиваю.

— Дикси Дин, — голос Роба звучал благоговейно, — в один сезон забил больше голов, чем какой-либо другой футболист. Шестьдесят. К этой цифре никто и близко не подобрался, ни до, ни после^[15]. Но сейчас блестяще играет Алан Болл^[16]. Он, пожалуй, лучший игрок «Эвертона» после Дикси.

Они поболтали о чемпионате мира, который Англия выиграла пятью годами раньше. Мне нечего было сказать об этом. Я выросла в семье, в которой почти никогда не говорили о спорте. Чарльз не только не занимался спортом, но не был даже болельщиком. В придачу к своему бадминтону Марион две недели в году смотрела теннисный турнир в Уимблдоне. Вот, пожалуй, и все. Тетя рассказывала мне, что, когда они

только переехали в Эйнтри, они смотрели «Гранд нэшнл»^[17] из окна второго этажа, но только потому, что это было бесплатно и они могли похвастаться этим на работе. Я вспомнила, как однажды встретила с Триш в день финала чемпионата мира. Англия играла с Германией, и центр Ливерпуля вымер.

Допив чай и исчерпав футбольную тему, Кэти попросила меня проводить Роба до машины. Я ожидала, что он ответит, что в этом нет необходимости, но он промолчал. Следует ли мне считать это знаком внимания? — подумала я.

— Мне кажется, все прошло очень хорошо, — сказал Роб, когда мы вышли из кабинета директрисы.

— Конечно. Я уверена, это очень поможет Гари, — заверила я его.

— Правда? — поднял брови Роб.

— С ним захотят дружить очень многие, потому что вы его папа.

Мы подошли к его машине. Это был выдавший виды «моррис минор». Роб открыл дверцу (она громко закрипела) и облокотился на крышу.

— Помните, когда вы пришли к нам на прошлой неделе, у вас на лице было такое горе, что я спросил, что стряслось? Вы мне не ответили, потому что Гари проснулся, а потом вам пора было возвращаться в школу. Но почему бы нам не пообедать вместе в субботу, если я смогу уговорить Бесс посидеть с Гари? Для разнообразия мы сможем поговорить о вас, а не о нас с Гари и о наших проблемах.

— У вас больше проблем, чем у меня, — ответила я. — Все мои проблемы в прошлом.

Тут я подумала о своей матери, которая в любую минуту может вернуться домой после двадцати лет, проведенных в тюрьме за убийство моего отца, и решила, что в настоящем у меня, пожалуй, тоже есть кое-какие проблемы.

— У меня все хорошо, — несколько запоздало заявила я, хотя ни мое прошлое, ни мое настоящее, ни, вероятнее всего, будущее не соответствовали этому утверждению.

— Тогда встречаемся в субботу? Если Бесс меня не выручит, я постараюсь придумать что-нибудь еще, но в этом случае нам придется взять с собой Гари, — извиняющимся тоном добавил Роб.

— Меня устроят оба варианта.

Когда я вернулась, Кэти ожидала меня у задней двери.

— Ты обратила внимание на мои волосы? — спросила она. А я-то думала, она хотела что-то сказать о Робе.

— Конечно обратила. Вы их подкрасили. Седины больше нет.

— Это заметно? До сих пор никто не сказал ни слова. — С оскорбленным видом она провела рукой по волосам, пропуская пряди между пальцами.

— Вероятнее всего, и не скажут. Вы же директор, верно? Никто не станет делать замечаний личного характера о вашей внешности. — Я надеялась, что *это* замечание не является чересчур личным, но, в конце концов, я знаю Кэти всю свою жизнь. — Ваши волосы выглядят замечательно. — Они и в самом деле были очень красивые — гладкие, с каштановым оттенком и очень шелковистые.

— Спасибо. Я подумываю о перманенте. — Она опять взбила прическу руками. — Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Нет. Я никогда не делала перманент, и Марион тоже.

Кэти усмехнулась.

— Когда война закончилась и я вернулась домой, твоя мама сделала мне домашний перманент. Потом ей пришлось это все состричь. Мои волосы торчали, а не вились, и выглядели просто ужасно. — Она открыла дверь, приглашая меня войти в здание. — Когда мы были совсем юными, — продолжала щебетать Кэти, пока мы шли по коридору, — мы с Эми страшно любили экспериментировать с макияжем. Нас регулярно выгоняли из «Вулворта» за то, что мы красили губы помадой. Это было еще до того, как я пришла туда на работу. Помню, когда мы учились в школе, как-то раз попытались накрасить ресницы черными чернилами. До сих пор не понимаю, как мы не ослепли. — Кэти опять усмехнулась, но тут же вздохнула. — Ах, Маргарита, мне бы так хотелось вернуть то время. Не только время, проведенное с твоей мамой, но и военные годы тоже. Мне кажется, лишь тогда я жила по-настоящему.

Другой человек на моем месте, кто-нибудь более зрелый, подал бы подходящую реплику и пожал бы ей руку. Я же предприняла отчаянную попытку придумать ответ, но смогла выдать лишь жалкое «Бог ты мой!»

Чарльз и Марион начали ссориться. За двадцать прожитых с ними лет я ни разу не слышала ни одной серьезной ссоры. Марион обычно являлась инициатором мелких размолвок из-за каких-нибудь пустяков вроде того, что Чарльз забыл вовремя вернуть книги в библиотеку, чем навлек на себя штраф, или плохо закрутил водопроводный кран, или не вытер чайную лужу на кухонном столе.

Но в последнее время раздраженной стороной все чаще становился Чарльз.

— Что я такого *сделала*? — то и дело причитала Марион.

Честно говоря, это все было как-то по-детски и напоминало мне ссоры детей в школе. Может быть, я не всегда бывала справедлива, когда думала, что так Марион и надо и пусть она попробует, каково это, когда тобой все время недовольны.

Я подслушивала без зазрения совести. Я начала этим заниматься, когда была еще совсем маленькой. Мы тогда жили в небольшом домике у Сефтон-парка, и мои родители беспрестанно ссорились. Несмотря на закрытую дверь, до меня доносилось каждое слово, сказанное моим отцом, когда он обвинял мою мать в том, что, пока он отсутствовал, она переспала практически со всеми мужчинами Ливерпуля. Тогда я не понимала, что плохого в том, чтобы поспать с другим человеком, даже если это мужчина.

— Ты, *шлюха*! — кричал он. — Грязная, паскудная шлюха!

— Барни, — устало отвечала моя мать, — дорогой...

— Никакой я тебе не дорогой, *шлюха*!

Иногда скандалы заканчивались тем, что мой отец начинал рыдать, а мать его утешала.

— Скажи мне, что с тобой, любимый, пожалуйста. Может быть, я смогу тебе помочь.

— Не сможешь, не сможешь, — всхлипывал папа. — Никто не сможет мне помочь.

Бывали вечера, когда я засыпала под отчаянные выкрики отца и мягкие увещевания матери. На следующее утро я никогда не могла сказать с уверенностью: слова, которые я слышала накануне, прозвучали на самом деле или же они мне всего лишь приснились.

Как бы то ни было, я так привыкла слушать взрослые разговоры, что не отказалась от своей привычки и после того, как стала жить с Чарльзом и Марион, в основном потому, что поначалу почти все разговоры были обо мне. Следует ли Марион сократить свое рабочее время в «Инглиш электрик» или лучше договориться с кем-то из соседей, чтобы они забирали меня из школы? Может быть, это будет делать бабушка Карран? «Конечно, — заявил Чарльз. — Она обожает Маргариту». Как им следует поступить с бабушкой Паттерсон? «Эми желает, чтобы эта женщина не приближалась к ее дочери на пушечный выстрел», — говорил Чарльз. Они много раз обсуждали одно и то же. Помню, я никак не могла понять, почему моя мать уехала, если ее так волнует мое благополучие.

Этот скандал произошел двадцатью годами позже, когда Чарльз и Марион сидели в своей гостиной, а я в соседней комнате готовилась к урокам.

— Но что я такого сделала? — в шестой или седьмой раз прошептала Марион.

— Ты ничего не сделала, — ответил Чарльз. Я представила себе, как он безразлично пожимает плечами.

— Тогда почему ты со мной так... *холоден*?

— Я не заметил, что холоден.

— Нет, холоден, и это нечестно, Чарльз. Ты не имеешь права так себя вести и отказываться сообщить мне причину.

— Это потому, что нет никакой причины.

— Перестань изображать из себя дурака! Я пошла спать.

— Спокойной ночи, — равнодушно ответил Чарльз.

— Спокойной ночи! — Марион хлопнула дверью.

В субботу вечером я рассказала Робу об этой затянувшейся ссоре. Мы пошли в китайский ресторан на Болд-стрит, где я как-то раз была с дядей Хэрри. Меню и вино с тех пор не стали хуже, атмосфера тоже была очень приятной. Я, как обычно, заказала креветок под соусом карри и рис. Роб проявил больше изобретательности и выбрал минипорции шести разных блюд.

Мы поболтали о школе. Его очень занимала Кэти Бернс.

— Она выглядит, как типичная директриса, но у нее такой взгляд... — он не закончил предложение. Я не стала говорить ему, что он в свою очередь заинтересовал Кэти.

Я сказала, что, начиная с понедельника, Гари греется в лучах славы своего отца, столь непревзойденно владеющего мячом.

— Его пригласили на две вечеринки. Он вам об этом рассказал?

— Да. — Роб озабоченно нахмурился. — Что от меня ожидается? Понятное дело, подарки. Но как насчет тортов и всего остального? — Он изобразил испуг. — Мне ведь не придется оставаться там и помогать организовывать игры?

Я заверила его, что подарка будет вполне достаточно и что ему незачем оставаться. Я спросила, когда у Гари день рождения, и Роб ответил, что в январе ему исполнится шесть лет.

— Интересно, где мы к этому времени будем жить? — Он уставился на тарелку с таким видом, как будто на ней было начертано его будущее. — Я не уверен, что мне стоит возвращаться в полицию. Это хорошая работа, и платят прилично, но график совсем не подходит для отца-одиночки. Мне по-прежнему хочется уехать за границу, но пока нет ни одного подходящего предложения. Я все еще надеюсь на Канаду.

— Гари сказал, что вы ездили смотреть дом в Манчестере.

Он наморщил нос.

— Не знаю, чем я думал. Я прочитал объявление насчет работы, но предлагаемая зарплата никуда не годится. Пока я туда ехал, здравый смысл возобладал, и я сразу же вернулся домой. Беда в том, что я не имею ни малейшего представления, как распорядиться своей жизнью. И жизнью Гари.

Мы приступили к пудингу. Я сказала, что больше не могу есть, и Роб тоже заявил, что сыт. Он заказал кофе, и когда его подали, выжидательно посмотрел на меня. Я послушно рассказала ему историю своей жизни.

Когда я закончила, он был настолько потрясен, что некоторое время просто сидел молча и смотрел на меня. Обретя наконец дар речи, он признался, что не знает, что сказать.

— Я потрясен. Как сказала бы моя мать, сражен наповал.

— Я принесла фотографию. — Я вытащила из сумочки фото из моей папки с газетными вырезками. — Это мои родители в день свадьбы. Газеты опубликовали эту фотографию во время процесса. — Расписавшись, они сразу отправились к фотографу. На фото мои мама и папа стояли, взявшись под руку, и широко улыбались, что невероятным образом противоречило их напряженной и официальной позе.

— Ух ты! — воскликнул Роб. — Похоже, они были счастливы.

— Еще как! Моей матери было всего восемнадцать, а отцу двадцать один. Они поженились тайком, никому об этом не сказав.

— Они напоминают голливудскую пару. Теперь понятно, почему ты такая красивая. Ты как две капли воды похожа на своего отца. — От удивления Роб перешел на «ты» и даже не заметил этого. Меня это вполне устроило.

— Все так говорят, — вздохнула я. Я бы предпочла унаследовать черты матери. — У тебя есть фотография Дженни?

Он вытащил бумажник и показал мне небольшой снимок.

— Я сделал его за день до того, как она утонула. Мы были на пляже в Барселоне.

Каштановые волосы хорошенькой женщины на фотографии были перехвачены золотистой лентой. Она была одета в ярко-красную коротенькую маечку и белые шорты. В отличие от моей фотографии, эта была цветной. Дженни стояла на коленях на песке, а двухлетний Гари прислонился к ней спиной. Я вспомнила, как Гари сказал, что у его мамы были зеленые глаза, но на фотографии это было незаметно. Молодая женщина беззаботно улыбалась прямо в камеру, которую, судя по всему,

держал Роб, ее муж.

— Она тоже выглядит счастливой.

— Если бы мы знали, что ждет нас впереди, наша жизнь превратилась бы в ад. К счастью, Дженни не догадывалась, что ей осталось жить меньше суток.

Мои родители тоже не знали, что настанет день, когда один из них убьет другого.

Вечер, проведенный с Робом, трудно было назвать приятным, но он не был и неприятным. Правильнее всего было бы назвать его «очистительным». Я впервые рассказала другому человеческому существу о трагедии моих родителей и от этого почувствовала себя лучше. К тому же Роб оказался очень отзывчивым человеком, и это тоже способствовало моему очищению.

Мы приехали в Ливерпуль на машинах и договорились оставить их на автостоянке у Сент-Джон-маркета, хоть и на разных этажах. Теперь Роб проводил меня к моей машине. Когда мы подошли к ней, он пожал мне руку и сказал, что очень хорошо провел время. Пока я размышляла, радоваться мне или огорчаться, что он меня не поцеловал, он привлек меня к себе и чмокнул в щеку. Я по-прежнему не могла понять, что же я чувствую. Может быть, так никогда и не пойму?

Роб сообщил, что на следующий день собирается с Гари в Саутпорт, и спросил, не хочу ли я к ним присоединиться.

— Скорее всего, ты не захочешь, — поспешно добавил он. — В конце концов, ты возишься с чужими детьми всю неделю, и на выходные тебе наверняка хочется от них отдохнуть.

— Мне очень нравится Гари, — возразила я, — и я с удовольствием проведу с вами воскресенье.

— Отлично, — обрадовался Роб. — Так я заеду за тобой в час? Я планировал поехать раньше, но пообещал после работы помочь Бесс в саду.

— Надеюсь, вы не собираетесь подстригать деревья или что-нибудь в этом роде? — быстро спросила я. — У вас самый замечательный сад из всех, которые я видела.

— Да, но он весь зарос сорняками. Соседи жалуются, что они уже лезут к ним.

— Ну, тогда все в порядке. Вот мой адрес. — В моей сумочке лежало письмо от Триш, в котором она писала, что ненавидит Лондон и мечтает вернуться в Ливерпуль. Я протянула Робу конверт.

— До завтра, — сказал он.

Мне тоже было чем заняться после службы. Хильда Доули уже почти купила квартиру. Все складывалось как нельзя удачнее. Квартира принадлежала одной старушке, миссис Эдмундс, которая уже переехала к дочери. Хильде нечего было продавать, а ипотеку ей предложили еще раньше, поэтому заключению сделки ничто не мешало.

Миссис Эдмундс уже передала ей ключ, и Хильда пригласила меня взглянуть на квартиру.

— Хозяйка пообещала, что отдаст мне любую мебель, которая мне понравится, — хвасталась она, — поэтому я сказала, что оставлю себе все. Эта мебель подходит сюда гораздо лучше, чем любое современное барахло. Меня устраивает абсолютно все.

Клиффорд Томпсон и миссис Доули были уже там. Приобретение собственной квартиры и наличие бойфренда изменили Хильду почти до неузнаваемости. В школе все удивлялись тому, как хорошо она выглядит. Каким-то образом ее редкие волосы стали казаться гуще, и даже кроличьи зубы торчали не так сильно.

Миссис Доули была одета в облегающее черное платье и черные кружевные колготки, отчего выглядела, как овца, переодетая в ягненка.

Меня изумило то, какими гармоничными были отношения Хильды и Клиффорда. Я не сомневалась в том, что они уже спят вместе. Между ними чувствовалась настоящая близость, они постоянно касались друг друга и обменивались быстрыми ласковыми взглядами. Можно было подумать, что они знакомы уже давным-давно.

Квартира была очаровательной. Она была оформлена в викторианском стиле. Мне очень понравился изысканный, выложенный плиткой камин, неправильной формы гостиная, старинная ванная комната со сводчатым потолком. Как правило, я не любила старинную мебель. Чаще всего она очень большая и громоздкая. Но в квартиру на верхнем этаже старого дома вела узкая лестница, и там были низкие потолки. Поэтому и мебель была соответствующая. Единственное слово, которое пришло мне на ум, — это «изящная». Крохотная кухня нуждалась в капитальном ремонте, но Хильда решила оставить все, как есть, пока не подкопит денег.

Она явно наслаждалась своей новой ролью хозяйки и в скором будущем владелицы жилплощади в одном из лучших районов Ливерпуля. Из окна гостиной были видны блики на реке Мерси, протекающей меньше чем в миле от дома.

Вскоре я поняла, зачем Хильда пригласила свою мать. Она мстила ей за все те годы, в течение которых та заставляла ее чувствовать себя

маленькой и незначительной. Теперь Хильда взяла верх. Это у *нее* был симпатичный бойфренд и чудесное жилище. Я бы ничуть не удивилась, если бы Хильда и Клиффорд вдруг объявили, что собираются пожениться. Я не могла не посочувствовать миссис Доули. Она была такой жалкой в своем сексуальном наряде и за все время не проронила ни слова.

Вернувшись домой, я сказала Чарльзу и Марион, что за мной заедут знакомые, с которыми я поеду в Саутпорт.

— Это папа одного из моих учеников с сынишкой, — пояснила я.

— А как насчет жены этого папы? — приподнял бровь Чарльз.

— Она умерла.

— Сколько ему лет? Мне кажется, он староват.

— Ему двадцать восемь, — ответила я, — он всего на три года старше меня.

— Он тебе нравится?

— А ты думаешь, я поехала бы с ним в Саутпорт, если бы он мне не нравился?

— Думаю, нет, — вынужден был признать Чарльз. — Можно, я буду что-нибудь делать на улице, когда он приедет? Ну, например, подстригать кусты? Тогда я смогу хорошенько его разглядеть.

— Как хочешь.

Итак, когда Роб подъехал к нашему дому, Чарльз подстригал живую изгородь, которой за долгие годы придал идеальную форму. Я часто видела, как люди восхищаются живой изгородью Чарльза, и мне казалось, что некоторые из них проделывают достаточно долгий путь, чтобы получить эту возможность. Вероятно, эта изгородь уже стала достопримечательностью.

Окно в машине Роба было опущено, и Чарльз, наклонившись, пожелал ему доброго утра.

— Привет, — ответил Роб.

Я открыла дверцу. Она издала еще более громкий скрип, чем дверца со стороны водителя, и я увидела, что она висит на одной петле. Не знаю почему, но я хихикнула. У всех остальных моих знакомых были вполне респектабельные машины.

Мы провели вместе замечательный день: играли в футбол на берегу, прокатились на некоторых из наиболее спокойных аттракционов, много гуляли по пирсу. Именно здесь познакомились мои родители, и мне вдруг очень захотелось узнать точное место их встречи. Сидела ли моя мать на скамье или облокотилась на перила и смотрела на море? Я представила

себе ее и Кэти. Они шли рядом, и у каждой в руках было мороженое.

Мы попили чаю на Лорд-стрит, а потом пошли в кино на Вуди Аллена в «Бананах». Гари не понял ни слова, но смеялся до упаду. Мы с Робом не отставали. Выйдя из кинотеатра, мы решили пообедать. Ввиду затруднительного финансового положения Роба я настояла на том, чтобы заплатить за обед.

— Это неправильно, — попытался возразить Роб.

— Не смей меня, — фыркнула я. Я взяла Гари за руку и вместе с ним вошла в шикарный с виду ресторан, не оставив его отцу ничего другого, кроме как последовать за нами.

— Это смешно и старомодно, — то, что ты должен за все платить только потому, что ты мужчина, — продолжила я, когда мы расположились за столиком. — Я почти ничего не плачу за свое содержание, поэтому трачу зарплату только на себя. Разве ты никогда не слышал о феминизме?

— Слышал, конечно, но никогда не встречал ни одной феминистки, если только ты не феминистка.

Я призналась, что не знаю, феминистка я или нет.

Когда мы возвращались домой, уже стемнело. Гари заснул на заднем сиденье. Я чувствовала, как каждый раз, когда Роб переключал скорости, его рука касалась моей.

— Это был хороший день, — сказал он. Я согласилась с ним, и он продолжил: — Может быть, как-нибудь, при случае повторим? — На это я тоже согласилась, и он предложил следующую субботу. — Мы могли бы поехать в честерский зоопарк. Гари будет в восторге.

— Хорошо, — ответила я, нимало не заботясь о том, что тот факт, что я свободна две субботы подряд, свидетельствует о моей убогой личной жизни.

— Я не задену твоего самолюбия, если предложу поехать в моей машине? — поинтересовалась я.

Роб ответил, что это разорвет ему сердце, но если я не хочу, чтобы меня видели разъезжающей на груде металлолома, то мы можем поехать и в моем автомобиле.

— Ты можешь за мной заехать. Какая у тебя машина?

— «Фольксваген-жук», ярко-красный. Ему всего два года. — Я купила его в кредит. Это была идея Чарльза — взять беспроцентный заем или что-то в этом роде.

— Ух ты! — восхитился Роб.

— Я говорила тебе, что не бедствую.

— В Уганде я водил новехонький джип. А эту машину я купил за полторы сотни, чтобы перевозить свою задницу с места на место, пока не определюсь с жильем. — Он хлопнул по рулю «морриса».

Роб остановил машину у домика в Эйнтри и еще раз поцеловал меня в щеку.

— Как я уже сказал, это был замечательный день, — прошептал он.

Я зашла в дом и обнаружила, что Марион уже легла спать, а Чарльз ожидает моего возвращения, чтобы всласть пожаловаться мне на жизнь. Именно в этот день их брак распался. Возможно, навсегда. Судя по всему, во всем была виновата машина Роба.

ГЛАВА 12

1940

Барни и Эми

Барни навсегда запомнил чувство полного отчаяния, которое он испытал, глядя, как его брат с другом направились, хромая, в направлении Дюнкерка. Он вздохнул и завел двигатель своего грузовика. Можно было придумать множество причин в свое оправдание, которые позволили бы Барни развернуть машину и поехать с этими парнями. Например, что он неправильно понял приказ, или поломался грузовик, произошел несчастный случай, он потерял сознание, а когда пришел в себя, оказалось, что он находится на борту корабля, идущего в Англию, но не имеет ни малейшего представления, как он туда попал. Барни уже остался без водителя, который вышел на минутку по нужде и был ранен в плечо во время воздушного налета на их колонну. Его пришлось оставить в Дюнкерке вместе с другими ранеными, и теперь Барни предстояло уже в одиночку проделать путь в расположение своей части.

Он ничуть не удивился бы, если бы обнаружил, что теперь его часть находится совсем в другом месте, а вовсе не в Сен-Валери, куда она направлялась, когда ему было предписано отвезти с десятков тяжелораненых солдат в Дюнкерк. Местечко Сен-Валери находилось в сотне миль от нынешнего местонахождения Барни, и в его отсутствие могли поступить самые разнообразные распоряжения. Как ему следует действовать в этом случае?

Хуже всего было то, что его путешествие страшно затянулось. Дорога была забита беженцами всех возрастов, от малышей до стариков, пытающимися убраться подальше от наступающей гитлеровской армии. Барни мог только медленно ползти вперед. Он не решался пользоваться клаксоном, боясь еще больше напугать этих несчастных людей. До недавнего времени почти все они вели самое заурядное существование. Сейчас они несли самые ценные вещи в чемоданах или мешках, ведя за руку или держа на руках крохотных ребятишек. Лошади напрягались изо всех сил, таща за собой переполненные повозки. Детские коляски были

нагружены постельным бельем и одеждой.

То, как медленно он вынужден был ползти, то и дело останавливаясь и снова трогаясь, напомнило Барни день, когда они с Эми возвращались из Лондона. Тогда он проклинал заторы, осыпая их всеми известными ему ругательствами. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, с чем ему пришлось иметь дело теперь. По крайней мере, тогда он возвращался домой, а рядом с ним сидела Эми.

Барни вспомнил, как плохо ему было, когда они добрались домой. Эми уложила его в постель, поставила ему на лоб компресс и заварила чай. Лежа рядом с ним, она рассказывала ему, как сильно его любит.

Эми... Барни свернул с главной дороги на узкую проселочную, напрочь лишенную движения. Он остановил грузовик и ссутулился за рулем. Ему казалось, что он попал из относительно мирной жизни в жестокий, агрессивный мир. Здесь царили совсем другие законы, а человеческая жизнь утратила всякую ценность.

— Ф-фух! — громко выдохнул он. Из нагрудного кармана Барни извлек чернильную ручку и маленький блокнот в ярко-красной обложке. По меньшей мере четвертая часть страниц была заполнена его аккуратным мелким почерком. Это был его дневник. Когда-нибудь он отошлет его Эми.

Барни проставил дату и продолжил писать: «Доставил в Дюнкерк двенадцать раненых. Их отправят в Англию. На обратном пути встретил Хэрри и его друга, Джека. Очень грустно. Очень голоден». Он минуту грыз ручку, затем продолжил: «Очень хочется пить. Люблю тебя больше, чем весь чай Китая, моя дорогая Эми». Барни понимал, что последняя фраза кажется бессмысленной, но был уверен, что жена его поймет.

Остановив грузовик, Барни почувствовал, что у него кружится голова. Он и в самом деле был очень голоден и страшно хотел пить. Все припасы он раздал раненым. Кроме того, он не спал со вчерашнего утра.

Все, что у него оставалось, это пачка «Синиор сервис». Сигарета не избавит его ни от голода, ни от жажды, зато поможет успокоить нервы. Но в кабине грузовика было слишком жарко. Барни выбрался из нее и сел на обочине, в тени ярко-зеленой живой изгороди, покрытой белыми цветами. Цветы были очень душистыми, а тень кустов дарила прохладу. Здесь было очень тихо, и он мог бы легко забыть (или сделать вид, что забыл), где находится и что происходит в этой части света.

Барни не услышал приближения самолета. Он вынырнул из ниоткуда и с оглушительным ревом пронесся менее чем в двенадцати футах над его головой. Барни не успел двинуться с места. Раздались странные, похожие на плевки, звуки, затем крики, и самолет умчался, исполнив задуманное.

Барни в последний раз затянулся сигаретой и выбросил окурочек. Сколько бы он ни жил, никогда ему не понять немецких летчиков, способных атаковать беспомощных беженцев.

Он опять вскарабкался в кабину грузовика. Брезентовый тент был продырявлен пулями. Одна прошила мундир, оставленный на сиденье. Если бы Барни не выбрался наружу, чтобы покурить, он был бы уже мертв.

Крики не стихали. Дорога позади грузовика наверняка залита кровью. Там, несомненно, будут и раненые, и погибшие. Все это было слишком неправдоподобно. Это могло быть только частью самого страшного кошмара в его жизни. На одеревеневших ногах Барни опять выпрыгнул из кабины и поспешил на помощь.

К концу дня от нескончаемого потока беженцев остался жалкий ручеек. Барни смог набрать приличную скорость, но вскоре заметил, что у него очень мало бензина. Если бензин закончится, у Барни появится уважительная причина, чтобы бросить грузовик и пешком отправиться в Дюнкерк. Но он получил от командира приказ вернуться, и не имело никакого значения, каким образом он это сделает. Можно было ехать на грузовике или идти пешком, прыгать на одной ноге или лететь.

Барни подъехал к перекрестку, на каждом углу которого было три или четыре дома, и остановился. Это было безлюдное место, без малейших признаков жизни, но, быть может, ему удастся найти здесь воду: колодец или колонку. Во рту у Барни пересохло, как в Сахаре. За стакан холодной воды он готов был отдать полжизни.

Его усталый взгляд остановился на маленьком одноэтажном здании, и Барни усомнился, что то, что предстало его взору, реально существует. Скорее всего, это мираж, вроде тех, которые видят люди, заблудившиеся в пустыне, когда жажда порождает в их мозгу галлюцинации. На окне домика было написано слово «Бар», дверь была открыта настежь, а на засыпанном гравием дворике стояла бензиновая колонка.

Барни припарковал грузовик у колонки и выбрался наружу. Он с трудом держался на ногах, но ему все же удалось доковылять до открытой двери. Он ухмылялся, потому что сам себе напоминал Чарльза Лоутона в фильме «Горбун собора Нотр-Дам».

Оказавшись в баре, Барни смог выпрямиться, опершись на стул.

Это было убогое заведение, в котором стояло всего четыре столика, несколько разносортных стульев и скамей и деревянный прилавок, служивший барной стойкой.

— Есть тут кто-нибудь? — прокричал Барни, но ответа не последовало.

За стойкой располагались не только полки, забитые бутылками с вином. Там также был неплотно закрученный кран, издающий волшебные хлюпающие звуки. Это капли воды падали в глубокую коричневую керамическую раковину.

Барни не интересовало вино. Он открыл кран на полную мощность, схватил кружку и наполнил ее. Никогда еще он не пробовал такой вкусной воды. Барни пил кружку за кружкой, а, напившись, вышел во двор, чтобы заправить бензином бак грузовика. После этого он перегнал грузовик к задней двери здания. Он и не подумает уезжать отсюда, пока не напьется вдоволь воды и не найдет чего-нибудь поесть.

За барной стойкой Барни нашел дверь, ведущую в комнату, в которой вполне мог жить владелец бара. Там была узкая кровать, расположенная у окна, маленький столик, один-единственный стул и буфет почти на всю стену. Пол был вымощен каменными плитами, а стены представляли собой грубо оштукатуренную, но не окрашенную поверхность. Везде было на удивление чисто. Несмотря на зверский голод, Барни остановился у буфета, чтобы просмотреть полсотни книг, плотно втиснутых на его полки. Бальзак, Флобер, Верлен, пьесы Шекспира, переведенные на французский язык, весь Диккенс, опять-таки на французском, несколько русских писателей. Что за человек жил в этой тоскливой глуши, работал в баре, а в свободное время читал произведения великих писателей?

В одном из шкафчиков буфета Барни обнаружил горбушку засохшего, твердого как камень хлеба, кусок сыра, два сваренных вкрутую яйца и банку маринованного лука. Он сел на кровать и все это съел, дважды засыпая с полным ртом.

Покончив с едой, Барни прилег. Жажду он утолил, желудок угомонил. Все, что ему теперь было нужно, это немного вздремнуть. По двадцать минут на каждый глаз, как сказала бы Эми. А потом он продолжит свое путешествие.

Его разбудил шум, доносящийся из бара, что было неудивительно, потому что это был настоящий гвалт. Там пели, кричали, топали ногами, звенели бутылками.

Говорили по-немецки.

Барни все это слышал, но продолжал лежать с крепко закрытыми глазами. Его сердце бешено колотилось, пока он пытался припомнить расположение комнат. Где находится задняя дверь? Сможет ли он уйти прежде, чем его обнаружат? Он мог бы где-нибудь спрятаться, пока солдаты (а Барни не сомневался в том, что это были солдаты) не уйдут. Он

надеялся, что они не заметили грузовик.

Он медленно и осторожно приоткрыл глаза и увидел немецкого солдата, стоящего в дверном проеме. Прямо на Барни смотрело дуло винтовки. Он полностью открыл глаза, поднял руки над головой в знак того, что он сдается, и медленно опустил на пол ноги. Так же медленно, стараясь не испугать солдата каким-нибудь резким движением и не спровоцировать его на выстрел, Барни поднялся с кровати. Ни он, ни солдат, которому на вид было не больше восемнадцати лет, не произнесли ни слова, хотя Барни казалось, что его сердце грохочет на весь дом. Юноша дернул винтовкой, указывая в сторону бара.

Барни послушно кивнул и зашаркал к двери, не отводя глаз от винтовки, как будто это могло предотвратить выстрел.

Солдат ткнул его дулом в ребра, и они вошли в бар, где около десятка вражеских солдат, запрокинув головы, пили вино прямо из бутылок. Они сняли каски и шинели и побросали винтовки в кучу у порога. Пустые бутылки стояли на стойке и валялись на полу. Должно быть, немцы были здесь уже давно, но Барни слишком крепко спал и ничего не слышал.

Захвативший его что-то крикнул, остальные солдаты перестали пить, увидели Барни и засмеялись. Один из них подошел к нему, схватил за шиворот и швырнул на пол, лицом вниз. Когда Барни попытался подняться, на его голову грубо водрузили ногу. Он лежал и думал об Эми во время их первой встречи, о смеющейся Эми, о плачущей Эми, о том, как он ее обнимал, как они занимались любовью... Все это время Барни ожидал, что пуля или штык войдет в его тело и он превратится в воспоминание для своей жены, семьи и всех, кто его когда-либо знал.

Но вместо пули или штыка он почувствовал, как на него льется теплая жидкость, пропитывая одежду на его руках, ногах, спине, всех частях его тела. Ногу убрали, и жидкость полилась на голову.

Они мочились на него! От запаха мочи Барни чуть не стошнило. Солдаты мочились и хохотали. Один из них (лицо он не видел) пнул его по ноге, другой пинок угодил в бедро, и Барни уже успел подумать, что ему суждено быть забитым насмерть. Но тут раздался резкий голос. Барни не знал немецкого, но по тону было понятно, что прозвучал какой-то приказ. Солдаты перестали мочиться и пинать его и вытянулись по струнке. При этом их сапоги так загрохотали по каменным плитам пола, что у Барни зазвенело в ушах.

Прошло несколько секунд. Барни не поднимал головы. Он услышал звук приближающихся шагов, которые затем остановились у его уха.

— Встаньте, — мягко произнес чей-то голос.

Барни встал. С его волос капала моча. Он попытался вытереть ее рукавом, но его рубашка была пропитана насквозь. Обратившийся к нему человек оказался привлекательным мужчиной лет сорока, в сером офицерском мундире и до блеска начищенных черных сапогах. Он снял фуражку и сунул ее под мышку, обнаружив кукурузного цвета волосы. Его глаза были пронзительно голубыми, а губы такими тонкими, что их почти не было видно.

— Ваше имя и номер? — вежливо поинтересовался он. После того как Барни сообщил ему эту информацию, его спросили, куда он направлялся.

— Я не обязан вам этого сообщать, — промямлил он. По Женевской конвенции военнопленный мог не сообщать ничего, кроме имени и номера.

Офицер улыбнулся.

— Если вы направлялись в Сен-Валери, вы напрасно тратили силы, лейтенант Паттерсон. Сегодня немецкая армия взяла в плен восемь тысяч британских солдат, включая генерала и остальных офицеров, а также втрое большее количество французов. — На своем родном языке он отдал еще один резкий приказ, и солдаты расхватили свои каски, шинели и винтовки и, толкаясь, выбежали из бара.

— Оскар, — позвал офицер, и в помещение быстрым шагом вошел мужчина средних лет в очках в тонкой оправе. Он отдал честь офицеру и ничего не выражающими глазами посмотрел на Барни.

Офицер что-то ему сказал, Оскар кивнул, еще раз вскинул руку, пролаял «Ja, Mein Herr!» ^[18] и вышел. Теперь кроме Барни и немецкого офицера в баре не было ни души.

— Меня зовут Фредерик Толлер, — представился немец. — Я полковник седьмой бронетанковой дивизии победоносной немецкой армии. Вас, наверное, удивляет мой хороший английский. В двадцатые годы я изучал древнегреческий язык в Кембриджском университете. Когда началась война, я был профессором истории в Лейпцигском университете. Я оставил кафедру, чтобы сражаться за свою страну. А вы учились в университете, лейтенант?

— Я изучал классическую литературу в Оксфорде. — Барни не видел вреда в обнародовании столь незначительного факта.

— Я так и думал. Это всегда заметно. Люди с хорошим образованием держатся иначе, чем другие. — Толлер подошел к бару, взял бутылку и поднес ее к свету, чтобы посмотреть, сколько в ней осталось вина. Очевидно, осмотр его удовлетворил, потому что он сполоснул под краном одну из кружек и до половины наполнил ее.

— Хотите вина, лейтенант? — спросил Толлер.

— Нет, спасибо, — покачал головой Барни. — Но мне бы хотелось переодеться. Совершенно очевидно, что ваши люди понятия не имеют, как следует обращаться с военнопленными. — Он произнес это с уверенностью, которой не ощущал. Ему просто показалось, что пора восстановить свое поправное достоинство перед старшим по званию.

— Приношу извинения за моих людей, — ответил полковник Толлер. Казалось, он искренне огорчен. — Им объяснят, как вести себя в будущем. Я не забыл о вашей одежде. Так вышло, что я направляюсь в Руан, и у меня в машине чемодан. Оскар скоро принесет чистую одежду и распорядится, чтобы ваши вещи постирали.

В этот момент вошел Оскар и положил принесенную одежду на стул. Это оказались белые брюки, белая рубашка и смена белья. Он поставил на пол белые теннисные туфли и вышел, не говоря ни слова.

Барни снял рубашку и майку, положил их в раковину и открыл кран. Красный блокнот был безнадежно испорчен. Барни подержал его между указательным и большим пальцами и бросил на пол. В нем не было военных секретов. В любом случае, чернила наверняка расплылись и прочитать что-либо теперь уже невозможно. Барни вымыл под краном волосы и руками обмыл верхнюю часть тела. Внутри барной стойки на крючках висели три тряпки, вероятно, служившие посудными полотенцами. Он взял одну из них и, как мог, вытерся, а затем поставил стул с чистой одеждой поближе к крану.

Полковник Толлер вышел в заднюю комнату, предоставив возможность пленному снять брюки и вымыть ноги, по очереди ставя их в раковину. Больше всего на свете Барни сейчас хотелось бы встать под обжигающе горячий душ и хорошенько мыться карболовым мылом до тех пор, пока он не обрел бы уверенность, что все следы мочи уничтожены.

— Тот, кто здесь жил, очень любил читать, — крикнул из соседней комнаты полковник. — Что вы думаете о Толстом, лейтенант Паттерсон?

— Его книги слишком длинные, — крикнул в ответ Барни. — По крайней мере, я так думал, когда мне было семнадцать лет. Возможно, сейчас я был бы терпеливее.

— Вы очень честный молодой человек. Сколько вам лет?

— Двадцать два, — ответил Барни. Это был еще один факт, не представляющий особого интереса для разведки противника, а полковник ему уже много о себе рассказал.

— Вы женаты?

— Да.

— Дети?

— Нет. Пока нет.

— У меня пятеро. Три мальчика и две девочки. Моя жена англичанка. Ее зовут Хелена, она из Брайтона. Вы уже оделись, лейтенант? Можно мне войти?

— Оделся, — ответил Барни. Брюки были слишком широки в поясе, теннисные туфли жали, но рубашка и белье пришлись впору. Барни чувствовал себя намного лучше, хотя все еще слышал запах мочи.

Полковник вернулся, держа в руке зажженную сигарету. В другой руке у него был серебряный портсигар, который Толлер и протянул Барни. Тот с благодарностью взял сигарету.

— Спасибо, — пробормотал он, прикуривая от серебряной зажигалки немца.

— Оставьте свою грязную одежду, Оскар ее заберет, — сказал полковник. — А теперь, лейтенант Паттерсон, мы с вами на штабной машине отправимся в Руан. Мы будем вести цивилизованную беседу о... скажем, литературе? — Он вопросительно поднял свои тонкие брови. — Надеюсь, порядочность не позволит вам пытаться бежать. Двери с вашей стороны будут заперты, на тот случай, если вы окажетесь не таким порядочным, каким выглядите. На вашем месте я бы повел себя вопиюще непорядочно. Я узнаю, где находятся ваши соотечественники, плененные сегодня утром, и договорюсь, чтобы вас отправили к ним. Но это произойдет не ранее, чем вашу одежду выстирают и высушат, а вы сами со мной отобедаете. — Он поклонился и жестом пригласил Барни выйти из бара. — После вас, лейтенант. Думаю, в другое время мы могли бы стать добрыми друзьями. Но сейчас времена не те, и с этой минуты вы официально являетесь военнопленным.

В военное время поменять работу по собственной инициативе разрешалось, только если новая работа была не менее важна для обороны страны. Эми не хотела оставаться на железной дороге. Она не могла придумать ни одной должности, сопоставимой с должностью начальника станции в Понд-Вуд. Ветка опять функционировала, но Эми объяснили, что в обозримом будущем станция не откроется. Эми не хотела продавать билеты, отвечать на телефонные звонки или работать в справочном бюро. Она не обладала достаточными габаритами и силой, чтобы работать носильщиком. Да она и не стала бы этого делать, даже если бы была шести футов росту и сильной, как Самсон.

— Я хочу уйти с железной дороги и заняться чем-нибудь

принципиально новым, — поделилась она с Лео, который немедленно предложил ей место на своей фабрике в Скелмерсдейле.

— Это будет руководящая должность, — пообещал он.

— Вакансия уже существует или ее еще предстоит открыть? — Эми знала, что он не захочет, чтобы невестка выполняла низкооплачиваемую работу. Лео был не в восторге от ее работы в Понд-Вуд, но тогда Эми не позволила себя отговорить. Если бы она не проявляла осмотрительность, Лео мог бы взять под контроль всю ее жизнь. Он даже имел смелость возмущаться, если ее не было дома, когда он неожиданно звонил или заезжал. Эми прямо заявила ему, что не собирается быть у него на побегушках: «Я буду ходить куда и когда захочу, Лео».

Она отказалась от работы в Скелмерсдейле, не желая от него хоть как-то зависеть. Он тут же предложил ей другую идею. Один из его друзей собирался открыть в одном из подвалов на Уотер-стрит клуб для военнослужащих и ищет администратора.

— Я ему о тебе рассказал, и он очень заинтересовался. Каждый вечер тебе придется наряжаться. Еще есть время закупить красивых вечерних платьев, пока не ввели карточки на одежду. — В его темных глазах плясал бесовский огонек. Лео знал, что ей трудно будет отказаться от такого предложения.

Это было настоящим искушением. Эми могла только мечтать о такой работе. Больше всего на свете она любила покупать одежду. Она уже хотела принять предложение, когда Лео проговорился, что клуб будет только для офицеров, а нижним чинам вход в него будет закрыт.

— Это означает, что в него не пустят Хэрри, вашего собственного сына! — возмутилась Эми и заявила, что и близко не подойдет к этому клубу. — Рядовые и капралы на войне так же важны, как и офицеры.

— А я и не знал, что ты пролетарий, Эми.

Она понятия не имела, что означает это слово, и окинула свекра подозрительным взглядом.

— Теперь будете знать, — решительно заявила девушка, надеясь, что не выглядит при этом полной дурой.

В конце концов она устроилась на работу в столовой компании «Малхолланд», выпускающей автомобили. Объявление Эми увидела в местной газете. Теперь все производимые компанией автомобили предназначались для армии. Эми уже работала в столовой, поэтому у нее был необходимый опыт. На завод, находившийся в Спике, рабочих доставляли автобусы. Один из автобусов останавливался на Шейл-роуд, расположенной в пяти минутах ходьбы от квартиры Эми. Ей предстояло

работать посменно, одну неделю с шести часов утра до двух часов дня, а следующую — с двух часов дня до десяти часов вечера. В утреннюю смену суббота была рабочим днем, а в вечернюю выходным.

Лео сказал, что эта работа не для нее. Эми поинтересовалась, что в ней такого особенного.

— Я всего лишь обычная девушка, такая же, как и все остальные.

— Нет, Эми, — очень серьезно и без своей обычной усмешки возразил он, — ты особенная.

Эти слова ее встревожили. Она отчаянно пыталась не верить в невозможное, но теперь ей стало ясно, что Лео Паттерсон ею увлекся. Хуже всего было то, что ее это не шокировало. Более того, Эми это даже польстило. Он, несомненно, был необыкновенно привлекательным мужчиной. Ее сестры считали его неотразимым, даже Джеки, безумно влюбленная в Питера Альтона.

Первый день Эми в «Малхолланде» пришелся на вечернюю смену, и тогда же она получила первое за много месяцев письмо от Барни.

Он находился в лагере для военнопленных в местности под названием Бавария. Письмо было коротким. Он обещал написать ей еще, как только устроится, и рассказать обо всем, что произошло с ним за последние несколько месяцев.

У Эми скопилась толстая пачка писем для пересылки ему через Красный Крест. Она писала мужу почти каждый день, только отправлять письма было некуда. Некоторые строчки в письме Барни были зачеркнуты. Лео сказал, что это сделал цензор — Эми позволила свекру прочитать почти все письмо, кроме последней страницы, где Барни писал, как любит ее и как по ней тоскует.

— Эту информацию, должно быть, посчитали секретной, — пояснил Лео.

— Какая наглость! — фыркнула Эми. — Что же это за работа такая — читать письма других людей и вычеркивать из них строчки!

— Некоторым такая работа нравится.

— Они суют нос не в свои дела. Это еще хуже, чем шпионить.

Так что в тот день на работу в «Малхолланд» явилась гораздо более счастливая Эми. Четыре ее сотрудницы, Глэдис, Эм, Тосси и Джоан, в возрасте от двадцати пяти до шестидесяти лет, были не в восторге от этой хорошенькой молодой женщины в элегантном льняном красном платье и черных кожаных туфлях на высоких каблуках. Эми выглядела так, как будто всю свою жизнь только и делала, что отдыхала.

Как позже объяснила двадцатипятилетняя Эм, они подумали, что Эми «просто богатенькая сучка, которая решила пойти поработать с чернью ради того, чтобы повыпендриваться перед своими друзьями».

— Я забыла переодеться, — призналась Эми, в первый раз войдя в столовую и сопровождая признание своим звенящим смехом, и шестидесятилетняя Глэдис грубо поинтересовалась, уверена ли она, что явилась по правильному адресу.

— Коктейль-холл наверху, — громко фыркнула она.

Эми даже не заметила грубости женщин и их презрительных взглядов. Она получила письмо от Барни, а все остальное не имело значения.

— Сегодня утром мне пришло письмо от мужа. От него уже сто лет не было вестей, — взволнованно объявила она. — Мне сказали, что он попал в плен вскоре после Дюнкерка, и все это время я ничего о нем не знала. Ой, а что это за котел? В столовой, где я раньше работала, был газовый, и приходилось все время следить, чтобы он не потух. Это было жутко опасно. Каждый раз, когда мы его включали, мы думали, что сейчас вся столовая взлетит на воздух. А это электрический?

Того, что муж Эми попал в плен, было бы достаточно, чтобы расположить к ней женщин. Но то, что она работала раньше в столовой и не пыталась доказать, что она лучше их, заставило женщин полюбить ее еще больше. В конце дня они уже были лучшими подругами.

Эми ушла домой в десять часов вечера. Каждая клеточка ее тела ныла, несмотря на то, что Джоан, которая, похоже, была у них за старшую, нашла для нее сидячую работу. Эми необходимо было раскатать несколько миль теста и вырезать из него кружочки для пирожков с вареньем. Она узнала, что муж Джоан служит в торговом флоте и что у нее огромные проблемы с пятнадцатилетней дочерью, которая встречается с мужчиной в два раза старше ее.

Эм была не замужем и ухаживала за двумя престарелыми тетусками. Тридцатилетняя вдовушка Тосси благодаря войне жила на всю катушку.

— Я и представить себе не могла, что когда-нибудь еще пойду на танцы, — поделилась она с Эми во время обеденного перерыва. — За всю свою жизнь я никогда не зарабатывала столько денег, сколько зарабатываю сейчас. Я каждую неделю делаю прическу. Если бы мой муж был жив, он бы меня точно убил. Рон терпеть не мог, когда я веселилась.

Глэдис была ворчуньей и во всем видела черную сторону. Тем не менее было совершенно очевидно, что остальные женщины к ней очень привязаны. Они то и дело подшучивали над ее мрачным лицом и плохим настроением.

Вернувшись домой, Эми забралась в ванну и лежала там, пока боль в ногах, руках и спине не сменилась онемением. Завтра она будет спать столько, сколько пожелает. А может, наоборот, встанет рано и отправится по магазинам. Ей не помешали бы туфли на низких каблуках. Интересно, существуют ли по-настоящему *элегантные* туфли на низких каблуках?

Она вскипятила молоко, приготовила себе чашку какао и перечитала письмо Барни. Допив какао, Эми забралась в постель, все еще сжимая в руках письмо. Этих листков *касались* руки Барни. Она прижала их к губам.

— Барни, — прошептала девушка, — ах, Барни.

Работа в столовой была намного тяжелее, чем в Понд-Вуд, но зато теперь у Эми было больше свободного времени. Она уже успела забыть, что значит пройтись по магазинам, сходить в кино или пообедать в ресторане. За время, проведенное ею в Понд-Вуд, вышло множество замечательных фильмов: «Мрачная победа» и «Старая дева» с Бетт Дэвис, «Ниночка» с Гретой Гарбо и самый чудесный фильм всех времен, «Унесенные ветром», с Кларком Гейблом и Вивьен Ли и целой толпой других звезд. Эми ходила на все эти фильмы с Эм, которая была помешана на кино и знала биографии всех знаменитых актеров.

— Моя подружка Кэти была влюблена в Кларка Гейбла, — сказала Эми, когда они выходили из кинотеатра. — Надо написать ей и спросить, видела ли она «Унесенные ветром». Этот фильм должен ей понравиться.

Кэти написала в ответ, что ходила на этот фильм, но к Кларку Гейблу охладела.

«Просто я была очень молодой, — писала она, как будто в девятнадцать лет стала древней, как мир. — Он бесподобен, но целлулоидным красавцам я предпочитаю мужчин из плоти и крови».

Воздушные налеты становились все более частыми. Капитан Кирби-Грин и мистер и миссис Портер, пожилая пара со второго этажа, превратили просторный подвал в бомбоубежище, в котором было бы не стыдно принимать особ королевской крови. Как по мановению волшебной палочки, там появились кресла, а также журнальный столик, приемник на батарейках, продолжавший работать, даже если отключали электричество, походная плитка для приготовления горячих напитков и книги, обеспечение которыми взял на себя капитан, рыскавший по букинистическим магазинам в поисках романов на морскую тематику. Он уже приобрел две биографии Нельсона и подробные описания морских сражений, происшедших сотни лет назад.

Каждый день Портеры спускались в подвал около восьми часов вечера, если только сигнал воздушной тревоги не раздавался раньше. Миссис Портер всегда была вооружена вязаньем, а ее супруг — кипой газет, включая периодические издания, выпускаемые «чертовыми социалистами».

— Полагаю, мне не мешает ознакомиться с точкой зрения противоположной стороны, — ворчливым тоном оправдывал мистер Портер приобретение этого «мусора левого толка».

Капитан, постоянно стремящийся к общению, ожидал щелчка замка на двери подвала, а не воздушной тревоги, и немедленно присоединился к соседям.

Клайв и Вероника Стаффорд, жившие на третьем этаже, были высокими и костлявыми. С их одинаково незапоминающихся лиц смотрели одинаковые голубые глаза. Их легко можно было принять за брата и сестру, и это сходство еще более усиливали одинаковые очки без оправы. Стаффорды почти всегда являлись в подвал, яростно споря о чем-то, в чем, по мнению Клайва, была виновата Вероника. Он забыл взять на работу носовой платок, прошлой ночью ему было слишком жарко или слишком холодно, в его ручке закончились чернила, у него порвался шнурок на туфле (Вероника должна была обратить внимание на то, что он начал перетираться).

Вероника указывала мужу на то, что туфля находилась на его, а не ее ноге, ручкой в последний раз пользовался тоже он, и как, скажите на милость, она должна была вести учет чернил в ней? Ему следовало самому заметить, что в кармане пиджака нет платка, а когда ему было слишком жарко или слишком холодно, она спала, а следовательно, ничем не могла ему помочь.

— Ты должна быть более бдительной, Ви! — Клайв не любил уступать в споре.

— Буду стараться, — отвечала Вероника, и в ее голосе звучал легкий сарказм, которого ее муж не замечал. Как только он отворачивался, она корчила за его спиной жуткую гримасу.

Миссис Стаффорд говорила Эми, что надеется, что Клайва заберут в армию.

— Он должен научиться беспокоиться о более важных вещах, чем исчезнувшие платки и порванные шнурки.

Миссис Карран и Эми работали в одну и ту же смену. Иногда Эми ехала из столовой прямо на Агейт-стрит и проводила остаток дня с мамой,

или же они вместе шли за покупками на Стрэнд-стрит в Бутле или Саутроуд в Ватерлоо.

Как-то раз в конце октября, вернувшись с работы домой, Эми впервые застала там ожидающую ее маму. Ее взял в плен капитан Кирби-Грин, и когда Эми вошла, Мойра пила в его гостиной крепкий чай и ела инжирное печенье. Капитан с большой неохотой отпустил свою гостью.

— Он, должно быть, израсходовал на меня весь свой чай, — прошептала мама, поднимаясь вслед за Эми по лестнице. — Интересно, где он раздобыл инжирное печенье, я его всегда любила больше всего.

— Ты уже, наверное, догадалась, что случилось, — сказала Мойра несколько минут спустя, поднося к губам чашку очень слабого чая, заваренного Эми. В квартире не было ни крошки печенья. Когда Эми сообразила, что не имеет ни малейшего представления, что случилось, ее мама продолжила: — Наша Джеки и Питер всего-навсего решили пожениться. Проблема в том, что он не католик, хотя готов перейти в нашу веру. Его мама и папа не возражают. Я уже встречалась с ними, это очень милые люди.

— В таком случае, в чем проблема?

— Проблема в том, что они хотят пожениться немедленно, — вздохнула мама. — Джеки всего семнадцать, и она не может выйти замуж без моего разрешения. Она не может сделать это тайком, как ты. Извини, дорогуща, но это было именно так, не правда ли? — добавила она, когда дочь открыла рот, чтобы возразить.

— Наверное, да, — вынуждена была согласиться Эми. Она дождалась, пока ей исполнилось восемнадцать, но до восемнадцатого дня рождения Джеки был еще целый год.

— Не наверное, а точно, Эми, но мы не будем сейчас об этом спорить. Что сделано, то сделано. Сейчас меня беспокоит наша Джеки. Питера уже давным-давно забрали бы в армию, если бы он не был нужен отцу на ферме. Но по его просьбе отец нашел кого-то другого, и теперь Питер может отправиться на фронт. Я не знаю, — раздраженно продолжала миссис Карран, — никто из моих детей не вступает в брак, как положено. Наш Чарли женился на очень странной женщине, у которой во всем мире нет ни одного родственника, ты вышла замуж за протестанта в одном из этих языческих учреждений, а теперь и наша Джеки собирается сделать то же самое. У Питера нет времени, чтобы стать католиком. Что, черт побери, мне делать, Эми? Разрешать ей выходить замуж или нет? — Мойра поставила чашку с блюдцем на пол и закурила. — Я дымлю как паровоз, — добавила она. — Мне следовало бы меньше курить. В прошлый раз, когда

я покупала пачку сигарет, Эрни МакХлванни отказался их продавать и мне пришлось буквально распластаться перед ним на полу. — Эрни МакХлванни держал кондитерскую и табачную лавку на углу Агейт-стрит и Марш-лейн. — Когда закончится война, я никогда больше не зайду в его чертов магазин.

— Пусть они женятся, — быстро сказала Эми. — Наша Джеки никогда тебя не простит, если они не смогут вступить в брак, а Питера убьют. — Она знала верный способ вынудить мать дать свое согласие. — Ты только представь себе, что будет, если Питер уйдет на фронт, и окажется, что Джеки беременна.

— О Господи! Иисус, Мария и Иосиф! — Ее мать перекрестилась. — Этого только не хватало. Ну ладно. Я скажу этой парочке, пусть женятся. — Она вздохнула. Эми подозревала, что мать уже давно смирилась с этим браком и знала, что старшая дочь ее поддержит.

Джеки Карран стала миссис Питер Альтон в последнюю субботу тысяча девятьсот сорокового года. Накануне Рождества, ночью, на Ливерпуль были сброшены многие тонны зажигательных и фугасных бомб. Временами казалось, что весь город охвачен огнем, языки пламени тянулись к небу, окрашивая его в зловещий кроваво-красный цвет. Были убиты сотни людей, а многие знаменитые достопримечательности Ливерпуля были уничтожены или повреждены.

После ужасов этой ночной бомбежки обитатели Агейт-стрит с большим облегчением собрались посмотреть на то, как Джеки Карран выходит из дому, чтобы отправиться на собственную свадьбу с очаровательным молодым человеком, только что поступившим на службу в королевский флот. Невеста казалась такой юной и хорошенькой в своем синем твидовом костюме и маленькой шляпке с пером. Это был отчаянный поступок — вступить в брак, а может даже завести ребенка в разгар страшной войны. Джеки выходила замуж не в церкви, как она сделала бы в мирное время. Но времена нынче были далеко не мирными, и молодежь женилась в спешке. Бог, наверное, будет не против того, что они станут мужем и женой.

Сейчас все делалось в спешке. Ложась спать, никто не мог сказать наверняка, что будет жив наутро. Выходя из дому, следовало готовиться к тому, что по возвращении на его месте может оказаться воронка и груда развалин. Никто и ни в чем не был уверен. Уверенным можно было быть только в настоящем, поэтому следовало жить сегодняшним днем. Завтра могло и не наступить, по крайней мере, для тебя.

Кэти приехала домой на следующий день после свадьбы Джеки. Она надеялась успеть вовремя, но поезда почти не ходили, и она провела ночь в зале ожидания в Престоне. Кэти пришла на Агейт-стрит в гражданской одежде, потому что мама гладила ее форму, готовя дочь к возвращению в часть. Миссис Бернс страшно гордилась своей дочерью. Кэти повысили в звании, и теперь на рукаве ее кителя красовался шеврон младшего капрала.

Миссис Карран накрыла чудесный стол из остатков вчерашнего свадебного угощения, к которым добавила банку ветчины. Дом выглядел странно без Джеки, которая вместе с Питером отправилась в медовый месяц в край озер. Бедняжка Бидди выглядела такой потерянной, что Эми пригласила ее пойти вечером с ней и Кэти в кино.

— Спасибо, сестричка, — Бидди жалобно шмыгнула носом.

До фильма еще было время, и Эми с Кэти уединились в гостиной, чтобы обменяться новостями. Они часто писали друг другу, но виделись в последний раз давно, после того, как у Эми случился выкидыш.

— Я все еще думаю об этом, — грустно призналась Эми. — Ей или ему сейчас было бы девять месяцев. Каждый раз, когда я вижу младенца, мне хочется, чтобы он был моим.

— Ты родишь другого ребенка. — Кэти ласково смотрела на Эми, и Эми подумала, как ей повезло с подругой.

— Как Джек? — вслух спросила она.

— Он в Северной Африке с Хэрри Паттерсоном.

— Ах да. Я совсем забыла, что они друзья.

— Джек утверждает, что они товарищи. Товарищи по оружию. — Кэти застенчиво улыбнулась. — Я тебе еще не говорила, но мы обручились. У меня нет кольца, но мы собираемся пожениться, как только Джек вернется домой.

— Ой, Кэти, я так за вас рада! — воскликнула Эми. — Но почему же вы не поженились, пока он был в Англии?

— Мы не понимали, как много значим друг для друга, пока он не оказался в Африке, — мечтательно произнесла Кэти. — Джек сделал предложение в письме.

— А я какое-то время думала, что ты выйдешь за Хэрри Паттерсона. Помню, ты говорила, что он приезжал к тебе перед Рождеством и что вы очень хорошо провели время.

— Так и было. — Кэти выглядела озадаченной. — Хэрри мне всегда нравился, с того самого дня, как мы познакомились в Саутпорте. И он понравился мне еще больше после того, как приехал ко мне в Китли. Затем

он прислал мне нечто вроде любовного письма, и я ему ответила, но после этого я его ни разу не видела, и писем от него тоже не было. Хотя какое это имеет значение? — радостно закончила она. — Я ведь люблю Джека, а не Хэрри.

Эми расчувствовалась.

— Вот было бы здорово, если бы мы с тобой одновременно родили малышей. — И тут же ее лицо вытянулось. — Хотя, скорее всего, ты увидишь Джека намного раньше, чем я Барни. Эта дурацкая война может тянуться еще много лет, и пока она не закончится, Барни домой не вернется.

— Кто знает, Эми. Чудеса случаются.

Эми вымученно улыбнулась.

— Можно я буду подружкой у тебя на свадьбе?

— Ты будешь почетной матроной^[19]. — Кэти ничем не выдала своей обиды из-за того, что Эми, выходя замуж за Барни, ни слова не сказала ей, своей лучшей подруге. Это осталось в прошлом, а Кэти была не из тех, кто плачет по пролитому молоку.

Хэрри Паттерсон неподвижно лежал на брезентовой кровати. Он вытянулся во весь рост поверх постели. Вся его одежда состояла из хлопчатобумажных подштанников. Невзирая на это, пот сочился изо всех пор, и Хэрри был совершенно мокрый.

Он плохо переносил жару. Хэрри не догадывался об этом, пока не прибыл в августе в Северную Африку и не столкнулся с температурой, неведомой на Британских островах. Он обнаружил, что очень чувствителен к солнцу и страшно обгорает и покрывается отвратительными волдырями, если находится на открытом месте слишком долго. К счастью, командиры отнеслись к этому с пониманием, и Хэрри было позволено большую часть времени работать под навесом. Это означало, что он перечистил огромное количество картошки и перемыл целые горы посуды. Интересно, что бы сказал его отец, если бы узнал об этом? Возмутило бы его, что его сын занят таким недостойным трудом? Хэрри не был уверен в этом. Возможно, отец и возмутился бы, если бы речь шла не о нем, а о Барни.

Хуже всего было то, что в такие ночи, когда трудно было дышать и совершенно невозможно спать, Хэрри не удавалось отделаться от мрачных мыслей. Больше всего его мучил один и тот же вопрос. Хэрри не мог понять, как так вышло, что он сказал Джеку Уилкинсону, что его не интересует Кэти Бернс.

— Она славная девушка, — сказал Хэрри, — и очень мне нравится, но

это несерьезно.

Это произошло сразу после Дюнкерка. Пока Хэрри прохладился в Эссексе, Джека отправили в Лидс лечить лодыжку. Сперва врачи думали, что Джек сломал ногу, но потом выяснили, что это просто сильное растяжение. Джек написал другу:

«Помнишь, ты говорил, что на Рождество ездил в Китли к девушке, Кэти-как-там-ее? У вас это серьезно? В субботу там опять будут танцы, но в настоящее время я могу танцевать только на одной ноге. У меня и в мыслях нет ее соблазнять, я просто помню, как ты рассказывал, что у вас нашлось множество общих тем для разговора. Было бы здорово познакомиться с девушкой, с которой я мог бы поговорить...»

«Мы с Кэти просто друзья, — написал в ответ Хэрри. — Ее фамилия Бернс, и она служит в финансовой части. Уверен, она будет рада с тобой познакомиться».

Джек больше ему не писал, и Хэрри испытал самый большой в своей жизни шок, когда его друг, вылечив ногу, вернулся в свое подразделение, теперь расквартированное здесь, в Северной Африке, с новостью о том, что, кажется, он влюблен в Кэти Бернс.

— Она удивительная девушка, — говорил Джек, радостно потирая тонкие руки. Он так сильно ударил Хэрри по плечу, что тот поморщился от боли. — Спасибо, старик. Это самая большая услуга, какую мне когда-либо оказывали. Я тебе всю жизнь теперь буду благодарен.

Лежа в палатке, в которой кроме него спали еще трое солдат, Хэрри сгибал пальцы на ногах: в придачу ко всем несчастьям его начали мучить судороги. Позади него мирно спал Джек. Несколько недель назад он в письме сделал Кэти предложение, и она его приняла. Джек понятия не имел, когда они снова встретятся, но как только это произойдет, они поженятся.

Хэрри застонал. Его не радовало даже то, что немцы проигрывают войну. Британия и ее союзники захватили Эс-Саллум и взяли в плен тысячи итальянских солдат. В данный момент Хэрри было слишком жарко, у него болела голова, а обе ноги сводила судорога, но сильнее всего у него болело сердце оттого, что Джек и Кэти полюбили друг друга. Он сам был в этом виноват. Он фактически вручил Кэти Джеку на блюде и винить теперь мог только себя самого.

ГЛАВА 13

Май 1971 года

Маргарита

Я поднялась к себе рано, потому что видела, что Чарльзу и Марион не терпится снова начать скандал. Но я не стала ложиться спать, потому что было слишком рано, а забралась в постель с книгой. Не успела я выйти из гостиной, как мои дядя и тетя буквально сорвались с цепи.

Я нехотя закрыла дверь, но их было слышно и через дверь. Честно говоря, меня это очень расстроило. Марион иногда устраивала Чарльзу «райскую» жизнь, но он никогда ничего не имел против. Более того, он обращал в шутку и постоянно направленную на него критику, и ее плохое настроение. Но теперь, похоже, мой дядя решил, что с него довольно. Я не могла понять, с чего это вдруг.

— Что с тобой, Чарльз? — судя по всему, Марион задавала себе тот же вопрос.

Смех Чарльза был похож на отрывистый лай.

— Тебя интересует, почему мне встали поперек горла твоя мелочность и жадность, твоя озабоченность тем, что скажут соседи, и еще тысяча милых мелочей?

— Но раньше тебя все это устраивало, — пожаловалась Марион. Я закрипела зубами, услышав эту весьма неудачную фразу.

Чарльз, видимо, разделял мое мнение.

— Ха! — пролаял он. — Так значит, ты согласна с тем, что ты жадная, мелочная и зависишь от мнения соседей?

— Нет, конечно нет, — в голосе Марион звучала такая растерянность, что мне стало ее жаль, хотя в случае разногласий я обычно принимала сторону Чарльза. То есть я никогда не вступала в спор и не высказывала своего мнения, даже если меня об этом просили. Я давным-давно поклялась себе поддерживать нейтралитет, проявив несвойственную столь юному возрасту мудрость.

— Мне очень жаль, что тебе со мной плохо, Чарльз, — кротко произнесла Марион. Я никогда раньше не слышала, чтобы она извинялась

по какому-либо серьезному вопросу.

— Меня зовут *Чарли*! — яростно воскликнул мой дядя. — Раньше меня все называли Чарли — мама и папа, сестры, друзья, пока не явилась ты и не решила, что я должен быть Чарльзом, потому что так лучше звучит. Помню, как ты злилась на маму каждый раз, когда она называла меня Чарли.

— Мне всегда нравилась твоя мама, Чарльз. Просто «Чарли» звучит слишком просто.

— Похоже, Чарли Чаплин так не думал. Ах да, и еще моей маме крупно повезло. Она тебе *нравилась*! Вот уж, воистину, сюжет для романа. Кстати, еще одно — на людях я должен употреблять слово «мать», а не «мама». Кто, черт побери, ты такая и что о себе вообразила? Что ты особа королевской крови? Леди-Бог-знает-кто? Королева Шеба^[20]? — Я поморщилась. Он насмеялся над ней, и это было совсем непохоже на того Чарльза, которого я всегда знала. Я бы не удивилась, если бы выяснилось, что он долгие годы копил это все в себе. — Если я не ошибаюсь, *твои* мама и папа были цыганами, жили в старом грязном фургоне и зарабатывали на жизнь, стуча в каждую дверь и пытаясь продать какое-то барахло. Что касается тебя, то ты даже трусов до двенадцати лет не носила.

— Чарльз! — ахнула Марион.

Наступило молчание. Наверное, дядя пожалел об этих словах. В конце концов он извинился, но в его голосе не было раскаяния.

— Я никогда не пытался перевоспитывать тебя, Марион, но ты с самого начала твердо решила изменить меня. Лично я думаю, что и так был неплох.

— Ты прекрасный человек, Чарльз, — с надрывом в голосе произнесла Марион, но ее муж был в таком настроении, что не поддавался на увещевания.

— Мы женаты уже более тридцати лет, но отдаешь ли ты себе отчет в том, что впервые произнесла нечто подобное?

Наступила еще одна пауза, длиннее первой.

— Почему ты ведешь себя так, как будто ненавидишь меня?

— Я не ненавижу тебя. — Голос Чарльза звучал устало, как будто весь гнев вышел из него. — Хотя иногда ты мне неприятна. Мне было неприятно, когда ты сказала, что не хочешь видеть Эми в этом доме. Эми моя сестра, и я ее люблю. Она двадцать лет провела в тюрьме, а ты настолько лишена сострадания и человеческого тепла, что способна отказать ей в гостеприимстве. — Я представила себе, как дядя меряет шагами комнату, засунув руки в карманы или, наоборот, размахивая

ими. — Потом ты не хочешь, чтобы я заплатил за обед Кэти Бернс. Это же *Кэти!* Разве ты забыла, как она горой стояла за Эми после того, как Барни вернулся домой? — Раздался глухой стук, видимо, Чарльз что-то пнул ногой, наверное, сервант. — А последней каплей стали твои жалобы на машину приятеля Маргариты. Честно говоря, Марион, такой мелочности я даже от тебя не ожидал. Да, это ржавая колымага, развалюха, но какое мне дело до того, что скажут соседи? Маргарита рассказала нам, в каком положении находится этот парень. Он ищет работу, и если в скором будущем ее не найдет, то опять уедет за границу. Это очень мудро с его стороны — купить дешевую машину. Если тебе так стыдно, что эта машина на полминуты останавливается у нашего дома, можешь переселиться в другое место.

— Чарльз, ты это серьезно? — ахнула Марион.

— Да, Марион, думаю, что серьезно.

И тут зазвонил телефон. Я сползла под одеяло и накрыла голову подушкой. Я больше ничего не хотела слышать.

Когда я выбралась наружу, внизу было тихо. Я не знала, ушли дядя и тетя спать вместе или один из них спит в комнате для гостей.

В течение получаса я ворочалась с боку на бок. Когда стало ясно, что мне не удастся уснуть, я осторожно спустилась вниз, чтобы попить воды. На обратном пути, проходя мимо шкафа, где хранилась папка с вырезками, я вдруг почувствовала, что мне необходимо взглянуть на фотографию моего отца, человека, превратившегося в чудовище. Я достала папку из шкафа и хотела подняться наверх, когда вдруг услышала голос:

— Это ты, Маргарита?

Я зашла в гостиную, где в темноте сидел на диване Чарльз. Шторы не были задернуты, и свет полной луны и уличного фонаря за окном заливал комнату.

— Почему ты не спишь? — спросил мой дядя.

— Мне хотелось пить, и я не могла уснуть, — пояснила я. — А потом решила посмотреть эти вырезки.

— Ты слышала наш разговор?

— У меня не было выбора. Я закрыла дверь, но вас все равно было слышно. Потом я сунула голову под подушку. — Мне следовало бы спрятаться под подушкой в начале скандала, а не в конце.

— Прости, милая. — Он похлопал по дивану рядом с собой. — Иди сюда, посиди со мной минутку.

Я плюхнулась на диван и прислонилась к его плечу.

— Мне очень жаль насчет машины Роба.

По словам Чарльза, это стало «последней каплей». Если бы Роб не заехал за мной в воскресенье, эта последняя ссора могла и не состояться, хотя я подозревала, что ее могла спровоцировать и какая-нибудь другая мелочь.

— Не болтай ерунды, — отрезал Чарльз. — Это всего лишь машина. Марион, наверное, одна из тех немногих женщин, которым не насрать на то, что припарковано у их дома. — Я впервые слышала, чтобы мой дядя употреблял бранные слова. Он кивнул на папку у меня на коленях. — Ты часто это читаешь?

— Нет. Просто сейчас захотелось. Я решила взглянуть на фотографию отца.

— Твой папа был необычайно привлекательным молодым человеком. Ты очень на него похожа.

Я шмыгнула носом.

— Мне не очень нравится быть привлекательной.

Чарльз рассмеялся.

— А ты не просто привлекательная, Маргарита. Ты очень хорошенькая. У тебя черты твоего отца, только в женской трактовке. Я понятно выражаюсь? — Я кивнула, и он продолжил: — Не верь всему, что здесь написано. У твоей матери никогда не было романов на стороне. Ни с Лео Паттерсоном, ни с кем-либо еще. Она была верной женой. Большинство женщин и пяти минут не вытерпели бы с твоим отцом, а твоя мать носилась с ним целых шесть лет.

— Я часто слышала, как он ее оскорблял, — сказала я. — Он называл ее шлюхой. Я тогда не знала, что это значит. Много лет спустя я посмотрела значение этого слова в словаре.

— А ты хорошо помнишь своего отца? — с любопытством спросил Чарльз.

По улице проехала машина, свет ее фар заметался по стенам.

Я созналась, что не уверена, что то, что я помню, произошло на самом деле, а не просто приснилось мне.

— Когда он умер, мне сказали, что это случилось из-за автомобильной аварии, но я знала, что в тот вечер отец был дома, потому что он кричал, что хочет убить мою мать, и я не слышала, чтобы он выходил на улицу.

Я почувствовала, как Чарльз напрягся рядом со мной.

— Господи Иисусе, — изумленно произнес он. — Я и не знал, что ты все это помнишь. Ты мне об этом никогда не говорила.

— Эти обрывки воспоминаний всплывают, а потом опять исчезают. — Я пожалала плечами. — Как бы там ни было, когда это случилось, у меня

была ветрянка и ужасно высокая температура, поэтому все это могло мне просто померещиться. Приехали полицейские и бабушка Карран. Она завернула меня в одеяло и на такси отвезла на Агейт-стрит. — У меня по спине пробежал озноб. Это было ужасное время. — Кажется, я больше никогда не видела своей матери.

— Это все так грустно. — Чарльз забрал лежащую на моих коленях папку. — Лучше тебе сейчас не читать этого. И мне кажется, нам пора сменить тему. — Он прокашлялся. — Насчет твоего молодого человека... Ты собираешься с ним за границу, если он не сможет найти работу здесь?

— Я его почти не знаю, Чарльз, — пробормотала я.

— Почему бы тебе не пригласить его в четверг поехать с нами в Саутпорт? Звонил Лео Паттерсон. Он пригласил в ресторан нас, а также Кэти и Хэрри. Познакомь нас со своим Робом. Насколько я знаю твоего дедушку, он вполне может предложить Робу работу. Шеф полиции Ланкашира — его закадычный приятель.

— Я его приглашу, — пообещала я. — Все зависит от того, сможет ли он отпроситься с работы на один вечер и согласится ли его сестра присмотреть за Гари. Я позвоню ему завтра. — Для такого грандиозного вечера необходимо новое платье. Сразу после школы я отправлюсь в магазин и куплю что-нибудь, в чем мне не стыдно будет обедать в Саутпорте с дедушкой.

Моя подруга Триш познакомилась с моим дедушкой, когда ей было лет двадцать, а ему уже под семьдесят, и нашла его неотразимым.

Мне это было непонятно.

— Но он ведь *старый!* — воскликнула я.

— Ну и что? — Триш театрально закатила глаза. — Он мне ужасно понравился. Он невероятно сексуален!

На голове у моего дедушки была копна стального цвета волос, прямых, постоянно падающих ему на глаза и довольно длинных для пенсионера. Я бы не удивилась, если бы он однажды заявился к нам с серьгой в ухе. Дедушка был очень стройным, держался чрезвычайно прямо, а карие глаза на его морщинистом лице светились озорством. Судя по всему, и мой отец, и я унаследовали карие глаза Лео, хотя не знаю, как насчет отца, но мои глаза светились вовсе не так часто.

В следующий четверг мы все встретились в отеле «Карлайл» в Саутпорте. Отель был шикарно старомодным, повсюду были толстые красные ковры и позолота. В углу за большим роялем сидела женщина в изумрудно-зеленом вечернем платье и играла Варшавский концерт^[21].

В атмосфере отеля присутствовало что-то такое, отчего мне показалось, будто я перенеслась в довоенные годы или даже в начало века. Дело было не только в старомодном убранстве. Среди посетителей было много женщин с уложенными в высокие прически седыми волосами и нитками жемчуга на шее и много мужчин в смокингах.

Дедушка, дядя Хэрри и Кэти были уже там. Роб приехал с нами на машине Чарльза, оставив свою развалюху возле нашего дома. Это была идея Чарльза, которому, совершенно очевидно, было наплевать на мнение Марион.

Дедушка вскочил и сгреб меня в объятия. На нем были черные брюки, черный вельветовый пиджак и белая шелковая рубашка с высоким воротом, вроде тех, какие носили русские казаки. Я представила его Робу, которому все же удалось отпроситься с работы, и в очередной раз испытала гордость за дедушку, не нуждающегося в палочке, слуховом аппарате и даже в очках. Он щурился, читая меню, но совсем чуть-чуть. Лео был, пожалуй, самой заметной фигурой в ресторане.

— Рад с вами познакомиться, Роб, — сказал он, крепко пожимая руку моего спутника. — Маргарита рассказывала мне, что вы работали в Уганде. Должен заметить, что вы очень мудро поступили, уехав до переворота. Этот парень, Иди Амин, кажется мне конченным подонком. — Прожив всю жизнь в Англии, Лео до сих пор говорил с ирландским акцентом. — Вы уже нашли себе здесь работу?

Роб объяснил, с какими проблемами он столкнется, если опять поступит на службу в полицию.

— Рабочий день ненормируемый, никогда не знаешь, когда вернешься домой, а за Гари присматривать некому. Но даже если я уеду за границу, сомневаюсь, что мне удастся устроиться так же хорошо, как это было в Уганде.

— Вам с Маргаритой следует пожениться, — вдруг заявил Лео, кивая головой с видом старого мудреца. Я почувствовала, как краска заливает мое лицо. Робу тоже явно было не по себе. — Как я понял, она учительница вашего сына, — продолжал мой возмутительно бестактный дедушка. — Таким образом, все устроится намного лучше, чем в Уганде. Дома в Ливерпуле не особенно дорогие. Если соберетесь покупать дом, дайте мне знать. У меня много друзей среди агентов по недвижимости, и вам это обойдется дешевле.

Кэти Бернс, сидевшая напротив, подмигнула мне.

— Ты старый плут, Лео, — без обиняков заявила она. — Только что ты поставил Маргариту и Роба в ужасно неудобное положение.

— Неужели? — его глаза засветились. — Я просто указал на очевидные факты.

— И вообще, — продолжала Кэти, — почему Маргарита должна бросать работу для того, чтобы смотреть за Гари? Почему этого не может делать мужчина? Для разнообразия. Кстати, — она обернулась к Робу, — рисунок Гари занял второе место на художественном конкурсе. Мальчик изобразил дерево. Ты видела этот рисунок, Маргарита. «Кросби геральд» организовала этот конкурс для всех первоклассников нашего района. Мне по телефону сообщили результаты, когда я уже уходила с работы.

— Здорово. — Роб выглядел обрадованным. — Можно я расскажу ему об этом утром?

— Как хотите. Я объявлю об этом в понедельник на общем собрании.

Подошел официант и принял наши заказы, потом другой официант начал наполнять бокалы вином.

— Я хотел бы произнести тост, — сказал дедушка. — Можете не вставать. Я хотел бы выпить за здоровье матери Маргариты, которая также приходится сестрой Чарли, подругой Кэти, а Хэрри и мне невесткой. — Он поднял свой бокал. — За Эми Паттерсон.

— За Эми Паттерсон. — Мы чокнулись, звеня бокалами. Я не была уверена, на самом деле Марион прошептала «уголовница» или мне это только показалось.

— Как ты провел время в Париже, Лео? — спросил Чарльз.

— Просто замечательно. Я очень хорошо отдохнул, — охотно принялся рассказывать дедушка. — Я провел там чуть больше двух недель, и погода стояла чудесная. Возможно, я отойду от дел и отправлюсь путешествовать. Мне бы очень хотелось побывать в Штатах.

При этих словах в глазах Хэрри заблестела надежда. Он уже давно мечтал о том, чтобы отец передал ему все дела.

— Я только что вспомнила, — взволнованно произнесла Кэти. — На следующей неделе день рождения Эми. Быть может, именно тогда она и вернется домой — на свой день рождения?

— Не слишком ли драматично? — холодно возразила Марион. — Или ты думаешь, что она где-то прячется все это время, чтобы первого июня выпрыгнуть из торта?

Кэти рассмеялась.

— Что-нибудь в этом роде. А ты как думаешь, Чарли?

— Что бы ни сделала Эми, меня это не удивит, — ответил Чарльз.

Принесли закуски. Кэти рассказала о множестве удивительных и чудесных поступков, совершенных моей матерью. Я видела, что она делает

это только для того, чтобы позлить Марион. Чарльз все время кивал и улыбался. Я понимала, что он тоже хочет разозлить свою жену.

Роб молча сидел рядом со мной.

— Ты в порядке? — прошептала я.

— Все хорошо, правда, — ответил он, взглянув на мое обеспокоенное лицо. Я уже начала жалеть, что пригласила его. — Я очень люблю семейные встречи, но только когда речь идет о семьях других людей. Я чувствую себя, как в театре.

— Извини. — Кроме Марион все вели себя пристойно, если не считать дедушки, предложившего нам с Робом пожениться.

— За что? В театре мне пришлось бы заплатить за то же самое кучу денег.

Я и не подозревала, что у Роба есть чувство юмора. Я вообще очень мало о нем знаю, подумалось мне.

Кэти Бернс была в ударе. На ней было красивое синее платье с воротником и манжетами, отделанными оборками. Ее обычно прилизанные короткие волосы казались густыми и были уложены в красивую прическу. При каждом движении головы в ее ушах поблескивали маленькие сережки-гвоздики. Неужели настоящие бриллианты? Подчиненные Кэти были бы потрясены, если бы увидели ее сейчас. Она выглядела на десять лет моложе и разительно отличалась от строго, почти невзрачно одетой директрисы, ежедневно представавшей их взгляду.

Я была одета в длинное, до щиколоток, пастельного цвета платье с глубоким квадратным вырезом, широкими рукавами и высокой талией. Когда, собираясь в ресторан, я его примерила, мне показалось, что оно похоже на платье для беременных, но Марион заверила меня, что оно замечательное и очень мне идет.

Сама Марион не удосужилась сменить простую серую блузку и серую же, только несколько более темного оттенка юбку, в которых она ходила на работу, на что-то более нарядное. Наверное, большинство женщин на ее месте, будучи в плохих отношениях со своим мужем, постарались бы выглядеть более привлекательно, отправляясь вечером в ресторан. Но Марион была непохожа на других женщин. Мне кажется, она не умела хитрить или наряжаться только для того, чтобы угодить Чарльзу, так же, как и делать вид, что пьет за здоровье моей матери, если она не хотела этого делать. Пусть и на свой лад, но она заслуживала восхищения. Ужасно хотелось узнать больше о ее цыганском происхождении, и я надеялась, что когда-нибудь мне представится возможность расспросить Чарльза.

Я подняла голову и обнаружила, что дедушка, сидящий слева,

задумчиво на меня смотрит. Я улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— Ты страшно похожа на своего отца, Маргарита.

— Правда? Быть может, ты предпочел бы, чтобы я была внуком, а не внучкой?

— Нет, дорогая. Было бы жутковато получить еще одного Барни. — Выражение его лица изменилось. Он стал очень грустным. Я вдруг представила себе, как это, наверное, страшно, — узнать, что твой сын убит, причем убила его собственная жена. Тем не менее Лео сохранил дружеские отношения с этой самой женой, моей матерью, и даже регулярно навещал ее в тюрьме.

Принесли горячее и еще вина. Я не привыкла помногу пить и уже слегка опьянела, но мне, в отличие от отказавшегося от вина Роба, не предстояло в конце вечера садиться за руль. Я жалела, что не попросила Чарльза заехать за ним в Сифорт, а потом отвезти обратно. Кэти заявила, что уедет на такси и будет пить, сколько пожелает. Она подала официанту знак наполнить ее опустевший бокал.

Кэти сидела по другую руку от бабушки, рядом с ней сидел Чарльз, а возле него — Марион. Поскольку Марион онемела, бедному дяде Хэрри не с кем было разговаривать, так как слева от него сидел Роб, которого я развлекала изо всех сил. Я почти обрадовалась, когда моим вниманием завладел бабушка и между Хэрри и Робом завязался разговор о футболе. Оба смотрели, как в шестьдесят шестом году Англия выиграла в финале Кубка мира у Германии, и помнили все забитые в этом матче голы. Теперь они по очереди вели репортаж об этой игре.

В целом вечер мог бы быть очень веселым, если бы не Марион, которая своим видом портила всем настроение. И тут бабушка громко произнес:

— А ты как поживаешь, Марион?

— Я? — начала заикаться моя тетя, одновременно пытаюсь улыбнуться.

Никто не осмеливался грубить Лео Паттерсону. — Как будто бы неплохо.

— Ты все там же работаешь? Кажется, в «Инглиш электрик»?

— Да, Лео.

— И сколько же лет ты там работаешь?

— Тридцать три года. — Марион облизала губы. Она почему-то нервничала. Наверное, поняла, задавая эти вопросы, бабушка тем самым делала ей замечание за то, как она себя вела. — Я пришла туда машинисткой в тысяча девятьсот тридцать восьмом году.

— А как ваш прекрасный сад? — с преувеличенным интересом продолжал расспрашивать Лео. — Каждый раз, когда я к вам заезжал, он производил на меня глубокое впечатление. Это настоящее произведение

искусства.

— Там все делает Чарльз. Я только иногда подметаю дорожки.

— А куда вы с Чарльзом в этом году собираетесь в отпуск, моя дорогая?

— Мы еще не заказывали путевки, но планировали поехать на какой-нибудь греческий остров. Может быть, даже не один. Возможно, это будет круиз.

— Я в прошлом году побывала на Родосе и чудесно отдохнула, — вставила Кэти. — Только не стоит ехать в разгар лета, там может быть слишком жарко.

Марион и не заметила, как ее втянули в разговор о том, где лучше всего проводить отпуск. Потом речь зашла о стоимости телефонных звонков за границей, а затем о фотоаппаратах. Дедушка искусно поддерживал беседу, подобно тому, как опытный истопник поддерживает огонь, и не позволял Марион опять погрузиться в устрашающее и угрюмое молчание.

Мы уже почти закончили обед, когда дедушка, улыбаясь, как чеширский кот, заказал большую бутылку шампанского. Он явно что-то задумал.

— У меня для вас сюрприз, — объявил он.

— Какой сюрприз, папа? — спросил Хэрри, но дедушка лишь загадочно покачал головой.

Какая-то женщина вошла в зал и направилась к нашему столику. В нескольких футах она остановилась, изучая нас. Она была уже немолодой, но необыкновенно привлекательной, с вьющимися каштановыми волосами и невероятно синими глазами. Черное платье, как чулок, плотно облегало ее красивую фигуру.

Мои карие глаза встретились с ее синими.

— Привет, малышка, — грустно улыбнулась она.

— Эми! Эми! — завопила Кэти и вскочила на ноги, едва не опрокинув стул. — Что случилось с твоими волосами?

Дедушка продолжал довольно ухмыляться, как если бы он только что вытащил из шляпы живого кролика.

Чарльз от удивления открыл рот.

— Чтоб я сдох! — ахнул он. — Это же наша Эми!

— Эми! — только и смог выговорить Хэрри, но было видно, что он тоже в восторге от ее появления.

Я понятия не имею, какова была реакция Марион. Тогда меня это не интересовало. Не помню, как я поднялась со стула, знаю только, что я это сделала, потому что в следующий момент я бросилась в объятия своей

матери и разрыдалась. Она похлопывала меня по спине и приговаривала:

— Ну, будет, будет тебе, моя хорошая.

Я осознала, что в ресторане стало необыкновенно тихо (если не считать шума за нашим столиком). Позже я поняла, что все перестали есть и смотрели на нас.

— Будет тебе, будет, — продолжала повторять моя мать, — не плачь, малышка, я уже дома.

А я сожалела, что не ходила к ней на свидания и не писала ей писем, не посылая поздравительных открыток ко дню рождения и не говорила ей, что люблю ее, потому что с опозданием на двадцать лет я поняла, что это действительно так.

ГЛАВА 14

1940

Барни

Дорога из Франции в Германию оказалась не такой уж плохой. Офицеров держали вместе, сносно кормили, и в поездах, которые везли их сквозь залитые солнцем французские пейзажи, было даже не очень тесно. Единственным ограничением стало отсутствие сигарет, от чего одни страдали больше, другие меньше, а были и такие, которые вовсе этого не заметили.

Насколько смогли понять пленные, их везли в Баварию, в монастырь, в котором уже много лет никто не жил и который в настоящее время реконструировали, превращая в тюрьму для офицеров. Наверное, поэтому поезд шел так неторопливо, а три раза они даже ночевали в отелях, пусть и хорошо охраняемых. Тюрьма была еще не готова к приему узников.

В Руане полковник Толлер передал Барни немецким властям, и он попал к шотландцам, в полк горцев-рейнджеров, захваченных в Сен-Валери. Полку ланкаширских стрелков, в котором служил Барни, удалось избежать пленения, за исключением горстки рядовых и трех офицеров. Рядовых затолкали в грузовик и увезли в неизвестном направлении. Среди офицеров были Барни, капитан Уильям Кинг, высокий бледный мужчина с иссиня-черными волосами и великолепными бровями, напоминавший Барни классического злодея из пантомим, и лейтенант Эдвард Фэрфакс. С Фэрфаксом Барни познакомился еще в Оксфорде. В следующий раз они встретились в Суррее, в лагере для подготовки офицеров.

«Бедняга Эдди», как его называли в Оксфорде, был на один год и одно звание старше Барни. Маленький и пухлый, с бледно-голубыми глазами и редяющими волосами, он был, как сказала бы Эми, тупым как пробка. Как ему удалось попасть в Оксфорд, оставалось загадкой. Это могло произойти только благодаря влиянию его знаменитого отца. На округлые плечи Эдди Фэрфакса легла большая ответственность. Чтобы не уронить честь семьи Фэрфаксов, он обязан был учиться лучше или, по крайней мере, не хуже, чем его всеми уважаемый отец. К счастью для Эдди, он умел располагать к

себе людей и был необыкновенно популярной личностью. Его отец ожидал от него слишком многого, поэтому другие студенты без зазрения совести помогали Эдди жульничать. Несмотря на это, Фэрфакс с трудом получил степень бакалавра.

Возможно, именно в наказание за поправленную честь семьи Эдди немедленно отправили в Сэндхерст^[22], где из него должны были сделать настоящего офицера. Когда они с Барни снова встретились на пути в Баварию, Эдди тут же намертво приклеился к своему младшему товарищу. Барни всегда нравился пухлощекий Фэрфакс, но если бы ему предложили выбрать, кого из ланкаширских стрелков он не хотел бы встретить, став военнопленным, он назвал бы Эдди. Жизнерадостный малый, с которым Барни был знаком в Оксфорде, в армии стал капризным, раздражительным, а порой даже плаксивым. Эдди жаловался, что подчиненные его не уважают, насмеваются над ним и что другие офицеры разделяют их мнение.

Эдди льнул к своему университетскому приятелю и в каждом поезде устраивался рядом с ним. Барни хотелось послать его к черту, но врожденная добропорядочность не позволяла сделать это. Он жалел Эдди и обладал достаточной чувствительностью, чтобы представить себе, как нелегко быть Эдди Фэрфаксом.

Приблизительно десять дней спустя после встречи Барни с полковником Толлером военнопленные пересекли немецкую границу.

Кто-то сказал, что они уже в Баварии. Всего в вагоне было пятьдесят офицеров. Захватили и генерала, но где он находится, никто не знал. Офицеры разобрались в своих чинах, и теперь их группой командовал самый старший по званию, полковник Кэмпбелл.

Барни это не нравилось. Он не понимал, почему кто-то обязательно должен им командовать, если все они теперь узники. Когда они остановились на ночь в Реймсе, полковник Кэмпбелл возложил на себя обязанность провести проверку.

— Где ваш китель, Паттерсон? — поинтересовался он, когда Барни выпалил свое имя и номер.

— Когда меня захватили, я был без кителя, сэр.

— А ваша фуражка?

— Ее на мне тоже не было... сэр. — Как фуражка, так и китель остались в припаркованном позади бара грузовике.

— Что ж, придется найти вам китель и фуражку.

— Спасибо, сэр. — Барни не испытывал ни капли благодарности.

Теперь он постоянно пребывал в плохом настроении, что раньше было ему несвойственно. Сколько еще пройдет времени, прежде чем закончится эта чертова война? Он сомневался, что сможет смириться с пленом, и все же было непохоже на то, что кто-то способен остановить Гитлера, захватившего к этому времени большую часть Европы. На скорую победу Британии и ее союзников надеяться не приходилось.

Их долго везли на грузовиках по круто взбирающейся вверх немощенной дороге, по обеим сторонам которой возвышался густой лес. Наконец они увидели свою тюрьму. Это, несомненно, была старая крепость, с высокими, сложенными из огромных камней стенами и толстыми деревянными дверями. Даже внутренние стены были каменными. Узкие, похожие на бойницы окна кто-то застеклил. Большинство комнат были настолько маленькими, что в них едва могли разместиться два человека. Как сказали военнопленным, последними обитателями крепости были монахи, чьим кельям теперь суждено было стать камерами. Чрезвычайно уместная замена^[23].

На первом этаже находилась большая комната с высоким потолком. Несомненно, когда здание было монастырем, здесь проводились службы, а в былые времена — пышные обеды. Теперь, когда монастырь превратился в тюрьму, эту комнату, видимо, опять собирались использовать как столовую, поскольку тут стояло много деревянных столов со скамьями по обеим сторонам. Когда пленные офицеры вошли в зал, они увидели за одним из столов двух писарей в немецкой форме. Они записывали вновь прибывших и расселяли их по комнатам.

Отстояв почти полчаса в очереди, Барни получил клочок бумаги, на котором было указано время приема пищи и другая информация. Он обнаружил, что ему предстоит спать на четвертом этаже, в комнате номер десять. В отличие от других пленных офицеров, ему нечего было туда нести.

Взбираясь по крутым каменным ступеням, он обратил внимание на то, как холодно в здании в этот довольно жаркий июньский день. В то же время тут не было никаких признаков системы отопления. Если здесь так холодно летом, подумал Барни, то как же будет зимой?

Убранство комнаты под номером десять состояло из двухъярусной кровати, стола, двух жестких стульев и шкафчика. На одном из стульев сидел рыжеволосый молодой человек с усыпанным веснушками лицом. При виде Барни он вскочил на ноги, и они пожали друг другу руки.

— Привет, я Джеймс Гриффитц, лейтенант, полк шотландских

рейнджеров. Все называют меня Джей. Я положил свои вещи на нижнюю кровать, но, если хочешь, я могу спать и наверху.

К удивлению Барни, у Джея Гриффитца, несмотря на то, что он служил в шотландском подразделении, был сильный ланкаширский акцент. Барни представился, заверил Джея, что его полностью устраивает верхняя кровать, рассказал, как он попал в плен и почему у него нет вещей.

— Не повезло тебе, — сочувственно произнес Джей, когда Барни закончил свой рассказ. Он обвел взглядом убогую комнату с голыми стенами и единственным узким окном. — Это настоящая дыра. Хотелось бы знать, надолго ли мы здесь застряли.

— Лишь бы не навсегда, — пожал плечами Барни, и оба расхохотались.

— По крайней мере, мы живы, — сказал Джей. — Во время недавних боев погиб мой двоюродный брат. Мы были ровесниками.

— Сочувствую. Возвращаясь из Дюнкерка, я встретил своего брата. Надеюсь, он благополучно вернулся домой.

— Я тоже.

Барни подошел к окну и выглянул наружу.

— Вот это вид! — невольно воскрился он. Ему показалось, он очутился на вершине мира. Окруженная толстой стеной крепость стояла на плато, до края которого было всего футов тридцать. Дальше оно круто уходило вниз, и сколько хватал глаз, вдаль простирался еловый лес, такой густой, что скорее походил на темно-зеленый ковер. Барни обратил внимание на то, что над стеной была натянута колючая проволока, в которую попадали и уже не могли выпутаться птицы. Их маленькие тельца, покрытые развевающимися перьями, подобно крошечным пугалам свисали с проволоки.

— Интересно, можно ли отсюда сбежать? — обратился Барни к своему товарищу.

— Пока я не вижу ни малейшей возможности. Даже если удастся перебраться через стену, в этом лесу очень легко заблудиться.

Несколько человек гуляли по плато вокруг здания.

— Не хочешь пройтись? — спросил Барни. — На улице мы не будем так остро чувствовать, что находимся в тюрьме.

— Не откажусь. Я тоже не прочь подышать свежим воздухом.

Молодые люди по винтовой лестнице спустились во двор, где на них дохнуло чудесным свежим ароматом. Джеймс сказал, что это запах хвои. Он рассказал Барни, что вступил в шотландский полк, чтобы сделать приятное матери, шотландке по происхождению.

Чем дольше они беседовали, тем больше обнаруживали, сколько у них

общего. Джей тоже окончил университет, но его специальностью была энтомология.

— Изучение насекомых, — пояснил он, увидев озадаченное лицо Барни.

Оба предпочитали футбол, а не регби, оба были женаты чуть больше года, не любили грозу и терпеть не могли зеленых овощей.

— Особенно капусту, — добавил Барни.

Джей сделал вид, что его тошнит.

— Я бы не удивился, если бы нас здесь стали закармливать капустой. Что такое *зауэркуаут*^[24]?

— Понятия не имею, но звучит отвратительно.

Они подошли к небольшой группе заключенных, игравших в карты на каменной скамье, и некоторое время наблюдали за игрой. Похоже, за их тюрьмой уже успело закрепиться прозвище «Улей». Барни подумал, что он совсем не прочь некоторое время пожить в Улье. Особенное облегчение он испытывал от того, что ему удалось избавиться от Эдди Фэрфакса и познакомиться с Джейм Гриффитцем, который ему очень понравился. Какому-то бедняге придется жить с Эдди в одной комнате... камере.

Приближалось время ужина.

— Руки мыть будем? — поинтересовался Джей, когда они опять вошли в здание. — Или военнопленным не положено быть слишком чистоплотными?

— А в смокинги переодеваться будем? — поднял бровь Барни.

— Надеюсь, прислуга хорошо начистила столовое серебро.

— Чего я терпеть не могу, так это плохо начищенного столового серебра.

Приятель наперегонки помчался наверх и пришел к финишу одновременно.

Когда они, пыхтя, ввалились в комнату, капитан Кинг стоял у окна и смотрел на лес. Услышав их, он обернулся.

— А, Паттерсон, — весело обратился он к Барни. — Боюсь, что у нас возникла проблема, которую можете решить только вы.

У Барни появилось дурное предчувствие относительно характера проблемы, и у него внутри все сжалось.

— Речь идет об этом простофиле Фэрфаксе, — продолжал капитан. — Судя по всему, он отказывается жить с кем-либо, кроме вас. Он там внизу устроил настоящий скандал, когда узнал, что ему придется поселиться с незнакомцем. По моему скромному мнению, он нуждается в психиатрической помощи. Либо в пинке под зад. При обычных

обстоятельствах я бы приказал ему заткнуться, он находится в армии, а не на курорте, но ведь обстоятельства, в которых мы оказались, обычными не назовешь. Я пришлю его сюда, если вы не возражаете. А Гриффитц может перейти в комнату номер четырнадцать, этажом ниже.

— У меня есть выбор, сэр?

— Честно говоря, нет. Я прошу вас, а не приказываю, но ваш ответ должен быть утвердительным.

— В таком случае, сэр, пусть приходит, — устало произнес Барни.

— Ваш энтузиазм, Паттерсон, достоин восхищения, — ухмыльнулся капитан.

— Вот дерьмо, — выругался Барни.

— Очень жаль, — Джей начал собирать вещи. — А кто этот Фэрфакс?

— Мы вместе учились в Оксфорде. Ему не место в армии. — Барни угрюмо уставился на шкафчик и что было силы пнул его ногой. — Хуже всего то, что его невозможно не жалеть.

— Что ж, как говорит моя мама, тебя ждет награда на небесах. — Он сжал локоть Барни. — Было бы здорово, если бы мы могли остаться вместе. — Джей усмехнулся. — Если я спущусь в комнату номер четырнадцать и закачу еще более грандиозный скандал, чем Фэрфакс, как ты думаешь, может быть, они пришлют меня обратно?

— Сомневаюсь, — Барни пожал товарищу руку. — Пока, Джей.

— Пока, Барни.

Психиатр нужен не Фэрфаксу, а мне самому, думал Барни, лежа этим вечером вниз лицом на верхней кровати и слушая нытье своего навязчивого друга.

— С тобой все в порядке, Барни? — заботливо поинтересовался снизу Эдди. — Ты целый вечер молчишь.

— Я устал. Если ты хочешь с кем-нибудь поговорить, спустись вниз. — Столовая использовалась и как гостиная. — Там полно народу.

— Я ни за что не оставлю тебя одного, старина, пока тебе не станет лучше.

— Я прекрасно себя чувствую, Фэрфакс. Просто устал. *Смертельно* устал, если хочешь знать.

— Если я спущусь вниз один, со мной никто не захочет разговаривать.

— Почему бы тебе не взять бумагу, которую нам выдали, и не написать письмо домой? — раздраженно ответил Барни. Он и сам бы спустился вниз, но, представив себе волочащегося в двух шагах позади него Фэрфакса, отказался от этой идеи. Барни очень хотелось написать письмо

Эми, но он не сможет этого сделать, пока не окажется в одиночестве. Изливая душу, он хотел мыслить ясно.

— У меня нет настроения писать письма, — обиженно произнес Фэрфакс.

Барни не ответил.

Пятью днями позже прибыл комендант лагеря. Его звали Фредерик Хофакер. Он носил чин полковника. При этом событии никто не присутствовал, но шум небольшого автокортежа, доставившего коменданта в крепость, грохот сапог по каменному полу и лающий голос, отдающий приказы, разнеслись по всему зданию.

Был введен в действие отсутствовавший до этого распорядок дня. Заключенные должны были вставать не позднее семи утра, а ложиться в десять. К этому времени гасили свет, после чего всяческие разговоры исключались. Военнопленные должны были не меньше двух часов в день заниматься во дворе физкультурой, мыть за собой посуду после еды и самостоятельно застилать постели. Опоздавшим к столу еда выдаваться не будет, а неповиновение будет караться тремя днями карцера на хлебе и воде. За попытку побега полагался расстрел. Последнее положение было подчеркнуто дважды.

Им также сообщали, что по воскресеньям в столовой будет проводиться католическая служба, вслед за этим пастор-лютеранин будет удовлетворять духовные потребности представителей других вероисповеданий, что включало все религии земного шара.

— Не так уж плохо, — заметил Барни, закончив читать разлинеенный листок бумаги.

— Но два часа физкультуры, Барни, — опять заныл Фэрфакс. — *Каждый день!*

— Интересно, а как поживают наши рядовые и капралы? — многозначительно произнес Барни. — Готов побиться об заклад, что они спят все вместе в одной, набитой до отказа спальне, а не по двое в комнате, и я бы очень удивился, если бы узнал, что их кормят так же пристойно, как и нас.

Фэрфакс проигнорировал его слова. Нынче его заботило благополучие лишь одной персоны, и этой персоной был он сам.

— А в церковь ходить обязательно?

— Здесь об этом не говорится. Я буду посещать католическую службу.

— Я не знал, что ты католик, Барни.

— Я не католик, но моя жена католичка. Я стану делать это ради нее. —

Это будет самым подходящим местом, чтобы помолиться об Эми, подумать о ней в спокойной обстановке, почувствовать ее близость. Барни попытался представить себе выражение лица своей матери, если бы она когда-нибудь узнала, что он присутствовал на католической службе, но ему это не удалось.

Полковник Хофакер провел в лагере неделю, прежде чем однажды утром неожиданно предстал перед заключенными, занимавшимися физкультурой во дворе. Военнопленные должны были ежедневно десять раз обогнуть Улей. Одни обегали его, другие обходили, прихрамывая или быстрым шагом, кто как мог.

Барни первым пересек финишную черту, роль которой выполняли два перевернутых ведра, и заметил высокого, с иголки одетого немецкого офицера, который прохаживался по двору взад-вперед. Несколько шагов в одну сторону, несколько шагов в другую. Одну руку он заложил за спину, а в другой сжимал рукоять небольшой трости, которую держал под мышкой. Двое вооруженных винтовками солдат составляли некое подобие его охраны. День был очень теплый, и Барни подумал, что немецкому офицеру, должно быть, ужасно жарко в облегающем сером мундире с высоким воротничком, плотных брюках и высоких, до блеска начищенных сапогах.

— Ты всегда первый, — заметил Джей, подбегая к нему.

— Потому что я в прекрасной форме. — Барни продолжал бежать на месте, высоко поднимая колени и размахивая руками в воздухе, как если бы он тонул. В других обстоятельствах он был бы в восторге от пробежек на свежем, напоенном хвойным ароматом воздухе. Он был одет в защитного цвета майку, шорты и лёгкие парусиновые туфли на резиновой подошве, которые полковнику Кэмпбеллу удалось для него раздобыть. Барни также снабдили кителем, фуражкой и шинелью. Все это было ему велико, но он решил, что было бы гораздо хуже, если бы вещи оказались тесными. Барни не стал спрашивать, откуда взялась эта одежда, но подозревал, что ее сняли с убитого.

К ним не спеша подошел капитан МакДермотт из полка шотландских рейнджеров. Он обошел плато всего пару раз. Это был самый маленький обитатель Улья, еще меньше, чем Эдди. Его рост составлял всего пять футов пять дюймов, зато чувства юмора ему было не занимать.

— Нам придется изготовить кубок, Паттерсон, и вырезать на нем твое имя, — протянул МакДермотт. — Кстати, если я не ошибаюсь, вон там прохаживается полковник Хофакер. На мой вкус он немного фатоват.

Красавчик Бруммель^[25], ни дать, ни взять.

Капитан подал знак лейтенанту Клайву Казинсу построить младших офицеров. Перед войной Казинс учился на аукциониста и обладал глубоким, как иерихонская труба, голосом. Он протрубил приказ, и пленные выстроились в две шеренги как раз к тому моменту, когда Эдди Фэрфакс, пыхтя, показался из-за поворота. Его лицо было мокрым от пота.

— Мне кажется, я пробежал одиннадцать кругов вместо десяти, — задыхаясь оправдывался он, становясь в конце первой шеренги. Ему никто не поверил.

— Вольно, — рявкнул Казинс.

В этот момент комендант приблизился к капитану Мак-Дермотту и остановился перед ним, возвышаясь, как колонна, над его головой. Оба офицера отдали друг другу честь. Немец щелкнул каблуками и подобно механической игрушке поднял в приветствии дрожащую от напряжения руку.

— Хайль Гитлер, — пролаял он. Послышалось хихиканье. Капитана МакДермотта это, однако, не смутило.

— Боже, храни короля, — мягко произнес он.

Молодой немецкий офицер сделал шаг вперед и слегка поклонился. У него было женственное лицо с небольшими пухлыми губами.

— Я буду переводить для полковника Хофакера, — негромко произнес он на отличном английском языке почти без немецкого акцента. — Он просит вас еще раз скомандовать вашим людям «смирно», чтобы он мог провести осмотр.

— Смир-рна-а! — завопил Казинс. Опять раздалось хихиканье. Капитан МакДермотт нахмурился и едва заметно покачал головой. Он давал понять, что не следует без необходимости обострять отношения с неприятелем. После этого уже никто не смеялся.

Полковник Хофакер медленно двинулся вдоль шеренги, на мгновение останавливаясь перед каждым пленным и впиваясь в его лицо взглядом, как будто пытался запечатлеть его в памяти. Вблизи он оказался крайне непривлекательным типом. Ему было не меньше пятидесяти лет, его лицо было изрыто оспой, а нос приплюснут и неестественно искривлен. Барни представил себе, как много лет назад на этот нос с силой опустил кулак, изуродовав Хофакера на веки-вечные. Несмотря на невзрачную внешность, было совершенно очевидно, что сам полковник о ней очень высокого мнения. «Душка», — сказала бы о нем Эми. Маленькие глазки полковника высокомерно взирали на заключенных, а мощные плечи были самоуверенно откинута назад. В то же время он выглядел очень

болезненным, а белки его глаз были желтыми.

Барни стоял во второй шеренге, и ему стало не по себе, когда полковник остановился перед ним. Хофакер гораздо дольше обычных нескольких секунд сверлил его своими маленькими глазками, и неловкость Барни быстро сменилась отвращением. Он уставился в затылок стоящего впереди человека и сделал вид, что не замечает полковника.

Хофакер окончил осмотр.

— *Danke schön*^[26], — сказал он, обращаясь к капитану Мак-Дермотту, и слегка наклонил вперед свою деревянную шею, после чего направился прочь, сопровождаемый переводчиком и вооруженной охраной.

Через несколько дней Эдди Фэрфакс заболел. Все началось с температуры и головной боли, которая не давала ему спать всю ночь. Барни не спал вместе с ним, потому что Эдди стонал, не переставая. На следующее утро капитану Кингу удалось раздобыть для него несколько таблеток аспирина, но они не помогли. Эдди становилось все хуже, его дыхание было хриплым и затрудненным. К концу дня он потерял сознание.

Поскольку среди заключенных не было никого, кто разобрался бы в медицине, а в медпункте на первом этаже все еще не было персонала, полковник Кэмпбелл отправился к коменданту попросить, чтобы к больному привезли врача. Он вернулся через пятнадцать минут, кипя от ярости. Ему сказали, что полковник Хофакер очень занят и не сможет его принять.

— Я поговорил с переводчиком, и он пообещал передать мою просьбу коменданту. Я сказал ему, что, если они ничего не предпримут, я сообщу куда следует о том, что его чертов комендант не выполняет условий Женевской конвенции по условиям содержания военнопленных. — Полковник фыркнул. — Этот парень посмотрел на меня как на пустое место. Он не хуже меня понимает, что в настоящий момент вероятность того, что я сообщу кому-либо мало-мальски серьезному о том, что происходит в этом чертовом лагере, равна нулю.

— Мне этот Хофакер с самого начала не понравился, — кивнул капитан Кинг.

Эта беседа состоялась у дверей комнаты Барни и Эдди. Барни слушал, и на душе у него было тяжело. Каким-то необъяснимым образом он любил Эдди. Нет, не любил, скорее чувствовал, что несет за него ответственность. В данный момент Барни был единственным человеком, который мог позаботиться об Эдди.

— Паттерсон, — обратился к нему полковник, — вы бы лучше

присмотрели себе другое место для ночлега. Болезнь Фэрфакса может оказаться заразной.

— В таком случае, сэр, я уже наверняка ее подцепил. Если не возражаете, я останусь, вдруг Фэрфаксу что-нибудь понадобится.

— Молодчина, Паттерсон. Но я настаиваю, чтобы вы спустились вниз к ужину. Я поручу кому-нибудь присмотреть за ним, пока вас не будет.

В эту ночь Барни не давали спать не стоны и тяжелое дыхание Эдди, а его молчание. Он, как труп, лежал на кровати, не двигаясь и не издавая ни звука. Барни то и дело перегибался через край своей койки, чтобы убедиться, что Эдди еще жив, и вздыхал с облегчением всякий раз, когда замечал подрагивание его век или едва заметное движение одеяла, как доказательство того, что он все еще дышит.

В последний раз убедившись, что Эдди по-прежнему находится в мире живых, Барни не стал ложиться. Фосфоресцирующая стрелка его часов показывала, что было уже без четверти три. Его окружала гнетущая тишина. Он сел на кровати, прислонившись к стене, и задумался над своей жизнью. Тоска по Эми причиняла ему физическое страдание. Барни представил себе, как она спит на их двуспальной кровати в маленькой квартирке, в которой они провели вместе каких-то четыре месяца. Это были самые значительные и удивительные месяцы в его жизни. Он закрыл глаза и коснулся ее волос, щек, изгиба ее подбородка, светящихся плеч. Затем он откинул покрывало и увидел, как ночная рубашка обвилась вокруг ее ног...

— Прошу прощения.

Барни так испугался, что у него вырвался непроизвольный возглас.

— Слушаю вас? — сказал он, когда увидел, что в комнату вошел немецкий переводчик.

— Прошу прощения за то, что испугал вас, но я опасался стуком разбудить вашего друга, — мягким голосом извинился переводчик.

— Что вам нужно? — Необходимость говорить шепотом заставила Барни сдержать раздражение.

— Комендант хотел бы поговорить с вами.

— Сейчас? — он посмотрел на часы. — В три часа ночи?

— Сейчас. Пойдемте, пожалуйста. — Немец жестом показал ему, чтобы он вставал.

Барни не двинулся с места.

— Для чего я ему нужен?

— Он сам вам скажет. Думаю, это имеет отношение к вашему другу. — Взгляд переводчика скользнул вниз, на Эдди.

— Ладно. — Это была странная просьба в странное время, но Барни не колебался. Он спустился с кровати, оделся и последовал за переводчиком, осторожно прикрыв за собой дверь.

Они спустились в столовую, обычно шумную и оживленную, но в этот час безлюдную и тихую, и прошли по коридору, о существовании которого Барни и не подозревал. Его провожатый открыл дверь, и они вошли в небольшую комнату, в которой стояло два письменных стола с пишущими машинками и телефонными аппаратами. В углу комнаты Барни увидел дверь, в которую и постучал переводчик. Не дожидаясь ответа, он жестом пригласил Барни войти в эту дверь и закрыл ее за ним.

Барни словно очутился в другом мире. Его изумленному взору предстали богатые гобелены и красочные полотна, покрывавшие каменные стены, черный, отделанный золотом письменный стол, сервант, круглый стол и стулья. Пол был устлан яркими коврами. На столе в вазе стояли цветы, распространяя дурманящий аромат по жарко натопленной комнате. В камине потрескивали поленья.

На обитом алой тканью диване посередине комнаты полусидел-полулежал полковник Хофакер, комендант Улья. Он курил сигарету в мундштуке из слоновой кости. Поверх черной шелковой пижамы на нем был халат из такой же ткани. Одна нога в черном шлепанце лежала на диване, другую он опустил на ковер. Его волосы были густыми, черными и довольно длинными для военного. Он посмотрел на Барни и улыбнулся. Барни не улыбнулся в ответ. В этом человеке было что-то такое... ему не удавалось подобрать точное определение. Декадентское! И выглядел он на удивление болезненно, как будто его что-то поедало изнутри.

— Что вы хотели мне сказать? — вежливо осведомился Барни, помня, что его привели сюда из-за Эдди и от грубости лучше воздержаться.

— Присядьте, лейтенант.

— Спасибо, я лучше постою.

— Как хотите. — Комендант пожал плечами.

— Я думал, вы не говорите по-английски.

— Если люди думают, что ты не понимаешь, о чем они говорят, иногда можно услышать довольно любопытные вещи. — Последовала пауза. — Вы очень красивый молодой человек, лейтенант Паттерсон, — наконец опять заговорил комендант.

— Что? — Этого Барни никак не ожидал. К своему ужасу, он почувствовал, что краснеет.

— У меня есть слабость к красивым молодым людям, — вкрадчиво продолжал комендант. — Вы готовы удовлетворить мою слабость,

лейтенант?

— О господи, *нет!* — залепетал Барни. Он попятился, чтобы увеличить расстояние между собой и полковником.

— Даже ради своего друга? — Немец опять улыбался. Он поднес сигарету к губам и выпустил облако дыма.

— Нет! — задыхаясь, произнес Барни. — Ни за что на свете!

— Если вы передумаете, врач осмотрит лейтенанта Фэрфакса в течение получаса. — Хофакер потянулся к стоящей рядом пепельнице и затушил сигарету. — В ближайшей деревне есть хороший врач, и я сразу же пошлю за ним машину.

— Уверяю вас, что я не передумаю.

Когда Барни вернулся в свою комнату, дыхание Эдди изменилось. Теперь вдохи были очень короткими и сопровождались скрежещущими звуками, как будто он задыхался. Что, если это предсмертные хрипы? — в ужасе думал Барни. Что, если Эдди умрет, в то время как он мог бы его спасти? Нельзя сказать, что Барни впервые столкнулся с гомосексуализмом. Сам он ничего подобного себе не позволял, но в Оксфорде это было обычным делом. Некоторые родились такими, другие просто развлекались.

Эдди, похоже, совсем перестал дышать, затем начал по-настоящему задыхаться. Барни опустился на колени возле его кровати и попытался нащупать пульс. Ничего. Через минуту у Эдди начался новый приступ удушья.

Бог ты мой! Неужели жизнь человека стоит меньше, чем временное унижение?

Нет.

Барни ринулся вниз по ступенькам в жилище коменданта. Когда он открыл дверь небольшого кабинета, переводчик сидел за одним из письменных столов и что-то писал в блокноте.

— Скажите полковнику Хофакеру, что я сделаю то, что он хочет, *после того*, как врач осмотрит моего друга, и только в том случае, если он сможет ему помочь. Я даю слово чести.

— Я ему сейчас сообщу, — переводчик встал из-за стола. Его маленькие розовые губы изогнулись в ироничной усмешке. — Он был уверен, что вы вернетесь. Поэтому и приказал мне подождать.

Барни остался внизу. Он ничем не мог помочь Эдди, если тот вдруг решил умереть в его отсутствие. Барни сел возле одного из длинных столов

в столовой и попытался подавить отчаянное желание закурить. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он услышал, как машина выехала за ворота крепости. Шум двигателя начал удаляться и постепенно затих. Больше ничто не нарушало тишину ночи.

Наконец машина вернулась. Появился переводчик и открыл дверь, прежде чем водитель успел позвонить и разбудить всех неожиданным резким звуком. Он же провел наверх врача, плотного краснолицего мужчину с седеющими волосами и густой бородой. Не прошло и двух минут, как переводчик снова спустился.

— Один из ваших офицеров, капитан Кинг, должно быть, услышал, как подъехала машина, и пришел посмотреть, что происходит, — сообщил он Барни, садясь напротив, с другой стороны стола. — Похоже, и он, и врач говорят по-французски, так что они могут общаться без моей помощи.

— Что вы сказали капитану? — быстро спросил Барни.

— Что состояние лейтенанта Фэрфакса ухудшилось, вы стали настаивать, чтобы мы послали за врачом, и комендант пошел вам навстречу.

— Спасибо.

— Хотите курить? — Переводчик извлек из кармана блестящий черный портсигар с серебряными инициалами Ф. Дж., выгравированными на крышке.

— Меня зовут Франц Джегер, — сообщил немец. — До войны я работал в лондонском представительстве «мерседес-бенц». Наш салон находился в Мэйфэр, неподалеку от американского посольства.

Барни с благодарностью принял сигарету, и собеседник помог ему прикурить.

— Спасибо, — еще раз пробормотал Барни.

— Мне очень жаль, что так получилось, — произнес Франц Джегер.

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни. Ему хотелось, чтобы переводчик ушел. Он предпочел бы остаться один.

Его собеседник развел маленькими белыми ручками в жесте, напоминающем отчаяние.

— Войну, потери с обеих сторон, коменданта.

— Зачем же вы пошли в армию?

— За меня все решил мой отец, — угрюмо ответил переводчик. — Я вернулся в Германию, потому что заболела моя мать, и намеревался пробыть здесь всего несколько дней. Мама умерла, фюрер вторгся в Польшу, Великобритания объявила Германии войну, и я застрял. Если бы был выбор, я предпочел бы остаться в Лондоне, даже если бы это означало

интернирование меня как иностранца на остров Мэн вместе с моими друзьями-иноземцами. Насколько я знаю, это очень неплохой курорт, и лагерь для военнопленных в Баварии значительно ему уступает. Я чувствую себя здесь таким же узником, как и вы.

Барни никогда не бывал на острове Мэн, но тоже был уверен, что выбрал бы его, а не Баварию.

— Когда эта идиотская война закончится, — продолжал Франц Джегер, — я вернусь в Лондон. — Он швырнул окурки на пол, достал из портсигара еще одну сигарету и предложил ее Барни.

Барни щелчком отправил свой окурки в полет и взял предложенную сигарету. Франц Джегер уже собирался положить портсигар обратно в карман, но вместо этого высыпал его содержимое на стол.

— Забирайте все. У меня их полно.

— Спасибо. — Барни положил сигареты в нагрудный карман своего огромного мундира.

— Он умирает. Я говорю о коменданте, — отчужденным голосом опять заговорил немец. — Его поедает рак. Он не сможет терроризировать вас слишком долго.

— Угу, — отозвался Барни. Вряд ли полковник Хофакер умрет до наступления следующей ночи, зато существует большая доля вероятности, что это сделает Эдди Фэрфакс, и тогда Барни не придется выполнять данное обещание.

Эдди не умер. Оказалось, что у него пневмония и ему следовало сидеть в кровати, а не лежать на спине.

— Чтобы отходила жидкость, — туманно пояснил капитан Кинг. — Врач дал Эдди какое-то лекарство, я не знаю, как оно называется, оно немецкое.

— Он выглядит намного лучше, — заметил Барни. Эдди сидел в постели, обложенный полудюжиной подушек. Он спал глубоким сном, его щеки слегка порозовели, и дыхание было свободным.

Прошло несколько дней. Врач приезжал ежедневно, и состояние Эдди продолжало улучшаться. Неделю спустя он уже мог разговаривать, и его аппетит почти нормализовался, хотя Эдди все еще был очень слаб и мог сделать лишь несколько шагов по комнате.

Полковник Хофакер изумил всех, кроме Барни, передавая больному всевозможные угощения: куриную грудку, свиные отбивные, марципановые пирожные. Остальным военнопленным такая еда и не снилась.

— Мы недооценили этого парня, — заметил полковник Кэмпбелл.

Миновала еще одна неделя, и от болезни Эдди не осталось и следа, как будто он и не болел вовсе.

Барни теперь не спал по ночам, и появление среди глубокой ночи Франца Джегера его ничуть не удивило. В Улье было тихо, как в могиле.

— Комендант ждет вас, — прошептал переводчик.

Барни схватил мундир, сунул ноги в туфли и последовал за ним вниз.

Когда они вошли в зал, в котором заключенные принимали пищу, Барни опустился на один из стульев.

— Присядем на минутку, — предложил он переводчику. В огромной комнате было невероятно холодно. Ничтожное отопление, согревавшее ее днем, было выключено, и руки Барни превратились в ледышки.

На лице переводчика отразилось удивление, но он сел за стол напротив Барни.

— Я не собираюсь идти к коменданту, — сказал Барни, — и был бы благодарен вам, если бы вы ему об этом сообщили.

— Но вы пообещали, лейтенант, — его собеседник слегка нахмурился, — вы дали слово.

— Большинство людей на моем месте поступили бы точно так же, — напрямик заявил Барни. — Мой друг умирал, а от меня потребовали невозможного. Лейтенант Фэрфакс и без этого имел право на врача.

— Это действительно так, — наклонил голову переводчик, — но, боюсь, коменданта не интересуют ничьи права. Он предполагал, что вы можете изменить своему слову, и попросил передать вам, что если это случится, в ближайшем будущем один из ваших товарищей будет застрелен при попытке к бегству. Будет совсем нетрудно застрелить человека, гуляющего в одиночестве, а потом заявить, что он пытался разрезать колючую проволоку и бежать.

— Он этого не сделает! — задохнулся Барни. Его захлестнула волна ужаса.

— Боюсь, что сделает. — В голосе Франца Джегера звучало сочувствие. — Коменданту наплевать, что другие о нем думают. Как я уже сказал вам, он умирает и его последнее желание на этой земле — обладать вами.

Как там звучит эта фраза в самом конце «Повести о двух городах»^[27]? — пытался припомнить Барни, несколькими минутами позже входя в комнату коменданта. «То, что я сейчас делаю, намного лучше всего, что я когда-либо сделал...» Что-то в этом роде.

Эдди Фэрфакс никогда не узнает, что сделал для него его друг.

Полковник Хофакер исчез за несколько дней до Рождества. Ходили слухи, что он лег в больницу. На Новый год заключенным сообщили, что он умер.

«Вы понятия не имеете, каким он был на самом деле!» — хотелось крикнуть Барни, когда он слышал, что о полковнике говорят как о порядочном человеке. При Хофакере в Улье царила спокойная и непринужденная атмосфера, введенные им правила были разумными, и охранники почти не беспокоили заключенных. А что он сделал для Эдди Фэрфакса, когда тот заболел!

Новый комендант, майор фон Вальдау, держался в тени. Раз в неделю он встречался с полковником Кэмпбеллом, старшим среди военнопленных офицеров, и они обсуждали вопросы, касающиеся пленных и их содержания. Условия ухудшились в начале нового года, когда прибыла еще сотня пленных. Теперь в каждой комнате жили по четыре человека.

Постепенно до узников начало доходить, что они здесь надолго и надежды на скорую встречу с близкими нет.

Пройдет более четырех лет, прежде чем они вновь обретут свободу. Эти годы будут долгими и монотонными, но пережить их поможет сила человеческого духа, восторжествовавшая над несчастьями. Пленные организовали драматическую студию, библиотеку, различные клубы по интересам. Они читали друг другу лекции и стихи, проводили спортивные состязания и писали книги, учились чинить обувь и штопать носки, а также изобретали множество других способов проводить время и делать свою жизнь насыщенной и интересной.

Но Барни Паттерсон так и не смог забыть, что он совершил для того, чтобы спасти жизнь Эдди Фэрфакса. Это настолько нарушило его внутреннее равновесие, что его личность претерпела заметные изменения, а воспоминания об этой ночи преследовали его до конца дней.

ГЛАВА 15

Май 1971 года

Маргарита

Я всячески пыталась добиться от Хильды приглашения съездить с ней в новую квартиру в Ватерлоо. Договор еще не был подписан, но ключ у нее уже был.

— Я хотела бы еще раз взглянуть на твою ванную комнату, — сообщила я Хильде, когда мы в конце дня забирали сумки и другие мелочи из учительской. Накануне моя мать изумила всех своим неожиданным появлением в отеле «Карлайл» в Саутпорте. — Моя тетя планирует сделать ремонт в ванной комнате, и я вспомнила, как мне понравился цвет твоей ванной.

Я понятия не имела, какого цвета ванная у Хильды. Я просто искала предлог не идти сразу после работы домой, потому что там была моя мать и мне хотелось оттянуть возвращение хотя бы на два часа. Совсем недавно Хильда казалась мне отвратительной. Если бы судьба моей матери находилась в ее руках, двадцать лет назад Эми Паттерсон повесили бы. Сейчас я считала Хильду подругой, хотя у меня не было оснований полагать, что за истекший период ее взгляды на смертную казнь претерпели сколько-нибудь заметные изменения.

— Ты, должно быть, единственный человек, которому нравится сочетание салатного и темно-зеленого, — удивилась Хильда. — Мама говорит, что когда я перееду туда, я должна буду немедленно перекрасить ванную.

— А мне показалось, что эти цвета очень хорошо сочетаются, — солгала я и добавила возмущенно: — Это твоя квартира, Хильда, значит ты, а не твоя мама, должна решать, какого цвета будет твоя ванная комната.

— Я знаю и постоянно ей об этом напоминаю. Честно говоря, Маргарита, в половине седьмого я встречаюсь с Клиффордом у «Одеона», — доверительно сообщила мне Хильда. — Мы идем на «Героев Келли» с Клинтом Иствудом. Я собиралась сразу после школы поехать в

город и немного походить по магазинам, чтобы избежать встречи с мамой. Она только и знает, что твердит о том, как она переедет в эту квартиру вместе со мной.

— Черт подери, Хильда! — в ужасе воскликнула я. — Там ведь всего одна спальня.

— Я ей так и сказала, но она ответила, что существуют двуспальные кровати. Я не то чтобы послала ее к черту, но, в общем, высказалась в этом смысле. — Хильда улыбнулась. Раньше это было очень необычным зрелищем, но в последнее время она делала это все чаще. — Знаешь что, приходи ко мне в понедельник после школы, заодно и на ванную посмотришь.

— Спасибо. — Я совсем забыла, что сегодня пятница. Скорее всего, в понедельник я по-прежнему буду избегать встречи с матерью, но мне нужен был предлог не идти домой прямо сейчас. Я подумала, не поехать ли мне самой в город, но это было немного чересчур. Целый день я не находила себе места. Сейчас пора было идти домой, а я чувствовала себя еще более странно.

Мы с Хильдой вышли на улицу и направились на стоянку позади школы, где учителя оставляли свои машины. День был пасмурный, но довольно теплый. Несколько ребят все еще ожидали родителей на игровой площадке, а за воротами стояло несколько мам с колясками. Судя по всему, там проходило стихийное родительское собрание.

Хильда никуда не спешила, я тоже несколько по-детски тянула время, когда позади нас раздался голос:

— Привет.

От неожиданности я уронила сумку, поэтому Хильда обернулась первой.

— Привет, Роб, — ответила она.

Я почувствовала, что краснею. Бог знает почему. Роб Финнеган приближался к нам, держа за руку Гари.

— Привет, — промямлила я. Один Бог ведал, почему я мямлила.

— Не буду мешать, — Хильда помахала нам рукой и зашагала прочь.

— Я хотел спросить, как ты себя чувствуешь. — Роб внимательно посмотрел на меня. — Вчера вечером ты выглядела очень огорченной.

— Я все еще огорчена. — Я громко и совершенно неожиданно шмыгнула носом. — Извини, пожалуйста. Ты, наверное, был в ужасе.

— Ничего ужасного там не произошло. — Он покачал головой. — Я провел один из самых интересных вечеров в своей жизни. Твоя мама — настоящая красotka, как сказал бы мой отец, а твой дедушка словно только

вчера из Голливуда. Моя семья по сравнению с твоей совершенно неинтересная. У меня в Ирландии есть дедушка, который носит полосатые подтяжки, войлочные тапочки вместо туфель и курит омерзительную трубку.

— Дедушка хороший, — вмешался Гари. — У него на ногах такие длинные ногти, что он ходит к специальному человеку, который их подстригает. Это называется... — он потянул отца за руку. — Как называется этот человек, пап?

— Мозольный оператор.

— У него есть подружка, — продолжал Гари.

— У мозольного оператора или у дедушки? — спросила я.

— У дедушки, глупышка, — захихикал малыш. — У нее стеклянный глаз и деревянная нога.

— Дедушка просто пошутил, сынок.

— Похоже, у тебя очень веселый дедушка, Гари. — Конечно, ученикам не положено называть своих учительниц глупышками, но чем ближе я знакомилась с его отцом, тем более фамильярными становились наши отношения с Гари. Узнав, что он занял второе место на художественном конкурсе, малыш целый день был перевозбужден и смешлив.

Роб сказал, что ведет Гари в парикмахерскую, чтобы в понедельник, когда корреспондент из «Кросби геральд» придет в школу фотографировать его, у мальчика была аккуратная стрижка.

— Может быть, я и сам подстригусь, — добавил он.

— Тебе незачем стричься. — Не то чтобы у него были короткие волосы, но... В течение последнего десятилетия многие молодые люди, вдохновленные «Битлами», «Роллингами» и другими поп-группами, отращивали длинные волосы. Хотя Робу и нравилась их музыка, он не копировал их стиль. Я не могла представить его себе с волосами, отросшими хотя бы до воротника.

— Правда? — он провел рукой по затылку. — А мне кажется, у меня уже длинные волосы. Это все из-за моей работы. Я привык коротко стричься.

— Извини. Меня это не касается. Я не имела права вмешиваться.

— Если ты считаешь, что все в порядке, я не буду стричься. Как ты думаешь? — он повернул голову, чтобы я могла рассмотреть его затылок.

— На твоём месте я бы пока оставила все, как есть. — Я вдруг ощутила непреодолимое желание коснуться его затылка и погладить. Меня это встревожило.

Гари смотрел на нас, как будто наблюдал за теннисным матчем,

переводя взгляд слева направо и справа налево, когда один из нас начинал говорить. Мне показалось, что между его отцом и мной только что произошло что-то значительное. То, что я высказала свое мнение относительно длины волос Роба, и то, что он принял мое мнение к сведению, выводило наши отношения на новый, более личностный уровень.

— В таком случае, я стричься не буду, — заключил он. — Подстригу только Гари.

Глаза Гари переместились в мою сторону в ожидании ответа.

— Хорошо. — Матч окончился. Я села за руль.

— Увидимся завтра часов в одиннадцать, — сказал Роб, отходя вместе с Гари от машины. — Мы собирались в зоопарк в Честер, — пояснил он в ответ на недоумение, написанное на моем лице.

— Я совершенно об этом забыла.

— Понимаю. Ничего страшного. Мы с Гари сами съездим.

— Нет, нет, — перебила я его. — Я тоже поеду с вами. Лучше я поеду с вами, чем останусь дома.

Гари продолжал тянуть отца за штанину, и Роб еще немного попятился от машины.

— Ты уверена?

— Еще как уверена.

Чарльз взял на работе выходной. Когда я вернулась домой, они с матерью были в саду за домом. Они сидели на белых металлических стульях за белым металлическим столом, пили вино и, судя по тому, что оба чуть не падали от смеха, разговаривали о чем-то невероятно смешном. Я поймала себя на том, что улыбаюсь, наблюдая за ними через окно кухни.

В своих мешковатых садовых штанах и рубашке с открытым воротом Чарльз выглядел молодым и беззаботным. Я не могла припомнить, когда он в последний раз так веселился. Моя мать что-то сказала, хлопнула его по колену, и они опять залились смехом.

Мать была очень красивой в своем темно-зеленом платье, сшитом из тонкой шелковистой ткани, слегка просвечивающейся и позволяющей рассмотреть форму ее ног. Я всегда знала, что она очаровательна. Я видела свадебные фотографии, использованные газетами во время суда, и слышала, что о ней говорили Чарльз и Кэти Бернс. Но была и другая фотография, сделанная в тюрьме, когда моей маме было сорок лет. На этой фотографии в ней невозможно было узнать прежнюю Эми.

Я ожидала, что из тюрьмы выйдет постаревшая, выглядящая намного

старше своих сорока девяти лет женщина. Но Эми казалась значительно моложе. Она сказала, что провела три недели в оздоровительном центре в Суффолке.

— Я восстанавливала силы, — пояснила она.

— Восстанавливала силы после чего? — кисло поинтересовалась Марион.

— После срока, проведенного в качестве гостьи Ее Величества, — горланно засмеялась мать. — Мне это очень помогло. Я имею в виду оздоровительный центр.

Я также не ожидала, что из тюремных ворот выйдет женщина, способная так заразительно смеяться. За оздоровительным центром последовала неделя в Париже, которую мама провела вместе с бабушкой. В Париже она покупала одежду и «другие мелочи». Полагаю, она подразумевала украшения и сумочки. Я была уверена, что мне это помогло бы восстановить силы практически после чего угодно, каким бы неприятным оно ни было.

Мать встала из-за стола и направилась к дому. Я взлетела наверх и заперлась в ванной. Я испытывала ужас перед нашей следующей встречей. С того момента, когда я узнала, что мать выпускают на свободу, я более-менее подготовилась к встрече с ней. Но я и представить себе не могла, что разрыдаюсь и упаду в ее объятия. Я села на крышку унитаза и в сотый раз за день пережила это ужасное событие.

Я не осознавала, насколько мне не хватало матери. Не осознавала, что мне ее хоть сколько-нибудь не хватало. Я представляла себе нашу встречу и полагала, что буду вести себя холодно, постепенно оттаивая, — все же она моя мать.

Я услышала, как она закричала:

— Хочешь еще вина, Чарли?

Должно быть, Чарльз ответил, что хочет, потому что мать продолжила:

— Красного или белого? А чипсы у тебя есть?

Я могла бы ей сообщить, что чипсов нет. Марион не одобряла чипсы. Она говорила, что они вредны для здоровья, в них полно соли и вообще это напрасная трата денег. Некоторые дети приносили чипсы в школу, и когда на перемене хрустели ими, у меня всегда текли слюнки.

— В котором часу возвращается домой моя малышка?

Я поморщилась. Меня никто и никогда так не называл.

Услышав, что мать опять вышла в сад, я покинула ванную и пробралась к себе в комнату.

Я выглянула сквозь занавеску в окно и увидела, что мама поставила на

стол два стакана красного вина. Чарльз отхлебнул из одного стакана, что-то сказал, встал и вошел в дом. Я затаила дыхание, когда услышала, как он взлетел по лестнице. Это было совершенно не похоже на него, потому что все его действия, включая подъем по лестнице, всегда были спокойными и размеренными. Я думала, что Чарльз не знает, что я уже дома, и поэтому напрямик направится в ванную. Вместо этого он вошел в мою комнату. Я не могла понять, рассердился он или развеселился, увидев меня, застывшую у окна почти наверняка с виноватым выражением лица. Я и в самом деле *чувствовала* себя виноватой.

— Ты знаешь, она не кусается, — сказал Чарльз. — Я услышал, как подъехала твоя машина, поэтому знал, что ты дома. Ты намерена сидеть здесь до вечера?

— Конечно нет.

— Эми любит тебя. Она всегда тебя любила. Она была очень растрогана, когда ты обняла ее вчера вечером. Твоя мама очень боялась, что ты не захочешь ее видеть.

— Я не хотела ее видеть. — Я почувствовала, что у меня на глаза наворачиваются слезы. — Не знаю, что на меня нашло. Должно быть, я скучала по ней, сама того не понимая, и теперь чувствую себя полной идиоткой.

— Это глупо, Маргарита. — Чарльз подошел и обнял меня за плечи, а я положила голову ему на плечо. Мой лоб уперся в его небритую щеку, — он действительно позволил себе сегодня расслабиться. — Твое поведение было абсолютно естественным. Это прекрасно, и уж во всяком случае намного лучше, чем быть все время такой зажатой, как Марион.

— Где она?

— На работе. Где же еще?

— Я думала, что она, быть может, взяла выходной, как ты.

Чарльз громко фыркнул. Должно быть, он был слегка пьян.

— Ты ошибалась. Возвращение твоей матери из тюрьмы — последнее из того небольшого, что способно заставить Марион взять выходной.

Я отстранилась от него и села на кровать.

— Почему вы с Марион все время ссоритесь? Меня это очень огорчает.

Вместо того, чтобы посочувствовать мне, Чарльз скорчил одну из тех страшных рожиц, которыми он поднимал мне настроение в детстве. Ему всегда удавалось меня рассмешить, и сейчас я тоже не удержалась.

— Ты должна была уже заметить, что приблизительно каждые семь лет твоя тетя начинает действовать мне на нервы. Мне не требуется много времени, чтобы преодолеть этот кризис. Это не должно огорчать тебя,

Маргарита, потому что все остальное время я действую на нервы *ей*. — Он поднял брови. — И не говори мне, что ты этого не замечаешь.

— Она иногда любит поворчать, — признала я.

— Чаще, чем иногда.

— Что здесь происходит? — Моя мать вошла в комнату, как будто не касаясь пола. Она была похожа на актрису, которая впервые вышла на сцену и ожидает от зрителей бурных аплодисментов. — Почему вы тут шушукаетесь тайком от меня?

— Мы не шушукаемся, Эми, — заверил ее Чарльз. — Маргарита только что вернулась домой. Она как раз собиралась переодеться во что-нибудь более удобное и спуститься вниз.

Мама села на другой конец кровати и прислонилась к изголовью, вытянув перед собой ноги.

— В саду становится прохладно. — Она усмехнулась. — Я вдруг вспомнила, как, когда мы были маленькими, мы с Джеки и Бидди втроем спали в одной кровати. А ты, Чарли, прибежал утром, когда мы еще спали, и начинал по нам прыгать.

— А кто засовывал тараканов в *мою* постель? Как-то раз я обнаружил там сразу шестерых. Мне приходилось вытряхивать простыни в окно, прежде чем лечь спать. — Его передернуло. — Терпеть не могу насекомых. Сортир во дворе кишел ими.

— Это все Бидди. Я не прикоснусь к таракану, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Бидди собирала их в спичечные коробки.

— Хорошо, что она уехала в Канаду. — Чарльз плюхнулся с противоположной стороны кровати и расположился там полулежа. — Странно, что я ее тогда не прикончил.

Очень скоро я стала напоминать сама себе маленького Гари Финнегана. Мои дядя и мать вспоминали свою жизнь на Агейт-стрит, когда они были детьми, а я переводила взгляд с одного на другого. В то время они не очень хорошо представляли себе, как тяжело пришлось их матери (они называли ее «мам») после смерти отца.

— Я злился, когда нужно было смотреть за вами, пока она работала в пабе, — вспоминал Чарльз. — Позже мне всегда было невероятно стыдно за то, что я хотел гулять с друзьями.

— А я в мамино отсутствие пользовалась ее помадой и пудрой, — призналась моя мама. — Когда я сейчас об этом вспоминаю, мне хочется плакать. Она не могла купить себе новую помаду.

Они говорили «мине», а не «мне», обсуждали «сортиры» и «бутеры». Мама рассказывала о прогулках по «Доки». Наверное, она имела в виду

Док-роуд.

Время пролетело незаметно, и мы были изумлены, когда в дверном проеме возникла Марион, онемевшая при виде нашей троицы, развалившейся на моей кровати. В этом доме было заведено, что когда люди хотели поговорить, они спускались в гостиную и садились на стулья.

— Привет, дорогая, — Чарльз так преувеличенно радушно поприветствовал свою жену, что стало ясно, что он паясничает. — Мы не приготовили чай, но это потому, что скоро придут Лео и Хэрри и принесут с собой пиццу.

— Я вполне способна самостоятельно приготовить угощение для наших гостей, Чарльз. — Марион выглядела так, как будто провела последние полчаса в морозилке. — Нет никакой необходимости приносить еду с собой. Более того, тебе известно, что я терпеть не могу пиццу.

Я не знала, что к нам собираются зайти дедушка и дядя Хэрри. Я соскользнула с кровати и пробормотала, что сейчас приготавливаю чай. Я обрадовалась тому, что мы ожидаем гостей.

Наполняя чайник водой, я напевала «Can't Buy Me Love».

— Мне нравится эта песня, — сказала мать, заходя в кухню.

Я набралась храбрости и задала вопрос:

— А вам разрешали слушать музыку в тюрьме?

— Мы смотрели хит-парады. Кое-кто даже танцевал.

— У тебя была любимая группа?

— Мне нравились «Би Джиз» и этот парень с цветами в волосах, который пел о том, как он едет в Сан-Франциско.

— Скотт МакКензи.

— Он самый. — Ее розовые губы изогнулись в грустной улыбке. — Я поклялась себе, что когда-нибудь в моих волосах обязательно будут цветы, но не уверена, что это все еще в моде.

— Власть цветов^[28] закончилась, когда началась война во Вьетнаме, но ты все равно можешь носить их, если хочешь.

— Конечно, могу. — Ее лицо заискрилось ослепительной улыбкой. — Наш Чарли выращивает розы, как и раньше?

— Да, чудесные красные розы.

— Тогда я украду у него одну, когда они распустятся.

Мне было приятно, что мы так непринужденно общаемся. Не знаю, откуда у меня взялось это дурацкое представление о том, что люди, попавшие в тюрьму, теряют связь с внешним миром. Мне тоже нравились «Би Джиз» и Скотт МакКензи. Это означало, что мы можем беседовать о музыке.

Мать прислонилась к раковине и сложила на груди руки.

— Я думала, что, возможно, было бы лучше, если бы ты называла меня Эми. Не сейчас, — поспешно добавила она, — со временем, когда ты свыкнешься с этой мыслью.

Я издала звук, который невозможно было охарактеризовать. Я бы предпочла продолжить разговор, начатый ранее.

— У меня наверху полно пластинок и проигрыватель, — сказала я. — Ты можешь слушать их, когда захочешь.

— Спасибо, хотя здесь я, скорее всего, не задержусь. Я мешаю бедняжке Марион. Она предпочитает, чтобы наш Чарли уделял внимание только ей.

— Но Чарли... Чарльз счастлив, что ты здесь. — Я увидела это сегодня своими глазами.

— Я могу пожить у Кэти, а он будет приходить ко мне, когда захочет.

Чарльз не сможет уделять внимание Марион, находясь в доме Кэти Бернс, но я не стала заострять на этом внимание.

Дедушка и дядя Хэрри явились почти час спустя с пиццей и вином. Мне было так непривычно видеть в нашем доме столько гостей, да к тому же еще и с первым в моей жизни обедом, приготовленным вне дома, что я была взволнована, как ребенок. Вскоре приехала Кэти Бернс и мы расположились вокруг стола в гостиной.

Мы ели пиццу и громко смеялись. Марион довольно демонстративно ела бутерброд с сыром и то и дело поглядывала на общую с соседями стену, как будто боялась, что нас могут услышать.

Моя мать... Эми... сказала, что сегодня днем звонила сестрам в Канаду и что они ужасно обрадовались ее звонку.

— Старшая дочь Бидди в сентябре начнет учиться в университете, а девочка Джеки уже заканчивает учебу. Она будет биологом.

— Если бы ты позвонила после шести, это было бы намного дешевле. — Казалось, что Марион скорее огорчена, чем раздражена сообщением о выброшенных на ветер деньгах.

— Когда Эми поговорила с девчонками, она спросила у оператора, сколько стоил разговор, и отдала мне деньги, — с явным сарказмом в голосе произнес Чарльз. — Наш бюджет не пострадал, дорогая.

Кто-нибудь другой на месте Марион был бы готов провалиться сквозь землю, но она всего лишь одобрительно кивнула.

— Хорошо.

Мы целую вечность сидели вокруг стола и разговаривали. Точнее, они

разговаривали, а я молчала и слушала, как они вспоминают необычные и забавные случаи, происшедшие во время войны, хотя я знала, что в те времена происходило и много трагических событий.

Кэти рассказала, что однажды ее мать вернулась из бомбоубежища и обнаружила в доме незнакомого мужчину, спящего под столом в гостиной.

— Он вошел через заднюю дверь в полной уверенности, что это его собственный дом. Мама выгнала его метлой, хотя во время затемнения это была вполне простительная ошибка.

Затемнение было причиной множества разнообразных недоразумений. Дедушка и бабушка Паттерсон однажды вечером отправились в театр, но потеряли друг друга, выйдя на улицу после представления.

— Нам пришлось добираться домой на разных трамваях, — закончил свой рассказ Лео.

— Я не могу представить тебя в трамвае, дедушка, — удивилась я. Он был для этого слишком элегантен.

— Война была великим уравниателем, Маргарита, — пояснил он. — Будь ты хоть трижды миллионер, все равно бензин выдавали по карточкам.

— На черном рынке продавалось все, — сказала Эми. — Наша мама однажды купила радиоприемник, но так и не смогла его включить. Она так раскаивалась в этой покупке, что ничуть не огорчилась, когда оказалось, что внутри приемника нет никакой начинки.

Дядя Хэрри заметил, что на его взгляд в войне не было ничего хорошего, что вся эта чертова война была одной сплошной кровавой трагедией, от начала до конца.

— Прошу дам простить меня за резкость, но на войне я потерял своего самого лучшего друга.

— Я тоже. — Кэти посмотрела на него, и между ними молнией промелькнуло взаимопонимание, причины которого я не знала.

— Мы тут были всего лишь зрителями, — вступил в разговор Чарльз. — Мы на велосипедах ездили на работу и обратно, и ничего значительного не происходило. Во время самых тяжелых налетов мама и сестры приезжали и оставались у нас на ночь. Мы наблюдали, как небо над Ливерпулем окрашивается в красный цвет, как будто горит целый город. Нам казалось, что мы находимся в другом мире.

— Мы с Элизабет самые тяжелые ночи проводили на фабрике в Скелмерсдейле, — кивнул дедушка.

— А ты где находилась во время бомбежек, Эми? — спросила Кэти Бернс. Я припомнила, что ее призвали в армию и она почти всю войну провела в Йоркшире.

— В подвале нашего дома у Ньюсхэм-парка, — ответила моя мать. — Мы там очень весело проводили время. Кто-нибудь помнит капитана Кирби-Грина? Он жил на первом этаже.

— Он был страшным занудой, — проворчал дедушка. — Каждый раз, когда я к тебе приезжал, он ловил меня в вестибюле.

— А мне он очень нравился, — возразила Марион, впервые за весь разговор открыв рот. — Я встречалась с ним всего один раз, на празднике у станции Понд-Вуд. Мне показалось, что капитану очень нравилась твоя мать, Чарльз.

— Он был от нее без ума. Он ей тоже нравился, но не в *этом* смысле. — Чарльз грустно улыбнулся. — Мне кажется, единственным мужчиной, который маме когда-либо был нужен, был наш папа. За ней ухаживал один мужчина, с которым она работала. Он даже хотел на ней жениться, но мама ему отказала.

— Как бы то ни было, — опять заговорила Эми, — капитан Кирби-Грин назначил себя массовиком-затейником на время воздушных налетов. Он почти постоянно находился в подвале, чтобы, когда прозвучит сигнал воздушной тревоги, все было готово. Капитан очень огорчился, если этот сигнал так и не раздавался. В канун второго военного Рождества налеты были просто ужасными. Они повторялись день за днем. Каждую ночь Ливерпуль бомбили много часов подряд. Я помню, как мы пели песню «Тихая ночь» и я спрашивала себя, поет ли ее Барни в лагере для военнопленных в Баварии...

ГЛАВА 16

Май 1941

Эми и Барни

«... Яркий свет вокруг тебя, — голосила Эми, — Дева, Мать и дитя...» Ее собственный голос что-то делал с ее ушами, вызывая в них звон. Это означало, что чем громче она пела, тем успешнее ей удавалось заглушать звуки бомб, рвущихся над Ливерпулем. Дом беспрерывно дрожал, его фундамент стонал, и Эми казалось, что он вот-вот обрушится прямо на них. На этой неделе все ночи были такими. Даже сегодня, в канун Рождества, бомбежка была ничем не легче предыдущих.

«С любовью смотрят на меня...» — вопила она. Это был немецкий рождественский гимн, и кто знает, быть может, Барни тоже его сейчас поет. Собравшиеся в подвале жильцы вкладывали в пение всю свою душу. Эми, Клайв и Вероника Стаффорд, мистер и миссис Портер и, конечно же, капитан изо всех сил пытались заглушить страшную реальность того, что происходило снаружи.

Эми вспомнила, как, когда она, Чарли и их сестры были маленькими, они пели «Носки стирают, тербя, пастушки только для себя». Мама с папой очень на них за это сердились, особенно если они были в это время в церкви. Эми не часто думала об отце, и это воспоминание заставило ее улыбнуться.

Это было второе Рождество с тех пор, как они с Барни поженились, и оба Рождества они провели порознь. Как там ему живется в лагере для военнопленных? Этот лагерь располагался не в поле, и жили заключенные не в палатках. Так она раньше представляла себе лагерь. Этот лагерь находился в настоящей и очень холодной крепости. Барни писал, что он никогда не снимает шинель. Это была вовсе не та шинель, которую ему выдали в начале службы, потому что он потерял почти все свое имущество во Франции. Это была чужая шинель, и в кармане он нашел носовой платок с вышитой в уголке буквой «У». «Должно быть, раньше она принадлежала Уильяму, — писал Барни, — или Уолтеру, или Уилфреду».

Капитан Кирби-Грин руководил импровизированным хором с помощью

деревянной линейки. Он уморительно гримасничал, подергивая носом и поднимая брови, как если бы дирижировал настоящим профессиональным хором. Эми разбирал смех, но она боялась задеть его самолюбие.

«Спи в божественном покое, — выводил хор. — Спи-и в божественном поко-ое».

Последовавшая за этим тишина, хотя и вполне ожидаемая, застала их врасплох, и они растерянно моргали, глядя друг на друга, пока новая бомба не упала совсем близко, на клочки разорвав тишину. Дом зашатался, певцы ахнули, Эми перекрестилась. Капитан Кирби-Грин лишь презрительно скривился. Он запретил себе реагировать на воздушные налеты, какими бы тяжелыми они ни были. Он считал себя лидером, а значит, должен был демонстрировать силу духа.

— Может быть, сделаем перерыв и перекусим? — предложил он. — Уже почти полночь.

— Неплохая идея, — отозвалась миссис Портер. Поскольку она была единственной среди них неработающей женщиной, на нее была возложена обязанность делать бутерброды.

В честь Рождества она приготовила сладкие пирожки.

— В Ливерпуле совершенно невозможно раздобыть начинку для пирожков^[29], — извиняющимся тоном произнесла она. — Поэтому я начинила пирожки изюмом, смешанным с джемом из черной смородины. Зато, — тут в ее голосе зазвенело торжество, — у нас есть настоящие яичные бутерброды. У зятя Эми родители живут в селе. Они передали ей на Рождество яиц.

— Ух ты! — Клайв Стаффорд облизал губы. Он был ужасно прожорливым, и за ним приходилось постоянно следить, чтобы он не съел больше, чем ему полагается. Вероника скорчила гримасу у него за спиной.

Капитан смотрел на часы.

— Полночь! — объявил он. — Поздравляю всех с Рождеством!

— С Рождеством!

Все поцеловались. Клайв Стаффорд поцеловал Эми с ничем не оправданным энтузиазмом.

Какая странная штука жизнь, думала Эми. У нее не было ничего общего с Портерами, Стаффордами или капитаном Кирби-Грином. Соседи ей нравились, но они были из разных слоев общества. Тем не менее она проводила ночи напролет с этой пятеркой незнакомцев, и все они в любую секунду могли погибнуть. И быть может, в свое последнее мгновение на земле она увидит одно из этих лиц, а не лицо Барни или кого-нибудь из тех, кто ей действительно дорог.

Какие ужасные мысли лезут ей в голову в первые минуты Рождества!

В это же самое время в Китли Кэти Бернс была абсолютно счастлива. Счастлива настолько, насколько это возможно в военное время. Как и в прошлом году, в финансовой части была организована вечеринка. Сделали бутерброды, и кто-то принес выигранный в лотерею торт. У них была дюжина бутылок «Гиннеса» и много вина.

Для женщин это было в тысячу раз лучше, чем идти на танцы в столовую, где солдаты лапали их и вообще вели себя так, как будто уже много лет не видели женщин. Что касается мужчин, их это избавляло от необходимости сражаться за партнершу по танцам. Более того, они все работали бок о бок и поэтому чувствовали себя непринужденно.

Реджи Шорт, хозяин проигрывателя, купил по этому случаю новые пластинки — «Загадай желание» из «Пиноккио», «За радугой» в исполнении Джуди Гарланд и «К востоку от солнца и к западу от луны» Фрэнка Синатры.

Реджи пригласил Кэти на танец. Это был необыкновенно красивый молодой человек с вьющимися белокурыми волосами и чертами греческого бога. Он едва успел окончить университет и стать дантистом, когда началась война. Реджи немедленно оставил стоматологию и пришел на призывной пункт. К его немалому разочарованию, он так и остался дантистом. Армия наотрез отказалась делать бойца из высококвалифицированного специалиста, который был намного ценнее для нее как профессионал. Кабинет Реджи находился рядом с кабинетом врача, который, в свою очередь, был расположен рядом с финансовой частью.

Чуть больше года назад Кэти и Реджи переспали. Кэти стремилась сбросить оковы условностей, которыми она была опутана в Ливерпуле. Поэтому она, не задумываясь, прыгнула к нему в постель, когда он ей это предложил. Несколько недель спустя девушка изменила свое мнение. Реджи, совершенно очевидно, воспринимал их отношения слишком серьезно, а Кэти поняла, что ей не следовало так разбрасываться своей добродетелью. Что сделано, то сделано, но для себя она решила, что для того, чтобы спать с мужчиной, ей нужны более серьезные основания.

Какое-то время ей казалось, что эти более серьезные основания ей может предоставить Хэрри Паттерсон. Он ей всегда нравился, и Кэти казалось, что он отвечает ей взаимностью. Она еще больше укрепилась в своем мнении, когда он неожиданно приехал к ней на прошлое Рождество. Они чудесно провели время. Позже он прислал ей письмо, которое было таким нежным, что она заподозрила, что он всерьез увлекся ею. Но больше

писем не было. Она сама удивилась тому, как мало ее это беспокоило.

Затем, вскоре после Дюнкерка, на сцене появился Джек Уилкинсон. Он был худым, как скелет, и его внешность при всем желании нельзя было назвать приятной. Но озорной огонек, мелькавший в его темно-серых глазах, показался Кэти таким притягательным, что уже через несколько минут она мечтала о том, чтобы Джек поцеловал ее своими тонкими изогнутыми губами.

— Мой приятель, Хэрри Паттерсон, сказал, что вы не будете против, если я к вам загляну, — сообщил он ей при знакомстве. Стоял июнь. На сегодня работа Кэти была окончена, и она сидела, греясь на солнышке, на траве за зданием финансовой части. Джек говорил на кокни, а от его обаятельной улыбки ее сердце учащенно билось.

— Я приехал на грузовике из Лидса. Все мои приятели пошли в столовую на танцы. Проблема в том, что я не могу танцевать. Я подвернул ногу, видите? — он захромал по двору, чтобы показать, какая серьезная у него травма, хотя оба знали, что он притворяется, — а Хэрри сказал, что вы хороший собеседник. И в данный момент я страшно нуждаюсь в приятной беседе с хорошенькой молодой женщиной.

Они проговорили весь вечер, обсудив вопросы жизни и смерти, религии и политики, погоды, брака, а также другие темы, которые Кэти потом и припомнить не могла. Они говорили, пока не стемнело. Джеку пора было возвращаться в Лидс, но к тому времени они уже были влюблены друг в друга. Он был самым умным из всех мужчин, которых Кэти приходилось встречать, хотя бросил школу в четырнадцать лет, так же, как и она. Она и представить себе не могла, что любовь может так захватить человека, что все ее существо каждую минуту будет устремлено к предмету обожания.

С этого дня они встречались, когда только могли. Джек пользовался любым транспортом, чтобы добраться до Китли. Дважды он приезжал в качестве пассажира на мотоцикле.

Кэти труднее было улизнуть в Лидс. Все же она несколько раз приезжала к Джеку, и они снимали комнату в отеле, даже не пытаясь сделать вид, что женаты. То же самое они делали и в Китли, но ни в одном из отелей никто и не думал возражать. В конце концов, шла война и мораль вместе со многими другими излишествами полетела ко всем чертям. Через шесть недель лодыжка Джека зажила, и его отправили к Хэрри Паттерсону в Египет. Влюбленные часто писали друг другу. Письма Джека были длинными и вдумчивыми. Письма Кэти, аккуратно напечатанные на машинке, изобиловали шутками и описаниями смешных случаев, происшедших в части.

И сейчас, танцуя с Реджи, она думала о Джеке, мечтая, чтобы случилось чудо и Реджи превратился в Джека. Она была совсем не похожа на свою подругу Эми. Кэти не считала, что ее отношения с Джеком освящены небесами или что она умрет, если потеряет его, или что она тоскует по нему в сотни раз сильнее, чем другие женщины тоскуют по своим мужчинам. Но она твердо знала, что любит его всем сердцем и хочет всю свою жизнь быть рядом с ним.

В соседней комнате зазвонил телефон, кто-то снял трубку.

— Кэти, это тебя, — крикнул этот кто-то.

Единственным человеком, который мог позвонить ей поздно вечером в канун Рождества, была Эми. Кэти отстранилась от Реджи, вышла в другую комнату и взяла трубку.

— Привет, родная, — произнес самый родной в мире голос.

— Джек! — взвизгнула она, затем понизила голос: — Джек, где ты?

— В Египте. Я зашел в английский паб, и тут оказался телефон, ну такой, в который надо все время совать деньги. Я пытался дозвониться целый вечер, и у меня в кармане около сотни фунтов мелочью.

— Сто фунтов! — ахнула Кэти. Она даже не заметила, как опустела комната и тихо притворилась дверь.

— Ну, скорее пять, — сознался он. — Как твои дела? Я так и думал, что ты будешь у себя в офисе на вечеринке.

— Все хорошо. А теперь, когда я говорю с тобой, даже лучше. — Ее голос понизился до надрывного шепота. — Но, Джек, как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь!

— Мне тоже, милая. — Она услышала, как он опустил в аппарат монету. Там, в Египте, наверное, очень жарко. Кэти выглянула в окно и увидела на земле иней. Небо было темно-синим, а звезды, казалось, висели очень низко и светили неестественно ярко.

— У вас там, наверное, холодно, — произнес Джек.

— Очень холодно. Кажется, скоро пойдет снег.

— Я люблю тебя, Кэт. — Еще одна монета звякнула, упав в аппарат.

— А я люблю тебя. Почему мы говорим о погоде? — Кэти знала, что, положив трубку, вспомнит тысячу вещей, которые должна была ему сказать.

— Я люблю тебя и скучаю по тебе. И еще, Кэт, я очень тебя хочу. — Он на мгновение замолчал. — Прямо сейчас, прямо сию секунду. Я хочу тебя так, как никогда ничего не хотел в этой жизни.

Прежде чем Кэти успела что-то ответить, звонок оборвался. Она смотрела на трубку, пытаясь взглядом вернуть голос Джека и представляя,

как он сейчас делает то же самое в Египте.

— Где ты, Джек? — на всякий случай спросила она, но трубка молчала. Через некоторое время раздался стук в дверь и Реджи просунул голову.

— Ты уже закончила?

Кэти кивнула, но продолжала молчать.

— Сегодня Рождество, и мы только что разрезали торт. Хочешь кусочек?

— Да, конечно. Я уже иду. — Ей все-таки удалось поговорить с Джеком. Женихи и мужья многих тысяч других женщин сейчас находятся вдалеке от них, в другой части земного шара, и у них нет ни малейшей возможности позвонить своим любимым. Ей страшно повезло.

Барни писал Эми письмо. Он сидел у стола в своей комнате, в шинели и накинутом на плечи стеганом одеяле. Оно накрывало его почти полностью, но Барни все равно было холодно. За маленьким окошком без штор валил густой снег. Метель не прекращалась уже несколько дней.

По случаю Рождества пленным разрешили лечь спать в час ночи. Охранники только недавно уgomонились во дворе. Несмотря на завывающий ветер и температуру ниже нуля, заключенные долго играли в снежки. Теперь Барни слышал лишь пение, доносящееся из столовой. Он тоже должен находиться внизу и вместе с товарищами петь рождественские гимны, а не сидеть, закрывшись в комнате.

Барни уже написал Эми, как сильно он ее любит, и поблагодарил за рождественскую посылку, прибывшую через Красный Крест. Она прислала шоколад, печенье, книги, блокнот, конверты, набор карандашей и точилку вместо пузырька с чернилами (которые могли бы разлиться и все испортить), поздравительные открытки и маленькие подарки от всех Карранов, а также от всех соседей по дому у Ньюсхэм-парка. Эми связала ему шарф, и сейчас Барни сидел и писал ей письмо, обмотав его вокруг шеи. На шарфе было много спущенных петель и узелков, но от этого Барни только больше любил жену и представлял себе, как она вязала, склонившись над спицами и прикусив нижнюю губу, как она делала всегда, когда пыталась сосредоточиться.

«И еще одна потрясающая новость, милая. Никогда не догадаешься какая. Эдди Фэрфакс уже не живет со мной в одной комнате. Он думает, что я не знаю, но мне известно, что он договорился с польским офицером поменяться местами. С тех пор сюда подселили еще двух французов, и теперь нам тут тесно, как сельдам в бочке. Наверное, Эдди просто не выдержал. Я все время был в плохом настроении и не хотел с ним

разговаривать. Это верно. Но причиной моего плохого настроения было именно то, что я совершил для Эдди. Я не могу об этом забыть. Мне кажется, что все вокруг читают мои мысли и знают, что я сделал, и презирают меня за это. Что, если Франц Джегер проболтался и теперь эта новость расплзается по Улью?»

Барни поднял голову от письма.

— Люди знают. Я вижу по глазам, — вслух произнес он, прежде чем закурить одну из сигарет, которые передавал ему Франц Джегер, когда ему это удавалось. Он был порядочным парнем, и подозревать его в болтливости было несправедливо. Барни вдохнул дым и почувствовал, как согреваются его внутренности.

Снизу донесся смех, и Барни вспомнил, что заключенные организовали концерт. Одним из лучших номеров было выступление двух парней, имитировавших Грету Гарбо и Марлен Дитрих, поющих попури из песен, в основном смешных. Но заканчивалось это попури очень трогательной песней «Пусть светят огни родного дома». Этот смех и тот факт, что он к нему непричастен, заставили Барни еще острее почувствовать свое одиночество. Это ощущение было для него чем-то непривычным. Он всегда и везде был очень популярен. Но сейчас он был чужаком, наблюдающим за чужим весельем.

Барни вернулся к письму.

«Мне очень нравятся мои новые соседи по комнате, — написал он. — Поскольку я не говорю ни по-польски, ни по-французски, а они не говорят по-английски, нам нечего сказать друг другу, что меня устраивает как нельзя лучше». — Очень удачным было также и то, что никто из них не курил, так как это избавляло Барни от необходимости делиться сигаретами.

Он закончил письмо тем, что еще раз напомнил жене, как сильно ее любит.

«Тут некоторые люди, лучше меня во всем разбирающиеся, утверждают, что новый, тысяча девятьсот сорок второй год станет последним годом этой проклятой войны. Будем надеяться на то, что следующее Рождество мы встретим вместе».

Барни не стал подписывать письмо. Он вырвал листки из блокнота и разорвал их пополам. Затем то же самое он проделал с половинками. Он рвал страницы до тех пор, пока они не превратились в кучку конфетти на столе.

Барни открыл окно, выбросил порванное письмо наружу и долго наблюдал, как обрывки бумаги кружатся в воздухе, пока ледяной ветер не унес их прочь.

Затем сел к столу и начал писать другое письмо, намного короче. Как будто он мог рассказать ей все это. Как будто он мог рассказать об этом хотя бы кому-нибудь.

Воздушные налеты не прекращались до начала мая, унося множество человеческих жизней и уродуя город. В мае последовала неделя таких тяжелых бомбежек, что в Ливерпуле все задавались вопросом: уж не решил ли Гитлер стереть их город с лица земли.

Бомбы падали непрерывно, час за часом, ночь за ночью. Покидая утром дома, люди обнаруживали огромные воронки там, где накануне были целые улицы, и узнавали, что навсегда потеряли своих лучших друзей. Церкви, школы, театры, памятники архитектуры, не говоря уже о тысячах жилых домов, систематически уничтожались.

Эми с матерью и сестрами уезжали ночевать к Чарли в Эйнтри, где взрывы было видно и слышно, но бомбы падали редко. Мистер и миссис Портер перебрались к дочери в Саутпорт, а Стаффорды — к сестре Вероники, жившей в Формби.

Все соседи приглашали капитана Кирби-Грина погостить у них, пока не прекратятся эти ужасные налеты, но он отказался покинуть дом у Ньюсхэм-парка.

— Должен же кто-то присматривать за домом, — храбро заявлял он.

Однажды утром его обнаружили в подвале. Капитан, ссутулившись, сидел в кресле. Ночью его настиг сердечный приступ. Но на лице Кирби-Грина была улыбка, а в руке он держал все ту же деревянную линейку, как будто продолжал руководить невидимым хором.

Наступило еще одно Рождество, а война все не заканчивалась. Воздушные налеты постепенно прекратились, но обстановка оставалась безрадостной. Англичан вытеснили из Греции. В Северной Африке они также терпели неудачу за неудачей. На Рождество японцы захватили Гонконг, что произошло всего несколько дней спустя после потери Англией Сингапура. По крайней мере, после того, как Япония уничтожила американский флот в Перл Харбор и Германия объявила войну Соединенным Штатам, у Британии появился в этой войне еще один союзник. Через несколько недель на британские берега начали прибывать янки, вызывая трепет в женских сердцах.

Несколькими месяцами ранее Германия вторглась в Россию, что стало самой крупной ошибкой Гитлера, так как его армия не была готова к столь свирепым зимам. Это также означало, что с Великобритании его внимание

переключилось на восточный фронт. Сложилась патовая ситуация. Шли месяцы, но прогресса не было ни с одной из сторон.

Внутри страны еще более ужесточилась карточная система. Ощущалась нехватка практически всего. Эми больше огорчало введение карточек на одежду, чем на продукты питания. Она гораздо внимательнее относилась к тому, что она носила, чем к еде.

Это уже превратилось в ритуал. Хэрри утверждал, что это приносит им удачу. Он был убежден, что погибнет, если перед боем не сможет пожать Джеку руку.

Сейчас каждый из них крепко сжимал руку друга обеими руками, чтобы сделать рукопожатие как можно более сердечным. В четыре часа утра в Эль-Аламейне, неподалеку от Александрии, было тихо и тепло. Темное небо светилось зловещим пурпурным блеском, а песок рассыпался, как пыль. Чтобы не проваливаться по самую щиколотку, приходилось ступать как можно осторожнее. Пехотинцы неровными цепями молча шли за танками, из-под гусениц которых похожими на дым клубами вылетал песок, поэтому солдаты не видели перед собой ничего, кроме смутных очертаний ревущих машин.

Впереди был враг. Предположительно, он отступал, хотя время от времени мимо свистели пули и где-то неподалеку падали снаряды.

Джек с улыбкой на лице шел немного впереди Хэрри, сжимая в руках винтовку. Он потерял носки, и теперь ботинки болтались на его тощих ступнях. Он был неспособен относиться к происходящему серьезно. Джек искренне считал, что мир сошел с ума и что находящиеся у власти люди безумнее всех остальных, но, тем не менее, беззлобно и безропотно принимал участие во всеобщем сумасшествии.

За два года знакомства Джек стал для Хэрри ближе, чем когда-либо был его родной брат. В этом не было вины Барни, просто они с Барни не ходили вместе в бой и не подвергали вместе опасности свою жизнь. Если и существовал в этом мире человек, которому Хэрри с радостью отдал бы Кэти Бернс, то это был Джек Уилкинсон. Хэрри уже согласился быть шафером на их свадьбе, когда бы она ни состоялась.

На горизонте появилась красная полоса, вот-вот должно было взойти солнце. Хэрри надеялся, что бой закончится до того, как станет жарко. Он опять участвовал в сражениях и ужасно страдал от жары. Даже если бы он остался в Египте до конца своих дней, он не смог бы к ней привыкнуть.

Ему казалось, что он воюет в какой-то призрачной армии, почти беззвучно продвигающейся вперед; Снаряд разорвался позади одного из

танков, другой упал перед ним. Затем раздался еще один взрыв, с силой швырнувший Хэрри на землю. Он около минуты лежал, оглушенный, а когда поднял голову, увидел, что вместе с ним на песке оказались еще с полдюжины человек. Он с трудом поднялся на ноги, с облегчением отметив, что, если не считать сильного шока, он цел и невредим. Остальные солдаты тоже встали с земли и пытались прийти в себя. Все, за исключением одного, который остался лежать на спине, потому что в его животе была дыра размером с футбольный мяч и из нее на песок, уже окрашенный в алый цвет, хлестала кровь, вместе с которой вытекала и его жизнь.

— *Джек!* — Хэрри упал на колени возле друга и начал его трясти, хотя и видел, что нет ни единого шанса, что он каким-то чудом остался в живых. — *Джек!*

— Паттерсон, вперед! — раздался откуда-то крик.

— Но, сержант, это же Джек! — завопил Хэрри. Он чувствовал, что по его щекам катятся слезы.

— Я знаю, кто это, Паттерсон. Какого хрена ты тут застрял, быстро догоняй остальных. Об Уилкинсоне позаботятся медики, они идут за нами.

Это должен был быть я, в отчаянии думал Хэрри, в последний раз глядя в безжизненные серые глаза своего друга, прежде чем накрыть его лицо поношенной панамой. *Это должен был быть я.*

Полтора года спустя, когда союзные войска будут высаживаться на Атлантическое побережье Европы^[30], Хэрри Паттерсон в числе первых ворвется на Золотой Пляж во Франции. Он так и не получит повышения по службе, не будет награжден медалью или упомянут в донесениях. Он всегда был всего лишь рядовым солдатом, который упорно сражался, никогда не жаловался и не огрызался и исполнял приказы, какими бы бестолковыми он их ни считал. Солдаты вроде него составляли хребет британской армии, и без них победа над Германией была бы невозможна.

После высадки союзников в Европе все вздохнули с облегчением, потому что стало похоже на то, что конфликт может быть вскоре исчерпан, хотя на самом деле пройдет еще одиннадцать месяцев, прежде чем война в Европе подойдет к концу.

За это время Эми из квартиры у Ньюсхэм-парка переехала в маленький одноэтажный домик в Вултоне, старинной части Ливерпуля, неподалеку от очаровательной башни с часами. Домик находился на тихой улочке в пяти минутах ходьбы от центра поселка, но Эми казалось, что она живет далеко за городом.

Все устроил Лео Паттерсон.

— Барни должен приехать в местечко получше, чем эта ваша каморка, — заявил он.

Эми в этом сомневалась. В той каморке они были очень счастливы, но на этот раз она позволила Лео настоять на своем. Возможно, он и прав, решила она. Только благодаря Лео им удалось обставить этот домик, что в военное время было делом не из легких. У фабрик имелись дела поважнее, чем производство стульев, столов и кроватей.

Лео рассмеялся, когда Эми назвала привезенную им мебель подержанной.

— Это антикварная мебель, — сообщил он ей.

— От этого она не перестает быть подержанной, — возразила Эми.

— Этот письменный стол обошелся мне в небольшое состояние, — сказал Лео. Стол действительно был очень милый, довольно миниатюрный, белый, овальный, слегка изогнутый внутрь с одной стороны, на изящных резных ножках.

— Я думала, это туалетный столик, — удивилась Эми. — А зачем нам письменный стол?

— Ты сможешь писать за ним письма.

— Я всегда пишу письма на коленках.

Лео улыбнулся. Она понятия не имела, почему многое из того, что она говорит, кажется ему забавным.

— Ну, теперь ты сможешь делать это за столом. Ах да, — непринужденно продолжал он, — Элизабет приглашает тебя к обеду.

— Ха! — фыркнула Эми. — Передайте Элизабет, пусть идет к черту. Я с ней встречалась всего один раз, но мне этого хватило.

— С тех пор прошло более пяти лет. — Он нахмурился, как будто столкнулся с проявлением детского упрямства. — Мне кажется, когда Барни вернется домой, между нами должны установиться нормальные отношения. Разве ты не согласна?

— Все зависит от того, чего хочет Барни, а не вы, я или Элизабет. — Должно быть, она очень злопамятная, потому что ее естественным желанием было больше никогда не встречаться со своей свекровью. Эми сменила тему. — Правда, здорово говорить «когда Барни вернется домой» и знать, что это будет уже скоро? — Приближалось Рождество, и на этот раз все были уверены, что это уж точно будет последнее военное Рождество. Эми обняла себя за плечи. — Мне так хочется поскорее его увидеть, и в то же время мне страшно. — Она закусила губу. — Прошло столько времени...

— Поначалу ты неизбежно будешь испытывать некоторую неловкость, но это нормально.

— Правда?

— Правда. — Лео похлопал ее по плечу. С ним было очень легко разговаривать.

— Спасибо, — сказала Эми.

Он посмотрел на нее, подняв брови.

— За что? — поинтересовался Лео.

— За то, что приехали в тот день, когда я потеряла ребенка, за то, что купили нам этот дом, за все остальное в промежутке между этими событиями. — Он был для нее настоящей опорой. Без него она чувствовала бы себя бесконечно одинокой.

— Пожалуйста. — Его лицо смягчилось. — Ты когда-нибудь думаешь о потерянном ребенке?

— Не проходит дня, чтобы я о нем не думала. — Ее губы дрогнули. — Жаль, что я не знаю, был это мальчик или девочка. Я могла бы дать ребенку имя, и тогда он казался бы мне более реальным. Представляете, Барни вернулся бы домой, а его ждал маленький сын или дочка.

— Представляю, — откликнулся Лео. — Это было бы замечательно.

Кэти Бернс повысили в звании. Теперь она была капралом и у нее на рукаве красовалось две нашивки. Миссис Бернс сообщала об этом всем, кого бы ни встретила.

— Я всегда знала, что наша Кэти особенная, — без устали повторяла она мужу.

В марте, когда союзники уже подходили к Берлину и до конца войны оставалось всего несколько недель, Кэти встретила с Реджи Шортом в отеле в центре Лондона. Кэти провела два года в Колчестере и год в Портсмуте, в то время, как Реджи всю войну прослужил в Китли. Раз в несколько месяцев они встречались и обедали в отеле «Боннингтон» в Холборне.

— Что ты будешь делать, когда все это закончится, Кэт? — поинтересовался Реджи, пока они ожидали первое блюдо. Она знала, что он всегда будет жалеть о том, что сообщил на призывном пункте, что он дантист. Если бы он заявил, что бросил школу в четырнадцать лет и с тех пор работал в магазине, военные годы стали бы для него гораздо более интересными.

— Поступлю в колледж и стану учителем, — быстро ответила Кэти. Эта возможность предоставлялась всем увольняющимся в запас, как

мужчинам, так и женщинам, достаточно было сдать вступительный экзамен. — А ты?

— А ты как думаешь? — скривился Реджи. — И дальше буду работать дантистом. Мне хотелось бы основать практику в какой-нибудь симпатичной деревушке, жениться и обзавестись полдюжиной детишек.

— Удачи! — Кэти подняла бокал.

— Тебе тоже. Ты это серьезно насчет того, чтобы стать учителем? — Реджи умоляюще посмотрел на нее. — Или тебя можно уговорить выйти замуж за дантиста, который хочет иметь полдюжины детишек? Если хочешь, я сокращу количество детишек до двух.

Кэти представила себе симпатичную деревушку, детей, благополучное существование. Ее это не прельщало.

— Я настроена весьма серьезно, Редж, хотя очень тронута тем, что ты хочешь на мне жениться. — Она любила его, но этой любви было совершенно недостаточно для того, чтобы выйти замуж. — Ты знаешь, почему я не могу принять твоё предложение.

— Из-за Джека? — Кэти кивнула, и Реджи принялся ее убеждать: — Ты же не можешь провести всю жизнь, оплакивая его, Кэт.

— Я его не оплакиваю, — отрезала Кэти. — Он умер, и я смирилась с этим. Просто дело в том, что, если я не могу выйти замуж за него, я вообще не хочу выходить замуж.

— Но ты подумаешь о моем предложении?

Кэти пообещала подумать, хотя знала, что ее ответ не изменится никогда.

— Лимонада не осталось? — спросила Мойра Карран, обращаясь ко всем сразу. Она вошла в дом на Агейт-стрит в сопровождении своей подруги Нелли Тайлер.

— Не знаю, мам, — ответила Джеки, ее средняя дочь.

— Хочешь, мы сходим и купим? — спросила Бидди.

— Нет, спасибо, милая. Может быть, он еще не закончился.

— Лимонада нет, Мойра, — прокричала из кухни Нелли.

— Может, вы с Нелли выпьете по стакану хереса, мам? — предложила Эми.

— Не откажусь, милая. А ты, Нелли?

Нелли ухмыльнулась.

— Я тоже не откажусь, — слегка заплетающимся языком ответила она.

Вся улица отмечала окончание войны, а сегодня, восьмого мая, к тому же был выходной день. Сестры собрались за столом в родительском доме,

чтобы поболтать. Они уже очень давно так не собирались. Джеки почти все свои выходные проводила с семьей Питера в Понд-Вуд, а жених Бидди, Дерек О'Рурк, который учился на пожарного, жил за рекой, в Биркенхэде. Они собирались пожениться в конце июня.

— Мы хотим как можно скорее завести ребенка, — сказала Джеки после того, как ее мать и Нелли опять вышли на улицу, пошатываясь еще сильнее, чем когда они вошли. — Мы попробуем сделать его, как только Питера демобилизуют. — С тех пор как Питера призвали на флот, им удавалось встречаться только раз в несколько месяцев.

— Я тоже хочу ребенка. — Как бы сильно Эми ни старалась, ей не удавалось представить Барни дома. Она могла говорить об этом, слова легко срывались с ее языка, но это не имело никакого отношения к реальному возвращению Барни домой.

В доме царил мирная и радостная атмосфера. «Малхолланд» перестал производить автомобили для армии, и Эми разрешили уволиться. Она хотела быть дома, а не ходить на работу, когда Барни вернется. Джеки заметила, что война закончилась, налеты прекратились, никто больше не будет топить корабли или сбивать самолеты, не будут больше гибнуть люди.

— Это не так, — напомнила ей Эми. — Война закончилась только в Европе. Война с Японией пока продолжается.

— Я забыла, — мрачно согласилась Джеки. Сквозь открытую входную дверь до них с улицы доносились обрывки песен. Сейчас там пели «Когда огни зажгутся снова». Стояла изумительная, солнечная и теплая погода. Такая же погода была, отметила Эми, в тот день, когда объявили войну, почти шесть долгих лет назад.

— Хотите чаю? — предложила Бидди.

— Я бы с удовольствием, — сказала Эми. — Но достаточно ли у мамы чая? И как насчет молока?

— У нас много и того, и другого. Я принесла чай, а наша Джеки принесла молоко.

— Это свежее молоко, прямо из-под коровы. Я взяла его сегодня утром на ферме.

— А я всегда забываю что-нибудь принести, — сконфуженно поморщилась Эми.

— Мы это заметили. Правда, Джеки? — сурово произнесла Бидди.

— Ничего страшного, сестричка, — улыбнулась Джеки. — Твои рождественские подарки с лихвой компенсируют молоко и чай и все остальное. Брошкой, которую ты подарила мне в прошлом году,

восхищаются все без исключения, как и сумкой, которую ты тогда привезла из Лондона.

— Так что можешь со спокойной совестью выпить чашечку чая, — кивнула Бидди.

Эми встала из-за стола.

— Хорошо, но раз уж я ничего не принесла с собой, пойду и приготовлю чай.

Она была в кухне, тихонько подпевая шумной толпе на улице, когда в дверях появились ее сестры.

— К тебе гость, — сказала Джеки.

— Мы усадили его в гостиной. Там вам никто не будет мешать, — добавила Бидди.

Когда Эми открыла дверь гостиной, она все еще ничего не понимала. Она подумала, что они говорят о Лео. С другой стороны, обе ее сестры отлично с ним знакомы, и с чего бы это вдруг им вздумалось приглашать его в гостиную? Эми оказалась совершенно не готова к встрече с человеком, которого она там увидела.

— *Барни!* — ее возглас больше походил на стон.

Когда Эми воображала это невозможное событие, возвращение Барни домой, она представляла его в военной форме, быть может, даже в шинели, принадлежавшей человеку, чье имя начиналось на «У». Но на Барни был элегантный темно-серый костюм, кремового цвета рубашка и красновато-коричневый галстук. Она во все глаза глядела на этого незнакомца, а его ввалившиеся глаза смотрели на нее с бледного, осунувшегося лица. Барни поднял руки. Это был вялый жест, и руки не поднялись выше талии, но для Эми этого было достаточно, и она бросилась к нему.

— О, Барни! — она, рыдая, прильнула к нему, уткнулась лицом в его шею, заливая слезами красно-коричневый галстук и воротник рубашки. Его руки скользнули по ее телу, и он обнял ее так крепко, что она едва могла дышать. Потом Барни тоже заплакал.

Эми понятия не имела, сколько времени они провели в гостиной, обнявшись и почти не разговаривая. Люди входили в дом и опять выходили, пение на улице становилось все громче, радость все безудержнее. Двое мужчин подрались, потом в стену дома добрых десять минут стучали футбольным мячом, после чего гуляки принялись танцевать ирландскую жигу, громко топая ногами по тротуару.

Эми и Барни продолжали сидеть, обнявшись и не веря, что война действительно закончилась и они наконец вместе. Им предстояло заново узнать друг друга, и у Эми было чувство, что на этот раз это будет намного

труднее, чем прежде.

Приближался июнь. Первого числа был день рождения Эми, ей должно было исполниться двадцать четыре года. Барни предложил отпраздновать это событие в каком-нибудь особенном месте.

— Мне ничего особенного не приходит в голову, — сказала Эми, — если только мы не отправимся в Лондон на наш запоздалый медовый месяц. — Он обещал опять повезти ее в Лондон, когда их первую (и последнюю) поездку туда пришлось прервать раньше времени.

— Когда-нибудь мы поедem в Лондон, — ответил Барни, — но не сейчас. Папа все еще вводит меня в курс дела. — Он пошел на работу к отцу, забыв о том, что после войны мечтал заняться чем-нибудь более интересным. А может быть, он просто передумал. — На этой неделе я работаю в стеклодувном цехе. Это так увлекательно.

— Ты учишься выдувать стекло? — Эми надеялась, что это не дурацкий вопрос.

— Нет, просто смотрю, как это делается. — В его голосе звучало раздражение, как будто вопрос был *действительно* дурацким. — Выдувание стекла — это ремесло, которому надо очень долго учиться. Вот что я тебе скажу. Давай поедem в Саутпорт, на пирс, где мы тогда познакомились на Пасху. Кажется, это было в прошлой жизни.

— С удовольствием. — Эми готова была сделать все, что угодно, лишь бы их отношения опять стали нормальными, а Барни перестал быть таким отчужденным и холодным. Только в постели, в темноте и под одеялом он становился прежним Барни. И даже тогда это длилось, только пока они занимались любовью. Ни до, ни после он не произносил ни слова. Просто молча хватал ее, а потом отпускал. Барни много курил и никогда не рассказывал о времени, проведенном в лагере для военнопленных.

Все разговоры начинала Эми. По крайней мере, до тех пор, пока Барни не предложил отпраздновать ее день рождения в каком-нибудь особенном месте.

— Жаль, что Хэрри здесь не будет, — сказала она. — Кэти на несколько дней приехала домой. Было бы чудесно, если бы мы смогли отправиться туда вчетвером. Мы можем поехать на поезде. — Пройдет, наверное, еще много месяцев, если не лет, пока бензин перестанут выдавать по карточкам и люди наконец смогут пользоваться своими машинами.

— Хм-м-м, — безразлично протянул Барни.

Так случилось, что Хэрри вернулся в Англию за несколько дней до дня

ее рождения, впервые со времени отправки во Францию, и ему дали отпуск на пять дней.

Стояла необыкновенно холодная для июня погода. По песчаным пляжам Саутпорта гулял ледяной ветер, насквозь пронизывая одежду немногочисленных храбрецов, прогуливавшихся по пирсу. На этот раз уединиться стремились Кэти и Хэрри, в то время как Эми и Барни молча плелись за ними. Им нечего было сказать друг другу.

Кэти и Хэрри не встречались со времени вечеринки в финансовой части в Китли на первое военное Рождество. С тех пор произошло очень много событий, самым важным из которых была встреча Кэти и Джека, вскоре погибшего в Египте на глазах у Хэрри. Им не терпелось обменяться воспоминаниями о человеке, который для Кэти был возлюбленным, а Хэрри — лучшим другом.

Эми жалела, что они пригласили Кэти и Хэрри. Их присутствие только подчеркивало, как плохо складываются ее отношения с Барни. Она обрадовалась, когда он схватил ее за руку и сказал:

— Давай прогуляемся до конца пирса. Пошли.

Расстилавшийся перед ними вид был бесцветным и безрадостным. Вдали поблескивала тусклая, как свинец, вода Ирландского моря, а сразу перед ними расстилался мокрый и неприветливый пляж. Нигде не было ни души. Барни удовлетворенно вздохнул, медленно вдохнув и выдохнув воздух через рот. Он обвел взглядом горизонт.

— Красиво, — сказал Барни. — Я бы хотел поселиться здесь до конца своих дней. Зря ты выехала из квартиры, Эми, — капризно добавил он.

Он ненавидел их новый дом. Комнаты были слишком тесными, окна слишком темными из-за густой живой изгороди, окружавшей дворик. А из окон их квартиры открывался бескрайний вид: крыши близлежащих домов, а дальше — безбрежное небо. В новом доме Барни казалось, что он все еще находится в тюрьме.

«Давай подыщем другое жилье». Эми и сама была не в восторге от этого дома. Она бы с удовольствием переехала куда-нибудь еще, но с Барни невозможно было договориться. «Это не имеет значения, — угрюмо отвечал он. — Мне кажется, я постепенно привыкну к этому дому».

Стоя у конца пирса, он неожиданно обнял ее за плечи.

— Прости, родная. Я так мечтал поскорее вернуться домой. И вот я вернулся и никак не могу привыкнуть. Я не могу привыкнуть к четырем стенам. Я чувствую, что мне хочется жить на открытом воздухе, например, на вершине горы, откуда я мог бы отправиться в любом направлении, и

мне бы ничто не могло помешать.

Эми поцеловала его подбородок. Она слишком много от него хочет. Он пробыл в заключении пять долгих лет, и ему потребуется много времени, чтобы приспособиться к жизни на свободе. А пока этого не произойдет, ей просто нужно проявить терпение.

— Вы решили подхватить воспаление легких? — Кэти и Хэрри вслед за ними подошли к концу пирса. Оба были в гражданской одежде. В их внешности не было ничего, что указывало бы на то, что последние шесть лет они носили военную форму. Аккуратно причесанные каштановые волосы Кэти были повязаны шарфом, она подняла воротник теплого твидового пальто, а руки спрятала в карманы.

— Жаль, что я не надела свою норковую шубу, — засмеялась она. — Может, зайдём в кафе и выпьем чего-нибудь горячего?

На пирсе уже было много народу. Несколько мальчишек гонялись друг за Другом от скамейки до скамейки, двое мужчин ловили рыбу, пожилые супруги, одетые в похожие кардиганы, бросали чайкам хлеб.

Барни оживился и принялся командовать.

— Давайте выпьем чаю в том же кафе, где мы были в прошлый раз, потом прогуляемся по Лорд-стрит и пообедаем. Кто-нибудь знает, что идет в кинотеатрах на этой неделе?

— «Двойная страховка» с Барбарой Стэнвик и Фредом МакМюрреем и «Потерянный уик-энд» с Рэем Милландом, — быстро ответила Кэти, добавив: — Я вчера смотрела в «Эко».

Барни перевел взгляд на Хэрри и Эми.

— Что мы выберем?

— Давайте проголосуем, — предложил Хэрри.

— Что, если каждый фильм получит по два голоса? — поинтересовался Барни.

— Тогда мы попросим Эми бросить монетку, и она выберет проигравший фильм, — сказала Кэти. — У нее есть такая привычка, — пояснила она в ответ на удивленные взгляды мужчин. — Раньше, по крайней мере, она всегда делала именно так.

Эми вспомнила, что в последний раз они подбрасывали монетку в Саутпорте, в кафе на Лорд-стрит, где они с Кэти пили чай. Эми забыла названия фильмов, но в одном из них играл Чарльз Бойер, а в другом Хамфри Богарт. Они бросили монетку, и выиграл Чарльз Бойер, но она хотела пойти на Хамфри Богарта, и Кэти уступила. Эми и не догадывалась тогда, что, когда она через несколько часов пойдет смотреть этот фильм, рядом с ней уже будет Барни. В тот день ее жизнь изменилась навсегда.

Жизнь продолжала меняться. Быть может, всем четверым стоит приехать сюда еще через шесть лет? Интересно, что произойдет с ними к тому времени?

ГЛАВА 17

Июнь 1971 года

Маргарита

Я совсем забыла, как ненавижу зоопарки. Если бы Роб предложил приехать сюда еще раз, я бы попросила его поехать без меня. Было что-то чудовищно жестокое в виде диких зверей, заключенных в клетки. Из того немногого, что я помнила о своем отце, я знала, что он чувствовал себя именно так. Наверное, это было следствием того, что он так много времени провел в лагере для военнопленных.

После того как Гари посмотрел на всех животных, Роб спросил, не хочет ли он пойти по второму кругу. Когда мальчик отказался, я вздохнула с облегчением.

— Я хочу есть, — объявил он. — Хочу сосисок и жареной картошки.

Мы отправились в Честер (мы приехали сюда на машине Роба) и нашли неплохой ресторан, где я заказала себе треску с жареной картошкой. Для меня это был настоящий праздник, потому что Марион считала жареную пищу вредной для здоровья. Она никогда не жарила картошку, а слово «кляр» считалось в нашей семье бранным.

Сегодня мне казалось, что меня разорвали на две части. Одна часть хотела быть с Робом, а другая рвалась к матери. Со вчерашнего дня мои чувства кардинально изменились. Я и не предполагала, что мы сможем так быстро найти общий язык. Теперь мне хотелось защитить ее от всех бед, и мне было больно при мысли, что мама столько лет провела в тюрьме. Сегодня был день ее рождения. Ей исполнилось пятьдесят, но она настояла на том, чтобы мы ничего не организовывали.

— Мы можем устроить вечеринку, когда мне стукнет пятьдесят один. Быть может, тогда мне захочется отметить день рождения.

В ближайшем будущем, когда мы с ней останемся дома вдвоем, я обязательно поговорю с ней об отце. Я не смогла забыть бурных скандалов, бушевавших в нашем доме. Неистовствовал всегда отец. Мать увещевала его, и ее голос был неизменно тихим, терпеливым и спокойным. Но от этого отец только приходил в еще большую ярость.

— Шлюха! — взвизгивал он.

Однажды он сказал:

— *Как бы я хотел тебя убить.*

Это привело меня в ужас. Я хотела остановить его, но не знала, как это сделать. Как бы то ни было, моя мать убила его раньше.

— О чем ты думаешь? — спросил Роб.

Я отсутствующим взглядом посмотрела на него.

— Что?

— Я спросил, о чем ты думаешь? Я уже два раза задал тебе вопрос: хочешь пудинга?

— Нет, спасибо, но я не отказалась бы от чая. Прости, — извиняющимся тоном добавила я, — я куда-то улетела. — Я придумала очень простой способ побыть одновременно и с Робом, и с матерью. — Поехали ко мне, познакомим Гари с Эми, — предложила я. По крайней мере, я могла называть ее Эми, когда ее не было рядом, хотя сомневалась, что когда-нибудь смогу так к ней обратиться. — Если хочешь, — поспешно добавила я. Далеко не каждый отец мечтает о том, чтобы его ребенок познакомился с убийцей, даже если убийца — это красивая и обаятельная женщина.

— Отличная идея, — сказал Роб.

— Куда мы поедем? — спросил Гари.

— Знакомиться с мамой Маргариты.

Малыш изумленно посмотрел на меня.

— У вас есть мамочка, мисс?

— Да, Гари, есть. — Я не возражала против того, что он продолжал называть меня «мисс». Мне совсем не хотелось, чтобы в школе он стал называть меня по имени.

— У всех учительниц есть мамы?

— Разумеется.

Гари некоторое время размышлял над этим, затем пожал плечами, как будто это было выше его понимания.

— И папы тоже?

— И папы тоже, — подтвердила я.

Всего за несколько минут Эми полностью околдовала малыша. Они с Чарльзом были в саду. Марион, как она это делала каждую субботу, отправилась в парикмахерскую.

— Ух ты, какой хорошенький! — восхищенно сказала Эми и похлопала по свободному стулу рядом с собой. — Меня зовут Эми. Садись сюда.

Расскажи мне о себе.

Гари радостно повиновался. Он сообщил о том, какую картинку нарисовал для конкурса, и о том, что она заняла второе место.

— Там было апельсиновое и лимонное дерево и кролики у него в корнях. Я нарисовал их домик. Папа, как называется домик кроликов?

— Норка, сынок.

— Я нарисовал норку со шторками на окнах. Дядя из газеты сказал, что это показывает, что у меня хорошее... что сказал этот дядя, папа?

— Что у тебя хорошее воображение.

— Дядя сказал, что у меня хорошее воображение. И я получу приз. Это набор для рисования в деревянной коробке, и краски будут в трубочках, а не в коробочках.

— В тубиках, а не в трубочках, сынок.

— Мне очень нравится выдавливать краску из тубиков, — очень серьезно продолжал Гари. — Из коробочек краску выдавливать невозможно. Хочешь, я нарисую тебе картинку, когда мне дадут тубики?

— Очень хочу. А для моего брата нарисуешь картинку? Вот он, его зовут Чарли.

Чарльз глуповато улыбнулся.

— Нарисую, Эми, только это будет другое дерево.

— Ты, — сказала Эми, — совершенно неотразимый молодой человек. Пойдем в дом? Я сделаю тебе рожок с мороженым.

— Пойдем. — Гари засеменил рядом с ней к дому, а я спросила себя, почему у моей матери только один ребенок, ведь совершенно очевидно, что она обожает детей.

Через полчаса вернулась Марион. Ее волосы были короткими, гладкими и черными. Я переживала, что ей не понравится, что у нас опять гости, и заранее приготовилась разозлиться, в конце концов, я очень редко приглашала к себе друзей. Но она была любезна настолько, насколько это вообще возможно. Я вспомнила, что ржавая развалюха Роба стоит возле дома, а Марион только на днях жаловалась на нее Чарли. Но моя тетя и виду не подала, что обратила на машину внимание. Если она ее и заметила, то, судя по всему, решила сделать вид, что ее это не заботит.

Марион принялась восторгаться Гари, но он был уже очарован моей матерью и остался равнодушен к ухаживаниям моей тети. Я не знаю, усадила ли его Эми к себе на колени или он забрался туда сам, но они смотрелись очень компанейски, сидя вместе на одном из садовых стульев, пока мальчик ел свое мороженое.

Неизбежное появление Кэти Бернс вызвало у Марион раздражение, а у

Гари изумление. Его представления об учителях рушились на глазах.

Роб и Гари остались к чаю. Я вошла в дом и помогла Марион приготовить угощение. Она сообщила мне, что завтра, в воскресенье, моя мать переезжает к Кэти Бернс. Мне было жаль, что Марион такая, какая есть и из-за этого моя мать не может остаться с нами. Когда она переедет, мне ее будет не хватать, хотя, если вдуматься, это просто смешно. Я провела без нее большую часть своей жизни, и ее отсутствие меня несколько не беспокоило. Но стоило ей провести дома пару дней, и я уже не хочу, чтобы она уезжала.

После чая Роб и Гари уехали домой. Кэти Бернс и моя мама вернулись в сад с бутылкой вина, а Марион и Чарльз расположились в доме и включили телевизор. Наверное, Чарльз охотнее вышел бы в сад. Во всяком случае, я так и сделала. Телевизор можно посмотреть в любой другой день.

В этот вечер воспоминания о войне закончились пением. Соседи и их гости тоже вышли в сад и начали подтягивать Кэти и Эми, распевавшим «Когда они танцуют болеро», «Спокойной ночи, любимая» и песни, которые я слышала впервые. Сквозь живую изгородь все дружно обсуждали, что они будут петь дальше. Мне от всего этого было неловко, наверное, оттого, что меня воспитала Марион. Я представила себе, как пение будет переходить из сада в сад, пока не запоеет весь квартал.

Марион высунула голову из задней двери и крикнула, что меня просят подойти к телефону.

— Что там происходит? — спросила она.

Войдя в дом, я посоветовала ей продолжить просмотр телевизионной передачи.

— Тебе лучше этого не знать, — добавила я.

Должно быть, программа была по-настоящему интересной, потому что моя тетя так и сделала.

К моему удивлению, звонила Хильда Доули. Еще больше меня удивило то, что она плакала.

— Мне нужно с тобой поговорить, — всхлипывала она.

— Где ты, Хильда?

— В городе. Я в телефонной будке на вокзале Лайм-стрит.

— Ты можешь ко мне приехать? — Я не могла поехать к ней, потому что слишком много выпила. — Ты ведь знаешь, где я живу?

— Да, я как-то раз заезжала к тебе, чтобы забрать какой-то хлам, который не влазил в багажник твоей машины.

— Точно. — Что мне не нравилось в моем «фольксвагене», так это то,

что двигатель в нем расположен сзади, а багажник впереди, и в него почти ничего не помещалось.

— Я буду у тебя через двадцать или тридцать минут.

Интересно, что случилось? Наверняка что-нибудь, связанное с Клиффордом.

Я поставила чайник на горелку, чтобы он закипел к приезду Хильды, и вернулась в сад, где все пели совершенно ужасную с моей точки зрения песню «Выкатывай бочонок». Я выразила свое отношение, не присоединившись к дружному хору.

Когда приехала Хильда, я заварила чай и провела ее в комнатку, которую Марион называла «комната для завтрака», но которая скорее представляла собой нишу со столом и двумя деревянными скамьями, расположенную между кухней и прихожей.

— Что случилось? — спросила я, как только мы уселись. Глаза Хильды были налиты кровью, а напудренное лицо сплошь покрыто потеками от слез.

— Это Клиффорд, — сказала она.

— Что он сделал?

— Предложил мне выйти за него замуж, — уныло ответила Хильда.

Я ничего не понимала.

— Это плохо?

Хильда шмыгнула носом и вытерла нос тыльной стороной ладони. Я сбегала в кухню и принесла с полдюжины бумажных носовых платков.

— Выяснилось, что квартира, в которой он живет, ему не принадлежит и он хочет переехать ко мне. — Хильда снова шмыгнула, на этот раз скорее возмущенно, чем жалобно. — Что еще мне остается думать? Он хочет жениться на мне только ради того, чтобы у него появилось жилье, за которое не надо будет платить арендную плату.

— Я думала, квартира на Норрис Грин — его собственная, — сказала я.

— Я тоже так думала, но оказывается, он ее всего лишь снимает. Ему там не нравится. Помнишь, что он нам сказал, когда показывал ту квартиру, которая продается? И Клиффорд определенно сделал вид, будто живет в собственной квартире. Ах, Маргарита! — она опять расплакалась. Большие капли скатывались по блестящим следам слез, пролитых ею ранее. — Я так и думала, что в том, что мной заинтересовался такой красивый мужчина, что-то не так.

— Не говори глупостей, — сказала я, хотя, честно говоря, сама тогда слегка удивилась. — Ты согласилась за него выйти?

— Да, — простонала она. — Я чувствую себя настоящей идиоткой. Он сделал предложение, когда мы обедали, и я согласилась, и мы начали обсуждать наше будущее. Я предложила использовать деньги от продажи его квартиры на покупку новой кухни. И только тут он признался, что ему нечего продавать.

Эми вошла в кухню, распевая «Твоя, пока звезды не погаснут», и мне показалось, что Хильда сейчас опять заплачет.

— Прости. У вас тут вечеринка? Я вам помешала. Извините. — Она начала вставать из-за стола.

— Вот ты где, Маргарита, — сказала моя мать. — А я думаю, куда ты подевалась? — Она одарила нас ослепительной улыбкой. — Здравствуйте, — обратилась она к Хильде, — меня зовут Эми. — Сегодня она выглядела сногшибательно в ярко-красном платье с прямой юбкой, короткими рукавами и белым кружевом вокруг горловины. На ногах у нее были белые босоножки с узкими, как шнурки, ремешками.

— Это Хильда, — представила я гостью. — Она тоже работает в школе Сент-Кентигернз.

Интересно, узнает ли Хильда женщину, которую она видела столько лет назад в церкви, несмотря на то, что ее некогда длинные и белокурые волосы теперь стали короткими и каштановыми. Меня это нисколько не волновало. Я никогда и никому больше не скажу, что моя мать умерла. С этого момента я буду говорить людям правду и ничего, кроме правды.

Эми села рядом со мной на скамью, подвинув меня бедром. Она взяла большие красные руки Хильды в свои маленькие и белые. Моя мать провела последние двадцать лет в тюрьме, но это руки Хильды выглядели так, как будто она много лет была закована в цепи и дробила камни в каменоломне.

— Что случилось, милая? — спросила Эми. — Ты чем-то очень расстроена.

Хильда была не в состоянии еще раз все рассказывать, поэтому мне пришлось сделать это за нее.

— Ей кажется, что ее использовали, — закончила я свой рассказ.

— Может, использовали, а, может, и нет, — загадочно произнесла Эми. — На твоём месте я бы сказала Клиффорду, что передумала, что не хочу выходить за него замуж, во всяком случае пока. Если он искренне тебя любит, он никуда не денется. Если нет, смоемся.

— Дело в том, Эми, — прошептала Хильда, — что я не хочу, чтобы он смылся. Он первый мужчина, который захотел на мне жениться, и я боюсь его потерять.

— Чего ты хочешь больше, Хильда, быть миссис Клиффорд-как-там-его, неуверенной в любви своего мужа, или самостоятельной незамужней женщиной с хорошей работой и собственной квартирой?

На несколько секунд Хильда, похоже, растерялась. Затем она несколько раз кивнула и стыдливо произнесла:

— Вас это шокирует, но я предпочитаю быть замужней, независимо от того, любит меня Клиффорд или нет. И я всегда хотела иметь детей. Мне всего тридцать семь лет, у меня еще есть время.

Эми это откровение, похоже, ничуть не шокировало.

— В таком случае в следующий раз, когда ты увидишь Клиффорда, скажи ему, что ты хочешь детей. Ребенка невозможно растить в крошечной квартирке. Вам придется купить дом, и твой муж должен будет взять закладную. Посмотришь, что он скажет на это. — Она пожала руки Хильды. — Я зашла за еще одной бутылкой вина, — сказала Эми. — Кэти подумает, что я отправилась за ней в Испанию.

— Она добрая, — заметила Хильда, когда Эми ушла. — Это твоя родственница?

— Это моя мать, — сказала я. — Ее зовут Эми Паттерсон, и она недавно освободилась из тюрьмы.

Наступило воскресенье, и Чарльз перевез в дом Кэти Бернс вещи моей матери — большой дорогой чемодан, набитый красивой одеждой, большую часть которой Эми приобрела в Париже. Сегодня днем моя мать собиралась в ресторан с дядей Хэрри, что очень меня обрадовало.

— Как ты думаешь, они могут сойтись? — спросила я у Чарльза. — В конце концов, он ее зять. Она познакомилась с ним и с моим отцом одновременно.

— Не могут, — без малейших колебаний ответил Чарльз. — Если Хэрри и сойдется с кем-то, так это с Кэти.

— Кэти! — ахнула я.

— Между ними что-то случилось во время войны. Или чуть не случилось. Я не очень хорошо знаю, что там произошло, но, в любом случае, это было до того, как Кэти встретила Джека.

— Кто такой Джек?

— Жених Кэти. Он погиб в Эль-Аламейне.

— Почему ты не рассказал мне всего этого раньше?! — возмутилась я. — Это же так *интересно*! А Джек, какой он был?

Чарльз пожал плечами.

— Не знаю, я его ни разу не видел. Ты можешь спросить у дяди Хэрри,

когда увидишь его в следующий раз. Джек был его лучшим другом.

— Проклятье! — пробормотала я. Терпеть не могу, когда от меня что-то скрывают.

Днем Марион сказала:

— Маргарита, твоя мать забыла у нас свой синий кардиган. Ты, кажется, говорила, что едешь сегодня с Робом в Саутпорт?

— Да, я заезжаю за ним и Гари в полтретьего. Ты хочешь, чтобы я по пути завезла кардиган к Кэти? — Наверное, тетя хотела поскорее от него отделаться, чтобы у моей матери не было повода возвращаться.

— Если тебе не трудно.

Вообще-то Кэти жила в Кросби, что было совсем не по пути, но Гари будет счастлив увидеть Эми, если она к тому времени вернется домой.

Кэти Бернс жила в тихом тенистом тупичке, около двадцати лет назад застроенном небольшими особняками. Как и следовало ожидать, машина Чарльза, темно-зеленая «кортина», была припаркована у домика, густо увитого красным плющом. Летом это выглядело очаровательно, но зимой, когда листья опадали и только голые ветви опутывали дом со всех сторон, картина была менее привлекательной.

— Не думаю, что моя мать сейчас дома, — сказала я Робу. — Иначе машина дяди Хэрри тоже была бы здесь. Он не смог бы просто высадить ее и уехать.

Я выбралась из автомобиля и пообещала вернуться через минуту.

Подходя к дому, я обратила внимание на то, что шторы на первом этаже были задернуты, что показалось мне довольно странным в такой чудесный солнечный день. Нехорошее, ужасное подозрение закралось мне в душу, и, подойдя к входной двери, я не решилась постучать.

Я так и стояла там, сжимая кардиган и не зная, как поступить. Я обошла дом. *Вот* где они должны быть — в саду. Почему я об этом сразу не подумала? Но если они действительно там, то ведут себя ужасно тихо. Чарльза и Кэти в саду не было, и когда я заглянула в окна кухни и столовой, то тоже никого не увидела.

— Может быть, они пошли погулять, — сказал Роб, когда я ему об этом рассказала. — Или в паб. — Он засмеялся. — У тебя развратные мысли, Маргарита.

— Видимо, да.

— Что ты сделала с кардиганом?

— Оставила его на заднем крыльце. — Но я была уверена, что перед

тем, как отойти от крыльца, я услышала, как из дома донесся женский смех.

В понедельник, не успела я прийти домой, как зазвонил телефон. Каким-то образом я догадалась, кто звонит.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спросила мама. Она звонила из телефонной будки.

— Ничего особенного. — Мне всего только надо было подготовиться к урокам на завтра.

— Как ты смотришь на то, чтобы сходить в «Каверн»? — в ее голосе звучало еле сдерживаемое волнение.

— «Каверн»? А что, ты хочешь посмотреть, как он теперь выглядит? — Она была из тех людей, которые обожали «Каверн». Какая жалость, что она пропустила время, когда Ливерпуль был самым важным городом на земле^[31].

— Я встречаюсь там с подружкой. Ее зовут Сюзан Конвэй, и ее сын там сегодня играет. Он гитарист.

— Я бы с удовольствием сходила туда. — Она меня заинтриговала. — Как называется группа?

— «Амбрелла мэн». Ты о них слышала?

Я знала лишь, что они уже играли в «Каверне» раньше.

— Да, — ответила я.

Мама сказала, что звонит из магазина «Джордж Генри Ли». Она собиралась еще немного побродить по магазину, а в шесть часов встретиться с Сюзан Конвэй, с которой они договорились вместе пообедать. Я пообещала быть у «Каверна» в восемь, а после концерта отвезти ее домой. Она пробормотала что-то насчет необходимости купить машину и повесила трубку.

Я не знала, что мама умеет водить автомобиль, как и того, где она собирается брать деньги на него. Когда я была маленькой, мы были довольно обеспеченными людьми. Наверное, все это время деньги на банковском счете матери продолжали накапливаться. Даже если бы это было не так, я не сомневалась, что дедушка не позволил бы ей бедствовать.

Когда вечером я спустилась вниз в новых синих джинсах и широкой черной майке, Марион неодобрительно фыркнула. Для разнообразия я собрала волосы в хвост и сказала себе, что выгляжу, как битник. Я с этим немного опоздала, но моя подружка Триш всегда говорила, что я одеваюсь слишком консервативно. Тут я вспомнила, что давным-давно не получала

от нее вестей, и мысленно пообещала себе в ближайшем будущем ей позвонить. Интересно, как она там, в Лондоне?

Эми и ее подруга Сюзан годились всем посетителям «Каверна» в матери. Массивное тело Сюзан было одето в свободные кримпленовые брюки и бежевый нейлоновый джемпер, а мама выбрала простое хлопчатобумажное платье в цветочек в крестьянском стиле. Кажется, она познакомилась с Сюзан во время войны, и все это время они продолжали дружить. В то время гитарист группы «Амбрелла мэн» барахтался в коляске. Сейчас ему был тридцать один год.

— Двое других моих детей уже давно женились и успели завести собственных детей, но наш Стивен меняет девушек как перчатки, и не похоже, чтобы он собирался остепениться, — фыркнула его мать, но по ее сияющим глазам было видно, что она ужасно гордится своим младшим сыном. Из ее рассказа следовало, что, выйдя замуж, она переехала жить в деревушку под названием Понд-Вуд, неподалеку от Киркби. Несколько лет назад ее муж умер, и она вернулась в Бутл и опять стала жить со своей матерью.

— Именно в Понд-Вуд я и познакомилась с твоей мамой. Она работала на станции. Когда я прочитала в газетах о том, что случилось с твоим папой, я тут же поняла, что это неспроста. Твоя мама — замечательный человек. Она и мухи не обидит.

Моей матери было явно не по себе. Голос из прошлого взвизгнул «Шлюха!» Объяснит ли она мне когда-нибудь, что именно произошло в ту ночь, когда умер отец.

В программе было три группы, «Амбрелла мэн» выступали вторыми. Первая группа показалась мне вполне приличной, но Сюзан и моя мать только и делали, что переглядывались и закатывали глаза от их очевидной бездарности.

«Амбрелла мэн» состояли из двух гитаристов, барабанщика и клавишника. Соло-гитарист расположился у микрофона и обвел зрительный зал глазами. Найдя Сюзан, он прекратил поиски и широко улыбнулся. Сюзан вонзила мне под ребра локоть со словами: «Вот он. Это наш Стивен».

Взгляд Стивена переместился на меня, и он улыбнулся еще раз. Меня охватило теплое чувство, как если бы в каком-то смысле я была обладательницей уникального дара. В ответ я уставилась на него, надеясь получить еще одну улыбку, но он уже деловито настраивал гитару и объяснял аудитории, что ее ожидает.

— Пару песен написали наш барабанщик Пит и клавишник Альф.

Потом идет несколько композиций Джерри Ли Льюиса, а затем вы услышите еще парочку вещей, написанных нашим бас-гитаристом Джерри и вашим покорным слугой.

В этом месте раздалось улюлюканье Сюзан.

— Спасибо, мама. — Зрители засмеялись, и Стивен продолжил: — Композиции идут друг за другом без перерыва, поэтому хлопать будете только после того, как мы закончим играть.

На сцене он вел себя так, как будто находился у себя дома, легко и непринужденно. Его произношение было скорее ланкаширским, чем ливерпульским. Стивен сделал шаг назад и начал играть, а я принялась его разглядывать. Он был невысок, около пяти футов десяти дюймов^[32]. На нем была потертая черная кожаная куртка, черные джинсы и футболка. В левом ухе поблескивала золотая серьга, а взлохмаченные золотисто-каштановые волосы волнами падали на плечи. Он был по-мальчишески красив, и ему можно было дать двадцать два или двадцать три года, а никак не тридцать один. Честно говоря, Стивен не относился к тому типу мужчин, которые мне обычно нравились. А он мне *нравится*? В прошлом я старалась держаться подальше от таких, как он — я была слишком застенчивой, а ребята, похожие на Стивена, чересчур напористыми.

Я не знала, что мне думать. Мне говорили, что когда мои отец и мать познакомились, это была любовь с первого взгляда, что это было «как вспышка молнии». Человек, который мне об этом рассказывал, щелкнул пальцами: «*Как вспышка молнии*».

Это был дядя Хэрри! Он при этом присутствовал. Мне было лет шестнадцать. Мы отмечали день его рождения, и он выпил лишнего. Я помню, что он в тот вечер был очень грустным, но дядя Хэрри и так никогда не выглядел счастливым, независимо от количества выпитого.

Стивен Конвэй пел о том, как он заблудился. Он был одинок и не мог отыскать выход из темноты, хотя и пытался найти свет. Его голос звучал мягко и скорбно. Внезапно все принялись хлопать, раздались одобрительные возгласы. А я почти ничего не услышала. Сюзан аплодировала так сильно, что наверняка отбила себе ладони. «Амбрелла мэн» покинули сцену, и был объявлен перерыв. Мы вышли из «Каверна» и по Мэтью-стрит направились к кафе «Л Биты», где к нам вскоре должен был присоединиться Стивен. На время концерта я напрочь забыла о Робе, а ведь обычно он постоянно в той или иной форме присутствовал в моих мыслях.

Моя мать поинтересовалась, могут ли «Амбрелла мэн» существовать на свои музыкальные заработки, или у каждого из них есть еще и основная

работа.

— То есть, то нет, как йо-йо, — ответила Сюзан. Похоже, она была очень довольна тем, что у ее сына такая необычная жизнь.

— Если у них концерт в другом конце страны или, скажем, прослушивание, они бросают все и едут. Обычно в Лондон. Некоторые фирмы готовы с этим мириться, другие — нет. Случается, что из всей компании работает один или два человека. Тогда они содержат остальных, пока те не найдут работу.

Отворилась дверь, и вошел Стивен Конвэй с гитарой за спиной. Он одарил улыбкой всех присутствующих, сел на стул, стоящий позади моего, наклонился так, что я почувствовала его дыхание на своем ухе, и сказал:

— Привет.

— Здравствуйте, — заикаясь, выдавила я. — То есть привет.

— Ты кто?

Его мать услышала вопрос.

— Это Маргарита, — ответила она. — Дочка Эми. Она учительница.

— Уверен, ты и меня могла бы чему-нибудь научить, — заявил Стивен.

Я нервно сглотнула.

— Сомневаюсь.

Я была уверена, что мне нечему его учить. За соседним столиком сидела девушка с белокурыми, сливочного оттенка волосами. Юбка ее платья-колокольчика вздернулась, обнажив бедра. Наверняка эта девушка больше соответствует его запросам. Я готова была поспорить на что угодно, что у *нее* есть чему поучиться.

Как и в «Каверне», время пролетело так быстро, что я и не заметила. Я не замечала вообще ничего, кроме склоненного ко мне лица Стивена. Он расспрашивал меня о работе и о моей любимой музыке, рассказывал, где он побывал вместе со своей группой. А побывал он в Австралии, Канаде и Германии. Однажды они *почти* получили контракт на запись пластинки, но парня, который их прослушивал, на следующий день уволили.

Моя мать и Сюзан болтали без умолку, но время от времени я замечала, что мать обеспокоенно на меня поглядывает. Во всяком случае, мне так казалось.

Теплое чувство, охватившее меня ранее, все не проходило. Я дышала немного чаще, чем обычно, и ощущала, как бьется мое сердце. Мне кажется, я смогла бы просидеть там целую вечность, не сдвинувшись с места, а только слушая Стивена. Но это было невозможно. Жизнь не могла застыть на месте.

Все поднялись, и я последовала за ними.

Выйдя на улицу, мать и Сюзан пошли впереди нас. Стивен предложил встретиться еще. Я согласилась. Они должны были играть в «Каверне» в субботу днем и еще раз вечером. А между концертами мы куда-то должны были пойти. Я не стала спрашивать, куда именно.

Он не проводил меня до машины, а ушел со своей матерью, в то время как я настояла, чтобы отвезти свою мать домой.

— Стивен предложил тебе встретиться? — спросила она, когда я вырубивала со стоянки.

— Да. — Я не удивилась бы, если бы она прочитала мне лекцию или посоветовала быть осторожной, но мама промолчала.

Мы уже ехали по улицам Бутла, когда я спросила, собирается ли она всегда жить с тетей Кэти.

— О Господи! Конечно нет! Я безумно люблю Кэти, но я с ней скоро сойду с ума. Она говорит не переставая. — Эми посмотрела в окно на голубое летнее небо и заходящее солнце. — Нет, Маргарита. Я понятия не имею, где буду жить и что буду делать, когда привыкну к жизни на свободе.

— Это означает, что ты можешь уехать из Ливерпуля? — Меня эта мысль огорчила.

— Честное слово, не знаю, Маргарита. Послушай, — она повернулась ко мне, — пока мы одни, быть может, тебе хочется расспросить меня о своем отце?

— Не сейчас. — Я бы предпочла это сделать не за рулем, а сидя в каком-нибудь укромном местечке. И я была не готова. Как я ни старалась, мне в голову не приходило ни единого вопроса, кроме одного: «Почему отец называл тебя шлюхой?» Чарльз говорил, что мама не давала ему для этого ни малейшего повода, но мне все равно хотелось спросить.

ГЛАВА 18

1945–1951 годы

Эми и Барни

Когда родилась Маргарита, Барни почти пришел в себя. Он привык к их домику и много времени проводил, вскапывая раскинувшийся за домом сад. Он никогда ничего не сажал, просто часами переворачивал пласты земли. Когда Барни доходил до конца сада, он принимался вскапывать все заново.

Маргарита с самого начала была просто идеальным ребенком. Эми укладывала ее в кроватку, стоявшую в детской, садилась рядом на белый мягкий стул и наблюдала за тем, как ее красивая малышка моргает глазками, постепенно засыпая. Наконец веки девчушки опускались, и лишь длинные темные ресницы продолжали подрагивать на кремового цвета щечках.

Когда Барни возвращался с работы, он сидел на этом белом стуле, пока Эми готовила чай.

— Все готово, любимый, — шептала она, входя в комнату. Она пользовалась этой возможностью еще раз взглянуть на Маргариту перед тем, как они отправятся в столовую обедать.

Эми видела, что Барни втайне радуется тому, что Маргарита так на него похожа. Он ожидал, что их ребенок будет белокурым и голубоглазым, как его жена, но синие глаза Маргариты постепенно приобрели такой же насыщенный коричневый оттенок, как и у него, и у нее были такие же гладкие каштановые волосы. Фотография Барни в младенчестве выявила тот факт, что у него тоже когда-то был маленький остренький подбородок и курносый нос.

Именно Барни случайно выбрал имя дочери, и Эми не преминула воспользоваться этим. Она готова была сделать все, что угодно, чтобы порадовать его и рассеять горечь, с которой он взирал на мир, вернувшись из Германии. Эми молилась, чтобы это никогда больше не повторилось.

Имени «Маргарита» не было в списке мужских и женских имен, мысленно составленном ею. Но, появившись в родильной палате частной

больницы возле Принцесс-парка, Барни заметил, что блестящие кремовые щечки новорожденной напоминают ему жемчуг.

— Так мы ее и назовем^[33], — быстро произнесла Эми. Ей самой очень понравилось это имя. Оно было необычным, но не настолько, чтобы постоянно привлекать внимание. Одна женщина, которая родила дочь одновременно с Эми, назвала свою девочку Скарлетт, в честь Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром».

— Бедный ребенок, — говорили все вокруг. — Все сразу будут понимать, откуда это имя.

Имя «Маргарита» было просто идеальным.

В течение полутора лет после рождения Маргариты жизнь была настолько спокойной, насколько это вообще возможно. Эми и ее свекровь заключили перемирие. Со стороны Эми это было сделано с большой неохотой, возможно, что и со стороны миссис Паттерсон тоже, они никогда не обсуждали этот вопрос. Эми всегда избегала оставаться с ней наедине, не будучи уверенной, что одна из них не даст волю языку. Лео, отдавая себе отчет в шаткости ситуации, прилагал все усилия к тому, чтобы обстановка оставалась спокойной.

Не было ничего удивительного в том, что Элизабет Паттерсон отказалась прийти на крестины Маргариты. Стать свидетелем того, как ее единственную внучку крестят по католическому обряду, было выше сил такой убежденной протестантки, как она.

Зато эти крестины порадовали Мойру Карран, вторую бабушку Маргариты, став доказательством того, что после ужасов войны ее жизнь наконец-то возвращается в нормальное русло. За время войны Мойра стала на шесть лет старше, а трое ее детей не только вступили в брак, но и обзавелись собственными домами. Бидди тоже была замужем, но они с мужем пока жили в доме Мойры и подыскивали себе жилье.

Вскоре Мойра останется одна в доме на Агейт-стрит, и к этой ситуации она была полностью готова. За время войны ей трижды предлагали выйти замуж, и все трое претендентов получили отказ. За всю свою жизнь она любила только одного мужчину, и он умер, когда ее дети были совсем маленькими. Теперь у нее была очень хорошая работа в выставочном зале на Стэнли-роуд, и остаток жизни Мойра собиралась провести, вспоминая о любимом мужчине, в окружении внуков, которые не преминут появиться.

Барни работал в компании отца в Скеклерсдейле, но беспокоился из-за того, что отец оттесняет Хэрри на второй план.

— Папа в него не верит, — однажды вечером пожаловался Барни Эми. — Он обращается с ним, как с идиотом.

К своему удивлению, Эми обнаружила, что она — единственный человек, к мнению которого Лео Паттерсон готов прислушаться.

— Если это заметил Барни, это заметят и другие люди, — выговаривала она свекру, — и это подорвет веру Хэрри в себя.

— Я хочу, чтобы Хэрри и Барни стали директорами компании, — ворчал Лео, — но Хэрри не проявляет инициативу, он очень медленно учится.

— Хэрри, — разгневанно вскинулась Эми, — принимал участие в войне с начала до конца, пока его не демобилизовали! Он был в Дюнкерке и участвовал в высадке союзников в сорок четвертом. Он воевал в пустыне и сражался с немцами в Европе, пока они не сдались. Вы должны гордиться им, а не жаловаться на него. Ваш старший сын очень упрямый. Он всегда добивается поставленной цели. Если он медленно учится, это не имеет значения, потому что он все равно все усвоит.

Лео рассмеялся.

— Вы, миссис Паттерсон, классический пример старой головы на юных плечах. Я запомню, что вы сказали, и отныне буду обращаться с Хэрри с большим уважением.

Она метнула на него сердитый взгляд, заподозрив его в том, что он над ней подшучивает.

— Надеюсь, так и будет, — угрожающе произнесла Эми, и Лео опять засмеялся.

Все шло гладко, пока однажды вечером к Барни не явился какой-то незнакомец. К этому времени их жизнь вошла в спокойное русло — обеды с семьей Барни и чай с семьей Эми через выходной. Бензин все еще выдавали по карточкам, но теперь водители получали необходимый минимум топлива. Машины извлекались из гаражей и из садов, в которых они пережидали войну, и приводились в рабочее состояние. Раз в несколько недель Барни возил Эми в Понд-Вуд, где в маленьком домике жили Джеки, Питер и их новорожденный сын. Они брали с собой и Мойру. Иногда они навещали Чарли и Марион в Эйнтри, хотя Марион ни разу не дала им понять, что рада их появлению.

Когда пришел незнакомец, стоял сентябрь. Это был один из тех странных осенних дней, когда Ливерпуль оказывается в тисках ядовитого желтого тумана. Казалось, что где-то поблизости жгут огромные костры, только огня не видно, один лишь дым. Когда Эми открыла гостю дверь,

уже подошло время чая. Он был очень хорошо одет — верблюжье пальто и мягкая фетровая шляпа орехового цвета. На вид ему было лет тридцать, и у него была весьма привлекательная, хотя и несколько женоподобная наружность.

— Это дом Барни Паттерсона? — вежливо поинтересовался мужчина, снимая шляпу. Он говорил с едва различимым иностранным акцентом.

Эми подтвердила, что это именно так. Она пригласила его в гостиную, извинившись за то, что в комнате довольно прохладно, и пояснив, что она кормит маленькую дочь в соседней комнате. Маргарита любила устраивать настоящую игру из процесса кормления, и гость мог испачкаться толченой морковкой или яблочным пюре.

Когда Эми вернулась в комнату, Барни уже приступил к кормлению, заткнув за ворот рубашки край посудного полотенца. Он делал вид, что ложка — это самолет, а может быть, и оса, с жужжанием разрезающая воздух и приближающаяся к роту Маргариты. Тут перед Маргаритой возникал выбор — либо съесть прилетевшую еду, либо выплюнуть.

— К тебе пришел какой-то человек, — сказала Эми. — Он в гостиной.

— Как его зовут?

— Извини, я не спросила. Давай я займусь Маргаритой, а ты выйдешь к нему. — Она забрала ложку, сняла с Барни посудное полотенце и принялась скармливать Маргарите остатки полдника, даже не подозревая, что то, что происходит в это время в гостиной, навсегда изменит ее жизнь.

Мужчина сидел на краю обтянутой льняной тканью кушетки, положив шляпу рядом с собой и облокотившись о гобеленовые подушки, подарок матери Барни на предыдущее Рождество. Когда Барни вошел, гость вскочил на ноги и с широкой улыбкой на лице направился к нему. Приблизившись, он протянул руку и произнес:

— Привет, старина. Теперь, когда эта проклятая война окончена, мы можем поприветствовать друг друга более цивилизованным образом.

Это был Франц Джегер, переводчик из крепости в Баварии. Барни моргнул, в полной уверенности, что у него галлюцинация или же все это ему просто снится. Но гость был вполне реален. Барни закрыл за собой дверь, чтобы Эми не слышала их разговора.

— Что вы здесь делаете? — прохрипел он, не обращая внимания на протянутую ему руку.

— Я решил вас разыскать. Это визит вежливости. — Похоже, Джегер был рассержен тем, что Барни не подал ему руки. — Если не ошибаюсь, я рассказывал вам, что до войны работал в представительстве «мерседес-

бенц» в Мэйфэр. — Он посмотрел на Барни, как будто ожидая подтверждения этого факта, но не дождался. — Когда война окончилась, я с радостью вернулся в Лондон, хотя и на другую работу.

— Я спросил, что вы здесь делаете, — голос Барни был хриплым от ярости.

— Я уже сказал — решил вас разыскать. Мы с друзьями едем в Ирландию, наш путь пролегает через Ливерпуль. Я вспомнил, что вы здесь живете, и нашел ваш адрес в телефонном справочнике. — Джегер обиженно нахмурился. — Я думал, мы с вами были друзьями. Я снабжал вас сигаретами все время, пока мы оба имели несчастье находиться в одном и том же месте. Я ненавидел войну не меньше вашего.

Барни рухнул в одно из обитых синим льном кресел. Сейчас он не отказался бы от сигареты, но, как назло, он резко сократил количество выкуриваемых сигарет и их сейчас в доме просто не было.

— После всего, что произошло, вы — последний человек в мире, которого я хотел бы видеть.

— А что произошло? Вы имеете в виду тот случай с комендантом? Почему это вас так огорчает? Он мне позже рассказал, что вы были вовсе не против, что вам это даже понравилось.

Барни показалось, что вся кровь внезапно покинула его тело.

— Как нелепо! — Это было очень слабое слово, но от неожиданности он не смог придумать что-нибудь покрепче. «Возмутительно» было бы намного точнее.

— Послушайте, — рассудительно произнес гость. — Меня на улице ждет такси. Мои друзья сидят в баре в отеле «Аделфи». Почему бы вам не поехать со мной? Мы бы могли вместе выпить.

— Ваши друзья — гомосексуалисты?

Глаза Франца Джекера сузились, и он, похоже, задумался.

— Вообще-то да. Так же, как и я. Так же, как вы. Только вы отказываетесь это признать. Именно поэтому вас так огорчило мое появление, не правда ли?

— У меня есть жена и ребенок, — резко ответил Барни. — И я совсем не такой, как вы и ваши друзья.

— Можно любить мужчин и женщин одновременно. У полковника Хофакера была жена. — Гость поднялся с кушетки. На его лице было написано сожаление. — Простите, ради Бога. Я бы не пришел, если бы знал о ваших чувствах. Я искренне сожалею и надеюсь, что вы и ваша семья будете счастливы. — Он взял шляпу. — *Aufwiedersehen*^[34], лейтенант. Я оставлю свою визитку, на тот случай, если вам когда-нибудь

захочется со мной связаться. — Он замахал на Барни руками, когда тот предпринял попытку подняться. — Не беспокойтесь. Я сам найду выход.

Джегер вышел из комнаты, а через несколько секунд за ним захлопнулась входная дверь. Барни дотянулся до маленького белого кусочка картона, лежавшего на каминной полке, и разорвал его на мелкие клочки, которые затем швырнул в камин, где были аккуратно сложены дрова. Это делала миссис МакКей, которая приходила убирать у них в доме. Оставалось лишь поднести зажженную спичку.

Затем Барни вернулся к Эми и Маргарите.

Молчание было предпочтительнее, мрачное молчание, которое могло тянуться несколько дней или даже недель. Эми говорила слишком много, пытаясь заполнить затянувшиеся периоды тишины, во время которых она отчетливо слышала тиканье часов, свое дыхание и попискивание, доносившееся снаружи и означавшее, что на улице темнеет и птицы устраиваются на ночлег.

Приступы ярости тоже могли длиться неделями. Все, что говорила или делала Эми, было невпопад. Еда была слишком горячей или слишком холодной, пережаренной или полусырой. Пытаясь успокоить мужа, она использовала неправильные слова. Она вздыхала с облегчением, когда Барни иногда уезжал вечером в город и обедал в одиночестве. Эми всегда старалась лечь в постель до его возвращения и делала вид, что спит, когда он присоединялся к ней. Они почти не занимались любовью, а когда это все же случалось, держались скованно, как будто были едва знакомы.

Потом бывали периоды, когда Барни очень жалел о том, что позволил себе так распуститься, что он сказал то или это. Он не знал, что на него нашло. Он просил прощения и обещал больше никогда-никогда себя так не вести. Она простит его?

Эми всегда прощала, но это не мешало Барни проходить весь этот круг снова и снова: молчание, ярость, мольбы о прощении. Еще он начал очень много курить. Как минимум шестьдесят сигарет в день.

Он наотрез отказывался обращаться к врачу. Лео проконсультировался со своим другом, доктором Шиардом, а тот, в свою очередь, посоветовался с психиатром. Психиатр заявил, что он не может ничего сказать наверняка; не побеседовав с Барни. Он может только выдвинуть предположение, что годы, проведенные в заключении, как-то повлияли на его рассудок, привели к какому-то сдвигу в психике.

— Он выразил мнение, что у Барни более уязвимая нервная система, чем мы предполагали, — сообщил доктор Шиард.

— Ни за что бы не подумал, — Лео ошеломленно покачал головой.

Эми никогда не задумывалась над психологическим состоянием Барни. Да и вообще кого бы то ни было, если уж на то пошло. Ей он всегда казался очень сильным во всех отношениях. Она вспомнила, как он, крадучись, покинул дом глубокой ночью, чтобы не говорить ей «до свидания». Было ли это признаком уязвимости его нервной системы?

Барни вынырнул из очередного периода молчания и обвинил Эми в том, что она спит с другими мужчинами. Такое заявление прозвучало впервые.

— Барни! — воскликнула она. — Как ты можешь такое говорить?

— Но ведь это правда, не так ли? — Он впился горящим взглядом в ее глаза. — Ты шлюха.

— Как ты смеешь? — Именно этим словом назвала ее его мать, когда они впервые встретились. — Я никогда не изменяла тебе и никогда не буду изменять.

Барни с полминуты раздумывал над ее ответом. Она знала, что он пытается придумать основание для выдвинутого обвинения.

— Я не могу поверить, что ты не спала с другими мужчинами все то время, пока меня здесь не было, — угрюмо пробормотал он.

— Ты можешь не верить, Барни, но я знаю, что я этого не делала. — Обычно Эми мирилась с его дурным настроением, но на этот раз по-настоящему разозлилась. — Если ты еще когда-нибудь скажешь что-либо подобное, я заберу Маргариту и уйду жить к маме.

Он мгновенно принялся извиняться.

— Но я не могу без тебя жить, — простонал Барни. — Я умру, если тебя здесь не будет. Ты мне нужна, любимая. Ты мне нужна больше, чем когда-либо.

— Конечно же, я тебя не брошу, — заверила его Эми. Она обняла мужа и почувствовала, что он весь дрожит. Он был болен, очень болен, а она поклялась быть с ним в болезни и здравии. Она никогда не сможет покинуть своего возлюбленного Барни.

Кэти Бернс закончила обучение в колледже в Киркби и стала учительницей. Она купила машину и сняла квартиру на Аппер-Парлимент-стрит. Ее первым местом работы стала школа в Токстете, и теперь она часто заезжала к Эми после работы.

Никогда прежде Эми не радовалась так появлению подруги. Чаще всего ей удавалось вырваться из дому хоть на несколько часов, но иногда

простужалась Маргарита, или она сама не очень хорошо себя чувствовала, или шел дождь. Это было таким счастьем, — видеть Кэти после многочасового заточения в доме наедине с маленьким ребенком. Разумеется, подрастая, Маргарита становилась все интереснее, но Эми не могла обсуждать с ней обвинения, которые ее отец швырнул в лицо ее матери накануне вечером, как и поделиться подозрениями, что у него появилась другая женщина.

— О Господи! — ахнула Кэти, когда Эми высказала ей свои опасения. — С чего это вдруг тебе такое пришло в голову? — Она выглядела очень элегантно в черном костюме поверх кремового джемпера и с короткой стильной стрижкой.

Эми рассказывала ей все до последней мелочи о том, что Барни сказал или сделал. Ей становилось легче оттого, что она может поговорить с кем-то, кто ее понимает. Вторым человеком, которому она доверяла, был Лео, но мужчине всего не скажешь. Он звонил невестке почти каждый день, чтобы узнать, как она поживает, и внушал ей, что в случае необходимости мгновенно примчится на помощь, но виделась она теперь с ним намного реже, чем во время войны.

— На этой неделе Барни три раза пришел с работы в полдевятого или в девять, — сообщила Эми подруге, — но Лео говорит, что он всегда уходит в полшестого. Когда он все же являлся домой, от него пахло дешевыми духами.

— А как он это объясняет? Где он был?

— Выпивал в пабе, и это от него пахнет виски или бренди, — Эми устало пожала плечами. Честно говоря, она и сама не верила в то, что Барни с кем-то встречается. Запах дешевых духов, скорее всего, объясняется тем, что в пабе рядом с ним сидела какая-нибудь женщина. Эми не знала, что ей сделать или сказать, чтобы вернуть прежнего Барни.

Однажды субботним утром он проснулся в дурном настроении. Эми была в кухне, накрывала стол к завтраку, когда услышала, как он хлопает дверцами шкафа и с грохотом задвигает ящики.

— Доброе утро, — весело сказала она, когда он вошел.

Барни не ответил, молча взял чашку с чаем, которую она перед ним поставила. Потом он опустил чашку на блюдце и как будто увял у нее на глазах. Его голова и плечи поникли, а руки безжизненно повисли.

— Барни, любимый, что случилось? — Эми легко положила руку ему на затылок. Он по-прежнему оставался ее Барни, мужчиной, в которого она влюбилась на пирсе в Саутпорте почти десять лет назад. Она вспомнила

чудесное время, проведенное ими в квартире у Ньюсхэм-парка и их «медовый месяц» в Лондоне. Как могли их отношения свестись к этому?

В кухню вбежала Маргарита и остановилась как вкопанная, увидев отца, который обычно уходил на работу раньше, чем она завтракала. Девочка бочком протиснулась к другому краю стола и ухватилась за юбку матери. Она никогда раньше этого не делала. Барни и пальцем не трогал свою малышку, но было совершенно очевидно, что она его боится.

Он резко выпрямился, сбросив руку Эми.

— Ничего не случилось. Оставь меня в покое. — Он резко встал и вышел из кухни. Через несколько минут хлопнула входная дверь. Он не мог уехать на работу, потому что фабрика по субботам не работала.

Эми покормила дочь и поела сама, помыла посуду и вызвала по телефону такси. Миссис МакКей, которая выполняла грязную работу, по выходным не приходила.

— Мне все это надоело, — сообщила Эми дочери. — Давай устроим себе выходной.

Незадолго до этого в Париже Кристиан Диор торжественно представил публике стиль под названием *нью лук*^[35]. Женщины, которые могли себе это позволить, с восторгом встретили длинные расклешенные юбки, платья с облегающими лифами и пышные нижние юбки. Простые прагматичные фасоны военного времени уходили в прошлое.

Но сейчас Эми почти не прикасалась к деньгам, выделенным ей на одежду. Она не любила ходить по магазинам в одиночестве. Ее мать всегда охотно оставалась с Маргаритой, но она работала полный день и бывала свободна только по субботам, когда Барни тоже не ходил на работу и Эми считала себя обязанной оставаться дома. У нее было несколько нарядов в стиле *нью лук*, но этого явно было недостаточно!

Сегодня ее не беспокоило то, что ей придется взять в поход по магазинам Маргариту. Ее дочери тоже необходимо было купить несколько нарядов. Но хотя Барни рядом не было, его поведение все равно омрачило весь день.

Для девочки, которой не исполнилось еще и четырех лет, Маргарита очень серьезно относилась к моде. Она настаивала на том, чтобы примерить все платья и пальто, прежде чем они будут куплены, и разглядывала себя в зеркало, поворачиваясь и так, и этак, чтобы убедиться, что она выглядит хорошо со всех сторон.

— Не правда ли, она прелесть! — прошептала продавщица в «Джордж Генри Ли», вместе с Эми наблюдая за тем, как малышка надевает

шоколадно-коричневое теплое платье с кружевным воротником и манжетами. Маргарита изучила свое отражение в зеркале.

— Мы купим новые туфли, мамочка?

— Если хочешь, купим, родная. Может быть, кремовые, чтобы сочетались с кружевами?

Маргарита посмотрела в зеркало на свои маленькие ножки.

— Кремовые — это красиво.

— Мы купим их в обувном отделе. Хочешь такое платье?

— Да, мамочка. — Она осторожно стянула платье через голову и осталась в белой шелковой нижней юбке и белых носочках. Ее темно-каштановые волосы были завязаны белыми бантами в хвостики. — Я люблю, когда ты покупаешь мне одежду, мамочка.

— А я люблю покупать ее для тебя, Маргарита. — Они с полным взаимопониманием улыбнулись друг другу. Эми как никогда раньше почувствовала, насколько они с дочерью близки. — Покупка одежды действует на меня лучше любого тоника. Никогда не забывай, маленькая: новое платье — это лучшее лекарство для женщины, если у нее на душе тяжело.

— Правильно! Правильно! — поддержала юная продавщица. — Хотя лично я могу позволить себе только наряды из «Си-энд-Эй», но никак не из «Джордж Генри Ли».

— Какая прелесть! — ахнула Мойра Карран, когда Эми показала ей твидовый костюм кремового цвета с одноцветной вышивкой на воротнике пиджака и подоле расклешенной юбки.

— Я купила к нему бледно-голубую блузку. — Эми подняла блузку за плечики. — Тебе нравится? — Блузка была сшита из тяжелого крепа, у нее были атласные манжеты и воротник.

— Тоже очень красивая, — восхищенно произнесла Мойра.

— Я надеялась, что тебе понравится, потому что я и тебе такую же купила. Только твоя розовая.

— Можно, я подарю ее бабушке? — вмешалась Маргарита.

— Конечно, родная. — Эми вручила дочери пакет из «Джордж Генри Ли». Маргарита соскользнула со стула и торжественно вручила пакет Мойре, которая заявила, что это самая красивая блузка из всех, какие она только видела за всю свою жизнь. — Еще я купила новое платье, а к нему туфли и сумку. — Эми подняла за плечики серо-белое клетчатое платье. Его черный кожаный пояс идеально подходил к туфлям-лодочкам и сумке.

— С чего это ты вдруг, малышка? — спросила Мойра.

— С чего это я вдруг что?

— Все эти покупки. Ты уже давно не покупала себе никакой одежды.

Эми аккуратно сложила платье, прежде чем спрятать его в пакет.

— Наверное, причина именно в этом: я давно не покупала себе никакой одежды.

— Почему Барни не поехал с вами? Раньше он всегда ездил с тобой по магазинам. Я помню, он как-то сказал, что очень любит выбирать тебе одежду.

— Барни куда-то уехал, — небрежно ответила Эми.

— Что случилось, Эми, девочка моя?

Эми обернулась и, широко раскрыв глаза, посмотрела на мать.

— Все хорошо, мам.

— Пойдем на кухню, поможешь мне заварить чай. Маргарита не будет здесь скучать, ведь у нее есть новая книжка-раскраска. Правда, маленькая?

— Да, бабушка. — Маргарита увлеченно раскрашивала красным карандашом клубнику.

— Конечно же, что-то случилось, — зашептала Мойра, когда они с дочерью оказались в кухне. — И случилось уже давно. Это ясно как божий день. Когда ты складывала платье, у тебя дрожали руки. Ты влюбилась в другого парня? Я угадала?

— Нет, мама, — возмущенно ответила Эми. — Я не влюбилась в другого парня. Если тебе так хочется знать, — смягчилась она, — мы с Барни уже не ладим так хорошо, как когда-то, вот и все. — Не было никакого смысла продолжать делать вид, что с ее браком ничего не происходит. — Этот лагерь сильно на него подействовал. Все постепенно образуется. — Она произнесла эти слова с уверенностью, которой не чувствовала. — В подобных случаях всегда так бывает.

— Будем на это надеяться, дорогая. Я уже давно не видела тебя счастливой, а Маргарита выглядит страшно усталой. Она хорошо спит?

— Я тоже заметила, что у нее усталый вид, но когда я заглядываю к ней ночью, она всегда крепко спит. — Эми подошла к кухонной двери и посмотрела на дочь, которая уже держала зеленый карандаш и закрашивала яблоко. В этот самый момент девочка потерла глаза тыльной стороной руки и зевнула. Эми всегда следила, чтобы дверь детской была плотно закрыта и Маргарита не могла слышать, как ее отец обвиняет мать в том, что она спит с другими мужчинами, и в других преступлениях, которые она якобы совершила.

В доме Мойры было так тихо и спокойно. Эми была по-настоящему

рада, что ей не нужно выслушивать Барни, изливающего на нее свое дурное настроение, или пережить один из его периодов молчания, пытаюсь придумать, что бы ей такое сказать, и сомневаясь, стоит ли вообще что-либо говорить.

Было уже десять часов. Весь последний час Маргарита крепко спала наверху в постели своей бабушки, а Эми пыталась собраться с силами, чтобы дойти до Марш-лейн и вызвать по телефону такси. Барни почти наверняка уже дома и должен был догадаться, что она поехала к маме. Следовало оставить ему записку. Вот только она сегодня утром, выходя из дому, вовсе не собиралась заезжать на Агейт-стрит, а кроме того, Барни никогда не считал необходимым сообщать *ей*, что поздно вернется с работы.

— Можно, мы у тебя переночуем? — спросила Эми у матери. Все равно ей придется звонить Барни, чтобы сказать, что она сегодня не приедет.

— Конечно, моя хорошая. Хочешь какао?

— С удовольствием. Спасибо, мама. — Она позвонит Барни после того, как выпьет какао.

Мойра только успела принести какао, когда раздался стук в дверь. Но это был не простой стук. Кто-то громко колотил по двери кулаком. Мойра поставила чашки на стол и поспешила к двери.

— Привет, тещенька, — бодро произнес Барни. — Я приехал за женой и дочерью. Насколько я понимаю, они здесь?

— Да, но мы тебя не ожидали, милый. — Голос ее матери едва заметно дрогнул. Наверное, она, как и Эми, увидела, что это оживление было напускным. — Входи. Маргарита уже давно спит наверху.

— Тогда Маргарита пусть остается, я приеду за ней завтра. Но, с вашего позволения, я хотел бы забрать домой Эми.

— Это не мое дело — позволять или запрещать, милый, так ведь?

— Вы правы, Мойра, не ваше.

Барни прошел в гостиную, принес с собой поток холодного воздуха. Полы его пальто, подобно накидке, летели вслед за ним. За ним по пятам спешила обеспокоенная Мойра, спрашивая зятя, не хочет ли он какао.

— Спасибо, не хочу, — демонстрируя отличные манеры, ответил он. — Эми, ты готова?

— Да. — Она начала собирать пакеты с покупками, но Барни сгреб все в охапку и понес в машину.

Он умчался прежде, чем Мойра успела выйти, чтобы попрощаться с дочерью.

По пути домой супруги не обменялись ни единым словом. Возле дома Эми вышла из машины, предоставив Барни самому ставить автомобиль в гараж. У нее было предчувствие, что сейчас произойдет что-то ужасное, что назревает грандиозный скандал, и она была рада, что Маргарита осталась у мамы.

Эми оказалась не готова к тому, что произошло. Барни ворвался в дом, остановился перед ней, процедил сквозь зубы: «Не смей больше так делать. Никогда!» и ударил ее по лицу с такой силой, что она упала на бок, стукнувшись головой о деревянный подлокотник кресла. Эми вскрикнула, и Барни упал рядом с ней на колени и разрыдался.

Он пришел в ужас, вернувшись домой и обнаружив, что там никого нет. Он думал, что Эми ушла от него, и знал, что не сможет без нее жить. Он ей уже об этом говорил. Без жены и дочери он сойдет с ума.

Голова у Эми раскалывалась от боли, из ее распухшего левого уха сочилась кровь, и ей казалось, что оно увеличилось в размерах как минимум вдвое. Она спрашивала себя: а что, если он уже сошел с ума. И, возможно, она тоже сошла с ума, ведь что бы Барни ни делал, как бы отвратительно себя ни вел, ничто в этом мире не могло помешать ей его любить, во всяком случае, пока он, беспомощный, как ребенок, рыдал в ее объятиях.

— Тихо, тихо, — нежно сказала она. — Будет тебе, не плачь.

В сентябре, когда Маргарите было уже четыре с половиной года, она начала посещать монастырскую школу в Браунлоу-Хилл. Каждое утро она надевала форму: крошечное темно-синее платье-сарафан, белую блузку и галстук, форменный пиджак и велюровую шляпку с полосатой лентой.

— Ты *очаровательна!* — воскликнула Эми, когда Маргарита впервые надела форму и собралась идти в школу. Перед ней стояла идеальная школьница в миниатюре, хотя Маргарита была достаточно высокой для своего возраста и на удивление сильной. Эми чуть не расплакалась при мысли, что она не увидит свою дочь до половины четвертого.

Она недавно получила права и сегодня сама отвезла Маргариту в Браунлоу-Хилл на новеньком «моррисе минор». Стоял прохладный солнечный день, и листья на деревьях уже кое-где были золотыми.

Вернувшись домой, Эми почувствовала, что пройден определенный этап. То, что Маргарита теперь школьница, означает начало нового периода в их с Барни жизни. Последнее время Барни был в относительно нормальном состоянии, и Эми казалось, что он постоянно о чем-то думает.

Будучи неисправимой оптимисткой, Эми начала надеяться, что отныне все будет хорошо. Убедившись в этом окончательно, она хотела бы родить еще одного ребенка.

Некоторое время все было спокойно. Но как-то раз Маргарита пришла из школы с высокой температурой и пожаловалась, что ее тошнит. Эми уложила ее в постель, и девочка тут же уснула. Эми позвонила доктору Шиарду, и он пообещал приехать через полчаса.

Вернувшись домой, Барни присел на кровать дочери и начал обтирать смоченной в прохладной воде фланелевой тканью ее горящий лоб. Ожидая, когда придет врач, Эми сидела с другой стороны. Маргарита всегда была очень крепкой девочкой и впервые заболела так серьезно.

— Ветрянка! — провозгласил доктор Шиард, быстро осмотрев пациентку. — Сейчас многие ею болеют. Когда появятся папулы, время от времени промакивайте их каламиновым лосьоном, давайте побольше питья и не позволяйте вставать с постели. Через несколько дней ей станет лучше. Ах да, наденьте на нее какие-нибудь перчатки. Если она будет расчесывать высыпания, у нее останутся шрамы на всю жизнь.

Эми поблагодарила его и провела в ванную, чтобы он мог помыть руки.

— У вас тут очень уютно, — сказал доктор, стоя в холле и оглядываясь вокруг. — Я здесь впервые. Если не считать сегодняшнего дня, единственный раз, когда я видел тебя не на приеме, это в вашей старой квартире, когда у тебя случился выкидыш.

— Какой выкидыш? — поинтересовался Барни, когда врач ушел. Они вернулись в спальню Маргариты и опять сидели на противоположных сторонах ее кровати. Эми надеялась, что он не расслышал слов старого врача. Она так и не написала мужу ни о выкидыше, ни о поведении его матери, потому что не хотела его расстраивать, когда он находился так далеко от дома. А когда Барни вернулся, она не видела смысла в том, чтобы столько лет спустя ворошить прошлое.

— Это случилось в ноябре, после того, как тебя призвали, — объяснила Эми. — Срок был десять недель, но я потеряла ребенка.

— Как? Где? Почему ты мне об этом не сообщила? — Барни устроил ей настоящий допрос, стремясь выяснить все до мельчайших подробностей. Знал ли о ее беременности доктор Шиард?

— Нет. — Она рассказала мужу, как познакомилась с его матерью. — Да, ты говорил, что я ей не понравлюсь из-за того, что я католичка, но я подумала, она будет рада узнать о том, что я жду ребенка.

— Что она сказала? — спросил Барни.

— Она не очень обрадовалась, увидев меня. — Элизабет Паттерсон назвала ее католической шлюхой, но Эми не думала, что настроение Барни улучшится, если она расскажет ему и об этом.

— Как ты смогла позвонить доктору Шиарду? Ты же его никогда не видела. — Ей не понравился тон, которым Барни задавал вопросы, как будто пытаешься ее в чем-то уличить. От этого Эми чувствовала себя так, как будто совершила какую-то ужасную ошибку.

— Я ему не звонила, это сделал твой отец. Служанка из твоего дома позвонила Лео и рассказала, что я приходила поговорить с твоей матерью, и он приехал к нам домой. И хорошо, что он это сделал, потому что к этому времени у меня уже случился выкидыш.

Они оба некоторое время молчали, пока Барни не спросил, кивая в сторону Маргариты:

— Она поправится?

— Я уверена, что поправится. У меня в детстве была ветрянка, Джеки и Бидди тоже ею переболели.

Он встал так резко, что это потревожило Маргариту, которая закашлялась и повернула голову на подушке.

— Я ненадолго выйду, скоро вернусь.

— Но куда ты идешь?

Он не ответил, просто открыл дверь и вышел из дому.

Перл проснулась оттого, что захотела в туалет. Она отказалась от горшка и настояла на том, чтобы в сопровождении встревоженной Эми, на нетвердых ногах добрести до ванной комнаты.

— У меня кружится голова, — жаловалась девочка.

После Эми опять уложила ее в постель, подоткнула одеяло, и малышка мгновенно уснула.

Эми заварила чай и вспомнила, что они сегодня вечером ничего не ели. Она почистила несколько картофелин и поставила их вариться. Когда Барни вернется, она приготовит рагу из солонины. Он впервые попробовал это блюдо только после того, как они поженились, а теперь это рагу, политое густым соевым соусом, было его любимым блюдом.

Куда же он пошел? Скорее всего, поговорить с матерью. Эми молилась о том, чтобы Барни не устроил скандал. Выкидыш произошел десять лет назад, нет, уже одиннадцать, и было бы глупо ворошить прошлое. Ее отношения с Элизабет Паттерсон были очень хрупкими, их легко было разрушить.

Барни вернулся домой три часа спустя. Часы показывали половину десятого, и на улице было темно, хоть глаз выколи. Эми предложила ему рагу, но он отказался. Она приготовила чай, но он отказался и от чая. Она достала из шкафчика масло и банку клубничного джема и отрезала два ломтя хлеба, решив воспользоваться ситуацией как предлогом полакомиться своим любимым блюдом — бутербродами с джемом. Но тут Барни безжизненным и каким-то отчужденным голосом произнес:

— Я хочу тебе кое-что сказать, Эми. Присядь, пожалуйста.

У нее упало сердце, и она прошла за ним в гостиную, где за медной каминной решеткой горел небольшой огонь. Эми отодвинула решетку и уже собиралась подбросить угля из стоявшего тут же ведерка, когда Барни все тем же безжизненным голосом сказал:

— Оставь это.

— Но камин потухнет, — запротестовала она.

— Я сказал, оставь это!

Ей захотелось ударить его угольным совком.

— Что это с тобой? — возмущенно спросила Эми, швырнув совок в выложенный керамической плиткой очаг и немедленно пожалев об этом. Раздавшийся грохот вполне мог разбудить Маргариту. Должно быть, это как-то связано со срывом беременности и его матерью. Что ему сказала Элизабет? Маргарита была больна, и нервы у Эми были на пределе. Она уселась в одно из кресел и отметила, что это то самое кресло, о которое она ударилась, когда Барни сбил ее с ног.

— Я ездил к матери, — сообщил он. — И она утверждает, что во время войны у тебя был роман с моим отцом. И что сейчас вы, по всей вероятности, продолжаете поддерживать эти отношения. — Он смотрел на нее, хитро прищурившись. В прошлом все его обвинения были вымышленными, но теперь у него было что-то реальное. Во всяком случае, Барни так считал. Ведь он узнал обо всем от собственной матери. Почему он этому так радуется?

Эми закрыла глаза и не ответила.

— Она считает, что мой отец в тебя влюблен.

Эми и теперь не издавала ни звука.

— Тебе нечего сказать в свое оправдание? — холодно спросил Барни.

— Мне нечего сказать в ответ на этот вздор. — Она встала. — Я хочу чая. Я не собираюсь сидеть и слушать тебя здесь всю ночь. Ты безумен, и твоя мать такая же. — Как она может любить мужчину, который так с ней разговаривает? Завтра она заберет Маргариту и переедет к матери на Агейт-стрит. На этот раз Барни зашел слишком далеко.

Он толкнул ее назад в кресло.

— Это правда?

— Нет, Барни, это неправда. У меня не было романа с твоим отцом. Почему твоя мать столько времени молчала? Она просто хочет нас посорить. Барни! — Эми попыталась встать, но он удерживал ее рукой, прижатой к ее груди. — Мне больно.

— Сколько раз ты спала с моим отцом? Десятки? Сотни? — шептал он, прижавшись губами к ее уху. — Это его ребенок?

Неужели это тоже идея его матери?

— Я не желаю ничего тебе доказывать или объяснять, Барни. Это слишком нелепо. — Эми отвернулась от него, твердо решив не отвечать больше ни на один из его дурацких вопросов.

Его рука переместилась к ее горлу и с силой его сдавила. Эми ударила мужа ногой по голени. Ей стало страшно. За единственным исключением, он никогда не делал ей больно. Давление на ее горло ослабло.

— Мать сказала, что мой отец проводил в нашей квартире все свое свободное время, что он приглашал тебя в рестораны. Это правда? — Барни опять сел в кресло, но пододвинул его вперед, так что их колени почти соприкасались.

— Он приезжал в гости, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, — ответила Эми. — Я не считала, сколько раз он у меня побывал, и да, он приглашал меня в ресторан. Но это не означает, что у нас был роман. — Как долго он собирается держать ее в этом кресле? Она не задернула шторы и в окно видела деревья, растущие в саду за домом. Они, подобно привидениям, раскачивались на фоне темного неба. Наверное, поднялся сильный ветер. Из комнаты Маргариты послышался скрип кровати, девочка повернулась на другой бок и хрипло закашлялась. Эми пробрала дрожь, ей было холодно. Огонь в камине уже еле теплился. Скоро он совсем потухнет.

Барни с задумчивым видом потянулся к стоящей за каминной решеткой кочерге с медной ручкой. Положив кочергу на колено, он опять заговорил:

— Я на днях прочитал в газете об одном парне, вернувшемся с войны и обнаружившем, что, пока он сражался за свою страну, его жена крутила роман с соседом. Этот парень забил ее насмерть, но получил за это всего пять лет. Судья сказал, что его спровоцировали. Интересно, что бы он сказал о жене, спящей со своим свекром?

— Ничего, потому что это неправда, — тихо ответила Эми. Она не верила, что Барни может убить ее кочергой. Он играет в какую-то игру, очень мерзкую игру, и ей хотелось, чтобы он ее поскорее прекратил.

Барни посмотрел на нее, в его глазах стояли слезы.

— Ты знаешь, дорогая, мне очень хочется тебя убить. Тогда мне не надо было бы с тобой спать.

— Барни, тебя никто *не заставляет* со мной спать. — Что за бред он несет? — Мы могли бы купить две отдельные кровати или превратить гостевую комнату в спальню, и один из нас мог бы спать там.

— Возможно, это выход. Ах, Эми, милая, я так устал. — Его голова упала на плечо, и сначала она подумала, что он потерял сознание, но на самом деле он уснул. Эми наклонилась вперед и нежно погладила его лоб. Ее чувства к нему резко качнулись от ненависти к чистой, ничем не замутненной любви.

Эми встала, взяла кочергу, все еще лежавшую у него на коленях, и спрятала ее в один из шкафчиков у камина. Затем она заглянула к Маргарите. Девочка спала очень беспокойным сном. Из шкафа Эми извлекла постельное белье и подушку и бросила это все на диван в соседней комнате. Сегодня она ляжет здесь, пусть Барни спит один. Быть может, завтра он придет в себя и сможет объяснить, почему он больше не хочет с ней спать.

Через минуту она разденется, но пока Эми села на диван, положила голову на подлокотник и натянула на себя одеяло. Здесь было холоднее, чем в гостиной. В то же время, отделившись от Барни, она испытывала облегчение: ее сердце все еще колотилось. Завтра она потребует, чтобы он обратился к какому-нибудь психиатру, и пригрозит уйти от него, если он откажется. Так дальше продолжаться не может. Она должна позвонить Лео и сообщить ему, что сказала Барни Элизабет.

Лео Паттерсон быстро вел машину по тускло освещенным ливерпульским улицам. Он не мог поверить в то, что ему только что сказала Эми.

— Я скоро буду у тебя, — пообещал он.

— Куда ты едешь? — спросила Элизабет, когда муж взял ключи от машины и направился к двери.

— Мне надо кое с кем встретиться, — бросил он. Лео не знал, что его сын приезжал сюда сегодня вечером.

— Но уже половина одиннадцатого! — запротестовала Элизабет. — Ты только что вернулся.

— Непредвиденные обстоятельства.

— Это одна из твоих женщин? Вот ты куда едешь — к женщине! — она была способна потерять самообладание в одно мгновение. Элизабет

подошла к нему и положила длинные белые пальцы на его рукав. Ухоженные ногти были покрыты блестящим белым лаком. Ее руки напомнили ему руки трупа. Лео ничего не говорил Эми, но психическое состояние Барни в точности повторяло состояние его матери. После смерти матери и брата, погибших от взрыва брошенной террористом бомбы, рассудок Элизабет пошатнулся. То же самое произошло с Барни в лагере для военнопленных.

— Я же сказал тебе, случилось непредвиденное, — терпеливо повторил Лео, отнимая от себя вцепившиеся в него руки.

У него были другие женщины. Десятки женщин. Если бы он время от времени не сбегал от Элизабет в мягкие и податливые объятия любовницы, он бы давно и сам сошел с ума. Но ничто в мире не заставило бы Лео коснуться Эми хоть пальцем, хотя он был влюблен в нее со дня их первой встречи. Она принадлежала его сыну, и этим было все сказано.

Лео затормозил у их дома. Подняв голову, он увидел, что Эми ждет его в проеме открытой двери. Ураганный ветер свирепо раскачивал деревья вокруг дома.

Лео быстро пошел по ведущей к порогу дорожке. Когда он подошел к крыльцу, Эми взяла его за руку и провела внутрь.

— Лео! — низким взволнованным голосом произнесла она. — Иди сюда.

Она впереди него вошла в комнату, где на диване сидел его сын. Из живота Барни торчал хлебный нож. Красное пятно на его рубашке прямо на глазах Лео расплывалось и становилось все больше и больше. Глаза Барни были приоткрыты, и он казался очень спокойным. Обе руки лежали на коленях ладонями вверх, как будто он что-то держал там в момент смерти. В присутствии врача или приезде «скорой» не было необходимости. Было совершенно ясно, что Барни мертв.

— Господи, Боже мой! — простонал Лео. Он боролся одновременно с подступающими рыданиями и с приступом тошноты. — Как это произошло?

Эми покачала головой и быстро вышла из комнаты. Ее лицо было белым как мел и она состарилась лет на десять. Лео вышел за ней.

— Почему ты его убила? — Он почти кричал. — Что он такого сделал, что заставило тебя убить его?

— Это не я. — Эми покачнулась, и он успел поймать ее прежде, чем она упала. — Это сделала Маргарита.

— Я уснула на диване... — начала Эми рассказывать Лео, пока они в

кухне ожидали приезда полиции. От бренди, который он заставил ее выпить, у нее шла кругом голова. Она пыталась понять, что же все-таки произошло. Нет, это она уже сделала. Теперь необходимо было это принять и научиться жить, зная, что она никогда уже не увидит Барни.

— У Маргариты ветрянка, — произнесла Эми чужим голосом, ничуть не напоминаящим ее собственный. — Я вызвала доктора Шиарда. Он упомянул о выкидыше, а Барни об этом ничего не знал. Его это почему-то очень расстроило. Он умчался к матери, и вот тут она ему рассказала, что между нами (вами и мной) еще с начала войны существует роман.

У Лео вырвалось ругательство, причем очень грязное, но Эми этого даже не заметила.

— Эта женщина — психопатка, — пробормотал он.

— Барни вернулся в жутком состоянии, — продолжала Эми. — Он угрожал меня убить. Потом он заснул. Я вышла в соседнюю комнату и села на диван. Там было так тихо и спокойно, что я тоже заснула. Я проснулась оттого, что Барни начал меня трясти. Он опять был взбешен. Я закричала. Я просто уже не могла этого выдержать. Тут в комнату вбежала Маргарита... Она взобралась на диван между нами. Маргарита кричала: «Папа, не обижай мамочку! Не смей ее убивать!» К этому времени Барни уже перестал меня трясти. Я точно не знаю, что произошло после этого. Барни как будто был шокирован появлением Маргариты и бросился к ней, чтобы обнять ее и привлечь к себе. Наверное, она заставила его понять, как ужасно он себя ведет. Вероятно, он не заметил хлебного ножа у нее в руке. Затем он откинулся назад, и я увидела, что у него из живота торчит нож. Должно быть, она взяла его здесь. — Эми положила руку на стол, рядом с маслом, клубничным джемом и хлебом, который она нарезала вечером. — Это был несчастный случай, чистой воды несчастный случай. Маргарита не хотела его убивать. Она любила своего папочку.

— Что было потом, милая? — мягко спросил Лео.

— Маргарита с плачем выбежала из комнаты. Она не видела ножа в животе у Барни. Она не знала, что убила его. Я побежала за ней. Ее ночнушка была в крови, поэтому я передела ее и опять уложила в постель. У нее высокая температура, и она бредит, поэтому я молюсь и надеюсь, что она никогда не вспомнит о том, что произошло. — Эми встала и вышла из кухни.

— Куда ты? — окликнул ее Лео.

— Вытащить нож, чтобы на нем были мои отпечатки. Когда приедет полиция, я скажу им, что это сделала я. Что за жизнь будет у Маргариты, если станет известно, что она убила своего отца? Я не хочу, чтобы она

даже видела полицейских, не то что отвечала на их вопросы. — Эми вскинула голову и с вызовом посмотрела на Лео. — Я хочу, чтобы она *никогда* об этом не узнала.

Лео в ужасе смотрел на нее.

— Но Эми! Это же был несчастный случай! Ты не можешь брать на себя вину за то, в чем нет ничьей вины.

— Нет, Лео. Я не допущу, чтобы Маргарита росла с душой, омраченной сознанием содеянного. Даже если это был несчастный случай, все равно она будет знать, что это ее рука держала нож. Довольно, я приняла решение.

— Он издевался надо мной, — сообщила Эми полицейским, юному констеблю, который так ни разу и не открыл рта, и очень толстому сержанту с мягким лицом и короткими толстыми пальцами, которые дрожали, когда он делал записи в маленьком черном блокноте. Быть может, он пьян, подумала Эми. — Мой муж угрожал убить меня, и я убила его первой.

Ей казалось, что она попала в кошмарный сон. Все это было настолько ужасно, что казалось нереальным.

— Я должна взглянуть на дочь, убедиться, что она в порядке.

— Все хорошо? — спросил сержант, когда Эми вернулась.

— У нее ветрянка.

Маргарита крепко и безмятежно спала. Малышка всего лишь пыталась защитить свою мать, как-то отстраненно подумала Эми. Это неправильно, что перед ребенком ее возраста встала такая задача.

Оглядываясь назад, Эми не могла понять, почему ее удивило то, что ее забрали в полицейский участок. Потрясенный Лео так и остался сидеть, обхватив голову руками. Сержант не мог ответить на вопрос, когда его невестке позволят вернуться домой.

Садясь в полицейскую машину, Эми оглянулась на домик. Доведется ли ей его еще когда-нибудь увидеть? Не довелось.

Трудно было поверить, как круто может измениться жизнь человека в течение всего нескольких часов.

Мойра Карран заметила, что гостиная и комната Маргариты соединялись дымоходом и каждое слово, произнесенное в одной комнате, так же четко было слышно и в другой. Мойра бросила работу и жила в домике Эми, присматривая за Маргаритой, так как Эми на время следствия отправили в Манчестер, в тюрьму Стрэйнджвэйз.

Мойра убирала в комнате Маргариты, а малышка играла в гостиной. Вдруг она начала разговаривать с одной из своих кукол. Она спрашивала у нее, когда вернется ее мамочка. Ее звонкий голосок звучал в спальне так отчетливо, что Мойра в страхе покосилась на дымоход, допуская, что оттуда может появиться ее внучка.

Этим же вечером она рассказала обо всем Лео Паттерсону, который заезжал каждый день, возвращаясь домой из Скелмерсдейла. Маргариту забрали из школы, пока весь этот ужас не закончится. Потом она пойдет в другую школу и под другим именем.

Лео представил себе, как его внучка лежала в постели и слушала, как беснуется ее отец, как он оскорбляет ее мать. И вот однажды вечером Барни заявил, что хочет убить жену. Какие мысли должны были появиться в голове у малышки, когда она услышала эти слова? К счастью, Маргарита, похоже, ничего не помнила.

Мойра и Лео некоторое время сидели молча, размышляя над ужасными событиями, разрушившими их такую обыкновенную жизнь. Они были единственными людьми, кроме Эми, кто знал правду о смерти Барни.

Для Эми наняли самого лучшего лондонского солиситора^[36], Брюса Хейворда, так же, как и барристера^[37], сэра Уильяма Айртона. Оба считали, что Эми придется отправиться в тюрьму на срок от пяти до семи лет.

— Имеются свидетели, которые подтвердят, что ее муж много лет оскорблял и унижал ее, тем не менее ей и в голову не приходило уйти от него, у нее было адское терпение, — говорил Брюс Хейворд. Он часто

встречался с Эми, и они подружились.

Когда дело дошло до суда, была уже Пасха. Суд состоялся на ливерпульских ассизах^[38] в Сент-Джордж-холле и сопровождался небывалой газетной шумихой. Свадебная фотография погибшего, красивого мужчины, которого некоторые называли «героем войны», и его хорошенькой жены была опубликована во всех газетах страны и в некоторых зарубежных изданиях.

Трудно было определить, кому суд симпатизирует больше.

— Думаю, преимущество на нашей стороне, — говорил Лео Мойре Карран.

Эми была идеальной подзащитной. Она откровенно и без преувеличений рассказывала о том, как с ней обращался Барни, о том, в чем он ее обвинял и как угрожал ее убить, и одновременно находила для него оправдания.

— С ним, наверное, случилось что-то очень плохое, когда он находился в лагере для военнопленных, — свидетельствовала она. — Когда он вернулся, это был совсем другой человек.

Кэти Бернс тоже произвела хорошее впечатление своей очевидной честностью и стремлением защитить подругу.

Так обстояли дела, пока однажды в суд не пригласили свекровь Эми.

Этого неожиданного свидетеля пригласил обвинитель. Что она может сказать? — промелькнуло в голове у Эми. Она увидела, как нахмурился сидящий в зале Лео Паттерсон.

— Что вы думаете о своей невестке, миссис Паттерсон? — прозвучал вопрос обвиняющей стороны.

— Я ее ненавижу, — ровным голосом ответила Элизабет Паттерсон. — Я ее ненавижу, потому что у нее с моим мужем был роман с того самого времени, как моего Барни забрали в армию. — В ее зеленых глазах стояли слезы. Трудно было усомниться в искренности ее переживаний. — Он ее водил по ресторанам и постоянно околачивался у нее дома.

Это был ослепительно солнечный весенний день. Частицы пыли танцевали свой безумный танец в солнечных лучах, наискось разрезавших переполненный зал суда. Судья, который, казалось, постоянно спал, открыл глаза и поверх очков в форме полумесяца уставился на привлекательную рыжеволосую женщину в леопардовой шубе и такой же шляпе. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, судя по всему, передумал.

Изменение в настроении суда было осязаемым. С этого момента Эми была обречена, несмотря на то, что Лео Паттерсон под присягой заявил,

что никакого романа не было.

— Дыма без огня не бывает, — говорили люди.

Поговаривали о смертной казни, о том, что если... когда Эми Паттерсон будет признана виновной, ее следует повесить. Ее свекровь была одним из ведущих поборников этой точки зрения.

— Я все расскажу, — говорила Мойра Лео. Она не ходила в суд, а оставалась дома с Маргаритой. Шторы на окнах, выходящих на улицу, были плотно задернуты, и миссис Карран появлялась на улице только после того, как стемнеет: в прогулке нуждалась и Маргарита, и она сама. — Я расскажу правду. Я ни за что не допущу, чтобы наша Эми болталась на виселице за то, чего она не делала. — Кровь стыла у нее в жилах. — Но кто нам теперь поверит? — Было слишком поздно рассказывать правду. — Все подумают, что мы это все выдумали.

Холодея от ужаса, Лео вынужден был согласиться с ней. Эми позаботилась о том, чтобы на ноже остались ее отпечатки. Рассказывать правду было слишком, слишком поздно.

Эми Паттерсон приговорили к пожизненному заключению за зверское убийство мужа. На следующий день эта новость была главной во всех крупных газетах. Лео принес все газеты Мойре, и она расстелила их на полу. Прелестное лицо ее дочери смотрело на нее отовсюду. Тут были также и фотографии двух ее младших дочерей. Джеки и Бидди не пропустили ни одного заседания суда. Чарли не пришел ни разу, но на то были веские основания.

— Эми, скажи мне, что я могу для тебя сделать? — спросил Лео, в первый раз приехав к ней в лондонскую тюрьму Холлоуэй, где она отбывала заключение. — Я сделаю *все*. Все, что угодно, — подчеркнул он. Она была самым сильным и самым смелым человеком из всех, кого он знал. Он всегда любил ее, а теперь его любовь только усилилась. Эми плакала от жалости к Маргарите, матери, остальным родственникам, но ни разу не пожалела себя. Лео и сам с большим трудом сдерживал слезы, но если это могла сделать Эми, значит, может и он.

— Да, я хочу вас кое о чем попросить. — Ее лицо потускнело, а глаза утратили блеск и теплоту. Губы были плотно сжаты, во всем ее облике читалась решимость. — Я хочу, чтобы вы сняли с моего счета и дали Джеки и Бидди и их семьям достаточно денег, чтобы они могли уехать за границу и там поселиться. Ну, например, в Канаду или Австралию. Там они смогут все начать с нуля, там никто не будет знать, что их сестра

убийца. У меня осталось много денег, Лео?

— Целая куча, моя милая. — Он сам оплатил все судебные издержки, и на счету Эми было много денег. Это были деньги Барни, теперь они принадлежали ей.

— Хорошо. Еще одно: Маргариту должны забрать Чарли и Марион. Именно поэтому я попросила Чарли не приходить в суд, чтобы газетчики не узнали, где он живет. Они с Марион женаты уже почти двенадцать лет, вряд ли у них родится собственный ребенок. Маргарита будет их единственным ребенком, и ей достанется вся их любовь. Мне никогда не нравилась Марион, но она будет хорошей матерью, а из Чарли получится отличный папа.

— Я об этом позабочусь, — пообещал Лео. — Думаю, это распоряжение надо сделать в письменном виде, я попрошу об этом Брюса Хейворда. Да, кстати, Эми, — сильно волнуясь, добавил он, — я хотел бы принимать участие в жизни Маргариты. Я не представляю себе, что Хэрри когда-нибудь женится, поэтому похоже на то, что Маргарита навсегда останется моей единственной внучкой.

— Конечно, вы должны принимать участие в ее жизни, — убежденно произнесла Эми. — Наш Чарли это поймет. Вы, мама, Хэрри и Кэти будете ее семьей. Ах да, скажите Хэрри правду, хорошо? Я бы не хотела, чтобы он считал, что я убила его брата. Чарли уже знает. Мама ему рассказала, но он пообещал не говорить Марион. Я не уверена, что она однажды не проговорится об этом Маргарите.

— Как насчет Кэти?

— Чем меньше людей будет знать, тем лучше. Кэти ни в чем меня не винит. — Тут ее железное самообладание чуть ей не изменило. — Маргарита знает, что ее отец умер?

— Да, дорогая. Она думает, что он погиб в автокатастрофе.

— И что я уехала очень далеко?

Лео кивнул.

— Она думает, ты в Австралии.

— Хорошо. — Эми удовлетворенно поджала губы. — Чарли расскажет ей, где и почему я нахожусь, когда будет уверен, что она уже достаточно взрослая и сможет справиться с этой информацией. И я сказала ему, что она не должна меня навещать ни при каких обстоятельствах. Я не хочу, чтобы моя дочь видела свою мать в тюрьме.

Несколько минут спустя Эми исчезла в темных коридорах здания, в котором ей предстояло провести всю свою жизнь.

ГЛАВА 19

Июнь 1971 года

Маргарита

На следующий день, вернувшись домой, я обнаружила, что Марион приехала раньше меня. Должно было случиться что-то очень серьезное, раз она ушла с работы так рано. Она очень неохотно брала ежегодный отпуск, а однажды, когда Марион сильно заболела гриппом и вынуждена была остаться дома, ее босс, мистер Ландан, диктовал ей какие-то очень важные письма по телефону. Несмотря на температуру, взлетевшую выше ста градусов^[39], Марион напечатала эти письма на своей портативной пишущей машинке, а потом за ними кого-то прислали на автомобиле.

— Что случилось? — спросила я, войдя в дом и обнаружив тетю за столом рядом с большим чайником. На ней была некрасивая серая хлопчатобумажная блузка и красно-коричневая юбка, которая не была ни достаточно короткой, ни достаточно длинной, чтобы быть модной.

— Ничего. — Марион, кажется, удивилась моему изумлению. — Мне просто захотелось отпроситься и немного отдохнуть, вот и все.

Я положила руку ей на лоб.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она.

— Проверяю, нет ли у тебя температуры.

— Я прекрасно себя чувствую. — Я думала, что Марион сейчас оторвет мне голову, но ее голос прозвучал очень мягко. — Ты сегодня куда-нибудь собираешься?

— Возможно, попозже заскочу в гости к матери. Она ждет к чаю подругу, Сюзан Конвэй. Они познакомились во время войны, когда Эми была начальником станции.

Губы Марион дрогнули, и она слегка улыбнулась.

— Только твоя мать могла заполучить работу начальника станции и добиться такого успеха. Она успела подружиться со всей деревней и ушла только потому, что станция была разрушена взрывом бомбы.

— Да, Чарльз мне рассказывал. — Слова Марион подозрительно напоминали восхищение.

— Чарльз тоже туда собирается. — Она выглядела растерянной. — Я должна была предвидеть, что все захотят быть там, где находится Эми. Люди всегда тянулись к ней, слетались, как мухи на мед. Теперь мне жаль, что она уехала. Видишь ли, я не говорила ей, что она мне мешает, она сама так решила. Я бы не возражала, если бы она пожила у нас подольше.

— Почему бы тебе не предложить ей вернуться?

— Это будет слишком демонстративно, не так ли? Ты знакома с нашими соседями? — Я кивнула, хотя почти их не знала. — Все эти годы мы с ними почти не общались, но в субботу вечером твоя мать заставила их всех распевать вместе с ней. В воскресенье соседка спросила меня, кто это был. Я не сказала ей, кто это *на самом деле*, просто что это моя невестка, и она ответила, какая замечательная у меня невестка, и спросила, когда она к нам снова приедет.

Я принесла из кухни чашку и налила себе чая.

— Почему бы тебе не поехать сегодня со мной?

— Да нет, Маргарита, я буду чувствовать себя полной дурой. — Марион ссутулилась и вздохнула. — Ты, наверное, жалеешь, что тебя воспитала я, а не твоя мать.

— Вот это действительно дурацкое предположение. — Я ласково посмотрела на нее. — Даже если бы я и жалела, что не соответствует истине, то ее тут, в любом случае, не было, и меня воспитала ты.

— Это так, но мне хотелось бы, чтобы тебе у нас было веселее. В том смысле, что мы редко смеемся, ты согласна? Я говорю о себе и о Чарльзе. И я думаю, что если бы не я, он смеялся бы намного чаще. Я хочу сказать, — продолжала тетя, все больше распаляясь, — с тех пор, как вернулась твоя мать, в этом доме было больше смеха, чем за все время, которое мы с Чарльзом здесь прожили.

— Думаю, ты немного преувеличиваешь, Марион, — утешила я ее. Я взяла заварочный чайник (он оказался пуст) и направилась в кухню: набрала в чайник воды и включила его.

— Послушать тебя, так мы тут живем как в морге, — продолжила я, вернувшись. — Просто у нас более сдержанная манера веселиться, вот и все.

— А твоя мать вкладывает в смех всю свою душу. Ты можешь себе такое представить, Маргарита? Провести в тюрьме двадцать лет и так смеяться! Другой на ее месте и улыбался бы с трудом.

— Что это все означает? — спросила я. — Надеюсь, ты не обидишься, но я всегда считала, что ты не любишь мою мать.

— Не люблю. Не любила. Где же этот чертов чай? — Марион исчезла в

кухне, и в тот же момент раздался щелчок выключившегося чайника. Через минуту она вернулась, неся перед собой заварочный чайник. — Я его немного размешала, чтобы он быстрее заварился.

Я налила в наши чашки молоко, а она долила в них чай.

— Насчет твоей матери, — продолжила моя тетя. — Я думала, она вернется запуганной, бледной и будет шарахаться от собственной тени, но Эми ни капельки не изменилась. И еще одно: я не должна была давать тебе понять, как я отношусь к твоей матери. Это непростительно.

— Я всегда была здесь счастлива, — запротестовала я.

— Ты могла бы быть еще счастливее, — с несчастным видом упорствовала Марион.

— Подозреваю, что когда мы оглядываемся назад, нам всем кажется, что мы могли бы быть счастливее. — Мне было не по себе в присутствии этой унылой раскаивающейся Марион. Я бы предпочла иметь дело с язвительной и прямолинейной женщиной, которую так хорошо знала.

— Пока я не встретила Чарльза, моя жизнь была просто ужасной, Маргарита. — Она не глядя на меня начала пальцем рисовать на столе круги. — Я тебе этого никогда не рассказывала, но я из цыганской семьи. Мы жили в Ирландии, и, честно говоря, я понятия не имею, сколько у меня было братьев и сестер. Полагаю, их и сейчас еще немало. Как только они подрастали, они сбегали. Я была самой младшей. — Круги превратились в восьмерки, и ее ноготь оставлял следы на скатерти. — Одно из моих самых ранних воспоминаний — мы стучим в разные двери и предлагаем купить вересковый спрей. В тот день почти никто у нас ничего не купил, и это означало, что мы остались бы без ужина, если бы только одному из нас не удалось что-то стибрить. — По-прежнему не глядя на меня, Марион провела по столу ладонью, пытаясь разглядеть следы от ногтей. — Я не буду много об этом говорить, те времена давно прошли. В тринадцать лет настала моя очередь убежать. Я приехала в Ливерпуль, нашла работу, научилась стенографировать и печатать на машинке, избавилась от акцента. Мне было девятнадцать лет, когда я познакомилась с Чарльзом. Он в меня влюбился, и мне показалось, что я самая счастливая женщина из всех живущих на земле.

— Так считала бы любая женщина, которой удалось бы заполучить Чарльза, — пробормотала я. Я испытывала страшную неловкость, и в то же время это помогало мне лучше понять мою тетю.

— Единственной ложкой дегтя была твоя мама, — вздохнув, сказала Марион. — Казалось, ей все достается без особых усилий с ее стороны. Эми было наплевать, что она причиняет боль своей матери. Ой, меня,

кажется, опять не туда занесло, не правда ли? — Она сложила руки на коленях. — Я больше ничего не скажу. Как бы то ни было, именно поэтому я всегда недолюбливала твою маму. Наверное, правильнее назвать это ревностью.

Некоторое время мы сидели молча. В тот день я не поехала в гости к матери, а осталась дома и весь вечер беседовала с Марион.

В субботу днем я сидела в «Каверне» и вполуха слушала выступление «Амбрелла мэн». Меня одолевали мысли о том, понравился ли Робу и Гари фильм, на который они пошли. «Одеон» находился в нескольких минутах ходьбы от клуба.

На днях, забирая Гари из школы, Роб поинтересовался, не хочу ли я отправиться с ними в кино.

— В городе сейчас идет фильм «Набалдашник и метла», — пояснил он. — О нем очень хорошие отзывы в прессе. Там говорится, что он подходит и для детей, и для взрослых. Для взрослых с умственным развитием десятилетнего ребенка, — усмехнулся он. — Мне всегда нравились детские фильмы, так что я не знаю, какой у меня уровень умственного развития. Потом мы могли бы где-нибудь пообедать и вернуться в квартиру Бесс. Она уходит гулять, и мы сможем послушать музыку. У меня есть пластинка «Холлиз» «Не могу забыть» и старый альбом «Ярдбердз». Я уже давным-давно хотел его купить, да все руки не доходили.

Тут Роб скривился.

— Извини, не слишком интересная программа, правда? Я бы хотел пригласить тебя в какой-нибудь жутко навороченный ресторан, но с Гари об этом и думать нечего. Может, сходим в какое-нибудь крутое местечко, когда Бесс согласится побыть с Гари?

Я не стала указывать на то, что навороченные рестораны ему не по карману. Кроме того, мне и только что прозвучавшее приглашение показалось чрезвычайно заманчивым, и было очень досадно, что я вынуждена от него отказаться. Я обожала «Холлиз».

— Прости, но у меня другие планы, — пробормотала я. Я не стала уточнять, какие именно, и говорить, что намерена встретиться с другим мужчиной, потому что он мне кажется более интересным. Как бы то ни было, мы с Робом не давали друг другу никаких обещаний. И все же я бы не хотела, чтобы он начал встречаться с другой женщиной. Я почувствовала себя ужасно, когда увидела на его лице разочарование.

Внезапно все принялись аплодировать «Амбрелла мэн», а я так почти

ничего и не услышала. Подошел Стивен и сказал, что они всей компанией идут в паб, поэтому я поплелась за ним к выходу. На улице сеял мелкий дождик. Трое других членов группы уже ожидали нас на улице с тремя девушками. Стивен сказал им:

— Это Маргарита.

И они все улыбнулись и сказали:

— Привет, Маргарита.

— Привет. — Я изобразила нечто, напоминающее взмах рукой, и почувствовала себя полной дурой.

Паб был переполнен, и свободных мест не было. Нам пришлось стоять и держать свои напитки в руках. У меня был шанди. Стивен обнял меня одной рукой и начал губами ласкать мою шею. Меня охватило возбуждение, но в то же время я испугалась. Это было ужасно преждевременно, и я опасалась, что он захочет заняться со мной любовью на первом же свидании. Я уже занималась любовью — с одноклассником, когда нам обоим было по семнадцать лет. Я, наверное, была самой неопытной невестницей в мире. Мне было не по себе.

Паб закрылся в три часа, и мы вернулись на Мэтью-стрит, прошли мимо «Каверна» и подошли к большому белому микроавтобусу, который не мешало бы помыть. Двумя колесами микроавтобус стоял на тротуаре. Барабанщик со своей девушкой сели впереди, а остальные — в салоне. Сидений в салоне не оказалось, и нам пришлось сесть на пол. Когда за нами закрылась дверь, стало очень темно. Когда микроавтобус тронулся с места, две другие пары легли на пол и начали страстно целоваться. Я опасалась, что Стивен захочет делать то же самое, но, похоже, ему было вполне достаточно просто сидеть, обнявшись, и разговаривать. Он хотел знать, что я думаю об их группе. Я сказала, что они «высший класс».

— Высший класс! — Похоже, его это развеселило. — Так о нас еще никто не отзывался.

— Куда мы едем? — поинтересовалась я. Я почти не видела его лица, не говоря уже о направлении движения.

— На хату к Молл, — неопределенно ответил он.

«Хата Молл» оказалась подвалом дома на Миртл-стрит и находилась под магазином, торгующим туристическим снаряжением. Там уже было человек десять. Они расположились в креслах, на большой софе и на полу. Стены были увешаны постерами с кадрами из фильмов и эпизодами различных шоу. Музыка гремела так, что мы слышали ее на улице еще до того, как остановился микроавтобус. Играли «Муди Блюз». Вообще-то их музыка мне очень нравилась, но не в таком оглушительном исполнении.

Комната тряслась так, что вибрации проникали сквозь подошвы туфель и поднимались по ногам, заставляя вибрировать все мое тело. Я почувствовала себя гигантской электродрелью.

Ко мне подошла женщина лет пятидесяти, одетая во все черное. Ее лицо было покрыто толстым слоем макияжа, включающим и накладные ресницы.

— Так значит, ты новая подружка Стивена? — заорала она и спросила, что я буду пить. Судя по всему, это была Молл.

— Чашку чая, пожалуйста, — взвизгнула я.

— Я имела в виду спиртное, — завизжала она в ответ.

— А, тогда стакан белого вина.

— Когда я говорю «спиртное», это означает выбор между светлым и темным «Гиннесом».

— У вас есть вода?

— Где-то была целая канистра. Присядь где-нибудь, сейчас принесу.

Долгое время я сидела на краешке дивана, ни с кем не разговаривая. Люди вокруг меня постоянно передавали друг другу какие-то самокрутки, и я подозревала, что внутри находится отнюдь не обычный табак. Одну из самокруток вручили мне. Я опасливо взяла ее и, не решаясь затянуться, передала дальше.

Стивен исчез. Молл принесла воду, и я продолжила размышления о том, что понапрасну трачу здесь время, а могла бы быть дома и заниматься чем-нибудь полезным, например, наводить порядок в своей комнате или гладить. Или сидеть в «Одеоне» и смотреть фильм «Набалдашник и метла» с Робом и Гари.

Потом пришел Стивен, сел на подлокотник дивана сзади меня и накрыл ладонями мои груди. Я чуть не умерла от стыда. Со мной еще никто так не вел себя на людях.

— Ты знаешь, что ты красивая? — завопил он мне на ухо.

Несмотря на шум, окружающие вели дискуссию на тему «Следует ли Соединенному Королевству принять участие в войне во Вьетнаме». Похоже, что на диване большинство были категорически против. Женщина, сидевшая на полу, спросила, видел ли кто-нибудь новую телепрограмму «Летающий цирк питона Монти». Все, за исключением меня, видели и считали, что программа — супер. Марион программа с первого взгляда не понравилась, и она отказывалась ее включать. Надо будет попросить тетю, которая еще не вышла из своего странного задумчивого состояния, на следующей неделе включить питона Монти.

Шум неприятно давил мне на уши. Мебель издавала странные звуки. Я

заподозрила, что она самостоятельно передвигается по комнате. Молл принесла на тарелках бутерброды с мясным фаршем. Я спросила у Стивена, кто она такая.

— Мама Пита. — Он выпустил мою правую грудь, чтобы взять бутерброд. — Она любит, когда здесь собираются люди. До того как она вышла замуж за папу Пита, Молл выступала на сцене. Когда магазин наверху закрыт, мы иногда тут репетируем. Проблема в том, что акустика здесь дерьмо.

Несколько часов спустя мы вернулись в «Каверн» на вечернее выступление «Амбрелла мэн». Нас было человек десять или двенадцать. К этому времени легкий дождик превратился в ливень. Вся компания втиснулась в микроавтобус. Мне казалось, что сидеть друг у друга на голове очень опасно, но остальных это, похоже, совсем не волновало.

Внезапно я осознала, что у меня нет ничего общего с этими людьми. Мы по-разному одевались, по-разному говорили, даже запах у нас был разный. Кроме меня здесь не было ни одного человека в отутюженных джинсах или начищенных до блеска туфлях. Ни у кого не было такой аккуратной прически, а мои глаза без подводки и теней мне самой почему-то казались неодетыми. Я чувствовала себя бесцветной и неинтересной.

Мы ввалились в «Каверн», и музыканты тут же исчезли. Девчонки болтали друг с другом, полностью игнорируя мое присутствие. Когда мы покидали «хату Молл», Стивен сказал ей: «До встречи, красавица». Я задалась вопросом, что мы будем делать дальше. Опять сидеть, слушать оглушительную музыку, орать друг на друга и курить сомнительные сигаретки? А потом? Мне казалось, я знаю, что произойдет потом, и меня это ничуть не прельщало.

Сегодня днем в моей жизни произошло нечто новое, и я была рада, что приобрела этот опыт, но одного раза с меня было довольно. Стивен был не в моем вкусе, я тоже не соответствовала его ожиданиям. Я могла часами таращиться на луну или прекрасный закат, но время, проведенное в квартире Молл, считала выброшенным на помойку.

Стивен пел одну из своих собственных композиций. У него был красивый голос, он очень хорошо играл на гитаре и казался мне чертовски привлекательным, но в его присутствии мне не было так хорошо и радостно, как с Робом Финнеганом.

Я вышла из «Каверна». Было уже почти девять часов, дождь прекратился, наступил чудесный летний вечер. В тускнеющем голубом небе висел огромный огненный шар заходящего солнца. Я забрала машину

со стоянки и поехала к мисс Бернс. Мне ужасно хотелось увидеть мать, просто так, без всякой причины. И я спрашивала себя, успею ли я заехать к Робу — его мне тоже ужасно хотелось видеть.

Возле дома мисс Бернс уже стояло четыре машины: «мерседес» Лео, «БМВ» Хэрри, «кортина» Чарльза и — я не верила своим глазам — древний «моррис минор» Роба. Что, скажите на милость, делает здесь этот драндулет?! Я припарковала свою машину, прошла по дорожке и услышала голоса, доносящиеся из сада. Похоже, что моя мать, после стольких лет, проведенных взаперти, предпочитает постоянно находиться на свежем воздухе.

Некоторое время я стояла, никем не замеченная, у ворот и наблюдала, как моя мать, словно младенца, качает на руках спящего Гари. Кэти, дядя Хэрри и Чарльз стояли поодаль и надрывали животы, а бабушка и Роб сидели рядом на скамейке и обсуждали что-то, судя по выражению их лиц, невероятно важное. Марион нигде не было видно. Должно быть, она осталась в полном одиночестве в Эйнтри.

Роб заметил меня первым. Он перестал разговаривать с бабушкой, встал и подошел ко мне. По его глазам и выражению лица было видно, что он очень рад моему появлению. Наверное, на моем лице было написано то же самое. Я сделала несколько неуверенных шагов вперед и упала в его объятия, и они показались мне самым теплым, самым безопасным местом на земле.

— Я тебя люблю, — прошептал Роб.

— А я люблю тебя, — прошептала я в ответ.

— Я получил работу. Это в Канаде. Ты поедешь со мной? Но сначала, разумеется, мы поженимся.

— Да, я поеду с тобой, и да, мы поженимся. — Я взглянула через его плечо и увидела, что мать смотрит на нас и в ее глазах стоят слезы. Мне тоже захотелось расплакаться, потому что она только-только вернулась домой, а я уже собиралась уезжать.

Оказалось, что в прошлую субботу Гари рассказал моей матери, как ему хочется иметь форму «Эвертона», поэтому сегодня днем Эми вместе с Кэти съездила в город и купила ему форму. Когда они вернулись домой, Кэти нашла номер телефона сестры Роба, а моя мать позвонила и пригласила Роба и Гари на чай. Роб сказал, что они только что вернулись из кино и слышали, что в доме звонит телефон.

— Кроме того, — позже сказала мне мать, — мне его было по-

настоящему жаль, я имею в виду Роба, потому что ты бросила его ради другого мужчины. Как обстоят дела со Стивеном Конвэем?

— Мне было невыносимо скучно, — ответила я. — Я чувствовала себя, как рыба, выброшенная на берег.

— С Робом ты будешь как за каменной стеной, дорогая. — Она сжала мою руку. На другом конце сада Роб помогал Гари влезть на дерево. — Ты бы никогда не знала, чего ожидать от Стивена. Ах да, и не забудь, что у тебя в Канаде две тети — Джеки и Бидди, — а еще два дяди и пять двоюродных братьев и сестер — три брата и две сестры. Я пообещала приехать к ним на Рождество. Они все живут в Британской Колумбии, именно там, где будет работать Роб.

Роб получил место начальника службы охраны на заводе, только что открывшемся на острове Ванкувер. Предложение поступило от какого-то канадского друга, работавшего с Робом в Уганде. Завод принадлежал его отцу.

К этому моменту уже все знали, что мы с Робом собираемся пожениться, даже Гари, который поинтересовался, должен ли он по-прежнему называть меня «мисс».

Я сказала, что хотела бы, чтобы он называл меня «Маргарита», поскольку понимала, что никогда не смогу заменить ему мать.

Моя собственная мать попросила меня сделать ей одолжение.

— Позвони Марион и скажи ей, что ты выходишь замуж за Роба. Будет некрасиво, если ты или Чарльз с ходу брякнете это, вернувшись домой. Бедняжка, она терпеть меня не может. Она мне тоже никогда не нравилась, но мне удавалось это скрывать. Вот что: пригласи ее сюда. Чарльз побежал покупать шампанское, чтобы выпить за вас, Марион должна при этом присутствовать.

— Хорошо. — Я уже повернулась, чтобы идти, но вспомнила, что есть еще кое-что, что мне хотелось бы узнать. — У Чарльза и Кэти роман? — стараясь говорить как можно тише, спросила я.

У Эми от удивления открылся рот.

— Конечно нет. С чего это пришло тебе в голову?

Я объяснила, как привезла ей в прошлое воскресенье синий кардиган, и все шторы были задернуты.

— Чарльз был здесь, его машина стояла у дома.

— Так это ты оставила кардиган на ступеньках! Мы думали, это сделала Марион, это было в ее стиле. — Эми засмеялась. — Нет, милая, Кэти и Чарльз смотрели фантастический фильм, должно быть, они не услышали твоего стука. Ты же знаешь, как Марион ненавидит фантастику,

да и вестерны тоже, и отказывается включать их дома. Чарльз до безобразия покладистый, он все это терпит, дурачок. Ему давно пора показать, кто в доме хозяин.

Я позвонила Марион, и она сказала, что приедет. Она очень разволновалась, и я была рада, что позвонила.

Она приехала примерно через двадцать минут после того, как Чарльз вернулся с шампанским. У Кэти не нашлось бокалов для шампанского, но всем было на это наплевать.

Мы встали в круг в саду, и дедушка произнес тост:

— За Маргариту и Роба! Да познают они нескончаемое счастье и снабдят малыша Гари братьями и сестрами.

— За Маргариту и Роба! — Все подняли бокалы, выпили шампанское и неизвестно почему начали петь «Доброе старое время»^[40].

— Я хочу трех братиков и трех сестричек, — заявил Гари, когда пение прекратилось.

Приехав в понедельник в школу, я сообщила новость Хильде. Мы заехали на стоянку одновременно и припарковали машины рядом.

— Поздравляю! — с теплотой в голосе произнесла она. — И когда же?

— Где-то в конце июля. Сегодня утром мама пойдет в церковь, чтобы узнать, когда есть свободные дни. — Она была очень взволнована тем, что сможет присутствовать на моей свадьбе. — Все будет довольно скромно. Разумеется, ты приглашена.

— Спасибо. Твоя мама — чудесный человек, — сказала Хильда. Было видно, что она говорит это искренне. — Прости меня за те заявления. Мы часто считаем, что наше мнение о том или ином человеке правильное, но в случае с твоей мамой я ужасно заблуждалась. Наверное, даже лучшие из людей иногда сгоряча совершают поступки, о которых потом всю жизнь жалеют.

— Как там Клиффорд? — спросила я, меняя тему.

— Клиффорд сказал, что больше не хочет детей. У него есть двое от первого брака, и с него достаточно. — Она ударила по подкатившемуся футбольному мячу, вернув его владельцу, несколько сильнее, чем того требовала ситуация. — Наверное, можно сказать, что он женится на мне только ради крыши над головой.

— Мне очень жаль, Хильда. — Она действительно заслуживала немного счастья.

— Не надо меня жалеть. Я все равно выйду за него, — неожиданно

заявила она. — Я почти уверена, что уже забеременела. К тому времени, как он об этом узнает, мы уже будем женаты, и если он захочет уйти, скатертью дорожка. Мне на это будет наплевать, потому что я буду замужней женщиной, а вскоре стану и матерью, а это все, чего я когда-либо хотела от жизни.

Теперь, когда предстояло сыграть две свадьбы, никого не удивило известие о третьей. Кэти Бернс во время перерыва на ланч пригласила меня к себе в кабинет и объявила, что они с дядей Хэрри решили пожениться.

— Мы всегда нравились друг другу, с того самого момента, как познакомились на пирсе в Саутпорте. Это произошло в тот же день, когда твоя мать встретила твоего отца, — сказала она. Кэти покраснелась и стала очень хорошенькой, и я внезапно представила себе, какой она была в молодости, во время войны. — Это было тридцать два года назад. Если бы не Хэрри, я бы никогда не встретила Джека, который был любовью моей жизни.

— Я очень, очень рада, — сказала я. Это действительно было самым радостным для меня событием, не считая моей собственной свадьбы. — Я рада, что дядя Хэрри наконец сделал предложение.

— Ничего он не сделал, Маргарита. Предложение сделала я. — Кэти расхохоталась так громко и с таким удовольствием, что это, наверное, было слышно всей школе. — Сам он никогда не решился бы. Он согласился, не раздумывая. В медовый месяц мы решили отправиться в кругосветное плавание. Лео откладывает свой выход на пенсию до нашего возвращения, а я на год уйду в отпуск. Я так счастлива, Маргарита. Мне кажется, я могу лопнуть от счастья. — Она опять засмеялась. — Директрисам такое говорить не положено, верно? А мне наплевать!

— Ах, Чарльз, я не хочу терять нашу малышку, — рыдала Марион.

В ее голосе было столько горя, что я сама чуть не расплакалась. Они были в гостиной и, наверное, не подозревали, что я сижу в соседней комнате и слышу каждое слово.

— Мы ее не потеряем, любимая, — утешал жену Чарльз. — Она всегда будет нашей малышкой. И мы сможем на Рождество поехать к ней в гости. Эми ведь организует грандиозную совместную поездку, ты не забыла?

— Но Маргариты не будет *здесь*, с нами, в нашем доме. Она не станет приносить сюда свои обновки и показывать их мне. Когда мы вернемся с работы, нас не будет ждать свежесваренный чай. Ее *здесь* не будет, Чарльз.

— Я знаю, любимая, но я останусь с тобой, а ты со мной.

— Правда, Чарльз? — сквозь слезы спросила Марион.

— Конечно, правда, любимая.

Я ушла в кухню, не желая больше ничего слышать, но радуясь тому, что они наконец помирились. Чарльз и Марион никогда не осознавали, какие тонкие стены в их доме. В доме, где я жила с мамой и папой, они, наверное, были еще тоньше. Я помню, что, лежа в постели, отчетливо слышала каждое слово, несмотря на то что дверь в мою комнату всегда была закрыта. Я натягивала на голову одеяло, но слова не исчезали. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я до сих пор слышала их во сне. Чей-то голос говорил: «Мне очень хочется тебя убить», а мама плакала. Маленькая девочка, это могла быть только я, кричала: «Не обижай мою мамочку...» Я хотела встать с постели, чтобы спасти ее, но мое тело было слишком тяжелым и не подчинялось...

На этом месте сон всегда обрывался, но я спрашивала себя: быть может, у сна есть другая концовка и, быть может, когда-нибудь я ее увижу?

ГЛАВА 20

1971 год

Эми

Нелли Шэдвик сидела на заднем сиденье припаркованного у обочины «роллс-ройса» и барабанила каблуками по полу.

— Что это? — поинтересовался водитель, который одновременно приходился ей братом. — Сигнал SOS?

— Я уже не могу ждать, — пожаловалась Нелли.

— Это потому, что ты считаешь свое время настолько важным, что тебе кажется недопустимым тратить его на других людей.

— Это очень плохо, Цыпа? — Обращение «Цыпа» вовсе не было проявлением нежности со стороны Нелли. Под этим прозвищем ее брат Дэвид был известен всем членам семьи еще с младенчества. Никто не знал почему.

Цыпа несколько минут напряженно размышлял, прежде чем изречь, что, рассуждая теоретически, стремление использовать все свое время с пользой является вполне оправданным, разве что совершенно недостижимым.

— Мы зависим от множества мелочей, которые должны происходить в срок, к примеру, от поданных вовремя автобусов, поездов и такси. Кроме этого, человек, с которым у тебя назначена встреча, может в последнюю минуту заболеть, шнурки могут порваться, нужная вещь куда-нибудь исчезнуть. Потом, существуют различные непредвиденные обстоятельства, несчастные случаи, природные катаклизмы, включая неожиданно прилетевшие метеориты...

— Ладно, ладно, — раздраженно прервала его Нелли. Она вытянула перед собой длинные стройные ноги, затянутые в прозрачные черные нейлоновые колготки. — Ты бы дал им сорок лет, Цыпа?

Цыпа обернулся к ней.

— Твоим ногам или твоим туфлям, чувиха?

— Моим ногам, конечно.

Цыпа покачал кудрявой головой.

— Я бы дал им все пятьдесят.

Она наклонилась вперед и отвесила ему легкую оплеуху.

— Не будь таким нахалом, Цыпа Шэдвик. Где ты, черт возьми, был бы сейчас, если бы не твоя сестра?

— Наверное, на кладбище, — с серьезным видом кивнул Цыпа. — Или в тюрьме, отбывая пожизненный срок. Или на улице, попрошайничая. К этому времени мне бы уже, скорее всего, выбили все зубы, а все мое тело было бы покрыто шрамами. — Поразмыслив над тем, что у него были все шансы на то, что как минимум одна из этих перспектив, если не больше, стала бы реальностью, если бы Нелли не выбилась в люди, он добавил:

— Честно говоря, Нелл, твои ноги тянут всего на двадцать один год.

— Точно?

— Точно-точно.

Нелли взглянула на свои невероятно дорогие часы. Без одной девять. Она доверху застегнула стеганое черное пальто и натянула на голову капюшон.

— Ты собралась ограбить банк? — поинтересовался брат, рассматривая ее в зеркало заднего вида.

— Я же не хочу, чтобы меня узнали, как ты думаешь? Именно поэтому я взяла машину напрокат. Чтобы никакой урод не смог по номерам добраться до вашей покорной слуги. — Она пристально всматривалась в дверь мрачного здания, напротив которого они стояли. Не прошло и минуты, как дверь отворилась и из нее вышла маленькая невзрачная женщина с чемоданчиком в руках. Нелли почти вывалилась из машины.

— Это она. Смотри, это она, это она! — Она бросилась бежать.

Подбежав поближе, Нелли увидела, что женщина на самом деле выше, чем ей показалось с первого взгляда, и что когда-то она была очень красивой. Нелли продолжала мчаться через дорогу, стуча по мостовой высокими массивными каблуками, звеня украшениями, размахивая руками.

— Эми! — вопила она. — Эми, чувиха, это я, Нелли!

Эми ахнула, выйдя из дверей тюрьмы Холлоуэй. Ей показалось, что она угодила в крылья ветряной мельницы, похожей на человека, одетого в черное пальто с капюшоном. Нелли целовала ее щеки, лоб, нос и воздух вокруг ее головы, как будто голова Эми была окружена нимбом.

— Я так рада тебя видеть, Нелл, — сказала Эми, едва сдерживая слезы. Она была на свободе! Она могла идти куда ей вздумается. Если бы у нее были крылья, она бы взлетела в небо. Небо было затянуто черными тучами, но ей на это наплевать!

— Машина вон там.

Как будто Эми могла не заметить сверкающий «роллс-ройс», припаркованный напротив тюрьмы. Нелли уже тянула ее к машине, когда свора молодых людей, состоящая приблизительно из десяти особей, бросилась бежать к ним, размахивая блокнотами и фотоаппаратами и вопя, что им нужны интервью и фото. Водитель выпрыгнул из машины Нелли, запихнул обеих женщин и чемоданчик на заднее сиденье, и уже через минуту машина рванула с места.

Эми обернулась и через заднее окно увидела, что свора врассыпную ринулась к своим машинам. Но было слишком поздно. В одно мгновение «роллс-ройс» скрылся из виду.

— Это Цыпа, — переводя дух, указала Нелли на спину водителя, — мой младший брательник. Цыпа, это моя подружка Эми.

— Привет, Эми. — Цыпа кивнул отражению Эми в зеркале заднего вида. — Я о тебе ужас как много слышал.

— Заткнись, Цыпа. — Стеклопанелью перегородкой Нелли отгородилась от водителя. — Я не хочу, чтобы большие уши слышали каждое наше слово. И не забудь пристегнуться, чувиха.

Эми сказала, что впервые видит ремень безопасности, и не будет ли Нелли так добра, чтобы показать ей, что с ним нужно делать.

— Куда мы едем? — поинтересовалась она.

— В края Констебля, — ответила Нелли, пристегиваясь. — Суффолк, — добавила она в ответ на недоуменное выражение лица Эми. — Во всяком случае, так говорилось в проспекте. Там какой-то художник по имени Констебль^[41] нарисовал почти все свои картины. Оздоровительный центр называется «Бабочки» и занимает дом, раньше принадлежавший какому-то лорду. Я заказала для тебя трехнедельный курс на фамилию Карран, а не Паттерсон, как ты и просила. Я смогу побыть с тобой всего неделю. Ты ведь сможешь провести там остальное время без меня, чувиха?

— Смогу. Скажешь мне, сколько это стоит, хорошо, Нелли? Я расплачусь с тобой, пока мы там будем вместе.

— Тебе это не стоит ни одного хренова пенни, Эми. Нет, нет, — отмахнулась Нелли от возражений Эми, считавшей, что она обязана оплатить свою долю. — Если бы ты восемнадцать лет назад не взяла меня за мою хренову шкурку и не сказала мне, что я могу чего-то добиться в жизни, я бы и по сей день торговала собой на улицах, разве нет?

Нелли Шэдвик уже в третий раз угодила в Холлоуэй за проституцию, когда она познакомилась там с Эми. Именно Эми с первого взгляда увидела, что в этой девушке, унаследовавшей нежную, кофейного цвета

кожу и экзотические глаза от отца, наполовину ямайца, наполовину китайца, а темно-рыжие волосы от матери-ирландки, есть что-то необычайное, сверхъестественное, чего до сих пор никто не разглядел. При этом Нелли даже с большой натяжкой нельзя было назвать красивой. Тяжелая жизнь ничуть не повлияла на ее фонтаном брызжущее жизнелюбие и чувство юмора.

— Ты никогда не думала о том, чтобы стать манекенщицей, Нелли? — как-то раз спросила Эми.

— Манекенщицей? — взвизгнула Нелли. — Хреновой манекенщицей? Нет, Эми, я никогда не думала о том, чтобы стать манекенщицей.

— Так подумай.

В течение шести недель своего срока Нелли все свободное время под руководством Эми расхаживала по тюремной библиотеке с романом Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» на голове, пока не научилась делать это достаточно изящно. Эми посоветовала ей поменьше визжать и сократить количество матерных слов в речи.

— Это может отпугнуть людей, — предостерегла она девушку.

Нелли покинула Холлоуэй, пообещав сделать все от нее зависящее, чтобы больше туда не вернуться. Эми договорилась с Лео, что он вышлет Нелли пятьдесят фунтов на приличную одежду и визит к парикмахеру. Первое же модельное агентство, в которое обратилась Нелли, подписало с ней контракт. Она сменила свое имя на Элли, и ее появление произвело настоящий фурор. Как писали в газетах, она была уникальной моделью, «сумевшей вытащить из сточной канавы не только себя, но и троих младших братьев». Нелли перестала визжать и материться, по крайней мере, на людях, но по-прежнему говорила на кокни и нравилась всем, с кем она знакомилась, без исключения. Пять лет назад она оставила модельный бизнес и вышла замуж за невероятно богатого аристократа. Все эти годы она часто навещала Эми в тюрьме.

Эми попросила, чтобы ее имя никогда не звучало в одном контексте с именем подруги.

— Ради блага моей семьи я вообще хотела бы, чтобы все обо мне забыли, — добавила она. — Как бы то ни было, если газетчики пронюхают о твоей дружбе со мной, ничего хорошего из этого не выйдет. — В ответ на это заявление Нелли взвизгнула, что ей насрать, кто что думает.

— Почему это вдруг они решили тебя выпустить? — поинтересовалась она сейчас.

— Наверное, их уже тошнило от одного моего вида, — ответила Эми.

На самом деле женщин, отбывающих пожизненное заключение за

убийство, обычно выпускали намного раньше. Но ее преступление и сопутствующие ему обстоятельства считались более тяжкими, чем у других убийц.

Чувства переполняли Эми настолько, что она не могла говорить. Все, чего ей хотелось — это смотреть в окно и постепенно привыкать к мысли о том, что она на свободе. Позади остался ее последний завтрак за решеткой, последняя ночь в камере, она уже никогда не наденет тюремную одежду. Должно быть, Нелли все поняла, потому что они ехали в молчании не меньше часа. Наконец Эми взглянула на равнину, по которой они мчались, и спросила:

— Где мы?

— В Эссексе, чувиха, скоро подъедем к Челмсфорду. Кстати, я купила тебе кое-какую одежду, так, всякие мелочи для санатория. Шмотки для прогулок вроде спортивных костюмов, махровые халаты и шорты. Ах да, еще трико и элегантную пижамку. Тебе и в голову не придет ложиться в ней спать.

— Ты так добра ко мне, Нелли. Спасибо! — Из-за комка в горле Эми опять стало трудно говорить. Кэти прислала ей одежду, в которой она вышла из тюрьмы: прямую черную юбку, черный пиджак и белую блузку в рюшах из «Маркса и Спенсера», а также изящное нижнее белье. — Вряд ли я вынесла бы все это без поддержки друзей, — сказала она Нелли. — Почти каждые выходные меня кто-нибудь навещал, в какой бы тюрьме я ни находилась: Лео, Кэти, наш Чарли, Хэрри, ты! Мама приезжала очень часто, пока была жива. — Смерть мамы от сердечного приступа стала для Эми настоящим потрясением. — Мой адвокат тоже часто приезжал ко мне. — Своим неожиданным освобождением Эми была обязана именно усилиям неутомимого Брюса Хейворда.

Опять наступило молчание. Нелли, казалось, задремала. Эми сосредоточилась на ровных, как стол, полях Эссекса и мелькающих за окном деревушках, пока они не проехали указатель, сообщающий о том, что теперь они находятся в Суффолке. Уже заканчивалась весна, и все было как будто укрыто кружевным зеленым одеялом. Небо по-прежнему представляло собой сплошную массу тяжелых, темных, низко нависших над землей туч. Она свободна! Наконец черные дни позади! Ей больше никогда не придется прокладывать осторожный курс по минным полям тюремной жизни, избегать группировок, быть приветливой со всеми без исключения, даже с самыми агрессивными заключенными, женщинами, наводящими ужас на окружающих и регулярно избиваемыми в душевой других женщин без всякой очевидной для Эми причины. Однажды утром,

вскоре после прибытия в Холлоуэй на ее глазах одна из таких женщин ударила сокамерницу ножом. Пострадавшей чудом удалось выжить.

— Я ничего не видела, — позже скажет Эми начальнику тюрьмы, проводящему расследование. Это было трусостью с ее стороны, но она хотела жить, несмотря на то, что ее будущее было безрадостным.

Она пользовалась среди заключенных популярностью. Многие из них пострадали от рук мужчин: сутенеров, бойфрендов, мужей, отцов, и в их глазах она приобрела статус героини за то, что проявила смелость и убила издевавшегося над ней мужчину. Никто не сомневался в том, что он этого заслуживал.

На следующее утро Эми проснулась в «Бабочках», когда только начало светать. Она приняла душ, наслаждаясь мягкими белыми полотенцами и сладким запахом мыла. Эми понятия не имела, какая ее ждет программа, и натянула свободные белые хлопчатобумажные брюки (она прочитала в тюрьме достаточно модных журналов, чтобы знать, что их уже не называют слаксами) и такую же свободную футболку. Затем она подошла к зеркалу. Женщина, взглянувшая на нее оттуда, была измученной и бледной, но все же выглядела несколько лучше, чем вчера. Щеки Эми немного порозовели, наверное, благодаря тому, что она так хорошо отдохнула этой ночью. Через три недели, покидая «Бабочки», она обязана выглядеть не хуже, чем когда попала в тюрьму, с поправкой на то, что она стала на двадцать лет старше.

Эми вышла из комнаты и спустилась вниз. Это был чудесный старый особняк, светлый и просторный, с выкрашенными в пастельные тона стенами и натертыми до блеска полами. Из кухни доносился звон посуды, но нигде не было видно ни души.

Женщина открыла стеклянную дверь и вышла на асфальтированную площадку, уставленную столами и скамьями, на одной из которых она расположилась, не обращая внимания на то, что воздух был сырой и прохладный. На востоке забрезжил свет, и серое небо начало светлеть. Время от времени раздавалось щебетание птиц, и роса, как слезы, блестела на лужайке, спускавшейся к небольшой рощице, напомнившей Эми Понд-Вуд.

Слева виднелась небольшая деревушка, единственным признаком жизни в которой был дымок, поднимающийся из трубы крытого соломой домика. Возможно, именно в этой деревне находится паб, в который предлагала вчера пойти Нелли. Эми отказалась, сказав, что она не готова.

— Мне нужно время, чтобы адаптироваться, Нелл, — пояснила она.

Нелли извинилась за свою тупоголовую бесчувственность и пообещала в будущем делать только то, что предложит Эми.

Все это навалилось так внезапно, размышляла Эми. Вокруг было слишком много людей, горизонт был слишком бескрайним, а санаторий слишком роскошным. Кровать, в которой она спала этой ночью, была застелена кремовым атласным бельем и стояла в комнате с кремовым ковром и кружевными занавесками на окнах. Контраст с обстановкой тюремной камеры оказался так велик, что Эми с трудом справлялась со своими эмоциями.

Появилась какая-то женщина в цветастом махровом костюмчике. Это о такой пижамке говорила Нелли? Она села рядом с Эми и принялась зондировать ее вопросами. Эми пришлось изобрести для себя прошлое. Вскоре появились и другие гости, среди них Нелли. Она выглядела впечатляюще в фиолетовом трико и черных колготках. Ее тут же узнали, и всеобщее внимание к немалому облегчению Эми переключилось на ее подругу.

Позже Нелли вручила ей кипу газет.

— О тебе пишут во всех газетах, — сказала она. — Говорят, что ты ушла в подполье. Ты будешь это читать?

— Нет, спасибо. — Эми никогда не читала о себе в прессе. С нее хватало и того, что говорят люди, чтобы еще и читать об этом.

В течение последующих недель ее тело массировали, сдавливали, тузили и щипали. С ее ног горячим воском удаляли волосы, ей делали маникюр и педикюр, а ногти покрывали ярко-розовым лаком. Ее познакомили с сауной, но Эми выскочила оттуда, как ошпаренная. Ей показалось, что ее там закроют и она не сможет выйти из этой маленькой жаркой комнаты. Она каждый день плавала в сверкающем закрытом бассейне — Эми научилась плавать в банях Бутла. Перед войной они часто ходили туда с Кэти. Затянувшись в трико, Эми перед завтраком занималась гимнастикой, осваивала йогу, подолгу гуляла с Нелли под непрерывно сеющим дождем. Обычно эти прогулки оканчивались в деревенском пабе «Петух и бык», где они запихивались бифштексами, пирогами с почками и картошкой фри. В «Бабочках» их кормили в основном салатами и вареной рыбой.

В пятницу, когда большинство женщин должны были уехать, а новые отдыхающие приехать, Эми села перед зеркалом в парикмахерской и взволнованно отметила, как она похорошела. С каждым днем она все больше чувствовала, как ее тело откликается на заботу и уход. Ее кожа уже

не была землистой, а веки обвисшими. Эми вновь начинала ощущать свою принадлежность к человеческой расе. В эту самую минуту мастер расчесывала ее волосы, перед этим накрученные на гигантские бигуди. Эми сохранила в тюрьме длинные волосы, сама подстригала их и не обращала внимания на то, что они начинают седеть.

Но сейчас ее волосы подстригли, подкрасили, уложили, и ее прическа стала похожа на ту, какая была у Эми в молодости. Вернулись золотисто-белокурые локоны и завитушки, пусть и не совсем натурального происхождения.

— Я постепенно опять становлюсь собой, — сказала себе Эми. — Если не внутренне, то хотя бы внешне.

Следующие две недели после отъезда Нелли Эми провела лениво и неторопливо. Она завтракала в постели, поздно вставала, много читала, медленно прогуливалась или каталась на велосипеде по окрестностям, почти всегда в одиночестве. Погода улучшилась. Эми посещала косметолога и массажиста, продолжала занятия йогой. Она лежала на полу, раскинув в стороны руки, слушая ласковый голос, увещающий ее расслабить каждую частичку тела, и вдыхая аромат двух десятков мерцающих свечей.

Утром в день отъезда Эми еще раз посетила парикмахерскую. Днем за ней должен был приехать Лео. В пятницу она получала паспорт, а в понедельник они вылетали в Париж.

Лео Паттерсон всегда был обаятельным и необычайно красивым мужчиной, Эми осознавала это со дня их первой встречи, как и тот факт, что его влечет к ней, жене собственного сына. Ей никогда не приходило в голову поощрять его, и если бы Лео начал за ней ухаживать, она пришла бы в ужас и больше никогда не имела бы с ним дела.

Теперь все было по-другому. Барни был мертв, как и Элизабет, которая умерла в одиночестве в своем доме в Калдерстоунсе, построенном из старых кирпичей и старых балок.

Лео навсегда ушел от нее после того, как ее свидетельство против Эми едва не привело к смертному приговору.

Но чувства Эми к Лео не изменились. Он по-прежнему был отцом Барни, и любые отношения между ними, кроме дружеских, показались бы ей кровосмесительными. Тем не менее ей хотелось выглядеть для него как можно лучше, видеть в его глазах восхищение, и она готова была поспорить на что угодно, что таким же образом он влияет почти на всех

женщин.

Эми сидела в комнате отдыха и читала роман, одетая в присланную Кэти черную юбку и белую блузку, когда вошел Лео. Этот мужчина с худощавым лицом и седыми волосами по-прежнему был необычайно привлекателен, хотя ему было уже за семьдесят. Очень немногие пожилые мужчины смогли бы себе позволить (или захотели бы носить) такие узкие джинсы с элегантным серебристо-серым джемпером. Лео послал Эми воздушный поцелуй и остановился, чтобы поговорить с администратором.

— Итак, — тихо произнесла сидящая рядом с ней женщина, — это все-таки оказалось правдой.

С виду она была ровесницей Эми. Ее одежда была очень красивой, а макияж изысканным, но ничто не могло скрыть грусть в ее глазах. Она приехала в «Бабочки» только вчера, и ее звали Одри.

— Прошу прощения?

— У вас все-таки был роман с вашим свекром?

Эми почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

— Ничего подобного не было, — запинаясь, выдавила она.

— Мне все равно, было или не было, — покачала головой женщина. — Помню, как сильно я вами тогда восхищалась. Я читала все, что писали о вас в газетах, и смотрела ролик о вас в кинотеатре.

— Восхищались мной?

— У вас хватило смелости избавиться от ублюдка мужа. А я боялась. Прошло столько лет, а я по-прежнему живу с ним. — Эми не нашлась, что на это ответить. Она впервые в жизни потеряла дар речи. Женщина продолжала: — Вы, похоже, удивлены, миссис Паттерсон. Вот видите, я знаю вашу фамилию, а также то, что вас зовут Эми. У вас была маленькая дочь по имени Маргарита. Если вы не хотите, чтобы вас начали узнавать, вам следует сделать что-нибудь с вашими волосами. На это я обратила внимание в первую очередь.

— Спасибо, — сухо ответила Эми.

Женщина сказала что-то еще, но Эми уже не слышала, потому что к ним подошел Лео и сказал, что Эми выглядит на миллион долларов. Она встала, и он обнял ее.

— Вы не очень торопитесь? — спросила она. — Я посмотрю, свободен ли парикмахер. — Она не хотела, чтобы в нее тыкали пальцами в ресторанах и на улице. Хотя Эми не собиралась скрывать, кто она такая, лишнее внимание было ей ни к чему.

— Я хотела бы сегодня купить себе платье, — сказала она, обращаясь к Лео. Они сидели в открытом кафе на Елисейских полях, пили кофе, разглядывали проезжающие мимо автомобили и слушали нетерпеливые гудки клаксонов. Стоял прелестный майский день, ни теплый, ни холодный и ослепительно солнечный. На Лео были смешные маленькие очки, прославленные Джоном Ленноном, и одним глазом Лео поглядывал в открытую перед ним «Таймс». К этому, более или менее, сводилось их пребывание в Париже — кофе и прогулки по тенистым бульварам. Ах да, еще они ходили по магазинам!

— Ты уже знаешь какое? — поинтересовался Лео.

— Я увидела его вчера в магазине на площади Республики.

— Синее или зеленое? — Его очень интересовало все, что она покупала, так же, как когда-то Барни. Хотя они были в Париже, Эми тратила на одежду почти столько же денег, как если бы была дома. Но все вещи были чуточку более *шикарными*.

— Зеленое... наверное. — Она обнаружила, что с трудом принимает решения. До недавнего времени все решения за нее принимали другие люди, все дни и недели были расписаны на многие месяцы вперед. Все, о чем ей приходилось думать — это какая книга будет следующей или о чем она расскажет в очередном письме. Эми все еще просыпалась по утрам, думая, что находится в тюремной камере. И каждый раз она испытывала неопишемую радость, обнаружив, что на самом деле свободна как ветер.

— Я умираю от желания увидеть Маргариту, — сказала Эми. — Увидеть, как она выглядит на самом деле, а не только на фотографии.

Она просила, чтобы ей приносили по одной фотографии в год, только для того, чтобы эта фотография напоминала ей, что ее дочь уже не пятилетняя малышка, с которой ей пришлось расстаться.

Лео наклонил голову, и очки съехали на кончик носа.

— На фотографии, где ей двадцать один год, она получилась особенно хорошо.

— Она там ужасно симпатичная, — нежно произнесла Эми. У нее были фотографии первого причастия Маргариты, миропомазания, фотография, сделанная в день, когда ее дочь окончила учительский колледж. Когда Маргарита изъявила желание стать учителем, ее карьерой занялась Кэти.

За соседним столиком расположилась юная пара. Парень с девушкой немедленно обвили друг друга руками и начали целоваться. Официант подошел и замер с легкой улыбкой возле их столика, ожидая, пока они закончат. Они сделали заказ, проникновенно посмотрели друг другу в глаза и поцеловались еще раз.

Наблюдая за ними, Эми испытала укол зависти.

— Барни когда-то предложил после окончания войны провести наш медовый месяц в Париже, — вздохнула она. Если бы она была сейчас с Барни — прежним Барни, — они тоже могли бы сидеть на Елисейских Полях и целоваться. — Но вернувшись домой из лагеря для военнопленных, он был уже не в настроении проводить медовый месяц где бы то ни было. — Эта мысль напомнила ей о домике, в котором они когда-то жили, и Эми спросила у Лео, что с ним стало.

— Вы его всего лишь арендовали, и я понятия не имею, кто в него въехал после вас.

Вскоре Эми предстоит подыскивать себе жилье. Впервые в жизни ей придется жить одной. И ей будет уже недостаточно того, что она находится на свободе. Через несколько дней ей исполнится пятьдесят, и необходимо решить, как распорядиться остатком своей жизни.

Эта идея принадлежала Лео. Эми появится на вечеринке, на которой соберутся Паттерсоны, Карраны и Кэти Бернс, преподнеся сюрприз всем сразу.

— Мне это кажется несколько театральным. — Ей эта идея не очень понравилась. — Так ли необходимо удивлять их? Почему нельзя просто сказать им, что я тоже приду?

— Это будет совсем не то. Ну же, Эми, — начал уговаривать он, — я люблю преподносить людям сюрпризы.

Чтобы сделать приятное Лео, который в течение стольких лет был рядом с ней, оказывая ей всяческую поддержку, Эми согласилась. Она купила в «Галлери лафайет» простое черное облегающее платье, заплатив за него в пять раз больше, чем за все свои остальные наряды. У платья был высокий воротник и длинные рукава, а тонкая ткань облегла все изгибы ее стройного тела.

На следующий день они вылетели домой. Париж остался позади, отпуск закончился.

Эми стояла в женском туалете отеля «Карлайл» в Саутпорте. Это был очень волнующий момент. Через минуту она выйдет и станет ждать, пока официант не подойдет и не сообщит ей, что мистер Паттерсон заказал шампанское. Это будет означать, что ей пора направиться к его столику. Эми знала, где находится этот столик, но видела его только издали.

Ее нос блестел. Она припудрила его, заново накрашила губы, поправила короткие каштановые волосы. Действительно ли это так важно — во время

первой встречи с дочерью быть похожей на кинозвезду? «Для меня важно, — подумала Эми. — Я всегда следила за своей внешностью, может быть, даже чересчур. Но такая уж я».

Она подошла к двери и подняла руку, чтобы отворить ее, но вдруг испытала желание, от которого у нее перехватило дыхание. Чего она хотела больше всего, хотела каждой клеточкой своего тела, хотела так сильно, что это желание быстро превратилось в боль, так это чтобы когда она во всем своем великолепии откроет эту дверь, за ней ее ожидал Барни, пятидесятидвухлетний и, как всегда, красивый, Барни в своем лучшем костюме.

— А вот и ты, любимая, — скажет он, протягивая ей руку. — Выпьешь чего-нибудь перед обедом?

Но это было неисполнимое желание. Теперь Эми дрожала, и ее сердце колотилось. Она вышла из туалета, и к ней тут же приблизился официант.

— Вы готовы, мадам?

Эми кивнула и проследовала за ним через весь зал, туда, где сидела ее дочь с молодым человеком по имени Роб, которого Лео еще ни разу не видел.

Вот она, Маргарита, так похожая на Барни, с гладкой кожей и темно-каштановыми волосами. У нее было тихое лицо. Может ли лицо быть тихим? Затем Маргарита подняла голову и поймала ее взгляд.

— Привет, малышка, — сказала Эми; дочь бросилась в ее объятия и разрыдалась, а Эми приговаривала: — Будет тебе, будет. Не плачь, малышка, я уже дома.

Через несколько дней Эми отправилась в «Аделфи» обедать с Хэрри, а Чарльз повез ее вещи к Кэти, у которой она намеревалась некоторое время пожить. Брат Барни и в былые времена одевался безупречно. Сегодня на нем был светло-серый костюм, белая рубашка и серебристый галстук. Более всего он походил на дружелюбно настроенного банковского служащего или адвоката. Трудно было поверить, что когда-то Хэрри был солдатом, который мужественно сражался всю войну. Они впервые остались наедине.

Он сказал, что она выглядит сногшибательно.

— Я думал, у тебя будут ввалившиеся глаза, как у Сюзан Хейворд в фильме «Я хочу жить». Ты его видела?

— Если ты о фильме, в котором героиня попадает в тюрьму, то нет, Хэрри, я его не смотрела, потому что сама была в тюрьме. Кажется, в конце ее отправляют в газовую камеру?

— Да, — уныло ответил он. — А я, кажется, только что попал впросак.

— Да, но это ничего. — Эми одарила его всепрощающей улыбкой.

— Как ты находишь свою дочь? — спросил он.

— Она прелесть. Думаю, в конце концов Маргарита решила, что я ей скорее нравлюсь. Я ожидала холодности, безразличия, может быть, даже грубости, но она была очень мила, разве что несколько застенчива.

— Учитывая обстоятельства, было бы жестокой иронией, если бы она повела себя иначе, — фыркнул Хэрри.

— Хэрри, милый, Маргарита думает, что я убила ее отца, — терпеливо напомнила ему Эми.

— Да знаю, знаю. Но ей также известно, что у тебя были смягчающие обстоятельства.

— Независимо от обстоятельств, убийство — это из ряда вон выходящий поступок, особенно если речь идет о твоём муже. — К ним подошел официант и забрал их тарелки. Эми надеялась, что он не услышал ее последней реплики.

— Как ты думаешь, Маргарита может когда-нибудь вспомнить о том, что это сделала она?

Эми содрогнулась.

— Я молю Бога, чтобы она никогда об этом не вспомнила. Но если это все же произойдет, надеюсь, к этому времени она уже выйдет замуж за своего замечательного бойфренда с прелестным маленьким сынишкой. — Почему-то Гари с его невинными глазами и простодушным характером тронул Эми больше всего остального со времени ее возвращения.

Остаток обеда Хэрри посвятил разговорам о Кэти.

— Жаль, что я так редко с ней виделся, — сказал он и опять приуныл.

— Почему бы тебе не пригласить ее на свидание? Ты можешь сделать это, когда вы увидите в следующий раз. — Он уже много лет вздыхал о Кэти, с тех самых пор, как они познакомились в Саутпорте.

Хэрри с несчастным видом шмыгнул носом.

— Она не захочет иметь ничего общего с таким чудаковатым старикашкой, как я.

— О господи, Хэрри! Тебе всего пятьдесят пять. Ты не такой уж и древний.

— Вообще-то мне пятьдесят четыре, — быстро возразил он.

— Значит, ты еще менее древний. — Эми подавила желание стукнуть его ложкой. — Из ресторана мы возвращаемся к Кэти, и ты мог бы этим воспользоваться и пригласить ее.

— Посмотрим.

Она проснулась посреди сна, который не могла вспомнить. Помнила только, что это был один из тех тяжелых и грустных снов, после которых все кажется безрадостным и безнадежным. Было всего без четверти шесть. Эми лежала в постели и тихонько плакала, не желая беспокоить Кэти, которая вскоре встала, приняла душ, постучала в дверь ее комнаты и окликнула подругу.

Эми не ответила. Она слышала, как Кэти готовит чай, и боялась, что ей придет в голову принести чашечку наверх и угостить ее. Но Кэти, видимо, решила не беспокоить подругу. Внизу включилось радио, и Эми заплакала по-настоящему, безудержно всхлипывая в подушку. Она считала, что держится просто отлично, более того, даже гордилась собой. Эми осталась довольна вчерашней беседой с Хэрри. Ее вежливые высказывания звучали к месту и были не лишены юмора. Но то было вчера, а это сегодня, и Эми чувствовала себя настолько подавленной, как будто дальнейшее существование лишено смысла.

Это было очень глупо, но ей захотелось, чтобы возле нее оказался Гари, чтобы он сидел в ногах кровати, смотрел на нее своими зелеными глазами и рассказывал о своих «трубочках» с красками и о коте, который жил у него в Уганде. Ему столько же лет, сколько было Маргарите, когда Эми упрятали в тюрьму, и мальчик заставил ее почувствовать, как много она пропустила.

У нее еще есть время, чтобы стать учителем?

Это была такая возмутительно идиотская идея, что Эми перестала плакать и истерически засмеялась. О да, она будет нарасхват. Из человека, отбывшего срок за убийство, получится прекрасный учитель.

Похоже, она выплакалась — до следующего раза. Эми надела сиреневый халат, подаренный ей Нелли, и спустилась вниз.

— А вот и ты! — Кэти каждый раз испытывала удовольствие от одного ее вида. Лучшей подруги нечего было и желать.

— Почему ты не в школе? — поинтересовалась Эми.

— Потому что сегодня суббота, и чуть позже мы с тобой едем в город. Разве ты забыла? Ты хотела купить футболку «Эвертона» для Гари. Хочешь чая?

— Несколько чашек, пожалуйста. — Ей уже стало лучше. Дело было не только в Кэти, но и в их планах пройтись по магазинам. Эми проследовала за подругой в кухню. — Я, пожалуй, куплю себе еще одну сумку. У меня всего одна.

— Я бы тоже не отказалась от новой сумки. Моей уже сто лет.

— Я куплю тебе сумку, — пообещала Эми.

— Я могу сделать это сама, — запротестовала Кэти.

— Даже если бы я купила сумку, сделанную из чистого золота, этого все равно было бы недостаточно, чтобы отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала, Кэти, — дрогнувшим голосом произнесла Эми.

— Только сопли распускать не надо мне тут, леди. — Кэти явно испытывала неловкость.

Эми взяла себя в руки. Надо быть осторожней, иначе она опять расплачется.

Дождь шел почти все время, пока они были в городе. Подруги перебежками перемещались из магазина в магазин — из «Льюиса» в «Оуэн-Оуэнс», из «Оуэн-Оуэнса» в «Джордж Генри Ли», где они сделали остановку и пообедали. У Эми из головы не шла Маргарита, которая сегодня должна была встретиться со Стивеном Конвэем. Женщина надеялась, что у ее дочери есть голова на плечах. Эми поделилась своими опасениями с Кэти, которая заверила ее, что голова на плечах Маргариты сидит крепко.

— Она благоразумная девушка. Перестань волноваться.

— Ничего не могу с собой поделать. Надеюсь, Роб не узнает о том, что Маргарита пошла на встречу с другим мужчиной. Может быть, мне следовало поговорить с ней перед свиданием со Стивеном? Я позвоню нашему Чарли.

— Ты только посмотри на нее! — прикрикнула на подругу Кэти. — И пяти минут не провела дома, как уже вмешивается в дела дочери.

— Ну ладно, я не буду звонить.

Эми ничуть не удивилась, когда вскоре после чая заявили Лео и Хэрри — теперь они делали это почти каждый вечер. Хэрри до сих пор так никуда и не пригласил Кэти.

— Чем вы все занимались, пока я не вернулась домой? — спросила Эми.

Лео ответил, что поскольку сегодня суббота, он был бы в клубе «Ротари».

— Там по субботам обычно устраивают нечто вроде вечеринки.

Хэрри сказал, что он подпирал бы бар в своем гольф-клубе, вдоволь наигравшись за день.

— Под дождем? — подняла брови Эми.

— Особенно под дождем. *Настоящие* игроки предпочитают играть,

когда идет дождь.

Кэти, которая в это время ставила на проигрыватель долгоиграющую пластинку Фрэнка Синатры, заявила, что, если бы Эми здесь не было, она пошла бы с подругами в театр.

— У меня полно друзей, которых я совсем забросила с тех пор, как на сцене появилась ты, Эми Паттерсон.

— Очень скоро ты нам станешь поперек горла, — предостерег Эми Лео. — Ты будешь умолять, чтобы мы приехали и скрасили твоё одиночество.

Эми вынуждена была признать, что так бы, наверное, и было.

Позже она предложила пригласить в гости Роба и Гари. Ей не терпелось поскорее вручить малышу футболку «Эвертона».

— У тебя есть номер их телефона? — спросила она у Кэти.

Кэти их номера не знала, зато знала, что Роб живет у сестры в Сифорте. В телефонном справочнике они разыскали номер некоей Э. Финнеган, проживающей на Сэнди-роуд, и удивленный Роб пообещал скоро приехать.

— Что, если Маргарита вернется со Стивеном Конвзем, а Роб все еще будет здесь? — спросила Кэти.

— О боже! Я об этом не подумала! Но Стивен сегодня вечером играет в «Каверне», так что к тому времени будет уже слишком поздно, и Роб наверняка уедет.

Гари переполняли впечатления от фильма, на который они ходили — «Набалдашник и метла». Эми сказала, что название звучит интригующе. Потом они с папой ужинали в «Уимпи».

— Я заказал булочку с рубленным бифштексом и соусом, — сообщил мальчик, — и тонко порезанную жареную картошку, а еще розовое мороженое.

— Я бы тоже не отказалась от такого ужина.

— Мой папа поведет тебя туда на следующей неделе, если хочешь, — расщедрился малыш. — Мы же тогда еще не уедем в Канаду, правда, папа?

— Нет, сынок. Мы еще не скоро уедем. — Роб обернулся к остальным. Его лицо светилось: он собирался им сообщить хорошую новость. — Сегодня утром я получил письмо, — пояснил он. — От одного парня, с которым я работал в Уганде. Его отец приобрел завод на острове Ванкувер, и они хотят видеть меня в качестве начальника службы безопасности. Я приступаю к работе в августе.

Раздался хор поздравлений. Лео пожал Робу руку и похлопал его по

плечу. Эми спрашивала себя, что это будет означать для Маргариты. Захочет ли Роб, чтобы она поехала с ним? Поедет ли она, если он захочет? Или она уже решила, что мужчина ее мечты — Стивен? Или ей неинтересны оба?

Эми вручила Гари футболку.

— Большое спасибо, Эми! — торжественно поблагодарил он и безотлагательно принялся натягивать футболку на себя. Эми помогла ему, и мальчик спросил, нельзя ли ему поиграть в саду.

— Там идет дождь, милый.

— Нет, уже вышло солнце.

— В самом деле! — Она взяла его за руку. — Тогда пошли.

Сад Кэти представлял собой вымощенную площадку, окаймленную небольшими деревьями и кустарниками. Эми принесла для себя из гаража складной стул и стала наблюдать за тем, как Гари бьет по невидимому мячу и забивает уйму голов в невидимые ворота.

Земля пахла свежестью, а на булыжниках появились сухие пятнышки, которые разрастались на глазах. Солнце было огненно-красным, а в голубом сумеречном небе не было ни облачка. Мир вокруг стал другим, совсем не таким, как днем, и никто не мог радоваться этой перемене больше Эми, так же, как не мог острее, чем Эми, воспринимать цвета, запахи и чудесный вкус свободы.

Роб и Лео вышли в сад, и она показала им, где взять стулья. Кэти сделала музыку погромче (к этому времени Тони Беннетт успел сменить Фрэнка Синатру) и тоже вышла из дома в сопровождении Хэрри. Эми удивилась, когда они начали танцевать. Кэти смеялась не переставая.

Приехал Чарли. Он выглядел слегка обиженным из-за того, что они без него так хорошо проводят время.

— Ты же знаешь, тебе здесь всегда рады, Чарли, — сказала ему Кэти. — Тебе незачем ждать приглашения. Где Марион?

— Занята, — пожал плечами Чарли.

Гари сказал, что он устал, поэтому Эми усадила его к себе на колени и уткнулась лицом в голубые цвета «Эвертона». Ему срочно нужна была мама.

Затем, совершенно внезапно и намного раньше, чем ожидалось, появилась Маргарита. Она обошла дом снаружи и остановилась у входа в сад. Эми затаила дыхание. У нее появилось чувство, что сейчас произойдет что-то очень важное. И что-то важное действительно произошло.

Роб встал и подошел к ее дочери, и пока он шел, глаза Маргариты светились. Маргарита и Роб обнялись, и он что-то прошептал ей на ухо.

Маргарита тоже шепотом ему ответила, и Эми поняла, что все будет хорошо.

Три свадьбы.

Свадьба Кэти была первой. На невесте было платье из голубого кружева и широкополая шляпа, вся в цветах и фруктах. Хэрри был в костюме песочного цвета. Они зарегистрировали свой брак в мэрии, потому что Кэти считала обычай устраивать свадьбу в католической церкви устаревшим. Пришли четыре ее сестры и пятеро братьев со своими супругами и значительной частью тех двадцати четырех детей, которые у них всех родились. Это был триумф феминизма, размышляла Эми. Невеста сделала предложение жениху. Сразу после свадьбы пара отправилась в круиз вокруг света. Временная директриса должна была исполнять обязанности Кэти до ее возвращения.

Эми не знала, как расценить брак Хильды Доули и Клиффорда Томпсона — как еще больший триумф феминизма или как полное попрание прав женщины. Насколько она поняла, Клиффорд женился на Хильде, чтобы обрести крышу над головой, а она выходила за него замуж, чтобы заполучить титул «миссис». Ах да, еще она ожидала ребенка, но Клиффорд об этом не знал!

Маргарита и Роб поженились в последнюю неделю июля. Эми на всю жизнь запомнит, как ее прелестная дочь, опираясь на руку Чарли, шла к алтарю, где ее ждал Роб, чтобы взять ее в жены. Это зрелище заставило Эми забыть обо всем, что ей пришлось пережить: об утрате свободы, о перенесенных несчастьях, об обрушившемся на нее позоре, о стыде за преступление, которого она не совершала.

У Маргариты и Роба не было медового месяца, потому что до отъезда в Канаду совсем не оставалось времени. Вместо этого по окончании приема молодые вместе с Гари вернулись в дом Кэти (где в одиночестве жила Эми), чтобы провести в нем свои последние несколько дней в Англии.

И теперь у дома их ожидало такси: настало время отъезда. Лео, Чарли и Марион приехали с ними попрощаться. Мужчины пожали друг другу руки и быстро обнялись. Гари метался между провожающими, требуя поцелуев, особенно от Эми, которую он очень полюбил. Маргарита крепко обняла Марион, а затем Чарльза, после чего он увел свою безудержно рыдающую жену в дом.

Почему мы так поступаем друг с другом? — спрашивала себя Эми. Почему бы нам всем не поселиться под одной крышей и никогда не расставаться?

Маргарита попрощалась с дедушкой.

— До свидания, дорогая, — мрачно ответил Лео.

— Мама... — от этого слова у Эми едва не потекли слезы, но Маргарита и без того уже плакала навзрыд. — Мама, ты так недавно ко мне вернулась, а я уже уезжаю.

— Но мы увидимся на Рождество, моя маленькая. Мы все опять встретимся. Не надо плакать.

— До свидания, мама.

— До свидания, моя хорошая.

Роб усадил свою молодую жену в такси, где их уже ожидал сияющий Гари.

— Я не хотела, чтобы она плакала, — вздохнула Эми, провожая взглядом отъезжающее от дома такси. — Я не хотела, чтобы она плакала, во всяком случае, так сильно.

— Эми, дорогая, — покачал головой Лео, — после того, что ты сделала для Маргариты, она могла бы пролить море слез, и все равно этого было бы недостаточно.

ЭПИЛОГ

Январь 1972 года

Миссис да Силва

Вид был изумительный, красивый до неправдоподобия, но у Эми от него закружилась голова. Это было чересчур. Под ней раскинулись бескрайние просторы, все было видно на сотни миль вокруг. Тем не менее нигде не было ни одного человека, только безбрежный океан, постепенно меняющий цвет со сверкающе-серебристого на кроваво-красный, словно лучи заходящего солнца.

Эми поудобнее устроилась в своем кресле. Гул самолетного двигателя одновременно тревожил и успокаивал. Это был ее второй полет на самолете, и она находилась на волосок от паники. Эми сконцентрировалась на расстилающейся внизу панораме, но от этих необозримых далей сердце учащенно забилось, и ее начало подташнивать.

Небо было похоже на палитру художника. Цвета переходили друг в друга, становясь светлее, ярче, приглушеннее, темнее. Солнце таяло подобно золотому желе, его форма поминутно менялась. Эми хотелось закрыть глаза и не смотреть на ужасающее великолепие этого зрелища, но ее останавливала мысль о том, что, возможно, она больше никогда в жизни не увидит ничего подобного. На фоне этого великолепия она сама себе казалась очень маленькой и незначительной, крошечной песчинкой, летящей вокруг земного шара.

Затем, совершенно внезапно, солнце исчезло, как если бы нетерпеливый Бог решил прекратить эту канитель и вмешался, резким движением смахнув светило за горизонт. Эми ахнула, пораженная внезапностью, с которой в ее части света наступила ночь. Лишь серебристый отсвет указывал на то место, где за мгновение до этого находилось солнце. Но затем исчез и он, и остались лишь темное небо и темная вода, без малейшего намека на то, что может быть как-то иначе.

Сидящий рядом с Эми мужчина легонько подтолкнул ее локтем.

— Она спрашивает, будете ли вы что-нибудь пить, — сказал он. У него был канадский акцент.

Хорошенькая стюардесса ожидала ответа Эми.

— Чашку чая, пожалуйста, — сказала она и наконец позволила векам опуститься.

Стоял январь, и она возвращалась домой из Канады. Роскошный закат стал достойным финалом четырех изумительных недель. Она встретилась со своими сестрами, а также с их мужьями и детьми, впервые за двадцать лет. Со времени переезда в Канаду Джеки родила еще двоих детей, а Бидди одного. Эми погостила неделю у Джеки и неделю у Бидди, а затем переехала в отель, чтобы быть поближе к Маргарите, которая ожидала ребенка, к Робу, Гари и Лео. К всеобщему изумлению, Чарли удалось убедить Марион присоединиться к ним. Кэти и Хэрри прервали свое кругосветное турне и прилетели из Новой Зеландии.

Эми почти готова была признать, что двадцать лет в тюрьме стоили головокружительных месяцев, последовавших за ее освобождением. Поездка в Ванкувер стала их кульминацией. Так много взлетов после лет, наполненных пустотой, так много любви.

Было похоже на то, что перед смертью, или даже перед отъездом девчонок в Канаду, мама рассказала им правду о смерти Барни. Любовь сестер к Эми не уменьшилась, они как будто понимали, что она вынуждена была убить своего мужа, и это было ужасно, потому что Барни не заслуживал смерти. Но существовало кое-что еще, — то, как они на нее смотрели: с пониманием, восхищением и большей любовью, чем она заслуживала бы, если бы была виновна в таком жестоком преступлении.

Сосед Эми еще раз подтолкнул ее.

— Ваш чай.

Он опустил маленький столик, закрепленный на спинке переднего сиденья, чтобы стюардесса могла поставить на него поднос с чаем.

— Спасибо. — Эми улыбнулась им обоим, на самом деле ничего перед собой не видя. Она отвернулась и уставилась в окно, за которым было так темно, что невозможно было что-либо разглядеть. Но она не хотела отвлекаться и позволять впечатлениям от путешествия постепенно рассеиваться.

О боже! Теперь она думает о Барни. Если она сейчас же не выбросит эти мысли из головы, то расплачется, и все пассажиры будут на нее тарашиться. Давно пора отпустить его, перестать о нем думать, перестать сожалеть, что его нет рядом. Не представлять, как бы он сейчас выглядел, не вспоминать его улыбку, не размышлять о том, что он мог бы сказать. Все это было для нее таким реальным, что она даже знала, что ему ответить.

Канун Нового года, наступившего неделю назад, был веселым и одновременно грустным. Эми казалось, что все ощущали одно и то же: что эта встреча запомнится им на всю жизнь, что маловероятно, что они еще когда-нибудь соберутся вместе — все Карраны и все Паттерсоны. Эту встречу тоже трудно было организовать. Марион пришлось отпрашиваться с работы, Маргарите нелегко будет путешествовать с маленьким ребенком, Лео был уже стар, Хэрри предстояло руководить компанией, а у Кэти была ее школа.

Вне всякого сомнения, Эми еще вернется. Она провела неделю в уютном домике Маргариты на острове Ванкувер. Весной у Маргариты должен родиться ребенок, и Эми пообещала, что будет рядом с ней. А Джеки и Бидди обязательно приедут в Ливерпуль в гости к сестре, как только она подыщет себе дом. До тех пор она будет жить вместе с Кэти.

Это была изумительная поездка. Но она уже закончилась, и Эми казалось, что она этого не переживет.

Женщина потянулась к чашке с чаем, но ее рука так дрожала, что чай расплескался на блюдце. Эми быстро поставила чашку обратно.

— Вы хорошо себя чувствуете? — Сосед положил руку на ее локоть. Эми взглянула на него. У него было мужественное лицо, седеющая борода, короткие, остриженные «под ежик» волосы и очень темные серые глаза, выражение которых заставило ее предположить, что их обладатель находит жизнь довольно занятой штукой.

— Да. Но почему же мне так грустно? Почему все самое хорошее непременно должно заканчиваться? — Ее глаза наполнились слезами.

— Чтобы могло произойти нечто еще более замечательное, — ласково ответил он.

Она чуть не рассмеялась.

— Это очень толковый ответ!

— У меня есть толковые ответы на все вопросы. — Мужчина посмотрел ей в глаза, как будто заставляя ее заметить его, взглянуть на него повнимательнее.

— Меня зовут Фрэнк да Силва. А вас?

Примечания

1

«Ф.У. Вулворт» — английский филиал американской торговой компании; владеет однотипными универсальными магазинами во многих городах Великобритании. Основан в 1909 г. (*Здесь и далее прим. перев.*)

2

«Микки Финн» — любой крепкий спиртной напиток, смешанный со снотворным или слабительным (с целью введения в бессознательное состояние или причинения физических неудобств).

3

Дада Уме Иди Амин (1925–2003) — президент Уганды (1971–1979); генерал, а затем фельдмаршал угандийской армии.

4

Дюны в Формби, близ Ливерпуля, относятся к числу британских природных достопримечательностей.

5

Маленькие курортные города на северо-западе Англии на побережье Ирландского моря.

6

Воротник «Питер Пэн» — плотно прилегающий к шее отложной воротник со скругленными концами.

7

Городок в Центральной Англии.

8

Шанди — смесь обычного пива с имбирным или с лимонадом.

9

Первая мировая война.

10

Фении — члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

11

В Британии во время войны 6,5 млн. женщин служили в действующей армии, в войсках Женской вспомогательной территориальной службы, Женской королевской морской службы и Женских вспомогательных воздушных сил. Была разработана военная форма синего цвета для женщин. На действительной военной службе и в войсках ПВО женщины носили мужскую военную форму цвета хаки.

12

«Свадебный марш» Р. Вагнера.

13

Имеется в виду пестрый рисунок, часто в американском стиле. Первоначально такие изделия изготавливали на острове Фэр-Айл.

14

Гуркхи — непальское племя.

15

Этот рекорд не побит до сих пор.

16

Чемпион мира 1966 года, игравший в составе сборной Англии.

17

«Гранд нэшнл» — дословно — великие национальные (скачки). Крупнейшие скачки с препятствиями; проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

18

«Да, мой господин» (нем.).

19

Замужняя подружка невесты.

20

Королева Шеба — калька с английского; в русской традиции этот библейский персонаж именуется царицей Савской.

21

Произведение английского композитора Ричарда Аддинселла (1904–1977).

22

Королевская военная академия.

23

По-английски «келья» и «камера» звучат и пишутся одинаково — cell.

24

Sauerkraut — капуста (*нем.*).

25

Щеголь, денди (по имени Р. Бруммея, лондонского модельера первой половины XIX века, носившего прозвище Красавчик Бруммель).

26

Большое спасибо (*нем.*).

27

Исторический роман Чарльза Диккенса.

28

«Власть цветам» — кредо «людей-цветов» (flower people), считавших, что преобразить общество можно с помощью проповеди «всеобщей любви» и духовной чистоты, символом которой являются цветы, а не путем политической и экономической борьбы.

29

Начинка для пирога из изюма, яблок, миндаля, сахара, цукатов и пр.

30

6 июня 1944 года.

31

Речь идет о так называемой «битломании», периоде всемирной популярности ливерпульской группы «Битлз», начинавшей свои выступления в клубе «Каверн» в Ливерпуле.

32

Около 175 см.

33

«Маргарита» в переводе с латыни означает «жемчужина».

34

До свидания (*нем.*).

35

От англ. new look — новый взгляд.

36

Солиситор — адвокат, дающий советы клиенту, подготавливающий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции.

37

Барристер — адвокат, имеющий право выступать в высших судах; отличается от обычного адвоката тем, что не ведет дело с самого начала, а получает все материалы незадолго до суда.

38

Ассизы — выездные сессии суда присяжных. Созывались в каждом графстве не меньше трех раз в год; дела слушались представителями Высокого суда.

39

Выше тридцати восьми градусов по Цельсию.

40

«Доброе старое время» — шотландскую песню на слова Роберта Бернса (1759–1796) по традиции поют на прощание в конце праздничного обеда или митинга.

41

Джон Констебль (1776–1837) — известный английский художник.